

СОЧИНЕНІЯ
И. С. НИКИТИНА.

ТОМЪ I.

ОТРИСКИ ВЪЗГЛЯДОВЪ И СЪВѢЩАНІЙ.

Влад. Куклинъ

СОЧИНЕНІЯ И. С. НИКИТИНА

съ

ЕГО (ПОРТРЕТОМЪ, FAC-SIMILE

и)

БІОГРАФІЕЙ,

СОСТАВЛЕННОЙ РЕДАКТОРОМЪ ИЗДАНІЯ

М. Ѳ. де-Пуле.

ТОМЪ I.

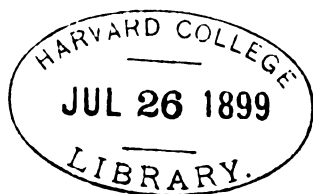
ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА.

изданіе книгопродавца-издателя Клавдія Кузьмича Шамова,
въ Москвѣ на Бол. Грузинской ул., въ собств. домѣ.

1896.

Slav 4348.3

Pierce fund

Типографія М. Г. Волчаннинова, Кудринская ул., д. Кирѣевоѣ, и Русская Типо-
Литографія, Москва. Тверская, домъ бывш. Гинцбурга.

1921
44-49
18

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

(Къ 4-му изданію).

Въ дѣлѣ изданія „Сочиненій И. С. Никитина“ не посчастливилось съ самаго начала. Первое посмертное изданіе поэта было предпринято и напечатано въ Воронежѣ въ 1869 году. Уже само мѣсто изданія—провинціальный городъ—указывало на возможность пропусковъ, которые потомъ и явились въ немъ, къ неудовольствію весьма многихъ читателей, хорошо знавшихъ Никитина полного, не урѣзаннаго цензурой. Эти урѣзки были приписаны ими первому издателю, а отъ него, какъ бы по наслѣдству, были перенесены и на второго.

Слѣдующія два изданія „Сочиненій И. С. Никитина“ были сдѣланы нами въ Москвѣ, въ 1878 и въ 1883 гг.: но, къ сожалѣнію, Никитинъ опять явился въ неполномъ видѣ. Принимая на себя часть вины въ такой неполнотѣ и не желая утомлять читателя, ради своего оправданія, пространными объясненіями, указываемымъ только на одно обстоятельство, противъ котораго мы ничего не могли сдѣлать. Первый издатель Никитина (А. Р. Михайловъ) умеръ еще въ началѣ 70-хъ годовъ; мы не имѣли никакой возможности узнать: цѣлы ли и гдѣ находятся тѣ рукописи, которыя онъ посылалъ въ цензуру и по которымъ печаталъ Никитина въ одной изъ воронежскихъ типографій? эти, необходимыя для полноты изданія, рукописи отыскились только въ самое послѣднее время,

когда мы уже задумали четвертое (а наше—третье) издание Никитина: такимъ образомъ неполнота прежнихъ изданій, во всякомъ случаѣ, зависть не отъ однихъ насъ. Какъ то ни было, но мы очень рады, что намъ удалось установить полноту въ изданіи произведеній такого поэта, какимъ былъ покойный И. С. Никитинъ. Жальемъ, что это случилось поздно, но лучше поздно, чѣмъ никогда...

Право на издание сочиненій Никитина приобрѣтено нами на весь срокъ, опредѣленный закономъ для авторской собственности. Возстановивъ иолноту текста въ настоящемъ изданіи, мы не упустили изъ вида и того, чтобъ оно и въ другихъ отношеніяхъ вполнѣ было достойно имени поэта, симпатіи къ которому не перестаютъ возрастать въ нашемъ обществѣ. Въ этомъ отношеніи мы нашли дѣятельную помощь со стороны біографа и душеприказчика Никитина, которому принадлежитъ редакція настоящаго изданія.

Книгопродавецъ-Издатель

Клавдій Шамовъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

(Къ 4-му изданію).

Стихотворенія И. С. Никитина при жизни его были изданы два раза. Первое изданіе, содѣланное графомъ Д. Н. Толстымъ (Знаменскимъ, какъ онъ потомъ подписывался подъ своими статьями, вышло въ Петербургѣ, въ 1856 году (въ типографіи Г. Бенике). Второе изданіе было напечатано черезъ три года, тамъ же (въ типографіи Карла Вульфа), на средства, предложенныя В. А. Кокоревымъ, почему мы и называемъ его Кокоревскимъ; оно печаталось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Н. И. Второва, жившаго тогда въ Петербургѣ. Предпринимая это изданіе, Никитинъ, какъ это видно изъ его біографіи, очень много трудился надъ составомъ вышедшей въ 1859 году книжки: ему хотѣлось, чтобы она была достойна имени издателя и чтобы скорѣе окупила издержки, употребленныя для выхода ея въ свѣтъ. Вотъ почему Кокоревское изданіе должно считаться главнымъ, основнымъ, для дальнѣйшихъ, посмертныхъ изданій Никитина. Такъ и взглянулъ на это редакторъ 1-го посмертнаго изданія (Михайловскаго), Н. П. Курбатовъ, отдавъ предпочтеніе тексту Кокоревскаго изданія предъ Толстовскимъ, хотя взглядъ этотъ

VIII

и не вполне выдержанъ имъ на дѣлѣ. Отъ этого основнаго взгляда не уклонилась и редакція двухъ послѣдующихъ изданій (Б. К. Шамова), но оставивъ безъ измѣненія размѣщеніе піесъ, находившихся въ Михайловскомъ изданіи.

Въ текстъ настоящаго, четвертаго, изданія сочиненій Никитина вошло: а) всѣ стихотворенія, помѣщенные въ Кокоревскомъ изданіи; б) все, что осталось не передѣланнымъ въ Толстовскомъ; с) что было помѣщено Никитинымъ въ періодическихъ изданіяхъ послѣ 1858 года и д) большая часть изъ того, что было потомъ найдено Курбатовымъ (давно умершимъ). Все же остальное, — Наприм., стихотворенія Толстовскаго изданія, подвергшіяся авторской передѣлкѣ — отнесено къ примѣчаніямъ. Полнотою этихъ послѣднихъ Михайловское изданіе отличается отъ двухъ позднѣйшихъ и отъ настоящаго. Конечно, полнота не порокъ, и для людей, близко знавшихъ Никитина, варианты его стихотвореній могутъ быть очень любопытны; но этого нельзя сказать о большинствѣ читателей, которыхъ мало занимаютъ библиографическія замѣтки къ стихотвореніямъ даже такихъ поэтовъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Вотъ почему въ настоящемъ изданіи Примѣчанія къ стихотвореніямъ Никитина сокращены еще больше, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ.

Не одною полнотою Примѣчаній, но и полнотою состава отличается Михайловское изданіе. въ него вошло двадцать пять стихотвореній, еще не бывшихъ въ печати. Но, къ сожалѣнію, полнота эта сдѣлана въ ущербъ литературному достоинству стихотвореній Никитина: нѣкоторыя изъ этихъ, вновь найденныхъ, стихотвореній такъ слабы, что самъ поэтъ никогда не рѣшился бы ихъ напечатать. Рѣшившись не выбрасывать уже напечатанныхъ піесъ, мы помѣщаемъ слабѣйшія изъ нихъ въ особомъ Приложеніи къ 1-му тому.

„Кулакъ въ первоначальной редакціи, до сихъ поръ печатавшійся въ текстъ 1-го тома, мы также отнесли въ Приложение ко 2-му тому, въ текстъ котораго напечатана эта поэма, въ ея, давно известной, редакціи вышедшей собою книжкою въ Москвѣ, въ 1858 г. (въ типографіи Каткова и К^о). Мы сдѣлали это просто для удобства читателей, чтобы дать желающимъ изъ нихъ почти наглядную возможность (en regard) сравнить объ редакціи и судить о каждой. Эта начальная редакція поэмы вполне заслуживала пзданія въ свѣтъ. Никитинъ очень долго защищалъ ее отъ критическихъ нападокъ нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей и если сдѣлалъ въ ней потомъ значительныя перемѣны, то приступалъ къ нимъ не всегда охотно,—и порою бывалъ правъ!

Прежній порядокъ размѣщенія стихотвореній оставленъ нами безъ перемѣны, т. е., хронологическая послѣдовательность удержана нами только для лирическихъ піесъ, крупныя же произведенія автора собраны вмѣстѣ и помѣщены во 2-мъ томѣ.

Портрету Никитина также не посчастливилось, какъ и изданіямъ его сочиненій. Не только въ прежнихъ трехъ изданіяхъ, но раньше и послѣ ихъ (какъ, напр., недавно въ „Нивѣ“), портретъ этотъ являлся положительно въ каррикатурномъ видѣ. Всѣ эти портреты безспорно напоминали Никитина, но то чѣмъ-то, какъ бы, перепуганнаго, то какъ будто находившагося въ положеніи человека, котораго начинаетъ пробирать лихорадочная дрожь. Впрочемъ надобно правду сказать, всѣ эти портреты воспроизводились съ весьма неудачныхъ (въ смыслъ сходства) оригиналовъ. Изъ всѣхъ фотографическихъ портретовъ Никитина, снятыхъ въ Воронежѣ, Москвѣ и Петербургѣ, только одна фотографическая карточка, сдѣланная въ 1860 году въ нашей сѣверной столицѣ, отличалась замѣчательнымъ сходствомъ съ покойнымъ

VIII

поэтомъ. Къ настоящему изданію приложенъ снимокъ съ этой карточки превосходно исполненный (въ смыслъ сходства) фотогравюровой гг. Шереръ, Наболицъ и К° въ Москвѣ. Таковъ былъ и въ натуръ Никитинъ, какимъ онъ изображенъ въ прилагаемомъ теперь портретъ, хотя въ натуръ онъ былъ не всегда такимъ суровымъ.

М. Де-Пюле.

Тамбовъ.
Іюль, 1885 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ издателя	III
Отъ редакціи	V
Біографія И. С. Никитина.	
Глава I-я	1
Глава II-я	21
Глава III-я	43
Глава IV-я	72
Глава V-я	101
Глава VI-я	123
Глава VII-я	166

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1849 года.

I. «Тихо ночь ложится»	3
II. Весна на степи	4
III. Поле	6
IV. Монастырь	—
V. Лѣсъ	7
VI. Н*. Д*. («Не отравляй минутъ успокоенья»)	8
VII. «Присутствіе непостижимой силы»	9
VIII. Грусть старика	—
IX. Мраморъ	11
X. «Еще одинъ потухшій день»	—
XI. Тишина ночи	12
XII. «Молвы язвительной и дерзкой»	14
XIII. Похороны	15
XIV. Переѣзна	16

1850.

	Стран.
XV. Ночь на берегу моря	17
XVI. Дубъ	18
XVII. Тайное горе	19
XVIII. Вечеръ	—
XIX. Ключъ	20
XX. Ночь	21
XXI. «Оставь твой печальный рассказъ»	22
XXII. «Когда закатъ прощальными лучами»	24

1851.

XXIII. «Когда, одинъ, въ минуты размышленья»	25
XXIV. «На западъ солнце пылаетъ»	26
XXV. Дитяти	27
XXVI. Югъ и сѣверъ	28
XXVII. Русь	29
XXVIII. «Бываютъ свѣтлыя мгновенья»	33

1852.

XXIX. «Суровой холодъ жизни строгой»	35
XXX. Пѣвцу	36
XXXI. Развалины	37
XXXII. Кладбище	39

1853.

XXXIII. Степная дорога	41
XXXIV. Художнику	44
XXXV. «Не повторяй холодной укоризны»	45
XXXVI. Засохшая береза	—
XXXVII. «Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей»	46
XXXVIII. Жизнь и смерть	48
XXXIX. Успокоенье	—
XL. «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный»	51
XLI. Новый завѣтъ	52
XLII. Молитва дитяти	—
XLIII. «Я помню счастливые годы»	54
XLIV. «Съ суровой долею я рано подружился»	56
XLV. Поэту	57

	Стр.
XLVI. Пѣсна («Зашумѣла, разгулилась»)	58
XLVII. Война за вѣру	59
XLVIII. Старикъ другоженецъ	61
XLIX. Зимняя ночь въ деревнѣ	62
L. Наслѣдство	64

1854

LI. Моленіе о чашѣ	66
LII. Сладость молитвы	72
LIII. Ночлегъ извошниковъ	73
LIV. Ссора	80
LV. Измѣна	83
LVI. «Полю, степь моя, спать безпробудно	86
LVII. Утро на берегу озера	87
LVIII. Упрямый отецъ	81
LIX. С. В, Чис...ей («Тяжелъ вашъ крестъ!.. съ вами...»)	95
LX. Вечеръ послѣ дождя	97
LXI. Жена ямщика	99
LXII. Купецъ на пчельникѣ	105
LXIII. Неудачная присуха	119
LXIV. Бурлакъ	127
LXV. «Подлѣ рѣки одиноко стою я подѣ тѣнью ракиты»	130
LXVI. Лѣсникъ и его внукъ	132
LXVII. Буря	135
LXVIII. Болѣзнь	138
LXIX. Бобыль (Посвящ. Н. В. Кукольнику)	143
LXX. Разсказъ ямщика	145
LXXI. Встрѣча зимы	148

1855.

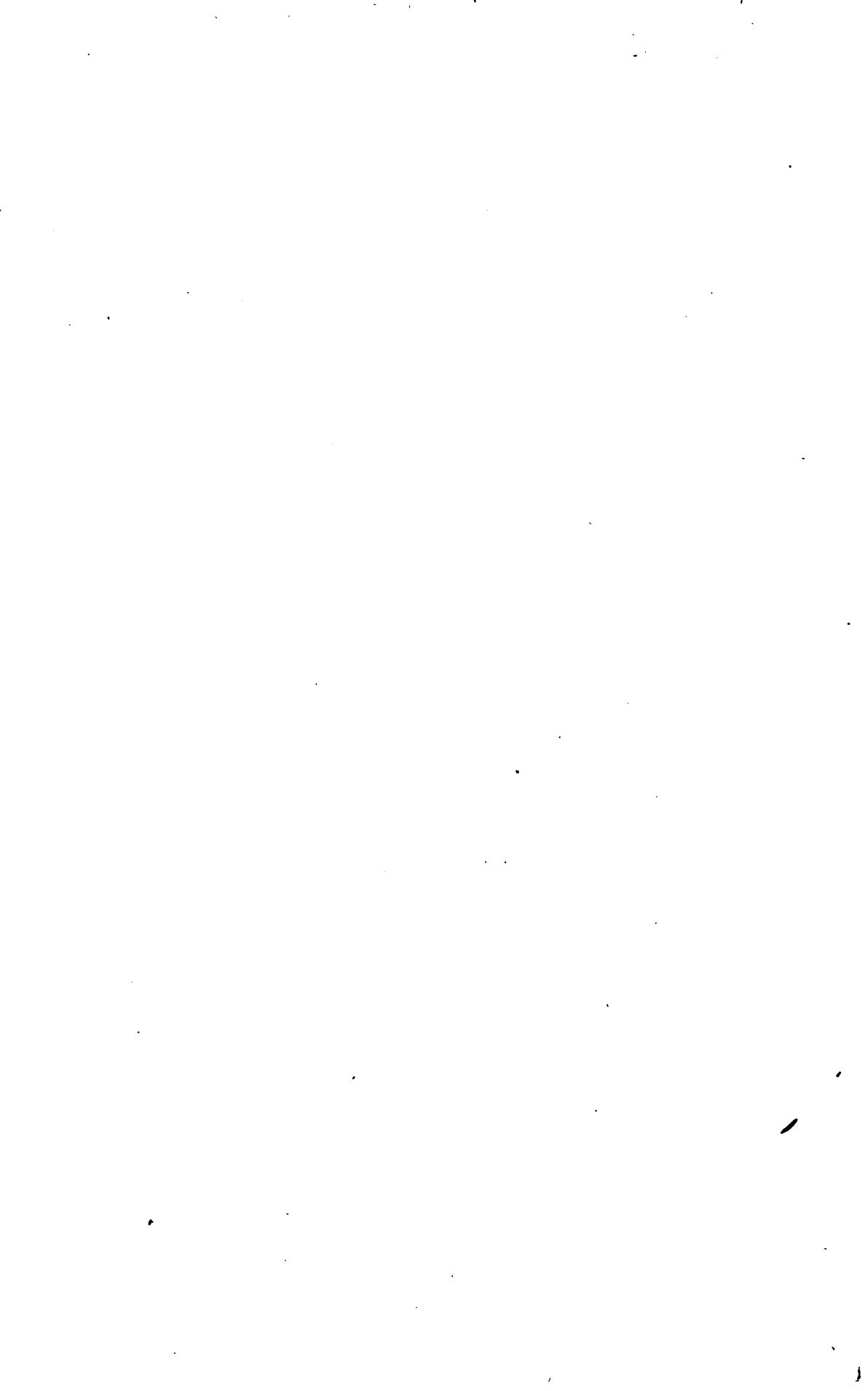
LXXII. Утро	152
LXXIII. Въ гѣсу (Послѣ выздоровленія)	153
LXXIV. Внезапное горе	155
LXXV. Дѣлежъ	156
LXXVI. Выѣздъ ямщика	159
LXXVII. Отвяжися, тоска	162
LXXIII. 19 октября	163

	Стран.
LXXIX. Староста	165
LXXX. Новая утрата	168
LXXXI. «У кого нѣтъ думы	169
LXXXII. «Помню я: бывало, нѣня»	170
LXXXIII. Въ альбомѣ Н. В. П—вой	170
LXXXIV. Въ альбомѣ М. Н. Ж.	172
LXXXV. «Чуть сошлись мы, другъ-друга узнали»	173
LXXXVI. «День и ночь съ тобой жду встрѣчи»	174
LXXXVII. Сплетня	175
LXXXVIII. Въ саду	—
LXXXIX. «Разсыпались звѣзды, дрожать и горять»	176
XC. Гнѣздо ласточки	177
Примѣчанія къ стихотвореніямъ	3
Приложенія	3

Взвешена заступница моя любовная
Жизнь не веселая; жизнь одинокая,
Жизнь безприютная, жизнь терпеливая
Жизнь; как осенняя ночь, погасившая,
Торжественная, молчаливая, чуждая
И, как степной огонек запертый

Что же? жизнь, моя дом суровый!
Хорошо закроется кривизна сосновое,
Блестящее свечение земли придавит,
Только одним человеком убавится
Убитый его расколу и болван.
Память о нем никому непуглива!..

Вот она - собиравшаяся беззаботная.
Роскошная похоть похоти задержанная,
В воздухе слышны не воит куча,
Автоматическая серебряная гармоника...
Минуты... О жизни покоем в просе
Больше, периферия и вся, и сир!

ИВАНЪ САВВИЧЪ НИКИТИНЪ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введение. — Родители Никитина. — Дѣтство и юность. — Семинарское образованіе. — Вліяніе литературы. — Смерть матери. — Отецъ. — Безвыходное положеніе. — Постоялый дворъ. — Литературныя занятія. — Сношенія съ редакціей «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». — Письмо Никитина къ редактору.

Жизнь Никитина представляет во всякомъ случаѣ замѣчательное явленіе. Обязанный своею извѣстностью стихотворенію «Русь», появившемуся въ самый разгаръ Крымской войны и поставившему его имя рядомъ съ именемъ Кольцова, его земляка, Никитинъ потомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, до 1857 или даже 1858 г., утратилъ часть этой извѣстности и возбужденныхъ къ нему симпатій: въ мѣщанинѣ-Никитинѣ не нашли второго Кольцова, воронежскаго мѣщанина и поэта; послѣдовало разочарованіе, слѣдствіемъ котораго было то, что въ Никитинѣ нѣкоторые даже не хотѣли признать поэта. Но такой взглядъ на Никитина совершенно ложный: кромѣ происхожденія, между нимъ и Кольцовымъ нѣтъ ничего общаго. Никитинъ былъ вполнѣ литераторомъ, тогда какъ Кольцовъ, не смотря на большую даровитость и на его крупное литературное значеніе, литераторомъ никогда не былъ. Въ послѣдніе четыре года своей жизни, рядомъ произведеній, даровитость которыхъ не подверглась уже ничьему сомнѣнію, Никитинъ снова возбуждаетъ къ себѣ горячія симпатіи и сходитъ въ могилу, сопровождаемый искреннимъ сожалѣніемъ современной литературы. Но, кромѣ интереса литературнаго, жизнь Никитина представляет другое любопытное явленіе:

*) Составленная въ 1867-мъ году Біографія Никитина, для настоящаго изданія, вновь просмотрѣна авторомъ.

Никитинъ былъ вполнѣ сыномъ своего времени, своей родины и среды, отъ которыхъ онъ никогда не отрывался. Въ личности Никитина вполнѣ выразился типъ русскаго образованнаго человѣка, вышедшаго изъ низменной среды, развившагося въ Николаевское время, но созрѣвшаго въ первые годы царствованія императора Александра II-го.

Отношеніе нашей литературы (т. е. журналистики) къ Никитину, послѣ его смерти, тоже какое-то странное, не установившееся... Одни стали относиться къ нему восторженно, какъ къ *реалисту*, сожалѣя лишь о томъ, что, подъ вліяніемъ друзей, этотъ мнимый Никитинскій реализмъ, не могъ развиться съ достаточною полнотою; другіе говорили, что Никитинъ недостаточно оригиналенъ, что онъ *только* блѣдная копія Некрасова...—Третьи всю замѣчательность Никитина видѣли и видятъ въ его мѣщанскомъ происхожденіи и, по этой причинѣ, безъ всякаго затрудненія, ставятъ его (какъ и Кольцова) въ одну линію такихъ замѣчательныхъ русскихъ людей, какъ патріархъ Никонъ, Посошковъ, Кулибинъ, Сперанскій и т. п. Странная литературная оцѣнка! Мало ли у насъ людей, вышедшихъ изъ низменныхъ сферъ и прославившихся во всѣхъ родахъ научной, художественной и государственной дѣятельности! Конечно, слѣдуетъ подчеркивать эту низменность происхожденія; но не слѣдуетъ кричать о ней, а слѣдуетъ помнить, что даровитость отнюдь не зависитъ отъ происхожденія, что образованіе сглаживаетъ шероховатости послѣдняго и, что для всякихъ сравненій и параллелей нуженъ прежде всего одинъ и тотъ же родъ дѣятельности. Замѣчательно, что у насъ только литературный родъ дѣятельности продолжаетъ находить себѣ такую патріархальную оцѣнку; по отношенію къ другимъ родамъ — мы давно уже вышли изъ дѣтства.

Какъ же русская читающая публика отнеслась къ писателю съ такимъ неустановившимся о немъ мнѣніемъ критики, какъ Никитинъ?.. Впродолженіе пятнадцати лѣтъ (съ 1896 по 1885 г.) разошлось *три* изданія стихотвореній Никитина; теперь публика потребовала *четвертаго*... Такимъ успѣхомъ далеко не всѣ изъ писателей съ выдающимися, *признанными*

дарованіями могутъ похвалиться. Очевидно, *взглядъ публики на Никитина установился* и совсѣмъ не похожъ на взгляды литературные...

Но обращаемся къ разсказу о жизни Никитина.

Иванъ Саввичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ 21-го Сентября 1824 года, въ субботу утромъ. Отецъ его, Савва Евтѣвичъ (Евтихѣвичъ) происходилъ изъ духовнаго званія и прозвался Кириловымъ: эту родовую фамилію онъ перемѣнилъ на Никитина уже по исключеніи его изъ духовнаго званія, изъ котораго онъ вышелъ по причинамъ намъ неизвѣстнымъ. Мать Ивана Саввича, Прасковья Ивановна, происходила изъ воронежскихъ мѣщанъ, въ сословіе которыхъ записался и Савва Евтѣвичъ по выходѣ своемъ изъ духовнаго званія. Они имѣли свой домъ близъ церкви Нерукотвореннаго Спаса, въ той части Воронежа, которая расположена на высокихъ горахъ, тянувшихся по правому берегу соименной городу рѣки; видъ не только съ этихъ горъ, но съ каждой улицы, изъ cadaго дома, если только онъ смотритъ на рѣку, очаровательный. Въ этомъ домѣ родился у Никитиныхъ единственный сынъ — нашъ поэтъ, который никогда не могъ проходить равнодушно по маленькимъ и узкимъ улицамъ, идущимъ отъ Митрофановскаго монастыря къ Ильинской и Спасской церквамъ. Эта часть Воронежа очень хороша и много напоминаетъ Москву, съ тою, однако же, разницею, что она какъ бы ныряетъ въ живописныхъ горахъ и съ трехъ сторонъ обставлена великолѣпнѣйшей зарѣчной панорамой, имѣя съ четвертой, западной, городской, также въ московскомъ вкусѣ картину — Митрофановскій монастырь съ его высокими башнями, громадной колокольней и ярко сіяющими золотыми башнями *). Въ такой мѣстности, средней между городской и деревенской, возрасталъ

*) Последней картины въ настоящее время, къ сожалѣнію, не существуетъ. Вѣсто величественнаго, нѣсколько сумрачнаго храма, въ которомъ покоилась мощи св. Митрофана и который былъ сооруженъ въ Елизаветинское время, теперь, съ 70-хъ годовъ, возвышается хотя просторное и свѣтлое зданіе, по внутри и снаружи скорѣе напоминающее, по своей архитектурѣ, экзерциргаузъ, чѣмъ православную церковь.

будущій нашъ поэтъ. Родители Никитина, не смотря на свое мѣщанское званіе, жили очень хорошо; домъ ихъ былъ полной чашей: всего вдоволь; было чѣмъ принять и угостить знакомыхъ, которыхъ у нихъ было очень много, такъ какъ Савва Евтѣичъ былъ лицомъ замѣтнымъ въ городѣ. Онъ имѣлъ свой свѣчной заводъ (восковыхъ свѣчъ) и свою лавку подъ Смоленскимъ соборомъ, на самомъ бойкомъ торговомъ мѣстѣ. Громадный притокъ богомольцевъ значительно въ то время (это было въ 30-хъ годахъ) оживлялъ въ Воронежѣ торговлю восковыми свѣчами; но Никитинъ не довольствовался одной городской продажей;—значительныя партіи свѣчъ онъ разсылалъ со своими прикащиками по донскимъ и украинскимъ ярмаркамъ; торговые обороты его простирались не менѣе, какъ на сто тысячъ руб. асс. Но, кромѣ состоянія, вездѣ дающаго право на почетъ, Савва Евтѣичъ, и по личнымъ своимъ качествамъ, былъ выше окружающей его среды. Это былъ человѣкъ замѣчательно умный и относительно образованный. Мы познакомились съ нимъ довольно поздно, въ печальную пору его болѣзненнаго состоянія. Но когда онъ былъ здоровъ, пріятно было послушать его оригинальную рѣчь. Онъ любилъ читать книги религіознаго содержанія, имѣлъ свою маленькую библіотеку и зналъ хорошо нашихъ старинныхъ писателей до Пушкина. Онъ былъ небольшого роста, коренастый, съ страшною силой, которою онъ наводилъ ужасъ на кулачныхъ бояхъ, являясь всегда первымъ предводителемъ городской молодежи въ борьбѣ съ Чижевцами и Придаченцами *). Не имѣющему понятія о кулачныхъ бояхъ, еще процвѣтавшихъ въ 30-хъ годахъ, трудно представить себѣ теперь, что въ этой грубой, повидимому, потѣхѣ было что-нибудь увлекательное и молодецки удалое, а на самомъ дѣлѣ, это было, и мы еще хорошо помнимъ, съ какимъ наслажденіемъ, бывало летѣла на кулачный бой, «побиться, подраться, порататься» даже молодежь, принадлежащая къ среднему сословію! Ловкій торговецъ, атлетъ-боецъ, умный начитанный человѣкъ, Савва Евтѣичъ пользовался значительнымъ вліяніемъ въ окружающемъ его обществѣ.

*) Чижевка и Придача—пригородныя слободы Воронежа.

Надобно думать, что этими качествами онъ заслужилъ и любовь Прасковьи Ивановны, которую онъ очень любилъ и смерть которой горько оплакивалъ. Но эти хорошія качества соединялись въ немъ съ характеромъ крутымъ и самовластнымъ. Прасковья Ивановна Никитина составляла совершенный контрастъ со своимъ мужемъ; это было существо кроткое, любящее и безотвѣтное. Одинокимъ росъ въ домѣ своихъ родителей Иванъ Саввичъ. Единственною подругою его дѣтскихъ игръ была двоюродная сестра Аннушка, дочь его тетки (по матери) Тюриной, бѣдной женщины, жившей съ Никитиными по сосѣдству. Лицомъ Никитинъ былъ живой портретъ своей матери, бойкостію и даровитостію походилъ на отца. Ребенкомъ онъ былъ очень живъ и рѣзвъ, а потому часто ссорился съ своею подругой; но съ годами эта рѣзвость стала замѣняться въ немъ преждевременною серьезностію и какъ бы сосредоточенностію. «Ребенкомъ нелюдимымъ» называетъ себя Никитинъ и въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (см. 1-й томъ, стран. 153). Вообще въ стихотвореніяхъ нашего поэта разбросаны черты, дающія понятіе о его дѣтствѣ, о первыхъ годахъ его самосознанія. Видно, что онъ былъ не уличный мальчикъ, не дитя, предоставленное на произволъ судьбы: за нимъ былъ уходъ; онъ былъ подъ надзоромъ любящей матери, за нимъ присматривала добродушная нянька, которая познакомила его съ народными русскими сказками, возбуждившими въ немъ первыя поэтическія грезы. Первымъ учителемъ Никитина былъ сапожникъ, научившій его грамотѣ; первыми прочтенными книгами были: «Мальчикъ у ручья» Коцебу, и «Луиза или подземелье Ліонскаго замка», Радклиффъ. Въ 1832 году *), когда мальчику было восемь лѣтъ, отецъ отдалъ его въ Духовное училище. Выборъ училища объясняется, какъ происхожденіемъ Саввы Евѣича, такъ, несомнѣнно, и вліяніемъ на него духовенства, среди котораго онъ имѣлъ очень многихъ знакомыхъ, благодаря,

*) Первая біографическія свѣдѣнія о Никитинѣ были напечатаны въ „Отеч. Зап.“ 1854 г. въ 6 №, въ отдѣлѣ Новости Литературы и проч. Статья эта принадлежитъ А. П. Нордштейну. Приводимые въ ней факты нѣсколько разнятся отъ нашихъ (какъ, напр., годъ рожденія); но наши вѣрнѣе, потому что были не разъ проверены, послѣ смерти поэта, со словъ его отца и двоюродной сестры.

конечно, его происхожденію, уму, нѣкоторому образованію и роду его занятій. Школьная жизнь не подѣйствовала на мальчика благотворно; онъ учился отлично, но задумчивость и сосредоточенность росли въ немъ не по лѣтамъ. Оставлены были преждевременно дѣтскія игры съ Аннушкой; мѣсто ихъ замѣнили: рисованіе, чтеніе и голуби. Отецъ любилъ сына, радовался его успѣхамъ и иначе не звалъ его, какъ Иваномъ Саввичемъ, но содержалъ очень строго; мать любила его съ особенною нѣжностью. По окончаніи курса Духовнаго училища, Иванъ Саввичъ поступилъ въ Воронежскую Семинарію; это было въ 1841-мъ году. Давая сыну систематическое образованіе, отецъ готовилъ его къ университету, надѣясь видѣть въ немъ со временемъ лѣкаря. Учился Никитинъ въ Семинаріи такъ-же хорошо, какъ и въ Духовномъ училищѣ, но особенно блестящіе успѣхи оказалъ онъ въ словесности, въ составленіи не только разныхъ задачекъ, но и болѣе серьезныхъ піесъ. Въ Семинаріи-же онъ написалъ первое свое стихотвореніе и показалъ его профессору словесности Чехову. профессоръ похвалилъ и совѣтовалъ продолжать. Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Воронежской Семинаріи были еще свѣжи воспоминанія о Серебрянскомъ и его другѣ Кольцовѣ; поэтому литературная производительность пользовалась у семинаристовъ большимъ почетомъ. Между ними Никитинъ скоро приобрѣлъ названіе семинарскаго литератора, семинарскаго поэта,—и такое прозваніе правилось самолюбію отца; поэтому о какомъ-нибудь противодѣйствіи наклонностямъ сына онъ не могъ и думать. Между отцомъ и сыномъ продолжали существовать самыя добрыя отношенія; но все говорило, что они не долго останутся такими. Торговля дѣла Саввы Евтѣича стали хромать. До сихъ поръ свободная торговля восковыми свѣчами мало-по-малу начала принимать характеръ монополіи; прикащики, ѣздившіе по ярмаркамъ, начали его обкрадывать, кредиторы не платятъ долговъ. Неудачи эти раздражали его характеръ и безъ того крутой; семейный миръ, поддерживаемый любящей и безотвѣтной женой, былъ нарушенъ; преодолѣть горе и неудачи не доставало нравственнаго мужества, и вотъ Никитинъ-отецъ сталъ прибѣгать къ обычному несчаст-

ному утѣшенію русскаго человѣка,—къ чаркѣ. Такая перемѣна жизни прежде всего и самымъ ужаснымъ образомъ отразилась на Прасковѣ Ивановѣ: бѣдная женщина не вынесла капризовъ и безобразій мужа и начала пить. Она страдала этимъ недугомъ три года, до самой своей смерти. Эти семейныя обстоятельства не могли остаться безъ вліянія на юнаго семинариста; они дѣйствовали на него глубоко и, такъ сказать, загоняли его внутрь себя. Никитинъ-семинаристъ былъ очень красивый юноша, съ изящными, до извѣстной степени, манерами и большой франтъ. Онъ былъ средняго роста и, подобно отцу, атлетическаго сложенія. Онъ имѣлъ смуглое, сухощавое, совершенно интеллигентное лицо, лучшимъ украшеніемъ котораго были большіе черные глаза, съ тѣмъ пріятельнымъ глубокимъ взоромъ, который только и встрѣчается у людей даровитыхъ. Молодой семинаристъ былъ молчаливымъ гостемъ въ своемъ домѣ. Приготовленіе уроковъ, чтеніе книгъ, игра на гусляхъ *) и гитарѣ были его обычными домашними занятіями. Рѣдко онъ выходилъ изъ дома, развѣ для прогулокъ и на охоту съ ружьемъ по окрестностямъ Воронежа. Товарищей, друзей юности у него не было, какъ не было друзей дѣтства, кромѣ Аннушки. Ни самъ онъ никуда не ходилъ, ни къ себѣ никого не приглашалъ изъ товарищей-семинаристовъ. Отецъ по-прежнему былъ имъ доволенъ и до нѣкоторой степени даже имъ гордился. Молчаливый и сосредоточенный, молодой Никитинъ сталъ менѣе откровененъ даже съ тѣми, съ которыми онъ прежде былъ близокъ, такъ что осталось тайной—освѣтилась ли ранняя его юность любовію къ женщинѣ, или же прошла она, совсѣмъ не испытавъ этого чувства. Какъ бы то ни было, но юность его прошла безъ разсвѣта, безъ яркой утренней зари, предвѣстницы роскошнаго лѣтняго дня; на эту безразсвѣтную жизнь часто и горько жалуется Никитинъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Сложившаяся такимъ образомъ жизнь уже имѣла сама въ себѣ источникъ будущихъ страданій: молодой человѣкъ развивался насчетъ одного ума; сердце черствѣло и замыкалось. А между тѣмъ, на сколько

*) Инструментъ, очень любимый нашимъ духовенствомъ прежняго времени.

мы знали Никитина потому, натура его была очень многосторонняя; это была не вялая, бездушная натура, незнакомая ни съ какою страстью; страсть свѣтилась въ его большихъ глазахъ, которые очень часто возгорались ея пламенемъ. Но, не смотря на это, все-таки чувствовалось, что по натурѣ, по душѣ Никитина прошла когда-то сильная струя холода, оставившая въ ней на всю жизнь неизгладимый слѣдъ; она была постоянной помѣхой, по которой вспыхивающая въ душѣ его страсть никогда не разгоралась пламенемъ общаго пожара. Причины этого явленія, этой преждевременно развивавшейся рефлексіи, могли лежать и въ самой его натурѣ; но, главнѣйшимъ образомъ, онѣ развились подъ вліяніемъ домашняго и школьнаго воспитанія. Въ то время, т. е., въ 1841 году, когда Никитинъ вступилъ въ Воронежскую Духовную Семинарію, это учебное заведеніе, которое онъ всегда не любилъ, не могло похвалиться хорошимъ составомъ преподавателей: не было ни одного, который бы имѣлъ такое вліяніе на молодежь, какое имѣлъ нѣкогда Ставровъ на Серебрянскаго и его товарищей въ 30-хъ годахъ. Но семинарія еще была полна воспоминаніями о Серебрянскомъ: Кольцовъ, умершій въ 1842 году, былъ еще живымъ напоминаніемъ о преждевременно погибшемъ юношѣ, возбуждавшемъ восторгъ въ семинарской молодежи; огненные статьи Бѣлинскаго, такъ близкаго къ Кольцову, читались съ жаромъ и чуть не заучивались наизусть; самое семинарское образованіе, какъ ни плохо оно было въ то время, по своему отвлеченному направленію, способствовало къ развитію въ молодой, даровитой натурѣ духа пытливости и рефлексіи; — однимъ словомъ, пребываніе въ Семинаріи, совпадающее съ умственнымъ движеніемъ тогдашняго времени, имѣло на Никитина громадное вліяніе. Это умственное движеніе, какъ извѣстно, произведено было Бѣлинскимъ.

Въ біографическомъ очеркѣ Никитина было бы неумѣстно распространяться о Бѣлинскомъ; но мы не можемъ пройти его молчаніемъ, потому что герой нашего разсказа былъ одинъ изъ многочисленнѣйшихъ его питомцевъ. Бѣлинскаго считаютъ родоначальникомъ западниковъ, основателемъ отрицатель-

наго направленія въ нашей литературѣ и жизни; это не совсемъ вѣрно. Западники были у насъ и до Петра Великаго: западникомъ былъ самъ Петръ, Ломоносовъ, Карамзинъ и даже Пушкинъ. Самое глубокое отрицаніе темныхъ сторонъ нашей жизни внесли въ литературу не только эти лица, но такія, которыхъ никакъ нельзя упрекнуть въ нелюбви ко всему русскому, какъ-то: Екатерина II, Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, этотъ истинный основатель, такъ называемаго, «Славянофильскаго направленія», и Гоголь; отрицаніе темныхъ, вредящихъ естественному развитію народа, сторонъ нашей современной жизни легло и въ основаніе ученія славянофиловъ; ибо позитивизмъ, равносильный глубочайшему застою и неподвижности, восторгающійся ими по разнымъ побужденіямъ, только и могъ найти себѣ убѣжище въ такихъ литературныхъ органахъ, какъ «Сѣверная Пчела» Булгарина и «Маякъ» Бурчака. Бѣлинскій не былъ основателемъ западнаго направленія, а лишь журнальнымъ его выразителемъ, публицистомъ. Въ половинѣ 30-хъ годовъ, въ Москвѣ, изъ питомцевъ университета образовался кружокъ молодыхъ, образованныхъ и очень даровитыхъ людей, которыхъ соединили одинаковые стремленія и вкусы,—любовь къ искусствамъ, къ знанію, къ философіи, критическій анализъ самого себя и общественной жизни. Люди этого кружка, раздѣлившіеся позже на *западниковъ и славянофиловъ*, дали новый толчекъ нашему общественному развитію, поставили его на новый путь, по которому оно идетъ и до сихъ поръ. Но дѣятельность западниковъ (слѣдовательно и Бѣлинскаго) началась гораздо раньше. Передъ эпохой появленія Бѣлинскаго въ нашей общественной атмосферѣ было такъ тяжело и душно, что истинно удивляешься, чѣмъ дышалъ тогда мыслящій Русскій человекъ, и не удивляешься, что отъ ума ему было горе. Чтобы освѣжить воздухъ, понадобились новые идеалы, потребовалось, выражаясь словами Тургенева, сожженіе того, чему поклонялись; понадобилось отрицаніе пошлой жизни, могучимъ выразителемъ котораго былъ собственно не Бѣлинскій, а Гоголь. Отрицая свое (не всегда съ достаточнымъ основаніемъ и знаніемъ дѣла), Бѣлинскій указывалъ на европейскіе или, какъ

онъ любилъ выражаться, на общечеловѣческіе, на всегда пригодные для насъ идеалы,—это правда; но посмотрите, какимъ превосходнымъ орудіемъ онъ дѣйствовалъ! Стремленіе къ идеалу онъ проводилъ путемъ эстетическаго, глубокожизненнаго воспитанія, путемъ благоговѣйнаго уваженія къ наукѣ, знанію, путемъ, наконецъ, самаго внутренняго, культурнаго, такъ сказать, гуманизма, недостаткомъ котораго такъ страдало тогдашнее, а избыткомъ едва ли можетъ похвалиться теперешнее наше общество. Въ отрицаніи Бѣлинскаго нѣтъ и тѣни того, что мы замѣчаемъ у его незаконныхъ дѣтей, хотя законныхъ питомцевъ эпохи 48-го и слѣдующихъ годовъ, такъ называемыхъ *реалистовъ*, или—въ ихъ красномъ видѣ—*нигилистовъ*, доведшихъ отрицаніе до абсурда, до игры имъ, до презрѣнія всякой идеи, выходящей за уровень матеріальныхъ, насущныхъ потребностей. Отрицаніе Бѣлинскаго, въ дальѣйшемъ своемъ развитіи, непременно должно было умѣряться направленіемъ, выразившимся потомъ въ «Русской Бесѣдѣ» и «Днѣ»; отрицаніе нигилистовъ доходило до невѣжества и до потрясенія основъ семейной жизни и благоустроеннаго общества. Но всякая школа, всякое направленіе имѣютъ свои неизбѣжныя крайности. Европейизмъ Бѣлинскаго съ презрѣніемъ отворачивался отъ окружающей его жизни, не хотѣлъ войти съ ней ни въ какую сдѣлку, не изучалъ ея и называлъ ее не иначе, какъ *грязной дѣйствительностію*; страстно, но отвлеченно любя простой народъ, онъ въ прикосновеніи къ нему чувствовалъ тоже самое, т. е., если не отвращеніе, то какую-то брезгливую неловкость: ибо и въ жизни простаго народа прежде всего и больше всего бросалась ему въ глаза грязная дѣйствительность, о которой, если онъ и не кричалъ, такъ только потому, что нужно же было опереться на какой-нибудь свой идеалъ, нужно же было кого-нибудь любить. Но, полное любви и вѣры въ человека, направленіе Бѣлинскаго, не смотря на всѣ его крайности, должно было выработать изъ себя нѣчто глубокожизненное, что и доказало позднѣйшее къ намъ время.

Молодой Никитинъ вполне воспитался подъ вліяніемъ этого направленія; но оно, произведя въ немъ внутреннюю переработку, внутренній душевный перестрой, направленный къ добру

и красотѣ, вредно подѣйствовало на него всѣми своими крайностями. Въ семействѣ, гдѣ уже начиналась невзгода, молодой семинаристъ увидѣлъ одни бури и ураганы; онъ отвернулся отъ окружающаго міра безъ борьбы и еще болѣе спрятался въ самого себя; дѣйствительная жизнь стала ему противна своею уязвою, т. е., своею прозаическою стороною. А между тѣмъ семейныя дѣла Никитиныхъ становились съ каждымъ днемъ все хуже. Ярмарочная торговля окончательно разрушилась, вмѣстѣ съ заводомъ; кое-какъ еще держалась свѣчная лавка подлѣ Смоденскаго собора. Отъ Спаса Никитины перешли на Кирочную улицу, гдѣ купили постоянный дворъ, довольно плохо обстроенный и расположенный совсѣмъ на неудобномъ мѣстѣ, — ближе къ центру города, чѣмъ къ его окраинамъ и далеко отъ базара. Дворъ отдавали въ аренду, а сами помѣщались въ ветхомъ флигелькѣ. Въ 1843 году Иванъ Саввичъ окончилъ философскій курсъ. Надобно было думать объ университетѣ, о которомъ давно мечтали отецъ и сынъ; но судьба опредѣлила иначе. Савва Евтѣичъ, не смотря на разстройство своихъ дѣлъ, хотѣлъ послать сына въ университетъ; но этому рѣшительно воспротивилась Прасковья Ивановна, на колѣняхъ умолявшая мужа не отправлять сына въ чужой городъ и убѣждавшая поскорѣе женить его и посадить въ лавку, но невѣсты не отыскалось, — и вотъ нашъ семинаристъ очутился за прилавкомъ. Какую роль игралъ самъ Никитинъ во всей этой исторіи и до какой степени она была полна трагизма, — мы не знаемъ. Наши отношенія къ Никитину были такого рода, что пишущему эти строки и на мысль не могло придти быть его біографомъ, стало быть не было надобности и спрашивать его о томъ періодѣ его жизни, о которомъ самъ поэтъ не любилъ распространяться, отдѣлываясь всегда общими мѣстами, если объ этомъ заходила рѣчь. Полгода сидѣлъ Иванъ Саввичъ въ лавкѣ, до смерти своей матери. Само собою разумѣется, что въ такое короткое время плохая торговля восковыми свѣчами могла только опротивѣть молодому человеку, мечтавшему объ университетѣ и идеалахъ; полюбить и узнать торговое дѣло онъ не могъ. Смерть матери имѣла роковое значеніе въ судьбѣ Ивана Саввича; отсюда начинается

десятилѣтній, мрачный періодъ его жизни, поразительно бѣдный фактами, но исполненный борьбою и страданіями. Это десятилѣтіе представляетъ любопытнѣйшій предметъ для психологическихъ изслѣдованій, жаль только, что для этого нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ. Объ этомъ періодѣ своей жизни Никитинъ не разъ говоритъ въ своихъ стихотвореніяхъ и въ письмахъ къ разнымъ лицамъ; но все это говорилось и писалось послѣ, въ болѣе счастливую пору, и, какъ къ прошедшему, относилось только лирически. Смерть жены глубоко поразила и Савву Евтѣича. Оставшись одинъ съ девятнадцатилѣтнимъ сыномъ, котораго умъ и образованіе радовали его, но который по взглядамъ, по образу своей жизни, былъ совершенно чуждъ ему, почти лишившись состоянія и почета и уже всякой нравственной поддержки, Никитинъ-отецъ не выдержалъ и запилъ—запилъ, какъ говорится, мертвую чашу. Никѣмъ и ничѣмъ нравственнымъ не воздерживаемый, видя, въ образѣ сына, безмолвный, но раздражающій его укоръ, Савва Евтѣичъ предался пьянству со всѣми ужасами страсти, извѣстной у насъ подъ именемъ запоя; эта страсть владѣла имъ двадцать лѣтъ и проводила его въ могилу. Ближайшимъ слѣдствіемъ пьянства было полнѣйшее разореніе Никитиныхъ. У нихъ только оставался скудный доходъ съ постоялаго двора, да свой уголъ. Правда, Иванъ Саввичъ выходилъ передъ большими праздниками торговать восковыми свѣчами на столахъ, разставленныхъ обыкновенно по Смоленской площади для продажи разныхъ вещей, какъ-то: свѣчъ, ладону, стеклянной посуды и проч.; но эта торговля доставляла ему самые ничтожные барыши и почти всегда сопровождалась нравственной пыткой.—«А! посмотрите,—вонъ ученый идетъ! Вонъ студентъ сидитъ за столикомъ, его благородіе, словно нашъ братъ-мужикъ!»—кричала толпа звѣахъ, большею частію мелкіе торговцы изъ мѣщанъ, частію кулаки, обычные дѣятели и ораторы на базарныхъ площадяхъ, указывая пальцами на молодого Никитина, который естественно былъ имъ очень несимпатиченъ. Что было ему дѣлать, ему—двадцатилѣтнему юношѣ! Изъ порядочной жизненной обстановки, изъ матеріальнаго довольства, онъ вдругъ и разомъ окунулся въ бѣдность, въ ни-

щенство. Отецъ пилъ и ничѣмъ не занимался. Отъ лѣности и отъ пьянства въ немъ развилось самое дикое самодурство, которое всею тяжестью обрушивалось на сынѣ. Какъ только хмѣль сбивалъ съ ногъ эту могучую натуру, Савва Евтѣичъ начиналъ кричать на весь домъ слѣдующія, или въ родѣ слѣдующихъ, слова:

— Иванъ Саввичъ! Подлецъ, такой-сякой! А кто далъ тебѣ образованіе и вывелъ въ люди? А? не чувствуешь! Не считаешь отца? Не кормишь его хлѣбомъ! Вонъ изъ моего дома!..

И все, что стояло на столѣ для potreбы пьянаго человѣка, — огурцы, хлѣбъ, солянка, рюмка, стаканы, все это летѣло въ бѣднаго Ивана Саввича. И такъ каждый почти день! И немолкаемо почти каждый день раздавались эти дикіе вопли! Бѣдность и нищета дошли до крайнихъ предѣловъ. Все, что можно было прожить, прожито, — платье, вещь; все, что добывалось, шло на водку и дикія оргіи. Молодой Никитинъ потерялся и палъ духомъ. Предоставляемъ читателю судить о тогдашнихъ его страданіяхъ и просимъ тѣхъ, кто зналъ его впослѣдствіи, представить его себѣ за 10—15 лѣтъ, его, еще цвѣтущаго юношу, но блѣднаго, изможденнаго, съ усталостью и страданіемъ во взорѣ, одѣтаго почти въ рубище, — въ длинную потертую чуйку, и обутаго въ стоптанные дырявые сапога! Страдающій, мечтающій, загнанный, часто голодный, сидѣлъ упрямъ этотъ юноша дома, или лежалъ на сѣновалѣ съ книгою въ рукахъ, или бродилъ по городу и его окрестностямъ безъ всякаго дѣла. Не разъ пробовалъ онъ предложить свои услуги въ качествѣ конторщика или прикащика тому и другому изъ воронежскихъ купцовъ, но всѣ эти попытки оставались безуспѣшны. Бѣдная одежда, образованная рѣчь, взоръ, исполненный мысли и огня, — все это, мы полагаемъ, для людей неразвитыхъ, хотя, можетъ быть, и добрыхъ, скорѣе служило признакомъ наслѣдственной отъ отца болѣзни просителя, скорѣе оправдывало поговорку «яблочко отъ яблонки не далеко падаетъ», хотя Иванъ Саввичъ никому не подалъ ни малѣйшаго повода къ подобному подозрѣнію, — чѣмъ могло возбуждать къ нему сочувствіе. Еще прежде, при матери, Никитинъ просился у родителей отпустить его изъ Воронежа въ другой

какойнибудь городъ,—зачѣмъ? онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета. Его тогда не пустили; уѣхать теперь не было никакой возможности, да и жаль и не на кого было оставить отца, который начиналъ требовать за собою ухода. Прибавьте ко всему этому полнѣйшее одиночество, отсутствіе всякаго знакомства и безвыѣздную жизнь въ Воронежѣ, такъ какъ всѣ путешествія Никитина ограничивались единственною поѣздкою въ Задонскъ, за 84 версты отъ роднаго города. Мы не находимъ достаточно темныхъ красокъ, чтобы изобразить картину жизни молодого человѣка въ эту эпоху. Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось! Но могло кончиться очень печальнымъ, пожалуй, живымъ примѣромъ отца, если бы слѣдующій случай не потрясъ до глубины души Никитина. Шелъ онъ разъ по Садовой улицѣ, по направленію къ Чугунному кладбищу. Въ этомъ мѣстѣ улица довольно пустынна. Шелъ онъ въ своемъ бѣдномъ, нищенскомъ одѣяніи, опустивъ голову и устремивъ свой глубокій взоръ куда-то въ непредѣльную даль. Что говорилъ этотъ взоръ? Что выражало его мускулистое, смуглое лицо? Надобно думать, что-нибудь глубоко-безотрадное и роковое. Но, спасеніе явилось!...

— Стой, молодецъ! раздался надъ его ухомъ незнакомый голосъ:—ты задумалъ что-то недоброе! Ты, знать, порѣшилъ себя хочешь,—либо утопиться, аль удавиться?.. Иди же домой и молись Богу.

Оказалось, что незнакомецъ, встрѣтившись съ Никитинымъ, былъ такъ пораженъ зловѣщимъ выраженіемъ лица его, что, отойдя нѣсколько шаговъ, оглянулся назадъ и рѣшился спасти его отъ задуманнаго, какъ онъ предполагалъ, самоубійства. Было ли нѣчто подобное на душѣ у Никитина,—это осталось его тайной. Считаемо нужнымъ замѣтить, что рассказъ этотъ записанъ нами со словъ двоюродной сестры Ивана Саввича.

Проза жизни, *врядъ дѣйствительности* спасли отъ неизбежной гибели Никитина. Онъ сталъ дворничать, т. е., расчелъ арендатора, снимавшаго постоянный дворъ, и самъ началъ заниматься его содержаніемъ. Дворъ этотъ былъ одинъ изъ плохихъ и наиболѣе отдаленныхъ отъ базара; на большой пріѣздъ народа не было никакой возможности расчиты-

вать; оставалось одно средство—привлечь ко двору извѣстных партій извозчиковъ, обыкновенно односельчанъ, заслужить ихъ расположеніе. Никитинъ успѣлъ привлечь и заслужить расположеніе извозчиковъ, которые обыкновенно называли его *Савельичемъ*. Но какихъ неусыпныхъ трудовъ, какой ужасной борьбы съ самимъ собою стоило это ученику Бѣлинскаго, все еще восторгавшемуся Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Кольцовымъ, съ которыми онъ и теперь не переставалъ бесѣдовать въ своемъ кабинетѣ—сѣноваль! Содержатель постоялаго двора, Никитинъ и по наружности преобразился въ дворника: волосы подрѣзавъ въ кружокъ, сапоги надѣвъ съ голенищами до колѣнъ, лѣтомъ носилъ простую чуйку, а зимой нагольный тулупъ. Да иначе и быть не могло, такъ какъ самому приходилось во всякое время дня и ночи встрѣчать и провожать извозчиковъ, выдавать имъ овесъ и сѣно, очень часто прислуживать имъ при ихъ трапезѣ и бѣгать въ кабакъ за водкой; очень часто самому приходилось для нихъ стряпать! На сколько мы знали Никитина, мы увѣрены, что эта трудовая жизнь до извѣстной степени его удовлетворяла и успокоивала; мало этого: она должна была доставлять ему нѣсколько отрадныхъ минутъ; онъ сталъ имѣть дѣло съ живыми людьми, онъ почувствовалъ благо независимости и нѣкотораго довольства. Явилась возможность выстроить небольшой деревянный флигель въ пять комнатъ, изъ которыхъ три оказалось возможнымъ отдать подъ постой одному изъ профессоровъ семинаріи, сожителство съ которымъ сдѣлало, по крайней мѣрѣ, то хорошаго, что внесло въ домъ, гдѣ царилъ прежде только хаосъ, нѣкоторую порядочность. Но съ другой стороны, внутреннее чувство требовало иного, душа тосковала и томилась по чѣмъ-то; съ другой стороны, домашнія бури не утихали, а увеличивались съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ улучшенія матеріальнаго благосостоянія возрастало безобразіе отца и его увѣренность, что онъ имѣетъ полное право безобразничать и жить чужимъ человѣкомъ въ домѣ, который онъ, однако же, называлъ своимъ; въ такой же мѣрѣ, т. е., сообразно этимъ притязаніямъ, возрастала и раздражительность Ивана Саввича. Между отцомъ и сыномъ образовались странныя, прискорб-

ныя отношенія, продолжавшіяся до смерти послѣдняго. Оба другъ друга любили,—мы имѣемъ на это тысячу доказательствъ, и оба другъ друга, каждый по своему, мучали. Когда Савва Евтѣичъ былъ въ трезвомъ состояніи, трудно было найти отца, который бы такъ кротко и любовно относился къ сыну; но зато надобно было поискать сына, который бы за подобное обращеніе отвѣчалъ такою суровостію и даже дерзостію. Когда старикъ бывалъ пьянъ и буйствовалъ, можно было удивляться кротости сына, ухаживающаго за нимъ, какъ за ребенкомъ, безъ всякой горечи и досады. На замѣчанія друзей своихъ о неровности обращенія съ отцомъ Никитинъ обыкновенно отвѣчалъ: «Что же дѣлать! Иначе я не могу». На совѣты—оставить отца, обезпечивъ его всѣмъ нужнымъ, переѣхать на особую квартиру, или же совсѣмъ выѣхать изъ города, онъ отвѣчалъ тѣмъ же *не могу*, прибавляя: «безъ меня онъ совсѣмъ пропадетъ». Не разъ покойный поэтъ говорилъ: «Я въ состояніи убить того, кто рѣшился бы обидѣть старика въ моихъ глазахъ; но когда онъ отрезвляется и смотритъ здравомыслящимъ человѣкомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу, и я не въ силахъ простить ему моихъ страданій». Добившись скуднаго матеріальнаго довольства, ограничивающагося однимъ насущнымъ хлѣбомъ, могли ли Никитинъ остановиться на этомъ и не желать знанія, не стремиться къ удовлетворенію присущей ему поэтической способности? Конечно, не могъ, какъ человѣкъ даровитый, прошедшій школу, слѣдовательно знакомый съ умственнымъ трудомъ. Вотъ что говорить самъ Никитинъ въ одномъ изъ писемъ объ этомъ періодѣ своей жизни.

«Любовь къ родной литературѣ, къ родному русскому слову не угасла во мнѣ среди новой, совершенно незнакомой мнѣ дѣятельности. Окруженный людьми, лишенными малѣйшаго образованія, не имѣя руководителей, не слыша разумнаго совѣта, за что и какъ мнѣ нужно взяться, я бросался на всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе, бросался и на посредственное, за неимѣніемъ лучшаго. Продавая извозчикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ, нерѣдко подъ крикъ

и пѣсни разгулявшихся мужичковъ. Сердце мое обливалося кровью отъ грязныхъ сценъ; но съ помощію доброй воли я не развратилъ своей души. Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой-нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца. Все написанное я скрывалъ, какъ преступленіе, отъ всякаго посторонняго лица, и съ разсвѣтомъ сожигалъ строки, надъ которыми я плакалъ во время безсонной ночи. Съ лѣтами любовь къ поэзіи росла въ моей груди, но вмѣстѣ съ нею росло и сомнѣніе: «есть ли во мнѣ хотя искра дарованія?» — «Если бы вы знали», пишетъ Никитинъ въ другомъ письмѣ, «какія сцены окружали меня съ дѣтства, какая мелочная, но тѣмъ не менѣе страшная драма разыгрывалась передъ моими глазами,—драма, гдѣ мнѣ доводилось играть роль, возмущавшую меня до глубины души!» — Но, повторяемъ, человѣкъ былъ спасенъ, хотя страшно поплатился за свое спасеніе. Къ концу этого періода судьба послала Никитину утѣшеніе: онъ подружился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Иваномъ Ивановичемъ Дураковымъ, нижедѣвицкимъ мѣщаниномъ; сходство семейнаго положенія ихъ сблизило; любовь къ чтенію скрѣпила ихъ отношенія. Дураковъ былъ первымъ слушателемъ литературныхъ произведеній Никитина, первымъ человѣкомъ, которому онъ вполнѣ довѣрился. Смерть Дуракова, послѣдовавшая въ 1856 г. отъ чахотки, т. е., въ то время, когда у Никитина были уже другія связи и инныя дружественныя отношенія, глубоко его поразила. Вотъ что онъ писалъ къ Второву въ день извѣстія о смерти Дуракова: «Простите, что не зашелъ къ вамъ отъ князя *). Только успѣлъ выйти изъ его воротъ, какъ знакомый купецъ сообщилъ мнѣ новость, что мой другъ, извѣстный вамъ Дураковъ, умеръ. Это меня такъ поразило, что я и теперь не соберу мыслей. Ради Бога, простите!»

Не безъ вліянія и одобренія Дуракова Никитинъ осмѣлился послать нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній въ редакцію тогдашнихъ журналовъ, ожидая съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей

*) Ю. А. Долгорукова, тогдашняго Воронежскаго губернатора.

Сочиненія Н. С. Никитина.

участи въ роковомъ для него вопросѣ о поэтическомъ дарованіи; но журналы хранили упорное молчаніе, увеличивавшее муки бѣднаго поэта-дворника. Мы убѣждены, что посланныя Никитинымъ стихотворенія были не дурны и во всякомъ случаѣ годны для печати; но они не появились въ свѣтъ, во-первыхъ, потому что еще сильна была паника, нагнанная Бѣлинскимъ на всѣхъ стихотворцевъ вообще, и на журналистовъ тѣмъ паче, а во-вторыхъ, журналисты и редакторы, по всей вѣроятности, и не прочитывали стихотвореній какого-то Никитина, сваливъ ихъ въ редакторскую Лету,—какъ это водилось и водится зачастую и теперь. Не удалось въ столичныхъ изданіяхъ, надобно попробовать въ своемъ мѣстномъ,—разсуждали наши друзья,—и вотъ въ октябрѣ 1849 года они послали въ редакцію «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» два стихотворенія: «Лѣсъ» и «Дума». Вышелъ 45 № этой газеты 5-го ноября, въ которомъ отъ имени редактора было сказано слѣдующее:—«На дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица, при письмѣ, подписанномъ буквами, И. Н., два стихотворенія, которыя мы, по прочтеніи, нашли такъ замѣчательными, что готовы были на этотъ разъ, изъ уваженія къ дарованію, отступить отъ приватой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ,—это незнаніе нами имени автора!» Отзывъ былъ очень лестный и одобряющій, тѣмъ болѣе, что тогдашняя редакция Воронежскихъ Вѣдомостей, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежала къ числу лучшихъ въ Россіи: редакторомъ былъ В. А. Срединъ, кандидатъ Петербургскаго Университета, а сотрудниками, давшими тонъ и направленіе газетѣ, Н. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ. Отзывъ былъ благопріятный; на мнѣніе редакціи положиться было можно; но бѣда въ томъ, что программа Губернскихъ Вѣдомостей не допустила въ эту газету стихотвореній. Чтò же было дѣлать! Ближе всего слѣдовало бы открыть свое имя и воспользоваться совѣтами умной редакціи: такъ Никитинъ-семинаристъ, еще мечтавшій объ университетѣ, по всей вѣроятности, и сдѣлалъ бы; но Никитинъ-дворникъ, значительно одичавшій и потерявшій вѣру въ себя, такъ сдѣлать уже не могъ, не смотря на то, или

можетъ потому именно, что все сильнѣе и сильнѣе развивалось въ немъ поэтическое призваніе и серьезнѣе понималась его задача. Прошло еще четыре года неизвѣстности, сомнѣній, борьбы съ самимъ собою и съ обстоятельствами житейскими. Но вотъ наступилъ 1853 годъ; грянули громы Крымской войны, болѣзненно отозвавшіеся въ русскомъ сердцѣ, народный духъ послѣ долгаго усыпленія, воспрянулъ; все оживилось! Суждено было ожить и даже сдѣлаться извѣстнымъ и воронежскому дворнику.—Его, человѣка совершенно русскаго, человѣка образованнаго, охватило всего своимъ жгучимъ пламенемъ патріотическое чувство.—Онъ беретъ перо и пишетъ стихотвореніе «Русь»,—лучшее поэтическое произведеніе того времени въ патріотическомъ родѣ.—Дураковъ былъ первымъ его читателемъ. По совѣту Дуракова, пишется письмо къ редактору и, кромѣ «Руси», посылаются къ нему два другихъ стихотворенія:—«Поле» и «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный».—Дураковъ вызывается нести въ редакцію эту роковую посылку, отъ которой зависѣло—быть или не быть. Вотъ письмо Никитина къ редактору «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»:

«Милостивой Государь

Валентинъ Андреевичъ!

«Назадъ тому четыре года, при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., я посылалъ вамъ два стихотворенія для напечатанія въ издаваемой вами газетѣ. Вы были такъ снисходительны, что нашли въ нихъ нѣкоторыя достоинства, и единственное препятствіе къ ихъ печатанію заключалось, по вашимъ словамъ, въ извѣстности имени автора.

«Въ настоящее время, не считая нужнымъ скрывать свое имя, я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ подобною же просьбой. Вотъ причина моей новой просьбы.—Я увѣренъ, что она не покажется вамъ смѣшною, потому что я знаю васъ, хотя по отзывамъ другихъ, съ одной стороны, какъ человѣка образованнаго, а съ другой,—какъ человѣка въ высшей степени благороднаго.

«Я здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ быть, я ничтожный ремесленникъ! Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь, въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое одинокое, незавидное существованіе! Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть-можетъ, мою любовь къ поэзіи и мои грустные пѣсни вы назовете плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ, и скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ или мое значеніе, или мою ничтожность, мое нравственное—быть или не быть?»

«Какое бы ни было мое званіе, я увѣренъ, оно не будетъ служить цѣлью для вашихъ сарказмовъ, причина этому—свойственное вамъ благородство и безусловная къ вамъ довѣренность человѣка, не имѣющаго ни сильныхъ покровителей, ни случайныхъ связей.

«Съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я не обращаюсь къ кому-либо по своей неизвѣстности и неувѣренности въ силѣ своего дарованія. Пусть прежде вашъ высоко цѣнимый мною приговоръ рѣшитъ однажды навсегда: смѣшонъ или нѣтъ мой трудъ, который я называю своимъ призваніемъ.

«Могутъ ли быть приложенныя здѣсь стихотворенія по своему достоинству помѣщены въ вашей газетѣ (напр.: въ Смѣси, или гдѣ вамъ угодно),—я полагаюсь на вашъ просвѣщенный взглядъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ ожидаю вашего суда. И. Никитинъ».

12-го Ноября 1853 г.
Воронежъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Н. И. Второвъ.—Преимущества Воронежа противъ другихъ губернскихъ городовъ. — Записка Второва о Никитинѣ. — Первое время литературной извѣстности поэта въ Воронежѣ и за его предѣлами.—Заочныя знакомства.—Новость положенія. — Первое изданіе стихотвореній.—Литературныя работы.—Матеріальное довольство.—Нравственное перерожденіе Никитина. — Картина литературныхъ вечеровъ въ Никитинскомъ домикѣ.

Мы напечатали письмо Никитина къ редактору «Воронежскихъ Вѣдомостей» безъ малѣйшихъ перемѣнъ и поправокъ въ орѳографію и слогъ. Какъ въ 1861 году, при составленіи «Дневника Семинариста», такъ и задолго до своей извѣстности, Никитинъ влаѣлъ изящною прозаическою рѣчью и писалъ безукоризненно правильно,—условія, встрѣчаемыя у насъ только въ человѣкѣ высокаго образованія, въ литераторѣ. И между тѣмъ такъ пишетъ мѣщанинъ, содержатель постоялаго двора, когда другой воронежскій мѣщанинъ, Кольцовъ, писалъ какими-то каракульками самымъ безграмотнѣйшимъ образомъ! Отсюда, между прочимъ, начинаются сближенія Никитина съ Кольцовымъ, сближенія совершенно внѣшнія и, какъ уже замѣчено, вначалѣ повредившія Ивану Саввичу; Никитинъ не только не былъ Кольцовымъ, но долгое время не могъ быть и самимъ собою. Можно было быть увѣреннымъ, что стихотвореніе «Русь» появилось бы не только въ Воронежскихъ Вѣдомостяхъ, но и въ любомъ столичномъ періодическомъ изданіи того времени; несомнѣнно, что его встрѣтили бы съ тѣмъ же восторгомъ, съ какимъ оно и было встрѣчено; теплый привѣтъ со стороны такихъ писателей, какъ А. Н. Майковъ и И. И. Введенскій, и таковой же отъ журналистовъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы наградой нашему поэту, и

имя его, быть можетъ, мы еще чаще бы встрѣчали на страницахъ петербургскихъ и московскихъ изданій;—это такъ! Но Никитина, того Никитина, который честно прошелъ свой недолгій жизненный путь, могло бы и не быть: дворнику-Никитину нужно было перерожденіе къ жизни новой, могущее совершиться только подъ вліяніемъ человѣка, сердечно его любящаго и глубоко ему преданнаго. Не знаемъ, чтò подумалъ читатель, но когда мы въ первый разъ прочитали письмо Никитина къ Средину, намъ почему-то пришелъ на память Бѣлинскій, лично намъ незнакомый. На это письмо-исповѣдь нельзя было отвѣчать любезнымъ, даже теплымъ письмомъ; если письмомъ отвѣчать, то надобно, чтобы строки его горѣли чувствомъ; если не письмомъ, а живымъ словомъ,—надобно, чтобы не языкъ и голова, а душа въ немъ говорила! Но всякій ли на это способенъ, да и въ правѣ ли кто бы то ни былъ заявлять подобныя требованія отъ людей? Къ счастью Никитина, такой человѣкъ нашелся въ Воронежѣ: это былъ Николай Ивановичъ Второвъ. Жизнь Второва разсказана нами въ другомъ мѣстѣ *). Это былъ одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчаются въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, чрезвычайно бѣдныхъ литературными и вообще умственными интересами. Въ столицахъ, и отчасти въ университетскихъ городахъ, люди, подобные Второву, мало замѣтны. Настоящее мѣсто ихъ дѣятельности тамъ, гдѣ въ обществѣ не замѣчается никакихъ признаковъ умственной жизни: тамъ они прогоняютъ спячку, отыскиваютъ какіе-нибудь мѣстные интересы, возбуждаютъ къ нимъ сочувствіе и, во имя ихъ, собираютъ около себя кружки даровитыхъ и образованныхъ людей. Такіе кружки начали появляться у насъ съ конца прошлаго столѣтія. Въ столицахъ они не переводились до начала 40-хъ годовъ; довольно указать на кружки: Веневитинова, Станкевича, Бѣлинскаго, Славянофильскій и т. п. Въ провинціальныхъ городахъ они также встрѣчались: такъ, отецъ Второва, одинъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени, былъ членомъ подобнаго кружка, существовавшаго въ

*) См. „Русскій Архивъ“ 1877 года, книга 11-я.

Симбирскѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка *). Но ни одинъ изъ провинціальныхъ кружковъ не заявилъ такъ громко о своемъ существованіи и не оставилъ такихъ живыхъ и прочныхъ слѣдовъ на мѣстѣ, какъ кружокъ Второвскій. Окончивъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ почти мальчикомъ, Второвъ началъ свою службу въ Казани, сначала въ канцеляріи губернатора, потомъ при университетской библіотекѣ. Служебныя занятія соединялись у него одновременно съ научными и литературными: онъ доканчивалъ свое образованіе, былъ редакторомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей и усердно занимался собираніемъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній, относящихся до Казанской губерніи. Путешествіе по Остзейскому краю, сдѣланное имъ въ 1842 г., еще болѣе усилило въ немъ склонность къ изученію мѣстныхъ особенностей: наши прибалтійскіе Нѣмцы, въ этомъ отношеніи, могли служить образцомъ для всякаго. Второвъ переѣхалъ въ Воронежъ изъ Петербурга (1849) и поступилъ на службу совѣтникомъ губернскаго правленія. Почти одновременно съ нимъ явился въ Воронежъ также изъ Петербурга и поступилъ товарищемъ предсѣдателя гражданской палаты товарищъ его по университету, другъ и близкій родственникъ по женѣ, К. О. Александровъ-Дольникъ, молодой человекъ съ тѣмъ же направленіемъ и вкусами. Второвъ и Дольникъ рѣзко отличались отъ образованной молодежи тогдашняго времени, не умѣвшей къ чему приложить знанія, выносимыя ею изъ университетовъ. Образованность ихъ была самобытна, съ научнымъ направленіемъ и ничего диллетанческаго въ себѣ не имѣла; она опиралась не на журналистику, а на серьезное знакомство съ французской и нѣмецкой литературой. Поселившись въ Воронежѣ, Второвъ и Дольникъ все свое свободное отъ служебныхъ занятій время тотчасъ же посвящали мѣстной археологіи, статистикѣ и этнографіи. Они отыскивали древніе акты, начали приводить ихъ въ порядокъ и готовить къ печати; они дѣлали поѣздки по губерніи съ этнографическою цѣлью; они искали знакомства съ людьми, которые если не занима-

*) Объ И. А. Второвѣ см. нашу статью „Отецъ и Сынъ“ въ „Рус. Вѣстникѣ“ 1875 г., кн. IV—IX.

лись, то были способны къ подобнымъ занятіямъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е., въ умѣнны ихъ находить людей и возбуждать ихъ къ умственной дѣятельности, они обнаружили рѣдкія способности: только что кончившіе курсъ университетскіе студенты, учителя кадетскаго корпуса, гимназій, семинарій, священники, даже учителя рисованія и фотографы, — все это, всѣ и каждый несъ свою дань изученію мѣстности, чѣмъ кто могъ, — статьями, замѣтками, рисунками и т. п. Воронежскія Губернскія Вѣдомости сдѣлались органомъ этихъ мѣстныхъ тружениковъ, далеко, впрочемъ, не исчерпавшихъ всѣхъ ихъ работъ. Въ квартирѣ Второва всѣ эти люди сходились; собирались за-просто, когда кто хотѣлъ, безъ особоназначенныхъ для этого вечеровъ. Здѣсь разсуждали объ этихъ маленькихъ мѣстныхъ интересахъ, составляли планы новыхъ работъ, читали новыя замѣчательныя вещи. Необыкновенное добродушіе и простота въ обращеніи хозяина привлекали къ нему каждаго и ободряли людей самыхъ робкихъ и застѣнчивыхъ. Дольникъ недолго прожилъ въ Воронежѣ; поэтому кружокъ людей, собиравшихся около него и Второва, удержалъ названіе только по имени послѣдняго, что совершенно справедливо: Второвъ прожилъ въ Воронежѣ до 1857 г.; отношенія къ нему Никитина перешли въ дружескія уже по отъѣздѣ Дольника, котораго совсѣмъ не знали нѣкоторые изъ друзей Никитина. Но, отзываясь такимъ образомъ о Второвѣ, мы были бы несправедливы, если бы умолчали о томъ, что само время и мѣстность, гдѣ пришлось ему дѣйствовать, представляли самыя благопріятныя условія для дѣятельности подобнаго рода. Время конца 40-хъ и первой половины 50-хъ годовъ неоспоримо самое мрачное въ нашей новѣйшей исторіи, и по этому поводу очень много писалось и пишется. Но весьма мало говорится о томъ, что это *мрачное десятилѣтіе*, это *Николаевское время*, рѣзко отличается отъ позднѣйшей, *дѣйствительно, свѣтлой эпохи* императора Александра II-го однимъ великимъ преимуществомъ, — умственною зрѣлостію и культурностію молодежи, выходившей тогда изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Степень этой зрѣлости, конечно, не обуславливалась ни мракомъ, ни всякаго рода ум-

ственнымъ давленіемъ (какъ ломка тогдашнихъ гимназій и университетовъ); но результаты того и другого обнаружались гораздо позже, именно, въ самый разгаръ великихъ преобразованій покойнаго Государя: потрясенныя школы не могли дать лучшихъ результатовъ. Въ Воронежѣ въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ было уже гораздо больше, чѣмъ прежде, молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, служившихъ, большею частію или при губернаторѣ, или въ его канцеляріи; но это было общимъ явленіемъ во всѣхъ губернскихъ городахъ, послѣ запрещенія молодымъ людямъ, оканчивавшимъ университетскіе курсы, начинать государственную службу въ столицахъ. Истиннымъ преимуществомъ Воронежа предъ другими губернскими городами былъ кадетскій корпусъ, открывшійся въ этомъ городѣ въ 1745 году, при условіяхъ чрезвычайно благопріятныхъ. Первый Директоръ (А. Д. Винтуловъ) и первый инспекторъ (В. А. Половцевъ) воронежскаго корпуса были люди весьма умные, образованные, глубоко уважавшіе педагогическую и научную дѣятельность; инспекторъ Половцевъ, по словамъ лицъ, хорошо ихъ знавшихъ, былъ, къ тому же, отличнымъ педагогомъ, совершенно въ нѣмецкомъ родѣ. У такихъ руководителей была невозможна никакая спячка, — ни служебная, ни педагогическая: вотъ источникъ, откуда беретъ свое начало замѣчательный въ своемъ родѣ персоналъ воронежскихъ корпусныхъ педагоговъ, замѣчательный именно въ томъ же родѣ дѣятельности, въ какой заявили себя Второвъ и Дольникъ. Отсюда понятно большее тяготѣніе послѣднихъ къ кадетскому корпусу, чѣмъ къ гимназій; этимъ же объясняется и тотъ восторженный пріемъ, съ какимъ были встрѣчены въ корпусѣ первыя стихотворенія Никитина. Одинъ изъ корпусныхъ педагоговъ, Н. С. Тарачковъ, натуралистъ, ученикъ Рулье, Фишера и Щуровскаго, въ дѣлѣ изученія Воронежской губерніи, съ естественно-научною цѣлію, даже предупредилъ дѣятельность двухъ друзей, начавши свои экскурсіи по губерніи съ 1846 г. Но это только способствовало къ сближенію ихъ съ г. Тарачковымъ, но накому и ничему не мѣшало. У Н. С. Тарачкова былъ отчасти свой кружокъ, музыкальный, котораго не чуждались Второвъ и Дольникъ, какъ не чуждался, а напро-

тивъ все болѣе сближался съ Второвымъ и корпусный натуралистъ. Но Второвскій кружокъ, однако, не имѣлъ въ себѣ ничего педантическаго; онъ не состоялъ изъ людей только пишущихъ, собирающихъ матеріалы, рисующихъ и т. п.: въ него былъ свободный доступъ всѣмъ хорошимъ, образованнымъ и мыслящимъ людямъ, изъ него были изгнаны карты. Словомъ, все, что было въ Воронежѣ мыслящаго, Второвъ сумѣлъ соединить вокругъ себя, сумѣлъ воодушевить и подвинуть на работу. Онъ не давилъ своимъ авторитетомъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ людяхъ подобнаго положенія: при немъ легко и свободно всѣмъ дышалось. Только такой добродушный и прямой человѣкъ, какъ Второвъ, могъ полюбить Никитина такъ братски, такъ нѣжно.

Вскорѣ послѣ смерти Никитина, когда возникла мысль объ изданіи его сочиненій, мы съ Второвымъ условились: мнѣ писать біографію, а ему набросать свои воспоминанія о Никитинѣ, пополнивъ ихъ выписками изъ его писемъ (числомъ 120 №№). Многосложныя занятія по службѣ, по должности вице-директора Хозяйственнаго Департамента въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, долго мѣшали Второву исполнить это намѣреніе; впрочемъ и спѣшить не было причины, ибо мы, друзья Никитина, не имѣли возможности издать его сочиненія. Но когда въ апрѣлѣ 1865 года первый издатель Никитина обязательно и безкорыстно предложилъ свои услуги, Второвъ, какъ-бы въ предчувствіи близкой смерти, прислалъ ко мнѣ всѣ письма Никитина и объяснительную къ нимъ записку: мы говоримъ,—въ предчувствіи, ибо свойственная ему деликатность и скромность долгое время не позволяли ему согласиться прислать къ намъ для просмотра письма Никитина. «Я увѣренъ, пишетъ Второвъ въ своей запискѣ, что внутреннее чувство и тактъ укажутъ вамъ, что именно въ этихъ бумагахъ можетъ быть обнаружено и о чемъ должно быть умолчано. Собственно въ отношеніи меня я желалъ бы, чтобы моя личность, при выпискахъ изъ нихъ, оставалась совершенно въ сторонѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо неизбежно было бы нужно упомянуть о ней, то ограничиться одними начальными буквами (В. или Н. И. В.), какъ и о всѣхъ еще живыхъ лицахъ». Вотъ вступительныя слова записки Второва:

«Съ первой поры моего знакомства съ Никитинымъ я привязался къ нему всей душою. Я полюбилъ въ немъ просто человѣка, человѣка съ благороднѣйшею душою, съ тонкимъ, изящнымъ чувствомъ, какого рѣдко встрѣтить не только въ той средѣ, въ которой онъ воспитывался, но даже и въ такъ называемой благовоспитанной.

«Мнѣ всегда казалось, — не смотря на то, что я былъ старше его лѣтъ на восемь, — что я переживу его и мнѣ придется когда-нибудь, если не быть его біографомъ, то, по крайней мѣрѣ, отдать отчетъ о личныхъ отношеніяхъ моихъ къ этому, во всякомъ случаѣ, замѣчательному человѣку, съ которымъ судьба связала меня такую тѣсною дружбою. Вотъ почему я тщательно берегалъ всѣ, даже ничтожныя записки его ко мнѣ, письма и другія бумаги, которыя могли сколько-нибудь характеризовать его.

«Предчувствіе мое сбылось. Вотъ уже болѣе трехъ съ половиною лѣтъ *), какъ не стало Никитина. Потеря его до сихъ поръ съ болью отзывается въ моемъ сердцѣ... Умирая онъ завѣщалъ мнѣ издать его сочиненія, съ тѣмъ, чтобы вырученную отъ продажи ихъ сумму употребить на какое-либо доброе дѣло **). Теперь, благодаря великодушному предложенію одного изъ почитателей таланта покойнаго Никитина, представляется возможность исполнить его волю».

Но обратимся къ Никитину. Болѣе, чѣмъ не совсѣмъ равнодушно, ожидалъ онъ рѣшенія своей участи. Что-то будетъ! думалъ бѣдный молодой человѣкъ, и мы имѣемъ право предполагать, что надежда еіва ли улыбалась ему въ эти тревожныя минуты... Но, — о, радость! къ нему является незнакомый гость и зоветъ его къ Второву, къ тому Второву, котораго не могъ не знать Никитинъ по слуху, не могъ не знать отношенія его къ Губернскимъ Вѣдомостямъ. Но пусть лучше говорить самъ Второвъ:

«Не помню, въ тотъ же, или на другой день, какъ Иванъ Саввичъ прислалъ свое письмо къ редактору Губернскихъ

*) Записка писана 20 мая 1865 года.

**) По смерти Второва, эту обязанность принялъ на себя душеприкащикъ Никитина.

Вѣдомостей г. Средину, гласный Думы Н. Н. Рубцовъ, вызвавшійся непременно розыскать автора письма, пріѣхалъ съ нимъ ко мнѣ вечеромъ. Я жилъ тогда близъ церкви Воскресенья, въ домѣ Михнева. Изъ оконъ моей квартиры, во 2-мъ этажѣ, открывался великолѣпный видъ на зарѣчную сторону, описанный во вступленіи къ «Кулаку». Блѣдный, худощавый, выглядывавшій какъ-то изъ подлобья, въ длинномъ сюртукѣ, Иванъ Саввичъ робко слѣдовалъ за Рубцовымъ, и когда послѣдній съ торжествомъ объявилъ, что это тотъ самый Никитинъ, съ которымъ я желалъ познакомиться, — онъ, словно подсудимый, призванный къ отвѣту, сталъ извиняться, что позволилъ себѣ такую дерзость (т.-е., написать письмо) и проч. Насилу могъ я усадить его; но и затѣмъ, какъ только начиналъ я говорить съ нимъ, онъ тотчасъ же вскакивалъ, и не малыхъ усилій стоило мнѣ уговорить его вести разговоръ со мною сидя. Изъ разговора нашего, который скоро обратился къ литературѣ, оказалось, что Иванъ Саввичъ много читалъ, но много также оставалось ему еще неизвѣстнымъ. Овъ съ радостію принималъ предложеніе мое пользоваться небольшою моею бібліотекою, и на первый же разъ запасся, помнится, „Давидомъ Копперфильдомъ“ Диккенса. Рубцовъ, посидѣвъ нѣсколько времени, удалился; за нимъ хотѣлъ было подняться и Никитинъ, но я удержалъ его. Между тѣмъ подошелъ вскорѣ К. О. Александровъ-Дольникъ. Бесѣда наша продолжалась довольно длго, и онъ разстался съ нами не такой букой, какимъ пришелъ! Тѣмъ не менѣе, въ началѣ, не легко таки было залучать его къ себѣ. У меня и Константина Осиповича, по одному разу въ недѣлю, собирались короткіе наши знакомые, не для карточной (столь обыкновенной въ нашей общественной жизни) бесѣды, а для простой. Само собою разумѣется, что мы оба тотчасъ же предложили Никитину бывать у насъ въ эти дни. Какъ ни чужды были всякаго этикета наши вечерники, Иванъ Саввичъ все-таки сначала дичился, и нужно было каждый разъ повторять приглашеніе, чтобы видѣть его у себя; въ другое время приходитъ къ намъ за-просто сталъ онъ уже спустя довольно долго послѣ перваго знакомства. Хоть вообще мы скоро сблизились съ Иваномъ

Саввичемъ, со мною въ особенности (такъ какъ Константинъ Осиповичъ еще лѣтомъ 1854 года переселился изъ Воронежа въ Москву) личныя отношенія перешли въ дружескія; но онъ продолжалъ соблюдать нѣкоторыя церемонности.

«Никитинъ не замедлилъ, по просьбѣ нашей, познакомить насъ съ своими стихотвореніями. Онъ принесъ намъ сначала небольшую тетрадь, въ которой заключалось десятка два стихотвореній, а потомъ еще нѣсколько другихъ. Большая часть ихъ въ исправленномъ отчасти видѣ вошла въ изданіе гр. Толстаго (первыя 42 стихотворенія). Мало-по-малу появлялись у него новыя произведенія, и все написанное онъ спѣшилъ давать намъ для прочтенія. Едва ли не первое изъ такихъ стихотвореній было написано имъ по слѣдующему случаю. Вскорѣ послѣ напечатанія въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ „Руси“, не помню, кто-то передалъ мнѣ написанный однимъ гимназистомъ (кажется, знаменитымъ впоследствии В — іемъ С — скимъ) разборъ этого стихотворенія. Статейка была очень глупенькая и даже пошленькая. Никитинъ, которому я показъ ее, искренно смѣялся надъ нею; но, тѣмъ не менѣе, она задѣла его за живое, и на другой же день онъ принесъ написанное имъ стихотвореніе: „Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной“, впоследствии передѣланное въ изданіи 1859 года.

«Посѣщая меня и Константина Осиповича, Никитинъ познакомился съ нашимъ кружкомъ, всего же болѣе сошелся онъ съ Александромъ Петровичемъ Нордштейномъ, человѣкомъ отличнѣйшей души, скромнымъ, благороднымъ, честнымъ, какихъ трудно встрѣтить на мѣстѣ, которое онъ занималъ тогда (непремѣн. членъ Строительной и Дорожной Комиссіи). Никитинъ началъ бывать у Нордштейна, и только ограничился этими тремя домами, — т. е., моимъ, К. О. Дольника и Нордштейна. Впоследствии, чрезъ Нордштейна Никитинъ познакомился съ его родственниками — Плотниковыми, къ которымъ часто ѣзжалъ потомъ гостить въ деревню. Чрезъ Плотниковыхъ Иванъ Саввичъ познакомился съ игуменіемъ Воронежскаго Дѣвичьяго монастыря Смарагдою *), сестрою быв-

*) Умершему въ 1866 году въ преклонной старости.

шаго Воронежскаго губернатора Д. Н. Бѣгичева *), которая всегда питала къ нему большое уваженіе.

«Между тѣмъ стихотворенія Никитина распространялись по городу въ рукописяхъ и пріобрѣтали ему большую и большую извѣстность. Многіе стали искать случая познакомиться съ нимъ. Между прочими выразила желаніе видѣть Никитина супруга тогдашняго губернатора, княгиня Е. Г. Долгорукая, и, по ея просьбѣ, я въ первый разъ привезъ къ ней Ивана Саввича. Она сдѣлалась одною изъ ревностнѣйшихъ почитательницъ его таланта (особенно нравились ей стихотворенія религіознаго содержанія—„Моленіе о чашѣ“, „Сладость молитвы“ и пр.), заставляла переписывать для себя его стихотворенія, читала ихъ всѣмъ и каждому, и очень любила, когда ихъ читали ей вслухъ. Послѣ перваго посѣщенія Никитина, она неоднократно приглашала его къ себѣ по вечерамъ и вообще оказывала ему много вниманія; такъ, она подарила ему прекрасный эстампъ „Моленіе о чашѣ“ (съ картины Бруни) и нѣсколько книгъ. Довольно любезностей показалъ къ Никитину и супругъ ея, князь Юрій Алексѣевичъ, также любитель литературы.

«Извѣстность Никитина скоро распространилась и за предѣлами Воронежа, хотя онъ и не рѣшался еще посылать куда-либо своихъ произведеній. Нѣкоторыя газеты не замедлили перепечатать изъ „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ помѣщенныя въ нихъ два его стихотворенія („Русь“ и „Война за вѣру“). Затѣмъ гр. Д. Н. Толстой, съ которымъ въ то время я былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ и которому, въ частномъ письмѣ, я рассказалъ о появленіи въ Воронежѣ новаго дарованія, приложивъ для образчика нѣсколько стихотвореній, вздумалъ это письмо мое цѣликомъ напечатать въ „Москвитянинѣ“, и тогда же сдѣлалъ Никитину предложеніе издать на свой счетъ собраніе его стихотвореній“.

Выше мы говорили о радости Никитина, отправлявшагося съ Рубцовымъ къ Второву; нечего говорить о его восторгѣ

*) Д. Н. Бѣгичевъ—авторъ романа „Семейство Холмскихъ“.

послѣ этого свиданія, послѣ сближенія съ Второвымъ, и шумъ, который поднялся въ городѣ по поводу его стихотвореній. Но что чувствовали родные,—отецъ и двоюродныя сестры Тюрины, жившія въ лачужкѣ насупротивъ домика Никитиныхъ, изъ которыхъ Анна Николаевна (прежняя Анюта) была частой гостей у брата? Какъ они посмотрѣли на новую жизнь своего Ивана Саввича, попавшаго въ общество Губернатора, Совѣтниковъ и другихъ важныхъ господъ? Родные просто испугались; они боялись, что Ивана Саввича *возьмутъ* въ Петербургъ! Впрочемъ, отецъ потомъ далеко не былъ равнодушенъ къ извѣстности сына, что и высказывалъ по-своему даже въ самые сильные пароксизмы пьянства: „Эй, ты, Васька, Ворокъ (или кто-нибудь въ этомъ родѣ знакомецъ), подлецъ! Развѣ ты не знаешь, какой у меня сынъ-то, Иванъ Саввичъ!“—кричить, бывало, старикъ на весь домъ, прерывая эти возгласы къ отсутствующимъ друзьямъ или непріателямъ крупною бранью сейчасъ же хвалимаго сына.

Восторгъ, произведенный стихотвореніемъ „Русь“, былъ очень великъ; въ Воронежѣ онъ увеличивался, благодаря положенію поэта-дворника, возбудившему теплое сочувствіе къ нему во всѣхъ тогдашнихъ лучшихъ людяхъ. Популярность его возрасла особенно послѣ написаннаго имъ стихотворенія „моленіе о чашѣ“; о Никитинѣ заговорили во всѣхъ даже едва грамотныхъ слояхъ общества; стихотвореніе переписывалось во множествѣ экземпляровъ и распространилось далеко за предѣлы Воронежа и даже губерніи. Всѣ бросились искать знакомства съ Никитинымъ; но поэтъ все еще дичился и не легко шелъ на знакомства. Легко представить себѣ положеніе бѣднаго дворника, вызваннаго къ новой жизни, легко понять его благодарное чувство къ тѣмъ людямъ, которые не дали ему задохнуться въ душной атмосферѣ. Хотя въ этомъ чувствѣ не было ничего несвободнаго, но первое время своей воронежской извѣстности Никитинъ почти не принадлежалъ самому себѣ. Благодарность и дружба до такой степени овладѣли его душою, что онъ отдался имъ вполнѣ. Безъ Второва, не бывши знакомымъ съ Второвымъ, въ первое время невозможно было близко сойтись съ Ни-

никитинымъ, даже рѣдко можно было застать его дома: онъ былъ или у Второва, или вмѣстѣ съ Второвымъ ѣздили куда-нибудь къ немногимъ его знакомымъ; къ числу послѣднихъ принадлежали семейства А. Р. Михайлова и И. А. Придорогина. Нѣкоторые изъ желавшихъ познакомиться съ Никитинымъ обижались трудностію добиться его и распространили по городу сплетни, что Никитинъ пишетъ на этихъ вечерахъ по заказу стихи, что его возятъ какъ диковинку. Я познакомился съ Никитинымъ въ Январѣ 1854 года, въ квартирѣ Н. С. Тарачкова и С. П. Павлова, преподавателей кадетскаго корпуса, жившихъ тогда вмѣстѣ; Павловъ снималъ съ него въ это время портретъ, напечатанный потомъ въ „Художественномъ листкѣ“ Тимма. Я, какъ и многіе, былъ изумленъ тѣмъ, что не нашелъ въ немъ того, чего ожидалъ. Хотѣлось, надо, правду сказать, найти въ немъ нѣчто въ родѣ мужичка или молодого парня въ длинномъ сюртукѣ и подстриженного въ кружокъ, а оказалось совсѣмъ не то. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, познакомившіеся прежде съ Никитинымъ, не шутя говорили, что онъ похожъ на Шиллера. Оставляя на сторонѣ всякое сравненіе, въ Никитинѣ въ самомъ дѣлѣ было что-то, если не нѣмецкое (чего никогда въ немъ совсѣмъ не было), то задумчивое, литературное. Содержатель постоялаго двора выматривалъ рѣшительнымъ литераторомъ, и отчаянный славянофилъ того времени непремѣнно называлъ бы его и по одеждѣ (онъ былъ уже одѣтъ въ короткій сюртукъ, гладко обстриженъ и брилъ бороду, какъ, впрочемъ, и прежде), и по способу выраженія, чистѣйшимъ западникомъ. Я слышалъ отъ него прежде чѣмъ прочелъ потомъ въ его книгѣ, такія фразы, какъ „грязная жизнь, грязная дѣйствительность“ и т. п., надъ которыми впослѣдствіи онъ самъ искренно смѣялся. Но прошло болѣе года, пока это начальное знакомство не обратилось въ дружественныя отношенія. И впослѣдствіи времени Никитинъ былъ тугъ на знакомства: сосредоточенность въ характерѣ, нѣкоторая скрытность и недовѣрчивость къ людямъ; печальныя семейныя обстоятельства,—все это, въ соединеніи если можно выразиться, съ мѣщанскою гордостью, были тому причиной.

И за предѣлами Воронежа Никитинъ нашель себѣ горячій привѣтъ. Корифей тогдашней литературной критики и одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ педагоговъ, И. И. Введенскій, написалъ къ нему восторженное письмо. Введенскій пишетъ, что стихотвореніе «Русь» онъ немедленно прочель всѣмъ своимъ ученикамъ «и съ величайшимъ восторгомъ привѣтствовалъ васъ, какъ народнаго поэта». Введенскій восхищался стихомъ Никитина и пророчилъ ему блестящую будущность, если только онъ останется вѣренъ самому себѣ; «но если, говорить онъ, тотъ же Никитинъ промѣняетъ свой постоянный дворъ на искусственный кабинетъ петербургскаго или московскаго литератора, геній его станеть увядать постепенно, и онъ займетъ мѣсто въ разрядѣ жалкихъ посредственностей, которыми, къ несчастію, такъ богата Русская поэзія». Также привѣтливо и почти въ томъ же смыслѣ о необходимости самобытности и народности въ поэзіи писалъ къ Никитину А. Н. Майковъ, познакомившійся съ нимъ заочно чрезъ посредство А. П. Нордштейна; къ числу такихъ заочныхъ знакомыхъ, и все чрезъ того же Нордштейна, принадлежалъ нѣкто г. Порѣцкій, постоянный почитатель и посредникъ Никитина съ петербургскими журналистами. Къ числу же литературныхъ знакомствъ, сдѣланныхъ Никитинымъ въ это время, принадлежитъ знакомство его съ Н. В. Кукольниковъ, прожившимъ зиму 1853—1854 г. въ г. Воронежѣ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при Военномъ Министерствѣ по заготовкѣ провіанта для дѣйствующей арміи. Счастливъ былъ Никитинъ въ это пору своей жизни; лучи счастья облили, можно сказать, все существо его, но положеніе его, какъ поэта, было фальшиво. Въ эту эпоху крайнее направленіе западничества изживало свои послѣдніе дни; духота общественной и литературной атмосферы была поразительная. «Здѣсь васъ», писалъ Никитину А. Н. Майковъ, заставить разлюбить Россію. Я представляю себѣ, какія у васъ въ глуши иногда, въ настоящее время великой войны, идутъ бесѣды о Россіи, ея силахъ, ея будущемъ! Представляю себѣ, какъ вы страдаете за нашу славу, ревнуете ее и вмѣстѣ съ тѣмъ полны вѣры, что «коренная вынесетъ!»... Надо много характера, чтобы хранить и святить это чув-

ство въ Петербургѣ... Знаете ли, что я завидую вамъ? Завидую тому, что васъ воспитала и вскормила сермяжная Русь, слѣдовательно, вы должны ее знать лучше меня». Но громы войны, неудачной, но тѣмъ не менѣе славной, очищали воздухъ. Отовсюду неслись новыя требованія, новыя запросы жизни. Поэтъ-дворникъ, поэтъ-мѣщанинъ, сынъ степей и «сермяжной Руси», одноземецъ Кольцова,—есть отъ чего восторгаться! На автора «Руси», написанной свѣжимъ и сильнымъ стихомъ, есть причины понадѣяться! Но, увы! мы видѣли, что Никитинъ почти не выѣзжалъ изъ заставы Воронежа; что мѣщаниномъ онъ былъ только по названію, а дворникомъ по одной профессіи; что его воспитали не «сермяжная Русь», о которой онъ судилъ только по заѣзжавшимъ на его дворъ извозчикамъ, не степи, которыя онъ рѣдко видалъ, а литература сороковыхъ годовъ, что онъ былъ человѣкъ не съ первобытными, а съ цивилизованными понятіями, только по несчастію затертый въ необразованной средѣ. Конечно, литераторъ-дворникъ далеко не то, что литераторъ-дворянинъ, литераторъ москвичъ или петербуржецъ: до нѣкоторой степени ему присуще было то, что въ немъ предполагалось, но только до нѣкоторой... Непосредственного, напримѣръ, даже Кольцовскаго отношенія къ окружающей его жизни у Никитина не было и быть не могло; для этого онъ былъ слишкомъ развитъ и рефлексивенъ. Онъ, какъ питомецъ литературы 40-хъ годовъ, стремился къ направленію, къ практической пользѣ въ поэзіи, и это стремленіе увеличилось по мѣрѣ его развитія,—а отъ него требовали непосредственной, объективной народности, вѣры только въ самого себя, въ то время, когда въ самомъ-то себѣ онъ чувствовалъ раздвоеніе, надломъ! Не нашли того, на что надѣялись,—и восторгъ смѣнился охлажденіемъ! Все это увеличивало внутреннюю борьбу Никитина съ самимъ собою. Изъ воронежскихъ друзей его влиялъ на него, въ смыслѣ Введенскаго и Майкова, А. П. Нордштейнъ, человѣкъ вполнѣ русскій; письма г. Нордштейна, сохранившіяся въ бумагахъ Никитина, доказываютъ это влияніе. Почти до самой смерти Никитина у нѣкоторыхъ сохранилось убѣжденіе, что онъ былъ такъ-себѣ,—простой мѣщанинъ

человѣкъ безъ всякаго образованія. Такъ, въ 1860 г., рецензентъ «Современника», разбирая 2-ое изданіе его стихотвореній, выразился слѣдующимъ образомъ: «Г. Никитинъ, вѣроятно, думалъ, что если *господа* такъ пишутъ, то почему и мнѣ не писать!»... Такъ и до сихъ поръ еще продолжаютъ проводить ни къ чему не ведущія параллели между Кольцовымъ и Никитинымъ и хотятъ видѣть въ послѣднемъ то, чѣмъ онъ никогда не былъ. Никитинъ былъ дѣйствительно, литературною замѣчательностью, но совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ Кольцовъ: это былъ литераторъ съ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ; выработанный провинціею, безъ всякаго участія столицъ и другихъ умственныхъ центровъ, въ провинціи жившій и дѣйствовавшій. Второвъ и его кружокъ только dokonчили культурное образованіе Никитина, хорошую подготовку къ которому дали ему семинарія и разнообразное чтеніе.

Сочувствіе къ положенію Никитина выразилось и матеріальнымъ образомъ. Проживавшій въ то время въ Воронежѣ купецъ, нѣкто Рукавишниковъ, извѣстный откупщикъ и золотопромышленникъ, уѣзжая въ Иркутскъ, звалъ къ себѣ Никитина и предлагалъ ему очень выгодное мѣсто на пріискахъ, на всемъ его содержаніи, съ платою по 1,200 р. въ годъ. Долго шли объ этомъ толки; но, не смотря на чистосердечное желаніе г. Рукавишникова помочь Никитину, въ Сибирь онъ не поѣхалъ: жаль было отца бросить, Второва, жаль было оторваться отъ новой жизни.— «Сибири!»... пишетъ Никитинъ въ одной изъ записокъ къ Второву:

Напишешь это слово,—
И вдругъ свободная мечта
Меня уноситъ въ край суровый.
Природы дикой красота
Вдали встаетъ передо мною.
И, мнится, вижу я Байкалъ
Съ его прозрачной глубиною,
И цѣпи горъ съ громадой скалъ,
И безконечную равнину
Вокругъ бѣлѣющихъ снѣговъ,

И грозныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ
Необразимую вершину...
Но вотъ проходить этотъ бредъ,
И снова видишь предъ собою:
Диванъ съ подушкою худою,
Комодъ, старинный туалетъ,
Семь стульевъ, столъ на жалкихъ ножкахъ,
Навозъ какой-то на полу,
Цвѣты въ какихъ-то глупыхъ плошкахъ
И наконецъ, кота въ углу.
Да вотъ пришелъ старикъ сердитый,
О похоронахъ говорить
И, кажется, меня бранить.

Никитинъ жилъ, и новая жизнь начала его толкать и за-
дѣвать всячески; вмѣстѣ со счастьемъ начались своего рода
заботы и тревоженія. Сильно его озабочивало предстоящее
изданіе его стихотвореній, предпринятое гр. Д. Н. Толстымъ
и А. А. Половцовымъ: надобно было позаботиться о томъ,
какія стихотворенія отобрать для печати, что въ нихъ попра-
вить и т. п. Рукопись стихотвореній была отослана къ графу
въ октябрѣ 1854 года, а книжка вышла въ началѣ 1856 года.

Главнѣйшее затрудненіе заключалось въ неизбежности ча-
стой переписки съ издателемъ, въ пересылкѣ къ нему новыхъ
стихотвореній, въ просьбѣ прибавить то, урѣзать другое. Ни-
китинъ тревожился; но незавидно было положеніе графа
Толстаго, такъ какъ мудрено было удовлетворить желанію ав-
тора, живущаго за тысячу слишкомъ верстъ отъ Петербурга.
Вы не читали «Сѣверной Почты»? спрашиваетъ Никитинъ
у Второва, по выходѣ уже 1-го изданія: «Θ. Булгаринъ, го-
ворили мнѣ, извоилъ сдѣлать вотъ какой взглядъ на мою
книжонку:—что вотъ-де самородка произведеніе, исправленное
и изданное гр. Д. Н. Толстымъ, на котораго смѣло можно
положиться; что-де въ самомъ дѣлѣ книжка вышла премилая,
что у меня-де есть кипы подобныхъ самородныхъ произве-
деній, да все, знаете, некогда взяться за исправленіе и т.
д.» Вотъ что пѣлъ Булгаринъ, а другіе говорили, и, кажется,
печатали, что гр. Толстой не обращалъ никакого вниманія на по-

правки и замѣтки Никитина, а печаталъ, что ему вздумалось; намъ положительно извѣстно, что и то и другое неправда. Не менѣе доставляла хлопотъ и волненій Никитину отправка новыхъ стихотвореній въ тогдашніе петербургскіе журналы. Хотя Порѣцкій, какъ мы сказали, былъ самымъ усерднымъ его коммиссіонеромъ, но въ положеніи Никитина было отъ чего волноваться! Волновали его и толки о немъ, какъ о поэтѣ, и взгляды на его общественное положеніе. Такъ, одинъ журналистъ предложилъ за напечатанныя имъ семь довольно большихъ стихотвореній Никитина 25 р. с.; Порѣцкій не взялъ этихъ денегъ, сказавъ: „Я узнаю, согласится ли на это Никитинъ“. — „На что ему деньги! восклицаетъ практическій журналистъ:—вѣдь, онъ даромъ ихъ проѣстъ на своемъ постояломъ дворѣ?“ Другой шлетъ ему, вмѣсто денегъ и въ видѣ подарка, какой-нибудь разрозненный хламъ, большею частію своего пздѣлія. Здѣсь уже кстати сказать о волненіяхъ и тревогахъ, испытанныхъ Никитинымъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія его стихотвореній, въ началѣ 1856 г.; особенно опечалила его статья «Русскаго Вѣстника», кажется, принадлежавшая покойному Кулрявцеву, статья дѣльная, но односторонняя, потому что въ Никитинѣ она отыскивала Кольцова и, конечно, не находила. Впрочемъ, всѣ эти тревоги, неизбежныя для начинающаго литератора, исчезли въ полнотѣ наслажденія поэтическимъ творчествомъ, доселѣ не испытаннаго Никитинымъ. Со всѣмъ жаромъ онъ предался этому наслажденію и писалъ относительно много, замѣчательно быстро совершенствуясь въ стихѣ и композиціи. Въ іюлѣ 1854 года онъ началъ уже „Кулака“, лучшее свое произведение, къ которому часто и подолгу возвращался. — Чтеніе самое разнообразное и серьезное, изученіе французскаго языка, на которомъ Никитинъ впослѣдствіи свободно читалъ и могъ кое-какъ объясняться, составленіе для себя маленькой бібліотеки изъ нашихъ лучшихъ писателей, живыя бесѣды съ образованными людьми, въ особенности съ женщинами, все это производило на него самое благотворное, умиротворяющее вліяніе. Стоитъ только прочесть крошечныя его записки къ Второву (1854—1865 г.), съ которымъ онъ часто

ими обмѣнивался, чтобы убѣдиться въ этомъ; отъ нѣкоторыхъ строкъ такъ и вѣетъ полнотою счастья.

«Я стою теперь передъ столомъ. Книги на столѣ въ порядкѣ; гляжу на нихъ, улыбаясь самодовольно, и думаю: Фу, чортъ возьми! Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не великій ли я человѣкъ! вѣдь, пять книгъ!... Но, вдругъ, о ужасъ! какой-нибудь извощикъ выводитъ меня изъ самозабвенія крикомъ: «Савеличъ овса!... Э, малый! да ты острыгся! Вишь виски-то, щетина-щетиной!» — «Я сегодня ѣздилъ въ поле. Боже, какъ хорошо! ручьевъ тысячи, звуковъ тысячи! Все кипитъ, начинается жить. Видѣлъ и слышалъ жаворонковъ, грачей, скворцовъ, утокъ. Теперь—въ ушахъ шумъ, въ глазахъ—видѣнная картина».

А вотъ другая, зимняя картина въ шуточномъ родѣ, когда, стало быть, было до шутокъ:

Ну, вотъ я дождался разсвѣта,
Гляжу въ окно—все нѣтъ добра!
Чортъ знаетъ? Ни зима, ни лѣто...
Бѣги хоть съ горя со двора!
Мой другъ! Скажите, ради Бога,
Когда-жъ падетъ надежный снѣгъ,
Окончится ѣзда телѣгъ,
Настанетъ зимняя дорога?
Напрасно я за ворота
Спѣшу, обозовъ поджидая;
Безмолвна улица пустая,
Дворъ пустъ, въ карманѣ 'пустота!...
Дай, помолюсь въ тоскѣ-печали:
Не медли, матушка зима!
Мы безъ тебя оголодали;
Всѣмъ дворникамъ грозитъ сума...
О, горе, горе! Въ избахъ пусто...
Куда же дѣнется у насъ
Въ кадушкахъ припасенный квасъ
И наша кислая капуста,
Чѣмъ дорожить, къ чему привыкъ
Нашъ русскій баринъ и мужикъ?
Аминь! Да будетъ власть Господня!

«Лукичъ» *) мой просится сегодня
Къ вамъ въ гости. Этакъ оселъ!
Какъ зюзя съ ярмарки пришелъ... **)

Въ Р. S. въ одной изъ своихъ записокъ, написанной на розовой бумагѣ, Никитинъ говоритъ: «Конечно, вы замѣчаете своего рода прогрессъ въ моихъ запискахъ? Ничего, ничего... Молчаніе!» — Въ эту пору, замѣчаетъ Второвъ, Никитинъ сдѣлался уже свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ бросилъ свой длинно-полый сюртукъ и сшилъ себѣ платье по модѣ (только до фрака никогда не доходило дѣло), сдѣлался очень развязенъ; прежней дикости не было и слѣда». Повторяемъ, едва ли былъ такъ счастливъ Никитинъ, какъ въ эту первую пору своей новой жизни, а когда онъ былъ счастливъ, т. е., спокоенъ, трудно было найти человѣка живѣе и любезнѣе его! Нелюдимости и угрюмости какъ не бывало; шутки и остроты не сходили съ устъ; въ такомъ же родѣ писались записки къ знакомымъ, иногда стихами, какъ слѣдующіе стихи къ Второву, при посылкѣ къ нему «Живописца», журнала Новикова:

Изъ библіотеки старинной ***)
Вамъ томъ разрозненный дарю;
Я, признаюсь, морали чинной
Въ сатирѣ скучной не люблю.
Желаю вамъ подъ этой пылью
Съискать побольше добрыхъ лицъ;
Пусть вѣтъ сладостною былъю
На васъ отъ сѣренъкихъ страницъ.
Да, кстати! Новость сообщаю:
Мой Дмитричъ далеко... увь!
Я самъ извозчиковъ встрѣчаю,—
И дворникъ съ ногъ до головы!

Дмитричъ былъ что-то въ родѣ прикащика у Никитина, прикащика, впрочемъ, не очень расторопнаго; онъ назывался

*) «Лукичъ» — герой «Кулака», рукопись котораго часто читалась и пересылалась Второву.

**) См. главы V и VI поэмы «Кулака». Стихи писаны 23 декабря 1856 г.

***) Составленной Саввою Евтѣичемъ.

иначе «ритористомъ», потому что когда-то учился въ семинаріи, гдѣ дошелъ до риторики.

Перерожденіе Никитина, такъ быстро совершившееся; не оттолкнуло, однако же, его отъ «грязной дѣйствительности», отъ постоялаго двора. Съ того времени, когда онъ началъ получать гонораръ за свои стихотворенія, и когда оказалась довольно порядочная выручка отъ распродажи книжки, за уплатой расходовъ по изданію, самое положеніе постоялаго двора измѣнилось къ лучшему, вмѣстѣ съ положеніемъ его хозяина; всѣ постояло-дворскія потребности удовлетворялись безотлагательно; явилась возможность имѣть прикащика и завести лошадей; не было надобности самому стряпать и прислуживать извозчикамъ. Правда, было много хлопотъ и возни съ дворомъ; было много грязи въ этой постояло-дворской обстановкѣ,—но что за надобность, когда на нее никто изъ друзей Никитина не обращалъ вниманія, когда каждый изъ нихъ спѣшилъ на этотъ бѣдный постоялый дворъ, въ это убогое мѣщанское жилище, во всякое время дня и ночи, по зову и безъ зова хозяина! Никитинъ любилъ собирать у себя вечеринки во всякое время, но особенно въ дни большихъ праздниковъ и на свои именины, 26 го сентября. Еще свѣжи въ нашемъ воспоминаніи эти вечера, и по прошествіи многихъ лѣтъ еще, какъ живая, рисуется въ нашемъ воображеніи дорогая картина! Вотъ онъ—крошечный домикъ на Кирочной улицѣ, второй отъ угла, налѣво, при поворотѣ съ Садовой, съ тремя окнами на улицу. Ъдешь, бывало, къ нему въ темную осеннюю ночь по едва мощеной и ничѣмъ не освѣщенной улицѣ. Ни звука, ни шороха! Только покачиваешься на извозничьихъ пролеткахъ, ныряющихъ по лужамъ. Но вотъ обдають тебя лучи свѣта, и сквозь вспотѣвшія три окна видишь знакомые листья розозой травы и лилій. «Стой!» кричишь извозчику; сходишь съ пролетокъ, съ трудомъ пробираешься по узкому, ветхому крылечку и прямоходишь въ переднюю, изъ которой ведутъ двѣ двери,—направо и налѣво; направо въ большую комнату, выходящую на улицу тремя знакомыми намъ окнами, налѣво—въ другую половину домика, которую занималъ Савва Евтѣичъ. Комната направо была

спальной, кабинетомъ, гостиной и всѣмъ, чѣмъ хотите, для Ивана Саввича; ее описалъ онъ въ вышеприведенныхъ нами стихахъ. Здѣсь-то, во время вечеринокъ, шла немолчная бесѣда, отсюда-то ложились лучи свѣта по грязной улицѣ, привѣтно васъ манившіе. Вы входите и садитесь непременно подлѣ круглаго, желтаго «стола на жалкихъ ножкахъ», на «диванѣ съ подушкою худою», или на стульяхъ. Шума и крику довольно; гости вооружены большими стаканами съ чаемъ, который готовится въ комнатѣ, что насупротивъ передней, и чинно разносится двоюродными сестрами Никитина, сосѣдками Тюриными (Анной и Пелагеей Николаевнами), обыкновенно призываемыми для подобныхъ торжественныхъ случаевъ; въ случаѣ отсутствія одной изъ нихъ, самъ хозяинъ-поэтъ занималъ ея мѣсто. Тѣмъ же чиннымъ порядкомъ раз-
поился десертъ, состоящій изъ разныхъ благодатей мѣстной Помоны. На именины непременно готовилась легкая закуска съ неизбѣжнымъ и всегда плохимъ пирогомъ. Но гостямъ не было дѣла ни до десерта, ни до закуски. Заводчикомъ споровъ, стало быть, душою бесѣды, былъ Придорогинъ съ его страстію вѣчно ставить вопросы и никогда не затрудняться ихъ рѣшеніемъ, какъ бы оно радикально ни было; истиннымъ Несторомъ бесѣдъ былъ Вгоровъ, лучше и основательнѣе другихъ образованный, съ его умною, логически-последовательною рѣчью. Изрѣдка ввертывалъ свое, иногда очень мѣткое и оригинальное, слово и Савва Евтѣичъ, бывшій ту же въ длиннополомъ синемъ сюртукѣ. Самъ Иванъ Саввичъ только урывками принималъ участіе въ бесѣдѣ, принужденный хлопотать по хозяйству, или принимать гостей; если гость былъ въ первый разъ въ домѣ, онъ непременно подводилъ его къ отцу говоря:—«рекомендую вамъ—мой батенька!» Да, шумѣли много на Никитинскихъ вечеринкахъ; но нельзя сказать, чтобы «шумѣли—и только!» Начиная съ 1856—57 г., когда появились «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда», когда въ воздухѣ запахло освобожденіемъ крестьянъ и ароматомъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ, когда не однимъ провинціаламъ пришлось многому доучиваться, приходилось проверять себя, сводить счеты съ своимъ прошлымъ, пере-

воспитываться,—эти скромныя вечеринки, на которыхъ употреблялось только множество чаю и плодовъ, нисколько не походили на Репетиловскія, хотя участвующіе въ нихъ, расходясь далеко за полночь по домамъ, нерѣдко вспоминали безсмертныя стихи Грибоѣдова. Или вотъ другая картина, все въ той же комнатѣ, но уже въ лѣтнюю пору, и еще до захожденія солнца. Придешь, бывало, одинъ къ Никитину и застаешь его сидящимъ на диванѣ за столомъ. На столѣ лежатъ двѣ-три книги, стоитъ чернильница, разбросаны бумаги. По прошествіи многихъ лѣтъ забылись, конечно, веденныя рѣчи, но не забылось чтеніе Никитинымъ душевнѣйшихъ его произведеній, не забылся его симпатичный голосъ, звенящій чистымъ баритономъ; никогда не забудется выраженіе строгаго и блѣднаго лица его, его горящихъ глазъ, на вѣкахъ которыхъ часто дрожали слезы! Трепетъ пробѣгалъ по вашему тѣлу, когда въ безмолвной комнатѣ, залитой лучами лѣтняго солнца, мужественно раздавались звуки, напримѣръ, вотъ такихъ стиховъ:

Какъ узникъ я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!

Да, и вы твердо и свято вѣрили чтецу, что онъ и рвался и разбивалъ, и желалъ и не жалѣлъ! Одной изъ такихъ минутъ я обязанъ дружественнымъ сближеніемъ съ Никитинымъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Деревня и общество женщин.—Богѣзнь Никитина.—Отъѣздъ Второва.—Письмо къ нему Никитина.—Новая жизнь послѣдняго съ весны 1857 г.—„Кулакъ“.—Любовь.—Мысль о книжной торговлѣ.—Передрага, случившаяся съ Никитинымъ, какъ послѣдствіе распространенія „Колокола“ въ воронежской фабрикаціи.—Устройство книжнаго магазина и его открытіе.

Освоившись съ своимъ новымъ положеніемъ, Никитинъ съ удовольствіемъ покидалъ свою берлогу не только для бесѣды съ своими городскими друзьями и знакомыми, но и для деревни, для общества людей, мало ему знакомыхъ. По свидѣтельству Второва, Никитинъ часто ѣзжалъ въ деревню Плотниковыхъ, находившуюся недалеко отъ Воронежа, если не ошибаемся, въ Землянскомъ уѣздѣ. Здѣсь открылся передъ нимъ новый міръ—природы и быта. Довольно живописная природа воронежскихъ окрестностей, хорошо знакомая Никитину, еще не давала ему полнаго понятія о всемъ разнообразіи и прелести нашей при-донской природы, отличающейся кроткимъ характеромъ безконечныхъ, но живописныхъ равнинъ. Питомецъ мѣщанскаго быта обязанъ ей лучшими минутами своей жизни. Благотворно и поучительно, до нѣкоторой степени, было на него вліяніе и деревенскаго быта. Здѣсь онъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ крестьянину въ его домашней, семейной обстановкѣ; здѣсь на него хорошо подѣйствовалъ и помѣщичій бытъ, хотя Никитинъ едва ли сознавалъ послѣднее. Надо правду сказать, всѣ мы до начала великой крестьянской реформы были враждебно настроены противъ помѣщиковъ. Страстно желая освобожденія крестья-

янь, мы относились къ помѣщичьему быту съ полнѣйшимъ отрицаніемъ его историческихъ заслугъ: мы, образованные люди, забывали, что въ помѣщичьей средѣ хранились историческія преданія, росла и крѣпла наша гражданственность. Вокругъ женщины, какъ само собою размѣется, сосредоточивались всѣ свѣтлыя стороны, вся поэзія отжившаго помѣщичьяго быта. Живой образъ такой женщины литература представляетъ въ Татьянѣ Пушкина; тысячи такихъ Татьянь, такихъ истинно русскихъ женщинъ, образованныхъ, кроткихъ, но глубокихъ своимъ жизненнымъ содержаніемъ и своимъ великимъ воспитательнымъ значеніемъ въ семьѣ были разсыпаны по нашимъ деревнямъ въ эпоху, предшествующую эманципациі крестьянъ. Мы не были знакомы съ тою мѣстностію, гдѣ находилась деревня Плотниковыхъ, но мы знаемъ, что у нихъ было большое сосѣдство, между которыхъ были такіе дома, какъ Добровольскіе и Матвѣевы, гдѣ Никитинъ встрѣчалъ самый радушный, самый родственный пріемъ, гдѣ онъ очень любилъ бывать и скорбѣлъ, когда болѣзнь или другія причины мѣшали его поѣздкѣ. Общество этихъ трехъ помѣщичьихъ домовъ, дружное между собою, въ большинствѣ состояло изъ женщинъ, преимущественно изъ молодыхъ дѣвушекъ, чутко понявшихъ тотъ интересъ, который возбуждалъ къ себѣ ихъ новый знакомый, столь не похожій на другихъ, если нѣсколько и нелюдимый, зато въ сильной степени возбуждавшій молодое женское любопытство. Въ семействѣ Плотниковыхъ, было, если не ошибаемся, нѣсколько дѣвицъ. Превосходный садъ и молодое общество прекраснаго пола самымъ живительнымъ образомъ подѣйствовали на Никитина, и, если можно такъ выразиться, растворили его душу для впечатлѣній, дотошъ незнакомыхъ ему. Мы имѣли возможность читать письма Никитина къ Плотниковымъ: въ нихъ нѣтъ ничего, если хотите, интереснаго; но есть именно то, о чемъ мы говоримъ—юношеская полнота жизни, на которую только урывками былъ способенъ Никитинъ, да и то развѣ только въ эту пору. Въ числѣ бумагъ Никитина находится стихотвореніе, написанное на память ему одною изъ особъ не нашего пола. Мы не знаемъ имени этой особы; знаемъ только, что

она не принадлежала къ семейству Плотниковыхъ, и что Иванъ Саввичъ былъ съ нею только въ добрыхъ отношеніяхъ *). Это обстоятельство давало бы намъ право изпечатать все стихотвореніе, не совсѣмъ выдержанное, но очень граціозное, если бы мы не боялись длинноты его; довольствуемся отрывкомъ, который приводимъ для доказательства того, что говорилось выше и вообще, и по отношенію къ Никитину. Дѣло идетъ о садѣ, или лучше сказать, объ одномъ уголкѣ его, «безмолвномъ и забытомъ, густою чащею тѣнистыхъ липъ закрытомъ». Прощаясь съ этимъ «безмолвнымъ пріютомъ», поэт-дѣвушка говоритъ:

Прощай!.. Промчатся дни, десятки лѣтъ пройдутъ;
Ты будешь зеленѣть, цвѣсти и красоваться,
Но я не приду тобою любоваться;
И нѣтъ въ тебѣ слѣда ни задушевныхъ думъ,
Которыми кипѣлъ и волновался умъ,
Ни даже тѣхъ шаговъ, которыми, бывало,
Твой шелковистый дернъ задумчиво я мяла!
Кому же скажешь ты о памяти моей?
Когда-нибудь судьба подъ тѣнь твоихъ вѣтвей,
Быть можетъ, приведетъ того, кто духа силы
Для жизни пробудилъ въ душѣ моей унылой;
Напомни обо мнѣ ему, мой уголокъ!
Навѣй высокихъ думъ и грезъ златыхъ потокъ,
Волненье успокой души его тревожной,
Согрѣй надеждою, что счастье возможно;
И, убаюканный волшебною мечтой,
Заснетъ въ его груди недугъ сомнѣній злой!

Нечего удивляться, что Никитинъ любилъ бывать въ обществѣ женщинъ, и что женщинамъ онъ нравился. Правда, былъ онъ неловокъ всегда: дворникъ, если хотите, отчасти изъ-за него высматривалъ; но женщинамъ правилась въ немъ необыкновенная искренность, сила и цѣломудренность мысли. Если Никитинъ не любилъ ни одной женщины до 1853 года, то это, помимо его замкнутости, могло происходить и оттого,

*) Этой особѣ посвящены три стихотворенія Никитина, помѣщенные въ настоящемъ изданіи подъ №№ LXXXIV — LXXXVI (см. 1-й томъ, стр. 172—174).

что онъ не зналъ ихъ совсѣмъ, что подойти къ нимъ онъ боялся, какъ боялся войти въ кругъ равнаго съ нимъ по образованію общества. Кажется, нечего говорить, что Никитинъ не могъ увлечься непосредственнымъ чувствомъ, и тѣмъ болѣе, къ существу непосредственному.

Читатель можетъ упрекнуть насъ, что мы идеализируемъ своего героя, что мы положеніемъ, о которыхъ говоримъ, придаемъ черезчуръ идиллическій характеръ. Дальнѣйшій рассказъ оправдываетъ насъ отъ упрека въ идеализаціи. Что же касается до идилліи, то она, какъ гармонія во всѣхъ отпавленіяхъ нашей жизни, въ жизни Никитина только и была въ эту эпоху, и то какъ рѣдкая гостя. Прощаясь съ нею навсегда, мы обращаемся опять къ самымъ прозаическимъ и печальнымъ явленіямъ въ жизни нашего героя.

Къ числу ихъ принадлежитъ болѣзнь Никитина, не просто временная болѣзнь, не просто хроническій недугъ, а непрерывный рядъ физическихъ страданій, продолжавшихся по полугоду, страданій, при которыхъ немислимо было мало-мальски спокойное существованіе. Въ жизни Никитина съ 1853 года, въ поэтической его дѣятельности, этою болѣзнію очень многое объясняется. Въ коротенькой записочкѣ, отъ 14-го Апрѣля 1855 года, вотъ что писалъ Никитинъ къ Второву: «... я боленъ. Ноги, поясница, желудокъ... бѣда! Впрочемъ я живу—это не въ первый разъ!»

Къ этой запискѣ Второвъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

«Когда я познакомился съ Никитинымъ, онъ уже постоянно жаловался на расстройство желудка и питался только куриннымъ супомъ съ бѣлымъ хлѣбомъ да какой-нибудь кашей. Расстройство желудка, по его рассказамъ, началось у него съ тѣхъ поръ, какъ онъ, хвалясь своей силой, подналъ несоизмѣрную тяжесть*), причемъ у него какъ бы порвалось что внутри. Это случилось года за три, или четыре, до знакомства со мною. Болѣзнь, о которой говорится въ запискѣ, онъ схватилъ, благодаря мнѣ; наканунѣ, т.-е., 13-го Апрѣля, было прелестнѣйшее утро, и я съ нимъ сдѣлалъ дальнюю

*) Сдвинулъ съ мѣста чѣмъ-то нагруженный возъ.

прогулку пѣшкомъ за городъ (что нерѣдко случалось) къ архіерейской дачѣ, за Троицкой слободой. Весна была ранняя; все было уже зелено. Бродя по берегу рѣки, мы любовались ея гладкою поверхностью, гдѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалась вся противоположная сторона. Я, отчаянный гидропатъ, соблазнился, не выдержалъ и сталъ купаться. Примѣру моему, не смотря на мое предостереженіе, послѣдовалъ и Никитинъ. Послѣдствіемъ этого купанья и была его болѣзнь, продолжавшаяся все лѣто. Сначала съ нимъ сдѣлалась горячка, и дѣло было очень плохо. Пичкалъ его тогда Т.; Никитинъ просилъ, чтобы я привезъ къ нему Кундасова. За горячкою послѣдовало скорбутное состояніе: онъ лишился употребленія ногъ и постоянно лежалъ въ постели. П. И. Савостьяновъ предложилъ ему тогда переселиться на время въ свое имѣніе (Сухіе Гаи) въ надеждѣ, что свѣжій деревенскій воздухъ поправитъ лучше его здоровье, чѣмъ лѣкарства. Никитинъ принялъ это предложеніе, но не выдержалъ, кажется, и десяти дней и снова возвратился въ Воронежъ. «Здѣсь, писалъ онъ ко мнѣ, я одинъ, и это уединеніе убиваетъ меня не менѣе болѣзни. Тоска страшная! Родныхъ нѣтъ никого, не на комъ остановить глазъ. Быть можетъ, эта тоска ребячество,—я не спорю; но выше моихъ силъ съ нею бороться, не видя надежды къ лучшему. Впереди представляется мнѣ картина: вижу самого себя медленно умирающаго, съ отгнившими членами, покрытаго язвами, потому что такова моя болѣзнь!» П. И. Савостьяновъ, о которомъ здѣсь говорится, былъ воронежскій помѣщикъ. Имѣніе его, Сухіе Гаи, находится въ 50 верстахъ отъ Воронежа. Воспитанникъ Московскаго университета, человѣкъ богатый, Павелъ Ивановичъ свою молодость посветилъ педагогической службѣ. Онъ былъ послѣдовательно директоромъ гимназій въ Харьковѣ и Воронежѣ и директоромъ Московскаго Земледѣльческаго училища. Директорство Савостьянова въ Воронежѣ относится къ 1838—1840 г. *), когда еще живъ былъ Кольцовъ, котораго онъ принималъ у себя и знакомилъ со вновь поступавшими въ гимназію учи-

*) См. нашу статью въ „Воронежской Бесѣдѣ“ 1861 г., стр. 417.

телями. Воронежским помѣщикомъ П. И. Савостьяновъ сталъ позже, уже по выходѣ въ отставку. Бывая часто въ губернскомъ городѣ, а по зимамъ проживая въ немъ, Савостьяновъ раньше другихъ познакомился съ Никитинымъ и, когда послѣдній разболѣлся, предложилъ ему лучшее средство для излѣченія—пожить въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Онъ послалъ за нимъ особенный экипажъ, называемый *каруцею*, въ которомъ и пріѣхалъ въ Гаи Никитинъ лежащимъ въ постели, въ сопровожденіи нанятаго слуги. Въ большомъ господскомъ домѣ, расположенномъ въ саду, Никитинъ не захотѣлъ остановиться, а предпочелъ флигель, отдаленный отъ сада. И хотя, для отдыха больному, была разбита около флигеля полотняная палатка, но она, естественно, не могла замѣнить сада, при томъ же больной былъ такъ слабъ, что не могъ ходить, и его надобно было переносить на рукахъ даже въ эту палатку. Должность сидѣлки и носильщика исполнялъ съ величайшимъ усердіемъ (по рассказамъ хозяина) пріѣхавшій слуга, молодой парень, одѣтый и остриженный по-русски, кажется, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ больного *). При такихъ условіяхъ, не смотря на любезность хозяина, жизнь въ Гаяхъ становилась несносной. На бѣду, Цавель Ивановичъ надѣлилъ своего гостя популярными медицинскими сочиненіями, которыми послѣдній зачитывался, и которыя просто нагнали на него нанику: онъ сталъ считать себя при послѣднихъ минутахъ жизни, окончательно пораженнымъ скорбутомъ, а потому и пожелалъ скорѣе возвратиться домой. Это было въ концѣ іюня 1855 года. Памятникомъ пребыванія Никитина въ Сухихъ Гаяхъ осталось слѣдующее стихотвореніе, посвященное имъ П. И. Савостьянову:

*) Сообщая намъ приведенныя подробности, П. И. Савостьяновъ (давно умершій) останавливается на мысли, что замѣчательные люди обладаютъ необычайною способностію не только привлечь къ себѣ, но и поработать себѣ другихъ. Мысль эта, по словамъ нашего корреспондента, вполне подтвердилась для него отношеніями больного Никитина къ своему слугѣ. Болѣзнь сдѣлала Никитина страшно раздражительнымъ и капризнымъ. Лишенный возможности движенія, онъ не давалъ покоя своему слугѣ, сердился на него, бранилъ его, нерѣдко—оскорблялъ; и послѣдній не только никогда не обнаруживалъ ни тѣни неудовольствія, но продолжалъ служить больному еще съ большимъ удовольствіемъ, доходявшимъ до увлеченія.

Не спится мнѣ. Окно отворено,
Давно горятъ небесныя свѣтила,
Сіяетъ прудъ, въ густомъ саду темно,
Ночь ясная безмолвна, какъ могла...

Но тамъ—въ гробахъ навѣрно есть покой;
Здѣсь жизни пиръ; во тьмѣ кипятъ желанья,
Во тьмѣ порокъ идетъ своей тропой,
Во тьмѣ не спать ни страсти, ни страданья?

И больно мнѣ и страшно за людей.
Въ ночной тиши мнѣ чуются ихъ стоны,
И вижу я, какъ въ пламени страстей
И мечутся, и плачутъ миллионы...

И плачу я... Мнѣ думать тяжело,
Что день и ночь, минута и мгновенье
Родятъ на свѣтъ невидимое зло
И новое, тяжелое мученье.

Однакоже, по возвращеніи изъ Сухихъ Гаевъ, все лѣто 1855 года Никитинъ проболѣлъ очень сильно, и только къ осени здоровье его стало поправляться. Помогъ ему окончательно новый врачъ, Кундасовъ, къ которому онъ теперь обратился, отказавъ Т—лю, доктору впрочемъ весьма почтенному и искусному. Кундасовъ посоветовалъ ему бросить нелѣпую діету, которой онъ до того времени постоянно держался, и велѣлъ ему употреблять болѣе грубую пищу, ѣсть кислыя щи, солонину съ хрѣномъ и уксусомъ, пить квасъ и т. п., чего онъ прежде боялся какъ яду. Советъ этотъ весьма скоро оказалъ свое полезное дѣйствіе, т. е., прибавимъ, вылѣчилъ отъ скорбута, но не отъ болѣзни желудка, не отъ кишечной чахотки, если только мы не ошибаемся въ опредѣленіи болѣзни Никитина. Еще по осени того же года Никитинъ писалъ: „Вчера (12-го Октября) для меня былъ страшный день. Я думалъ, треснетъ мой черепъ,—такъ болѣла голова отъ расстройства желудка!“ Это былъ обычный симптомъ болѣзни.

Графъ Д. Н. Толстой, первый издатель сочиненій Никитина и до самой его смерти одинъ изъ искренно расположенныхъ къ нему людей, служилъ въ это время въ Петербургѣ вице-

директоромъ департамента Полиціи Исполнительной, при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Графъ предложилъ Никитину поднести отъ его имени по экземпляру стихотвореній Высочайшимъ Особамъ. Само собою разумѣется, что Никитинъ съ радостію на это согласился. Стихотворенія были поднесены при простыхъ вѣрноподданическихъ письмахъ Никитина. Обѣ императрицы, царствующая и вдовствующая, и покойный цесаревичъ Николай Александровичъ удостоили Никитина драгоценными подарками, которые онъ принялъ съ восхищеніемъ. «Милый Николай Ивановичъ, писалъ онъ къ Второву, ура!! Отъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны сію минуту имѣлъ счастье получить золотые часы. Пожалуйста ко мнѣ. Я прибѣгъ бы къ вамъ самъ, но у меня И. А. Придорогинъ и сейчасъ будетъ Л—къ. Приходите посмотрѣть. Цѣлую васъ заочно. Рука дрожитъ. Извините! 1856 г., числа не помню. Вашъ И. Никитинъ». — Нечего говорить, что Высочайшее вниманіе къ трудамъ Никитина возвысило его во мнѣніи всего городского общества и, такъ сказать, авторизовало эти труды. Къ этому же времени относятся нѣсколько заочныхъ знакомствъ, пріобрѣтенныхъ Никитинымъ; къ числу ихъ принадлежитъ знакомство съ В. А. Кокоревымъ, обратившееся въ послѣднее время въ пріязнь. Не столько первое изданіе, принятое, какъ извѣстно, довольно равнодушно публикой, сколько стихотворенія, явившіяся въ промежутокъ времени, съ половины 1856 г. и до конца 1857 г., изъ которыхъ нѣкоторые были весьма замѣчательны, пріобрѣли Никитину много горячихъ поклонниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ сохранившіяся въ его бумагахъ письма.

1857-мъ годомъ оканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Никитина, первый періодъ его новой жизни. Въ этомъ году Второвъ покинулъ Воронежъ. Смерть, въ самое короткое время, двухъ нѣжно любимыхъ дѣтей, нѣкоторые служебныя непріятности, а, главное, исканіе болѣе живого дѣла,—все это тянуло Второва туда, гдѣ онъ, въ самый разгаръ величайшихъ государственныхъ преобразованій, такъ честно, благотворно, но скромно потомъ трудился. Съ

отъѣздомъ Второва, сначала въ Нижвй-Новгородъ, а потомъ въ Петербургъ, письма къ нему Никитина (64 №№) становятся уже настоящими, большими письмами, — въ почтовый и болѣе листъ, исписанный его мелкимъ, но четкимъ почеркомъ. Отселѣ эти письма будутъ служить главнѣйшимъ источникомъ нашего разсказа.

Чего стоила Никитину разлука съ Второвымъ, — объ этомъ можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма его къ послѣднему, отъ 15-го Апрѣля 1857 года:

«Я не могу начать моего письма къ вамъ, какъ обыкновенно начинается большая часть писемъ: Милостивый Государь NN! Вѣсть холодомъ отъ этого начала, и оно мнѣ кажется страннымъ послѣ тѣхъ отношеній, которыя между нами существовали. Я готовъ назвать васъ другомъ, братомъ, — если позволите, — и никакъ *Милостивымъ Государемъ*...

«Что дѣлать! поневолѣ пришлось обратиться къ перу и бумагѣ, чтобы перемолвиться съ вами словомъ! Не замѣнять эти бѣдныя строки нашихъ изустныхъ рѣчей! Признаться, я не могу похвалиться счастьемъ своихъ привязанностей: вы — третье лицо, которое я теряю *), лицо для меня самое дорогое, потому что ни съ кѣмъ другимъ я не былъ такъ откровененъ, никого другого такъ не любилъ. Силу этой привязанности я понялъ только теперь, сидя въ четырехъ стѣнахъ, не зная, куда и выйти, хотя многіе меня приглашаютъ. Если и выйду, обыкновенно между мною и встрѣтившимся мнѣ знакомымъ начинается, что называется, пересыпанье изъ пустого въ порожнее; оно и естественно: мой характеръ раскрывается не передъ каждымъ. Я душевно люблю Придорогина, бываю у него почти всякій день; но потому ли, что и онъ упалъ духомъ такъ же, какъ и я, наши бесѣды не облегчаютъ, а даютъ насъ своимъ содержаніемъ. — А что, братъ, говорить онъ, подпирая рукою свою большую голову: — видно, приходится умирать! Зачѣмъ жить, — неизвѣстно! А жизнь скверно прожита! — Жалоба заключается горькой улыбкой. Я молча смотрю въ окно изъ его третьяго этажа. Весело гремѣть по мо-

*) Первые два, думаемъ были: Дураковъ и Нордштейнъ.

стовой пролетки; весело сплывают пешеходы; пестрят кровли зданий, трубы; зеленят кое-где сады; красная полоса зари догорает на синеве неба. Обстановка, кажется, недурна; но что за тяжесть на сердце! что за скука на душе!... После долгого молчания разговор переходит на общее место — разную современную гадость, и, право, чувствуешь себя точно разбитым, окунувшись в этот зловонный омут. Прохожу мимо вашей бывшей квартиры, — она пуста. Не видно знакомых мне бывших занавесок; вечером не горит огня в кабинете, где так часто я думал, читал, беседовал, — словом, благодаря вашему дружескому, разумному вниманию, находил средства забывать все дразни моей домашней жизни. Как же мне не любить вас! Как мне о вас не думать! Второе — неизбежное следствие первого, в особенности теперь. Саади сказал правду: *Quand on est seul, on est plus que jamais avec ceux qu'on aime*. Бог знает, где и когда мы встретимся! и встретимся ли, это вопрос! Не понимаю, что делается со мною с некоторого времени. Все мне опротивило: мой дом, выход из дома, разговоры с кем бы то ни было, труд, даже книги. Если это болелье, пусть бы она поскорее проходила. Единственная книга, которую я теперь читаю и которая меня завлекла, *Le Dernier des Mohicans* Купера, увлекла, может быть, потому, что действительность, в ней воспроизведенная, совершенно противоположна тому, что меня окружает. Кажется, вместе с героями романа я слышу величавый шум водопадов, брожу в действительных лесах, упиваюсь воздухом пустынь нового света. Все-таки легче, когда забудешься, хоть не надолго. Раз десять начинал я новую работу, поэму *), но разрывал в мелкие куски. Жалкое начало! Дрянно выходит из-под пера! Нет, придется, верно, отказаться от мира искусства, в котором когда-то мне жилось так легко, хотя этот мир и был ложный, созданный моим воображением, хотя чувства, из него выносимые, были большею частью «плменной мысли раздражение». Придется, видно, по словам Пушкина:

*) „Городского голову“.

Ожесточиться, очерствѣть
И, наконецъ, окаменѣть.

«Грустная будущность! Но что же дѣлать! Видно, я ошибся въ выбранной мною дорогѣ! Искра дарованія, способная блеснуть въ потьмахъ и чуждая силы грѣть и освѣщать предметы, не разгорится пожаромъ, потому что она жалкая искра... А свѣтящимся червячкомъ я быть не хочу. Можетъ быть, я бы и трудился, и вышло бы что нибудь изъ-подъ пера сносное; но воздухъ, которымъ я дышу, отравилъ мое дыханіе. У Пушкина книгопродавецъ говорилъ поэту, что его несчастія—источникъ пѣсней. Правда; но въ такомъ только случаѣ, если эти несчастія дѣйствуютъ на поэта, какъ шпоры на коня, побуждая его къ бѣгу; но когда шпоры обращаются въ ударъ ножомъ, бѣдный конь откажется отъ бѣга и упадетъ на землю, истекая кровью. Бури внѣ семейства, каковы бы онѣ ни были, еще сносны; но не умолкаемая гроза и гроза отвратительная, грязная, подъ родною кровлей—невыносимая битва, потому что она—уродливость въ природѣ, вопль тамъ, гдѣ, по естественному ходу вещей, ожидаешь невозмутимаго мира, гдѣ надобно бы черпать силу для борьбы съ внѣшнимъ зломъ, котораго такъ много и которое такъ разнообразно. Да ниспослетъ мнѣ Господь духа мудрости, смиренномудрія, терпѣнія и любви! Иглы, ежедневно входящія въ мое тѣло, искажаютъ мой характеръ, дѣлаютъ меня раздражительнымъ, доводятъ иногда до желчной злости, за которую немедленно слѣдуютъ,—раскаяніе и слезы, увы! слезы тоски и горя, жалкія безсильныя слезы!!!!»

Но какъ ни горько было Никитину разставаться съ Второвымъ, эта разлука до нѣкоторой степени была для него полезна. Хотя еще съ 1856 года кружокъ Второва началъ распадаться; но все же, до самаго дна его выѣзда изъ Воронежа, собиравшіеся у него люди образовали новый, замкнутый, хотя, можетъ быть, и не столь тѣсный, кружокъ. Неоспоримо, что исторія нашего просвѣщенія есть исторія кружковъ, но къ эпохѣ освобожденія крестьянъ эти литературные кружки начали распадаться,—къ лучшему или къ худшему.

му?—Богъ вѣсть. Въ виду предстоящаго громаднаго дѣла, въ кружкахъ всѣмъ было тѣсно; это стѣсненіе первый, кажется, почувствовалъ Второвъ съ его прямымъ и практическимъ взглядомъ на жизнь. Съ отъѣздомъ Второва, я бы могъ сказать, что вокругъ меня сталъ собираться новый кружокъ, если только мои вечера по субботамъ, продолжавшіеся до смерти Никитина, можно назвать этимъ именемъ. Но ничего кружкового въ нихъ не было и быть не могло, ни по времени, ни по роду моихъ занятій (я былъ въ то время учителемъ въ Кадетскомъ Корпусѣ), ни по образу жизни самого Никитина, значительно измѣнившемуся и не такъ уже теперь исключительному и замкнутому, собирались у меня разъ въ недѣлю Никитинъ, Придорогинъ, Н. П. Курбатовъ (воспитанникъ Московскаго Университета, переѣхавшій въ Воронежъ въ 1857 году), О. Н. Бергъ (въ то время еще кадетъ) и Н. С. Милашевичъ, товарищъ мой по гимназій, одинъ изъ героевъ Крымской войны, рассказы о которой оживляли наши бесѣды. Я не имѣю права наскучать читателю подробностями ни объ этихъ бесѣдахъ, ни о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Никитину, мало по-малу, по мѣрѣ того, какъ выбывали изъ нашего кружка тѣ или другія лица, перешедшихъ въ самыя близкія и дружественныя. Но при всемъ моемъ желаніи быть какъ можно краткимъ, по поводу этихъ отношеній, пусть извинитъ меня читатель, если въ дальнѣйшемъ рассказѣ о жизни Никитина мнѣ придется не разъ обращаться къ самому себѣ.

Итакъ, съ отъѣздомъ Второва, вплоть до открытія книжнаго магазина, жизнь Никитина шла своею обычною колеєю; чтеніе, литературныя занятія, изученіе нѣмецкаго языка, дворничество, изрѣдка посѣщеніе знакомыхъ, чаще болѣзнь, поглощали все его время. Посмотримъ, что говоритъ самъ Никитинъ объ этомъ все еще полузамкнутомъ періодѣ своей жизни.

2-го августа 1857 г.

«Кулакъ» сегодня отправляется въ Москву подъ покровительство Константина Осиповича (г. Александрова-Дольника). Я сдѣлалъ весьма незначительныя перемѣны, въ нѣкоторыхъ главахъ.

Довольно, покуда не марать!... К. О. пишетъ, что Таракановъ въ сценѣ, когда Лукичъ проситъ у него помощи, напоминаетъ Подхалюзина. Я рѣшительно съ нимъ несогласенъ и всю сцену оставилъ нетронутою. Такимъ образомъ можно сказать: Лукичъ похожъ на Чичикова, Скобѣевъ еще на кого-нибудь и т. д. Если бы и были черты случайнаго сходства, что же это доказываетъ? Ровно ничего! Я могу походить на васъ, имѣть одинаковый вкусъ и проч., но изъ сходства вкусовъ не слѣдуетъ, что вы и я одно и то же... Покуда мнѣ сомнѣваться и въ «Кулакѣ», и въ самомъ себѣ!... Въ продолженіе этого времени я кое-что читалъ. Право, произведенія à la Шедрина наводнили литературу. Не много скучно: это выстрѣлы на воздухъ, холостые заряды... Много грома и мало пользы!»

20-го сентября 1857 г.

«... Мои дѣла идутъ — слава Богу. Если бы вы были въ Воронежѣ, я кое-что прочиталъ бы вамъ. Некрасовъ у меня есть, не утерпѣлъ — добылъ *). Да ужъ какъ же я его люблю! **)

А жаль, что онъ не сократилъ «Поэта и Гражданина», въ особенности въ описаніи бури, да и начало того... не приготавливаетъ къ дѣлѣму, а вещь все-таки превосходная! Теперь полеживаю на диванѣ съ Шекспиромъ (перев. Кетчера). Какое славное лицо по отдѣлкѣ Фальстафъ! Въ «Отеч. Записк.», я думаю, вы скоро увидите разныя разности извѣстнаго вамъ стихокропателя...»

*) 2 изданіе, продававшееся въ это время отъ 6 до 10 руб.

**) Этотъ взглядъ впослѣдствіи совершенно измѣнился, какъ доказываетъ стихотвореніе Никитина Поэту-Обличителю, направленное противъ Некрасова. Не помнимъ, когда и отъ кого, но Никитинъ узналъ какія-то подробности о послѣднемъ, которыя глубоко его возмущали: это и выразилось въ названномъ стихотвореніи. Намъ положительно извѣстно, что Некрасовъ искалъ сотрудничества Никитина и что послѣдній былъ всего менѣе расположенъ къ участию въ „Современникѣ“. Антипатія Никитина къ этому журналу постоянно возрастала.

14-го апрѣля 1858 г.

«... Я читаю теперь Etudes sur L'avenir de la Russie. Видно, что писано помѣщикомъ... Ну, да пусть тебѣ разглазольствуетъ! Дѣло идетъ своимъ чередомъ... Хозяйство мнѣ просто шею переѣло. Нѣтъ ни одного дня, чтобы не слышалъ я толковъ о горшкахъ, корчагахъ, щахъ и проч., да иди въ кухню, да посмотри, да примири кухарку съ дворникомъ, которые побранились за какую-то дрянъ. Дворникъ говорить, я жить не хочу.—Кухарка легла на печь.—Я, говорить, стряпать не хочу, хоть всё оставайся безъ обѣда. Записки Семинариста подвигаются впередъ тихо, даже слишкомъ тихо!...»

27-го іюня 1858 г.

«... Вотъ уже болѣе мѣсяца я живу по сосѣдству съ А. Р. Михайловымъ на дачѣ, если только можно назвать дачею сальные заводы, гдѣ все есть: и страшное зловоніе, и тучи мухъ, и ночью лай собакъ, и къ несчастію сквернѣйшая погода...*)

*) Въ это время набросано Никитинымъ слѣдующее стихотвореніе.

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Дождь и холодъ—нѣтъ погоды!
Выйти некуда—хоть брось.
Виды—сальные заводы,
Выздоровливай, небось!
Наслаждайся въ этомъ раѣ!
Слушай, музыка пошла:
Свинки хрюкаютъ въ сараѣ,
Лай собака подняла,
На дворѣ кричатъ вороны,
Вѣтеръ свищетъ и поетъ;
Въ полѣ слякоть, рождѣ pokлоны
Поминутно отдастъ,

«Читаю много, но ничего не дѣлаю, и право, не отъ лѣни. Нѣсколько дней тому назадъ я заглянулъ домой; тамъ кутежъ! Сказалъ-было, старику, чтобы онъ поберегъ свое и мое здоровье, поберегъ бы деньги — вышла сцена, да еще какая! Я убѣждалъ къ Придорогину и плакалъ навзрыдъ... Вотъ вамъ и поэзія! Природа надѣлила меня крѣпкимъ организмомъ: хотя я задыхаюсь, а все еще живъ».

25-го іюля 1858 г.

«... Здоровье мое плохо. Докторъ запретилъ мнѣ на время работать головою. Вотъ уже съ мѣсяцъ ничего не дѣлаю и

Вотъ такъ дача! Вотъ такъ радость!
Тутъ отъ скуки пропадешь!
Тутъ не жизнь, а просто—гадость,
Тутъ отъ холоду умрешь!
Правда—книги—утѣшенье,
Но весь день читать, читать,—
Въ головѣ пойдетъ круженье,
Можно зрѣнье потерять!
Не пойти-ль къ сосѣду съ горя?
Тамъ хоть люди, говоръ, смѣхъ,
Отдохнешь, шутя, иль споря...
Какъ тутъ быть? идти не грѣхъ,
Жаль, сосѣдъ съ утра до ночи
Занятъ дѣломъ... Боже мой!
Какъ ему хватаетъ мочи?
Это—мученикъ святой!
Онъ уменъ—въ глаза не скажетъ:
«Эхъ, братъ, шутъ тебя принесъ!...»
Онъ и виду не покажетъ,
А подумать... гм!... вопросъ!
Что жъ? повѣситься мнѣ что ли?
Нѣтъ, на дачѣ не рука!
Стало—дурно, хорошо ли,—
Маршъ съ двора! ей-ей, тоска!

7-го іюня 1858 г.

пью исландскій мохъ. Скука невыносимая! Книгъ нѣтъ, да и какую дрянъ печатають въ журналахъ! Отъ бездѣлья берусь за нѣмецкій языкъ. Придорогинъ подарилъ мнѣ Словарь Рейфа, и вчера вечеромъ мы начали съ нимъ переводъ *Заговоръ Фіеско*, Шиллера. А помните стихотвореніе Шиллера «Идеалы»? Боже мой! Какъ сравнивалъ я его съ нашими переводами, что за дрянъ послѣдніе! За Жуковского просто стыдно: онъ не понялъ подлинника и не умѣлъ удержать — не говорю — картинъ и красоты выраженія — даже мыслей...»

5-го сентября 1858 г.

«... Я все боленъ и боленъ болѣе прежняго. Мнѣ иногда приходитъ на мысль: не отправиться ли весною на воды, испытать послѣднее средство къ возстановленію моего здоровья? Но вопросъ: дойду ли я до мѣста? Болѣзнь отнимаетъ у меня всякую надежду на будущее...»

19-го сентября 1858 г.

«... Если я могу надѣяться на полученіе Шиллера и Гейне *), то... я такъ радъ, что путаюсь въ словахъ. Вы вообразите: вѣдь, я тогда буду богатъ! У меня составитя порядочная библіотека. А сколько наслажденія предстоить мнѣ впереди при чтеніи! «Идеалы» Шиллера я уже знаю наизусть; «Море и сердце» Гейне — тоже. Это стихотвореніе попало мнѣ въ одной нѣмецкой христоматіи. Теперь я все читаю разныя серьезныя вещи на французскомъ языкѣ, отысканныя мною въ библіотекѣ г. Потапова, помѣщика Землянского уѣзда **). Между прочимъ я недавно познакомился съ Шенье. Какія у него картины въ антологическомъ родѣ! Но его предсмертныя стихотворенія такъ и хватають за душу!

*) Сочиненія Гете, Шиллера и Гейне подарилъ Никитину В. А. Кокоревъ,

**) Эта прекрасная библіотека, принесена ея владѣльцемъ, А. Л. Потаповымъ, въ даръ Воронежской Публичной Библіотекѣ въ 1865 г.

Какое присутствіе духа! Писать стихи въ то время, когда жизнь виситъ на волоскѣ, когда въ корридорѣ тюрьмы уже слышны шаги солдатъ, идущихъ за поэтомъ!..

5-го октября 1857 г.

„За отсутствіемъ дворника, я отпускаю извозчикамъ овесъ и сѣно и распоряжаюсь помѣщеніемъ ихъ телѣтъ на моемъ дворѣ. Это занятіе, при невозможности взяться за лучшій трудъ, развлекаетъ меня, — и слава Богу! Чего болѣе?.. Утомившись порядочно за день, въ сумерки я зажигаю свѣчу, читаю какой-нибудь журналъ. Когда же чувствую себя нѣсколько здоровѣе, берусь за Шиллера и копаюсь въ лексиконѣ, покажѣсть зарядить въ глазахъ. Часовъ въ 12 засыпаю и просыпаюсь въ 4, иногда въ 3 часа. Разсвѣтъ уже застаётъ меня за чаемъ, который подкрѣпляетъ меня и оживляетъ на нѣкоторое время. Но передъ обѣдомъ я снова чувствую неприятное разслабленіе въ тѣлѣ, и тогда принимаю холодную ванну, послѣ которой бѣгаю по улицамъ или по двору, въ теплой шубѣ, а въ ясный солнечный день бѣгаю до того, что подкашиваются ноги, и едва-едва согрѣваюсь. Вотъ какъ много осталось крови въ нашемъ покорнѣйшемъ слугѣ, или, лучше сказать, какъ дурна его кровь.—Скучно!.. Сколько я видѣлъ порядочныхъ молодыхъ людей, краснорѣчиво и громко защищавшихъ всѣ благія стремленія впередъ, и—увы! какаянибудь тамъ пошлая женитьба, грошевый интересъ перевертывали имъ голову, каменили ихъ сердце! Грустно, когда подумаешь, что все доброе, общечеловѣческое лежитъ, такъ сказать, не въ основѣ нашего характера, не вытекаетъ изъ него естественно и разумно, какъ слѣдствіе изъ причины, а приходится къ намъ извнѣ, при однихъ извѣстныхъ условіяхъ, приносимое благопріятнымъ вѣтромъ, при другихъ—приносимое противнымъ. Общество наше или слишкомъ молодо, или уже слишкомъ развращено, такъ что не въ силахъ выработать человѣка въ широкомъ смыслѣ этого слова (кажется, то и другое вмѣстѣ). Конечно, встрѣчаются исключенія, но много ли ихъ?... Переселеніе мое изъ Воронежа должно остаться для меня не осуществимымъ, хотя я и не прочь отъ него, ради

своего душевнаго спокойствія. Но могу ли я оставить старика его судьбѣ? Притомъ мое здоровье не вынесетъ ни продолжительной дороги, ни перемѣнъ въ образѣ жизни. Принять на себя какую-нибудь обязанность?.. но при плохомъ здоровьи—плохая служба. Жить не работая, или, что то же, жить, работая дурно, слѣдовательно, получать плату выше труда—я не могу; такого рода плата походила бы на милостыню, а милостыня меня умертвить“.

Если кто, судя по элегическому тону этихъ писемъ, сочтетъ Никитина какимъ-то сентиментальнымъ романтикомъ, тотъ жестоко ошибется. Въ характерѣ Никитина не было и тѣни сентиментальности, по крайней мѣрѣ, въ эту пору; напротивъ, практическое пониманіе жизни до такой степени было ему свойственно, что оно чуть не разсорило его съ друзьями-идеалистами, какъ читатель увидитъ ниже. Въ немногіе часы здоровья и душевнаго спокойствія (что почти всегда зависѣло одно отъ другого) Никитинъ былъ совсѣмъ другой человекъ: живой, веселый, шутникъ, неумолкаемый рассказчикъ; жаль, что въ эти минуты онъ, какъ видно, рѣдко переписывался съ Второвымъ. Въ такіа минуты Никитинъ любилъ болтать по-французски, нарочно коверкая произношеніе, а къ отсутствующимъ пріятелямъ любилъ писать французскія записки. Одна изъ такихъ записокъ оканчивается слѣдующихъ четверостишіемъ.

На языкѣ чужомъ я началъ объясняться,
Уставъ отъ русской чепухи:
Вѣкъ просвѣщенья!... Чему тутъ удивляться.
Когда А. А. писалъ стихи?

Вотъ одинъ отрывокъ изъ письма 1857 г., уже цитированнаго нами; онъ писанъ, кажется, въ веселыя минуты:

„... Городъ нашъ бѣлится, румянится, охорашивается. Если бы были архитекторы-парикмахеры, кажется, онъ завилъ бы себѣ кудри. Удивительный щеголь! Повидимому, готовится къ чему-то торжественному, а къ чему? неизвѣстно. Рынокъ иногда обращается въ театръ, гдѣ разыгрываются небольшія піесы, впрочемъ богатая по содержанію. Напримѣръ. Сцена

представляет утро. Накапывает мелкій дождь. Торговки согнулись и дрожатъ отъ холода. Передъ ними: груши, яблоки, дули, грибы и т. п.—Идетъ! Идетъ!—кто-то отрывисто и въ полголоса восклицаетъ въ толпѣ,—и торговый людъ робко смотритъ по направленію протянутой руки бородатаго кулака.—Вонъ—онъ!—замѣчаетъ послѣдній,—и лицо, почтительно сопровождаемое свитой, является на сценѣ. Размѣренным шагомъ подходитъ онъ къ торговкѣ, беретъ изъ ведра груздь и отвѣдываетъ.

„Это что?“

— Грузди, батюшка!

„А въ груздѣ что?“

— Ничего, батюшка.

„Такъ ты такіе-то продаешь грузди! Съ червями! Въ полицію ихъ!... Эй, С.! возьми!“

— Такъ нѣтъ же! Пропадай они тутъ!—И старая торговка опрокидываетъ въ грязь свой свѣжепросольный товаръ. Главное лицо піесы плюетъ и удаляется размѣренным шагомъ. Окружающіе изумлены: зѣваки его сопровождаютъ.

„Это что?—нахмурившись, восклицаетъ то-же лицо и отвѣдываетъ мягкую грушу.

— Гру... Гру—ши!—трепетно отвѣчаетъ торговка.

„Гнилыя!“

Торговка хочетъ раскусить другую грушу, показать, что „гнилыя“ тутъ и не было, но груша летитъ и расплющивается объ ея щеку. Лотокъ съ товаромъ опрокидывается нѣмыми лицами піесы. Повелѣвающая ими плотная особа проходитъ по разсыпаннымъ грушамъ; другая, тоже плотная, но меньше ростомъ, топчетъ ихъ; остальная свита, идя почти въ присядку, окончательно ихъ уничтожаетъ“.

Если читатель обратитъ вниманіе на число написанныхъ Никитинимъ въ это время (до конца 1858 г.) стихотвореній и на двѣ начатыя большія вещи—поэму „Городской Голова“ и „Записки Семинариста“, принявъ въ соображеніе отношеніе его къ дворянству, высказанное въ письмѣ отъ 6-го октября 1858 г., отношеніе далеко теперь не враждебное, при другихъ благопріятствующихъ условіяхъ,—то онъ согласится

съ нами въ томъ, что мы выше сказали о Никитинѣ: ничего въ немъ не было сентиментальнаго; даже крайности направленія, подъ вліяніемъ котораго онъ воспитался, начали теперь исчезать въ немъ совершенно, благодаря вліянію времени и преимущественно московской журналистики („Рус. Вѣстнику“ и „Рус. Бесѣдѣ“), завершившей умственное развитіе и складъ понятій не одного Никитина, но и всѣхъ его сверстниковъ. На послѣднихъ особенно сильное вліяніе имѣла „Русская Бесѣда“ не своимъ славянскимъ направленіемъ, непонятнымъ большинству, а примиряющимъ отношеніемъ къ основамъ русской жизни, отрицаніе которыхъ начинало уже тяготить многихъ. Никитинъ очень сочувствовалъ направленію „Рус. Бесѣды“ и помѣщалъ въ ней лучшія свои стихотворенія; но въ „Рус. Вѣстникѣ“ онъ не посылалъ ничего, вслѣдствіе отзыва о немъ Кудрявцева. «Кулакъ», вышедшій изъ типографіи въ концѣ 1857 г. и поступившій въ продажу, былъ благосклонно принятъ публикою и журналами. Это задушевное произведеніе Никитина, вмѣстѣ съ печатавшимися въ ту-же пору его стихотвореніями, окончательно утвердило за нимъ довольно почетное мѣсто въ нашей литературѣ, какое именно?—это дѣло критика, а не біографа. Но Никитинъ былъ теперь доволенъ собою и имѣлъ полное право сказать: «Покуда мнѣ сомнѣваться въ самомъ себѣ!» Самый восторженный пріемъ встрѣтилъ себѣ «Кулакъ» въ разборѣ академика Я. К. Грота, напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ». Разборъ этотъ, называющій поэму Никитина «замѣчательнымъ явленіемъ въ русской поэзіи», былъ читавъ въ засѣданіи Отдѣленія. Въ «Кулакѣ» находится много чертъ автобіографическихъ; нѣкоторыя въ немъ сцены писаны прямо съ натуры. Если «Лукича» и нельзя назвать живымъ подобіемъ Саввы Евтѣича, то въ основаніи ихъ характеровъ легло много общаго. Мы имѣемъ нѣкоторое право предполагать, что старикъ Никитинъ инстинктивно понималъ это сходство; но, какъ человѣкъ умный, едва ли ропталъ на сына, такъ какъ поэтъ-сынъ относился къ своему герою очень симпатично. Критика упрекала Никитина за эти симпатіи и за идеализацію такой жалкой личности, какъ «Лукичъ»; упрекъ въ идеализаціи справедливъ, но

онъ объясняется именно тѣмъ сходствомъ, о которомъ сейчасъ сказано. Въ поэмѣ «Кулакъ» Никитинъ хотѣлъ изобразить причины нравственнаго паденія такой же крупной личности, какъ и его отецъ, — человѣка, въ положеніи городского пролетарія, мѣщанина. «Кулакъ» разошелся очень быстро: къ концу года не было уже въ продажѣ ни одного экземпляра. Въ распродажѣ этой поэмы принималъ самое живое участіе В. А. Кокоревъ, лично незнакомый съ Никитинымъ, но которому поэтъ нашъ былъ очень многимъ обязанъ. «Кулакъ», за всѣми расходами, доставилъ Никитину полторы тысячи рублей сереб. Нѣкоторые книгопродавцы вступили съ нимъ въ переговоры о продажѣ «Кулака» и о напечатаніи его вторымъ изданіемъ. Желалъ этого и самъ Никитинъ, но неудобство заочныхъ переговоровъ, а главное, поглощеніе новымъ дѣломъ, которому онъ предался со всею страстію, остановили и продажу и изданіе.

Оживъ, на сколько можно было жить полуживому человѣку, прогнавъ со двора долой нужду и крайнюю бѣдность, достигнувъ литературной извѣстности и почета въ глазахъ образованныхъ людей Воронежа, Никитинъ сильно почувствовалъ то, чего ему не доставало съ самой ранней юности: присутствіе въ домѣ, въ семействѣ, любящаго женскаго существа, безъ котораго жизнь холостяка такъ черства и холодна. Имѣя уже за тридцать лѣтъ, Никитинъ съ ужасомъ обращался къ предстоящей жизни стараго холостяка и только утѣшался тѣмъ, что не доживетъ до этой поры. Нѣсколько ранѣе того времени, о которомъ мы ведемъ рѣчь, Никитину понравилась одна дѣвушка, принадлежащая къ одному почтенному и образованному купеческому семейству, въ которомъ онъ былъ дружески принятъ. Понравилась она ему очень. Мы употребимъ собственное выраженіе Никитина: «въ наши съ вами годы (я былъ старше его двумя годами) ужъ какая тамъ любовь!» говорилъ онъ не разъ. Но чувство это было въ немъ серьезно и сильно, еще сильнѣе — желаніе подавить его. Проси Никитинъ руки этой дѣвушки, можно быть увѣреннымъ, что предложеніе его не было бы отвергнуто ни *ей*, ни *ея* семействомъ. Но какъ просить ему, полуживому человѣку, содержа-

телю постоялаго двора, живущему въ грязи и съ такимъ отцомъ! Какъ окружить подобной обстановкой женщину, выросшую совсѣмъ въ иной атмосферѣ! Чтѣ же оставалось дѣлать?... Еще новый вопросъ жизни, который Никитинъ разрѣшилъ такъ: подавить въ себѣ это чувство и не дать ему разгорѣться. И хотя приводить въ исполненіе подобныя рѣшенія былъ онъ большой мастеръ, но теплота этого чувства еще долго согрѣвала его душу. Это было замѣтно даже въ тѣ рѣдкія веселыя минуты, когда онъ трунилъ и надъ самимъ собою и надъ своимъ чувствомъ. Вотъ отрывокъ изъ письма, написанный, какъ надобно полагать, въ одну изъ такихъ минутъ и относящійся къ предмету, о которомъ мы говоримъ:

«... Осуществилась-ли моя завѣтная мечта? вы спрашиваете. Покамѣстъ нѣтъ. Скоро ли она осуществится—навѣрное сказать не могу. Для того, чтобы мечта эта перешла въ дѣйствительность, мною положено много труда: но мнѣ кажется, все-таки я далекъ отъ цѣли. Быть можетъ, я имѣлъ бы возможность приблизиться къ ней съ помощію побочных средствъ; но побраните вашего покорнѣйшаго слугу за его упрямство—я во всемъ хочу быть обязаннымъ только своимъ собственнымъ силамъ, только своей собственной энергіи. Такимъ образомъ шла до этого дня моя жизнь. Если въ дни моей молодости я не задохся, не погибъ въ окружающемъ меня воздухѣ, если я сгладилъ съ себя печать семинарскаго образованія, если я вошелъ въ кругъ порядочныхъ людей,—всѣмъ этимъ я обязанъ одному себѣ. Итакъ, или до конца надобно выдержать испытаніе, выпить чашу до дна,—или, при неудачѣ, остаться, по крайней мѣрѣ, съ безукоризненною совѣстью, съ мыслью, что я поступилъ благородно, что я смѣло смотрѣлъ не только на улыбающееся мнѣ счастье, но и на суровое, грозящее мнѣ горе. За неимѣніемъ лучшаго, и это можетъ быть утѣшеніемъ, впрочемъ, такимъ, которое изрѣжетъ морщинами мое лицо и сдѣлаетъ сѣдыми нѣсколько моихъ волосъ. Какъ видите, я не жаркій мечтатель!.. Въ эту минуту мнѣ пришли на память слова Пушкина, вложенныя имъ въ уста Ленскаго:

Писалъ темно и вяло.

«Въ самомъ дѣлѣ, я пишу темно. А что до вялости... ахъ, если бы я далъ волю своему перу, клянусь Богомъ, огонь брызнулъ бы изъ этихъ строкъ; но... Довольно почтеннѣйшій Иванъ Саввичъ, довольно!—Слушаю-съ!

«А ргоров: у васъ по платю встрѣчаютъ, или по чинамъ? Сохрани Богъ, если вы скажите: по письмамъ. Тогда я пропащій человѣкъ!»

Осенью 1858 года Никитинъ считалъ себя чуть не богачемъ: у него набралось до двухъ тысячъ руб. сер. Что дѣлать съ этими деньгами?—вотъ вопросъ, который занималъ его очень много *). Думалъ было онъ купить какой-то каменный домъ, продававшійся съ аукціона по сосѣдству; но это намѣреніе почему-то не осуществилось. Приглашеніе «Общества дешеваго изданія книгъ» въ агенты дало первую мысль Никитину о книжномъ магазинѣ. Эта мысль зрѣла и развивалась въ немъ очень быстро и уже въ концѣ октября отправилась въ Петербургъ на обсужденіе Второва и Приорогина, проживавшаго тамъ временно по своимъ дѣламъ. На моей квартирѣ почти каждый вечеръ шли объ этомъ толки, строились проекты по устройству книжнаго магазина, полагались начала, на которыхъ слѣдуетъ вести торговлю и т. п. Въ этихъ совѣщаніяхъ принимали дѣятельное участіе Н. С. Милашевичъ и Н. П. Курбатовъ. Разсчитывали, что для открытія магазина необходимо имѣть еще тысячи двѣ рублей; но гдѣ ихъ взять? Достать такую сумму денегъ на вексель или подъ залогъ дома въ Воронежѣ, записаннаго впрочемъ на имя отца, не было никакой возможности. Друзья Никитина предложили ему просить этихъ денегъ заимообразно у г. Кокорева, который былъ очень хорошъ съ Второвымъ и уже не разъ обнаруживалъ самое теплое участіе къ нашему поэту. Не безъ борьбы съ самимъ собою принялъ Никитинъ это предложеніе: онъ очень хорошо зналъ, что г. Кокоревъ ему

*) Въ то блаженное время двѣ тысячи рублей значили втрое больше, чѣмъ теперь. Въ нашихъ провинціяхъ ассигнаціонный счетъ былъ въ полномъ практическомъ употребленіи (кромѣ официальныхъ слѣлокъ) вплоть до половины 60-хъ годовъ; въ деревняхъ этотъ счетъ продолжался и того больше.

не откажетъ, но что если дѣла пойдутъ плохо и не чѣмъ будетъ расплатиться съ великодушнымъ кредиторомъ!... Положимъ, «Кулакъ» пошелъ отлично: можно выпустить второе изданіе стихотвореній; но все же не думать нельзя: заемъ могъ кончиться благодареніемъ, которое Никитинъ и въ тогдашнемъ своемъ положеніи, и какъ человѣкъ честный, не могъ принять. Письмо его къ Второву отъ 27-го октября, въ которомъ Никитинъ проситъ его переговорить съ г. Кокоревымъ о займѣ, носить на себѣ слѣды самой тяжелой борьбы. Но по счастью, деликатность В. А. Кокорева вполне успокоила Никитина. «Кокоревъ, писалъ Второвъ, дастъ вамъ въ ссуду просимы вами три тысячи рублей. Но чтобы заемъ этотъ не тяготилъ васъ, онъ предлагаетъ вамъ издать полное собраніе вашихъ стихотвореній съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи ихъ въ двухъ заводахъ, распродать и вырученными деньгами покрыть долгъ; изданіе и распродажу онъ принимаетъ на себя». Векселя съ Никитина Кокоревъ взять не согласился. Но прошелъ цѣлый мучительный мѣсяцъ, пока не получилъ Никитинъ этого радостнаго отвѣта. Причина такой медленности объясняется тѣмъ, что петербургскіе друзья Никитина—Второвъ и Придорогинъ, довольно равнодушно встрѣтили мысль о книжномъ магазинѣ и старались отклонить отъ нея Ивана Саввича. Второвъ боялся за его здоровье, за благосостояніе, которое, пожалуй, можетъ и лопнуть, тѣмъ болѣе, что въ Воронежѣ уже существовали въ то время три книжныхъ лавки. Къ этимъ опасеніямъ присоединился страхъ Придорогина за Никитина-поэта, дарованіе котораго, высоко имъ цѣнимое, легко можетъ быть убито торгашествомъ. Но Никитинъ не внималъ увѣщаніямъ друзей и со всей страстію предался задуманному дѣлу. Трудно описать восторгъ его при полученіи вышеприведеннаго письма Второва! «Вѣрите-ли, отвѣчаетъ онъ послѣднему, за обѣдомъ я почти ничего не ѣлъ, вечеромъ почти не могъ пить чая,—вотъ до какой степени я былъ потрясенъ!... Ура, мои друзья!... Прощай, постоянный дворъ! Прощайте, пьяныя пѣсни извозчиковъ! Прощайте, толки объ овсѣ и сѣнѣ! И ты, старушка Маланья, будившая меня до разсвѣта вопросомъ—вотъ въ такомъ-то, или въ та-

комъ горшки варить горохъ, потому что на дворъ пріѣхало вотъ только-то извозчиковъ?—прощай, моя милая! Довольно вы всё унесли у меня здоровья и попортили крови! Ура, мои друзья! Я плачу отъ радости.—Позвольте на мигъ бросить перо!...» «Я берусь за книжную торговлю, говоритъ Никитинъ въ письмѣ къ г. Кокореву, не въ видахъ чистой спекуляціи. У меня есть другая, болѣе благородная цѣль: знакомство публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній... Помощь, продолжаетъ Никитинъ, которую вы мнѣ оказываете,— не простое участіе, не мимолетное состраданіе къ тяжелому положенію другаго лица, нѣтъ! это въ высшей степени благотворная, живительная сила, которая обновляетъ все мое существованіе. *До тѣхъ поръ я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ согражданъ; теперь вы выводите меня на дорогу, гдѣ мнѣ представляется возможность честной и полезной дѣятельности; вы поднимаете меня, какъ гражданина, какъ человека.*» Назадъ тому десять лѣтъ Никитинъ не повѣрилъ бы, что онъ будетъ говорить такимъ языкомъ.

Все, повидимому, устроилось, какъ нельзя лучше: деньги есть, планъ книжной торговли выработанъ, Курбатовъ принялъ непосредственное участіе въ дѣлѣ, въ качествѣ компаньона, и во второй половинѣ декабря отправился въ Москву и Петербургъ за товаромъ; но на первыхъ же порахъ своей новой гражданской дѣятельности Никитину пришлось познакомиться не съ розами ея, а съ терніемъ. Случилось обстоятельство, о которомъ нельзя умолчать, какъ о чертѣ мѣстныхъ провинціальныхъ нравовъ. Въ это время по городу распространился безграмотно написанный пасквиль на одно значительное лицо. Стали доискиваться, кто написалъ его? Пошелъ слухъ, неизвестно кѣмъ распушенный, что написать его никто не могъ, какъ Никитинъ, тотъ, что пишетъ стихи, пьянствуетъ (?!), нигдѣ не бываетъ, ходитъ съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ (Милашевичемъ) по улицамъ и оба пропадаютъ у какого-то учителя кадетскаго корпуса, гдѣ-то на Поповомъ рынкѣ,

просиживая у него далеко за полночь и, вѣрно, сочиняя пасквили и обличительныя статьи для газетъ. Какъ ни оскорбительно было подобное обвиненіе, но всякій другой отвѣчалъ бы на него смѣхомъ. Но въ положеніи мѣщанина Никитина, затѣвующаго книжную торговлю, было не до смѣха. Онъ былъ оскорбленъ глубоко и какъ человѣкъ и какъ гражданинъ, выражаясь его же фразой въ письмѣ къ Кокореву: его, аскета, ничего не пьющаго и сидящаго постоянно на одномъ легкомъ супѣ, обвиняли въ пьянствѣ! Ему, горящему желаніемъ приносить общественную пользу, но принадлежащему въ то время къ мѣщанскому сословію, могло угрожать самое возмутительное оскорбленіе! Никитинъ былъ возмущенъ до глубины души. Я никогда не видалъ его въ такомъ мрачномъ состояніи духа, никогда лицо его не выражало такой скорби и негодованія, какъ 8 ноября 1858 г., когда онъ принесъ и прочелъ мнѣ одно изъ превосходныхъ своихъ стихотвореній, оканчивающееся слѣдующими словами, которыя поэтъ едва дочиталъ:

Грудь мою давить тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ.
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы—веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмолкло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Считая преждевременнымъ назвать по имени *лицо*, подвергшееся публичному оскорбленію черезъ глупый пасквиль, замѣтимъ, впрочемъ, что оно было въ правѣ раздражаться и угрожать, такъ какъ уже не въ первый разъ самолюбіе и честь его были оскорблены публично. Къ сказанному нами о Воронежѣ въ предыдущей главѣ, мы должны прибавить, что въ концѣ 50-хъ годовъ этотъ городъ былъ чрезвычайно оживленъ, благодаря двумъ обстоятельствамъ,—квартированію въ немъ, послѣ Крымской войны, штабовъ 4-го армейскаго корпуса и 4-й артиллерійской дивизіи и открытію специальныхъ классовъ при тамошнемъ кадетскомъ корпусѣ. Все это не только увеличивало массу молодежи вообще, но и число молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ. Въ Воронежѣ

наканунѣ освобожденія крестьянъ было, конечно, то же, что и вездѣ: то-же одушевленіе, тѣ-же надежды, та-же страсть къ публичности, тотъ-же восторгъ передъ «свободной» печатью, представителемъ которой былъ «Колоколъ» Герцена. Въ Воронежѣ, какъ и вездѣ, «Колоколъ» былъ сильно распространенъ; но распространеніе его здѣсь имѣло такой комическій и школьный характеръ, который едва ли гдѣ встрѣчался. Въ Воронежѣ распространились не листки «Колокола», печатавшіеся въ Лондонѣ (такихъ было очень мало), а рукописный «Колоколъ», наполовину, если не болѣе, фабрикованный въ самомъ же Воронежѣ, съ цѣлію *устрашить* то или другое лицо. И устрашали! Подъ рубрикою: «Намъ пишутъ изъ Воронежа» мнимые корреспонденты Герцена рассказывали разныя темныя дѣлишки мѣстныхъ администраторовъ, сообщали разныя неблаговидные слухи, скандалы и т. п. Цѣль этихъ неосторожныхъ шалуновъ была, конечно, хорошая, но не все сообщаемое ими было правдиво, не все было нелицепріятно. Задѣты были многіе и въ томъ числѣ *лицо*, оскорбленное пасквилемъ. Видя успѣхъ, т. е., *страхъ* этихъ многихъ попасться на страницы воронежскаго рукописнаго «Колокола», доверчиво принимаемаго за Лондонскій, шалуны становились съ каждымъ днемъ смѣлѣе; но наконецъ продѣлка эта была обнаружена и виновнымъ пришлось поплатиться выходомъ въ отставку, впрочемъ, безъ всякихъ другихъ, дурныхъ послѣдствій. Никитинъ зналъ все это, но отъ этого знанія ему не было легче, такъ какъ онъ не только читалъ этотъ воронежскій «Колоколъ», но и близокъ былъ съ нѣкоторыми его авторами, долго, впрочемъ, скрывавшими свое авторство. Находясь въ такомъ положеніи, Никитинъ рѣшился на шагъ, щекотавшій его личное достоинство,—онъ задумалъ обратиться къ посредничеству городского головы. И вотъ онъ садится за столъ и пишетъ къ тогдашнему городскому головѣ, А. Р. Михайлову, дружески къ нему расположенному, официальное письмо. Въ этомъ письмѣ, рассказавъ кратко, но искренно свою прошлую жизнь, и доказавъ, что онъ, ни по положенію своему, во всякомъ случаѣ дающему ему средства къ жизни, стало быть, не вызывающему его писать за деньги

все, что угодно (как обвиняла его молва), ни по образу своих мыслей, неспособенъ на роль презрѣннаго паскьянта. — Никитинъ хотя не употребилъ ни одного льстиваго выраженія объ оскорбленномъ лицѣ, но говоря о немъ, не могъ и не долженъ былъ отнестись къ нему критически, какъ относилось общественное мнѣніе, что давало поводъ толковать это молчаніе совсѣмъ иначе. Но прежде, чѣмъ письмо это могло повліять, случилось событіе, разомъ заставившее замолкнуть клевету, возмущающую Никитина. Въ это время получена была въ Воронежѣ IV книжка «Русской Бесѣды» за 1858 г., гдѣ такіа стихотворенія, какъ «Разговоры» и «Опять знакомыя видѣнья», произвели, въ нѣкоторыхъ сферахъ, буквально потрясающее впечатлѣніе. Удивлялись смѣлости редактора (И. С. Аксакова), напечатавшаго эти стихотворенія, говорили, что *теперь* нечему удивляться и въ «Колоколѣ!» Никитинъ былъ въ восторгѣ. Его не только оставили въ покоѣ, но нѣкоторые стали его даже побаиваться, вообще же его литературный авторитетъ поднялся въ городѣ очень высоко. Но тѣмъ не менѣе промчавшаяся буря заставила Никитинъ хлопотать въ Петербургѣ, черезъ Второва, объ избраніи его комиссіонеромъ Императорской Академіи Наукъ, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться потомъ затрудненій по книжной торговлѣ; но комиссіонерство это почему-то не состоялось. Впоследствии Никитинъ думалъ воспользоваться рассказанною нами передрагой для своей поэмы «Городской голова», воспользоваться не въ качествѣ обличителя: эта роль ему, воспитанному въ хорошей эстетической школѣ, всегда казалась недостойной писателя. Приключеніе, грозившее разразиться надъ нимъ бѣдою, давало ему великолѣпный матеріалъ для созданія типовъ, еще ожидающихъ художника; эти личности должны были вступить въ борьбу съ его идеальнымъ Городскимъ Головою и, разумѣется, задушить его: до земскихъ учрежденій и новаго судоустройства Никитинъ не дожилъ.

Тысячу хлопотъ и волненій было Никитину съ устройствомъ книжнаго магазина, съ отысканіемъ удобнаго помѣщенія, мебелировкой, составленіемъ каталоговъ и проч. и проч. Никитинъ спѣшилъ открытіемъ магазина потому, что въ февралѣ 1859

года открывались въ Воронежѣ дворянскіе выборы, время чрезвычайно благоприятное и для торговли, и для личнаго знакомства съ образованнымъ сословіемъ губерніи, тѣмъ болѣе важнаго, что многіе изъ помѣщиковъ знали Никитина и интересовались его судьбою. Но время уходило; начались выборы; но ни товара, ни отправившагося за нимъ компаньона не было. Много было причинъ, задерживавшихъ Курбатова въ Петербургѣ по приобрѣтенію русскихъ и французскихъ книгъ и письменныхъ принадлежностей, не смотря на то, что ему въ этомъ дѣлѣ помогали Второвъ и Придорогинъ. Никитинъ зналъ эти причины, но сильно волновался, опасаясь за свои матеріальные интересы. Волновался онъ отъ невозможности тотчасъ же приступить ко второму изданію своихъ стихотвореній, въ уплату долга Кокореву; волновался отъ всѣхъ этихъ хлопотъ по устройству магазина, отъ новости положенія, разомкнувшаго его жизнь. Всѣ эти волненія и тревоги свалили его въ постель: онъ заболѣлъ своею обычною болѣзнію, тѣмъ болѣе упорною, что желудокъ его былъ не въ состояніи принимать никакого лѣкарства. Но вотъ 15 февраля явились изъ Петербурга Придорогинъ и Курбатовъ; вслѣдъ за ними пришелъ весь купленный для магазина товаръ. Дворянскіе выборы приходили къ концу. Новый книгопродавецъ не вставалъ съ постели. Друзья его, въ продолженіе троехъ сутокъ, не выходили изъ магазина, устанавливая по полкамъ книги и прочія вещи. Толпы любопытныхъ останавливались передъ новой вывѣской, на которой красовались слова: Книжный магазинъ Никитина. Былъ четвергъ на масляницѣ. Въ девятомъ часу утра Никитинъ пригласилъ священника и, вмѣстѣ съ нимъ и Саввою Евтѣвичемъ, едва живой, отправился въ свой магазинъ. Отслужили молебенъ съ водоосвященіемъ. Когда Никитинъ, по окончаніи молебствія, оглянулся вокругъ себя, на свою, приобрѣтенную такою дорогою цѣною, собственность, онъ истерически зарыдалъ — и упалъ на грудь отца...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Книжный магазинъ. — Отношеніе къ нему Никитина и друзей его. — И. А. Придорогинъ. — Вліяніе его на Никитина. — Смерть его. — Болѣзнь Никитина. — Новыя тревоги, objaсняемыя новостію положенія. — Битва за магазинъ съ друзьями. — Книжный магазинъ начинаетъ обзывать Никитина и приобретаетъ значеніе клуба. — Второе изданіе стихотвореній. — А. Р. Михайловъ.

Не подъ счастливыми предзнаменованіями открылъ свои дѣйствія новый книжный магазинъ въ Воронежѣ. Все, что толпилось по улицамъ въ шумные дни масленицы 1859 г., все ликующее, все мѣстное и пріѣхавшее на выборы, — все это хлынуло въ домъ Соколова на Дворянской улицѣ, гдѣ помѣщался магазинъ. Всѣ давно знали и съ нетерпѣніемъ ожидали увидѣть за прилавкомъ двухъ интересныхъ не для одного празднаго любопытства лицъ: поэта, пріобрѣвшаго уже почетную извѣстность, и молодого человѣка, окончившаго курсъ въ Московскомъ Университетѣ и промѣнявшаго педагогическую карьеру на скромную роль прикащика. Новооткрытый магазинъ былъ очень хорошо снабженъ русскими и французскими книгами, нотами и разными письменными принадлежностями, такъ что съ этой стороны публикѣ ничего не оставалось желать лучшаго. Но, съ другой стороны, публика на первыхъ же порахъ жестоко разочаровалась: она увидѣла передъ собою не поэта, окруженнаго какою-то особенною атмосферою (такъ въ благодушій своемъ думала тогда о поэтахъ русская провинціальная публика), а человѣка черезъ чуръ прозаическаго. Передъ нею стояло существо сухое, какъ скелетъ,

существо весьма не любезное, раздражительное, съ рѣзкими и отчасти грубыми манерами. Таковъ былъ въ то время Никитинъ; таковъ и по причинѣ тяжелой болѣзни, отъ которой онъ не успѣлъ еще оправиться, таковъ и по другимъ причинамъ, которыхъ не хотѣли понять въ то время даже лучшіе друзья его. Никитинъ былъ просто влюбленъ въ свой книжный магазинъ. Онъ считалъ его своимъ созданіемъ, своимъ дѣтищемъ; онъ имъ гордился и положилъ на него всю свою душу. «Только теперь, идя по улицѣ, я смѣло смотрю всѣмъ въ глаза, потому что знаю, что дѣлаю дѣло; а прежде что?... кто же у насъ стихи считаетъ дѣломъ!» Такъ нерѣдко выражался Никитинъ въ минуты увлеченія своимъ магазиномъ. А увлекаться и дѣлать какое бы то ни было дѣло для Никитина было одно и то же; въ порывѣ этого увлеченія онъ жертвовалъ для дѣла всѣмъ. Никитина называли скупымъ, даже скрагой. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрѣть на его крѣпко изношенное платье, въ которомъ обыкновенно щеголялъ онъ, на его всегда очень оригинальную фуражку, на отсутствіе въ его домѣ комфорта, необходимаго для него, какъ для человѣка вѣчно больного, и возможнаго по тѣмъ средствамъ, которыя доставлялъ ему потомъ магазинъ,—кто бы не назвалъ его скрагой? Самъ поэтъ въ пріятельскомъ кружку добродушно издѣвался надъ своимъ скражничествомъ и любилъ дѣлать предметомъ осмѣянія свой оригинальный костюмъ. «Жаль тратить денегъ на глупости», говорилъ онъ обыкновенно въ отвѣтъ на насмѣшки: «пусть лучше идутъ на магазинъ». И на магазинъ дѣйствительно шлѣ все—и деньги и здоровье. Нѣкоторые изъ друзей Никитина ужаснулись такого отношенія его къ книжной торговлѣ. Забывъ прошлое Никитина, все пережитое имъ горе, нужду и бѣдность, они хотѣли, чтобы онъ на пріобрѣтенную такую дорогою цѣною собственность смотрѣлъ нѣсколько полегче, дилетантѣе; они боялись, что онъ уьетъ свое здоровье, свой талантъ, что онъ сдѣлается «Кулакомъ», Плюшкинымъ. Мы видѣли, съ какою цѣлью желалъ Никитинъ открыть въ Воронежѣ книжный магазинъ. Эту идеальную цѣль онъ никогда не покидалъ и служилъ ей честно; многимъ бѣднымъ людямъ, напримѣръ, онъ постоянно и

бесплатно давалъ читать книги изъ своего магазина. Но, осуществляя свой идеалъ книжнаго магазина, Никитинъ не забывалъ и не могъ ни на минуту забыть его торговаго значенія, не могъ не думать о барышѣ, не заботиться о выгодѣ. Не такъ смотрѣли на дѣло его непрактическіе друзья; имъ хотѣлось матеріальныхъ жертвъ во имя идеи, имъ хотѣлось подвига. Больной, измученный сомнѣніями и опасеніями за будущее, крайне раздражительный, и вслѣдствіе этого и вслѣдствіе столкновенія съ живою дѣйствительностію, Никитинъ стоялъ теперь передъ ними такимъ, каковъ онъ былъ, какимъ создала его природа. Всѣ человѣческія слабости выступили теперь ярко въ его даровитой натурѣ и на первыхъ порахъ почти ни въ комъ не нашли онъ снисхожденія, и всего меньше въ друзьяхъ его. Безпощаднѣе всѣхъ къ Никитину былъ задушевнѣйшій другъ его, нѣжно любившій его, Придорогинъ. Мы позволяемъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ главнаго предмета нашего разсказа, чтобы сказать нѣсколько словъ объ этой интересной личности.

Иванъ Алексѣевичъ Придорогинъ принадлежалъ къ старинной купеческой фамиліи города Воронежа, ведущей свое начало отъ Петра I. Исторія воронежскихъ купеческихъ фамилій очень интересна, и для нея имѣются любопытные матеріалы въ архивѣ Воронежскаго Статистическаго Комитета; изъ нихъ, между прочимъ, видно, что древность происхожденія въ придонскомъ краѣ, или въ теперешней Воронежской губерніи, принадлежитъ преимущественно купечеству, съ которымъ въ этомъ отношеніи далеко не всѣ дворянскіе роды, происшедшіе отъ разнаго наименованія служилыхъ людей, могутъ сравниться. По этой, между прочимъ, причинѣ воронежское купечество, по крайней мѣрѣ аристократическая его часть, т. е., древніе, богатые роды, всегда рѣзко отличались отъ типа русскаго купца, выработаннаго еще до-петровской исторіей и всецѣло сохранявшагося въ ближайшихъ къ Воронежу торговыхъ городахъ—Ельцѣ и Козловѣ; оно приняло лоскъ европейскаго образованія, подобно дворянству; и чуть ли не болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, съ нимъ смѣшивалось и роднилось. Фамилія Придорогиныхъ, нѣкогда очень богатая, принадлежала

именно къ этой категоріи воронежскихъ купцовъ. Иванъ Алексѣевичъ Придорогинъ получилъ образованіе въ Московскомъ Университетѣ по словесному факультету, въ которомъ, впрочемъ, онъ не окончилъ курса по причинѣ болѣзни глазъ, поразившей его въ послѣдствіи почти слѣпотою. Онъ былъ великій почитатель (и, кажется, слушатель) Грановскаго и вообще той блестящей плеяды профессоровъ, которою Московскій университетъ имѣлъ право гордиться въ эпоху конца 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ. Мы могли бы сказать, что Придорогинъ былъ чистѣйшій западникъ, если бы это опредѣленіе было у насъ болѣе точно, или если бы литература создала въ этомъ родѣ что-нибудь типичное, какъ сумѣла она создать Скалозуба, Фамусова, Чичикова и иныхъ. Натура поэтическая, душа теплая и любящая, Придорогинъ не могъ не восторгаться Бѣлинскимъ, именно тою стороною его направленія, которая вліяла на распространеніе началъ истинной гуманности и на развитіе эстетическаго чувства. Гуманистъ онъ былъ глубоко искренній, натура художественная — до крайностей. Конечно, Придорогинъ былъ западникъ, если уже нужно опредѣленіе; но отзлеченное начало необыкновенно цѣльно и жизненно въ немъ воплотилось: вотъ за что всѣ друзья такъ горячо его любили! Но настоящимъ западникомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, европейстомъ, Придорогинъ никогда не былъ: съ свойственною ему страстностію, онъ горячо любилъ все русское, отъ пѣсни до простого крестьянскаго быта, отъ богослуженія до проповѣдей Иннокентія. И русская заунывная пѣсня, и задушевный стихъ поэта, и Херувимская Бортиянскаго, и рѣчь Иннокентія, вызывали изъ глазъ его горячую восторженную слезу. Отчасти лишній человекъ, какимъ представляетъ его Тургеневъ, не практическій, не сумѣвшій повести и устроить своихъ торговыхъ дѣлъ, Придорогинъ являлся только глубоко реальнымъ въ своемъ протестѣ противъ всего дикаго и произвольнаго. За одинъ изъ такихъ протестовъ онъ едва не пострадалъ, принявъ сторону городского общества противъ произвола мѣстной администраціи. Арестъ на гауптвахтѣ, которымъ поплатился за непрошенное вмѣшательство, возвысившій его,

конечно, во мнѣніи общества, не научилъ его осторожности; почти до самой своей смерти, или до губернаторства гр. Д. Н. Толстаго, давнишняго своего пріятеля, Придорогинъ, какъ говорили, не унимался и все спорилъ съ губернской администраціей за городскіе интересы. Протестантомъ и радикаломъ былъ онъ страшнымъ (конечно, на словахъ), когда рѣчь заходила о крѣпостномъ правѣ: чего-чего не говорилъ онъ тутъ! какихъ не сочинялъ ужасовъ! До 1857 г. почти ни одна наша бесѣда не обходилась безъ его горячихъ филиппикъ, которыя нерѣдко прекращались слѣдующимъ замѣчаніемъ одного изъ присутствующихъ:—Ну, полно говорить тебѣ такія страсти! Человѣкъ курицы не зарѣжетъ, а туда же корчитъ роль радикала!—Бѣдный Придорогинъ не дожилъ до 19-го февраля 1861 г. Но зорю освобожденія крестьянъ и начало послѣдующихъ великихъ реформъ онъ привѣтствовалъ съ свойственнымъ только ему энтузіазмомъ. «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Бесѣда» не выходили изъ его рукъ; съ ними онъ отправлялся и въ гости, и въ клубъ, гдѣ игралъ по цѣлымъ почамъ въ карты; о замѣчательныхъ статьяхъ, появлявшихся въ этихъ журналахъ, онъ говорилъ гдѣ только можно, популяризуя и комментируя ихъ по своему. Въ особенности представлялъ онъ къ нѣкоторымъ съ «Губернскими Очерками» Щедрина, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ. Такіе господа называли его «злымъ языкомъ» и поэтому часто, хотя и не всегда, оставляли его въ покоѣ. Приводимъ слѣдующее мѣсто изъ записки Второва къ характеристикѣ Придорогина:

«Милый Придорогинъ! Вотъ еще одно изъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни. Имя его неразрывно связано въ моей памяти съ именемъ Никитина, и хотя дружескія отношенія мои съ послѣднимъ продолжались болѣе времени, но едва ли менѣе любилъ я и Придорогина. Чтò за милая это была личность! Кстати, вотъ его собственная характеристика въ виршахъ, которыя ему вдумалось написать отъ скуки, живя въ Петербургѣ въ концѣ 1858 г.; они достались мнѣ не совсѣмъ честнымъ образомъ—я унесъ ихъ отъ него. Впрочемъ, въ этой характеристикѣ онъ много нагалялъ на себя:

Вся жизнь прошла моя бесплодно;
Я цѣлый вѣкъ не жилъ—мечталъ.
Я не трудился, но другихъ свободно
За лѣнь и праздность укорялъ.
Я иногда брался за дѣло,
Казалось, я любилъ его;
За все я принимался смѣло
И не кончалъ я ничего.
Я по природѣ добръ душою,
Я зла чуждался и бѣжалъ,
Но и добра не много мною
Здѣсь сдѣлано, а я усталъ...
А зла, ахъ, сколько зла пристало
Ко мнѣ на жизненномъ пути!
И если, сдернувъ покрывало,
Да заглянуть въ тайникъ души,—
То страшно станетъ за всю гадость,
Что тамъ копышется, кишитъ:
Вотъ жаба зависть, а вотъ радость,
Что другъ упалъ; а тамъ стоитъ,
Какъ истуканъ во храмѣ, гордость,
Тутъ лесть—гремучая змѣя,
Тутъ жажда золота и подлость,
Какъ безобразная свинья...

.
.

Сомнѣнья демонъ, въ видѣ правды,
Всю вѣру сердца погубилъ;
Слѣдовъ нѣтъ благодатной жатвы,
Что Богъ мнѣ на душу вложилъ... и т. д.

«Этакой чудакъ! восклицаетъ Второвъ: «чего-то, чего онъ не нашелъ на себя!» Но эти вирши писаны не для показу; это была исповѣдь человѣка, написанная имъ въ самую тяжелую пору своей жизни: въ ней сказалась обличительная правда о самомъ себѣ, преувеличенная, конечно, какъ и всѣ обличенія. Мы не ошибемся, если скажемъ, что личности, подобныя Придорогину, могутъ только возрасти въ провинціи. Возрастаютъ и формируются онѣ обыкновенно подъ вліяніемъ литературы, подъ вліяніемъ тѣхъ свѣжихъ типовъ, которыми

не оскудѣвала наша литература, особенно со временъ Пушкина, подѣ вліяніемъ такихъ журнальных дѣятелей, какими были въ свое время Карамзинъ, Надеждинъ, Полевой и Бѣлинскій. Всѣ крайности литературныхъ направленій долѣе удерживаются въ провинціи, и хотя медленнѣе, но прочнѣе переходятъ въ жизнь. Такъ, уже въ началѣ сороковыхъ годовъ мы знали въ Острогожскѣ одну необыкновенно типичную личность—русскаго романтика съ ногъ до головы, самымъ органическимъ образомъ воспитавшагося на литературѣ, предшествующей Пушкину, преимущественно на Жуковскомъ. Это былъ М. В. Должиковъ, обучавшійся въ одномъ изъ Харьковскихъ частныхъ пансіоновъ. Подобно Придорогину, онъ принадлежалъ къ старинной купеческой фамиліи; подобно ему, не торговалъ и ничего не дѣлалъ, ведя, впрочемъ, совершенно иной, весьма чинный образъ жизни. Но не безслѣдно прошелъ и этотъ человекъ въ уѣздной глуши, человекъ тоже лишній; самыя его нѣсколько странныя манеры, его «благоговѣніе» къ женщинѣ, его сентиментальные рассказы о «прелестныхъ малиницахъ», которыхъ онъ встрѣтилъ въ Москвѣ въ единственную туда свою поѣздку, его страсть къ музыкѣ, при плохой игрѣ, его европеизмъ безъ знанія иностранныхъ языковъ, его бѣдность, опрятная и честная, домъ его и холостое хозяйство, управляемое старухой-няней и вольнонаемной служанкой,—все это было такъ не похоже на окружающее, все это такъ манило и влекло, если не за нимъ, то куда-то, не одну молодую воспріимчивую натуру, попавшую въ благодатную глушь уѣзднаго города. Придорогинъ жилъ и дѣйствовалъ въ другой сферѣ,—обширнѣйшей и менѣе душевной, въ другую пору и былъ совсѣмъ инымъ человекомъ: онъ былъ, смѣемъ сказать, однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей сороковыхъ годовъ съ неотразимымъ на все его окружающее вліяніемъ. Придорогинъ принадлежалъ ко второму слѣдующему за Кольцовымъ поколѣнію, болѣе зрѣлому. Еще будучи студентомъ, онъ познакомился съ Кольцовымъ, потомъ съ нимъ сблизился, потомъ, скорѣе даже другихъ, отошелъ отъ него, ибо тѣ начала, которыя органически вошли въ натуру Придорогина и его современниковъ, въ душѣ Кольцова были еще въ совер-

шенно стихійномъ видѣ, безъ ясно опредѣленнаго образа. Но какъ поэтъ-пѣсенникъ, Придорогинъ всегда восхищался Кольцовымъ, зналъ наизусть всѣ его пѣсни, не придавая особеннаго значенія другимъ его стихотвореніямъ. Зная хорошо все семейство Кольцовыхъ, Придорогинъ, восторженный почитатель Бѣлинскаго, первый указалъ на фальшивыя мѣста его біографіи воронежскаго поэта прасола.

Весьма трудно опредѣлить степень вліянія Придорогина на Ивана Саввича, потому что оно соплеталось, такъ сказать, со Второвскимъ вліяніемъ. Но если Второвъ, олицетворенная дѣловитость, такъ любилъ Придорогина, олицетворенное бездѣлье,—удивляться вліянію послѣдняго нечего. Бездѣлушникъ Придорогинъ вносилъ въ общество, въ кружокъ близкихъ ему лицъ, почти тоже, чтѣ вносить въ общество и семейство образованная женщина,—согрѣвающую теплоту чувства. Все, чтѣ могло быть холоднымъ и дидактическимъ во вліяніи Второва на И. С. Никитина,—согрѣвалось поэтической натурой Придорогина. Тонкое чувство изящнаго, ему свойственное, по-истинѣ было благотѣльно для Никитина и особенно отразилось на «Кулакѣ», въ которомъ самыя патетическія страницы остались не выброшенными, только благодаря вліянію Придорогина. Когда затѣвался книжный магазинъ, Придорогина, какъ мы видѣли, не было въ Воронежѣ. Живя въ Петербургѣ, онъ явился самымъ горячимъ противникомъ этого предпріятія, опасаясь, что его «милый Савка» (такъ онъ называлъ Никитина), занявшись торговлею, сдѣлается «Кулакомъ, а не поэтомъ». Въ этомъ смыслѣ онъ старался дѣйствовать на Второва и долго удерживалъ его отъ займа денегъ у В. А. Кокорева; чтѣмъ это кончилось,—мы видѣли. Приводимъ отрывки изъ писемъ придорогина къ Второву. Они очень любопытны и хорошо рисуютъ, какъ личность ихъ автора, такъ и положеніе Никитина въ первую пору открытія книжнаго магазина.

20 го февраля 1859 г. Воронежъ.

...Всѣхъ своихъ я засталъ, благодаря Бога, здоровыми; но бѣдный Саввичъ лежитъ боленъ, и боленъ очень и очень серьезно: къ его обыкновенной желудочной болѣзни присоеди-

вилась еще болѣзнь груди, бока и кашель. Худъ онъ сталъ какъ скелетъ, и едва-едва можетъ переташиться съ одного дивана на другой; такъ онъ слабъ и истощенъ! Главная причина его болѣзни, такъ, по крайней мѣрѣ, кажется всѣмъ намъ, не физическая (!!), а нравственная (намекъ на скряжничество)...

20-го марта 1859 г.

....Дѣла Саввича идутъ, сверхъ чаянія, не совсѣмъ плохо, и есть надежда, что пойдутъ и еще лучше; но здоровье его скверно. Онъ началъ лѣчиться гомеопатіей, и докторъ, пользующій его, увѣряетъ, что онъ непременно поставитъ его на ноги; дай-то Богъ его устами медъ пить!...

11-го іюня 1859 г.

....Начну прежде всего съ Никитина, судьба котораго занимаетъ меня, вѣроятно, точно такъ же, какъ и васъ,—болѣе всего. Дѣла его идутъ очень и очень недурно, но здоровье его слишкомъ тихо и тихо; онъ таетъ и догараетъ, какъ свѣча, не замѣчая того самъ. Доктора говорятъ, что у него чахотка, и, къ несчастію, кажется, что они правы. Адская болѣзнь измѣнила и самый его характеръ. Физическое истощеніе убило въ немъ поэта; но за то съ необыкновенною силою вернулся въ немъ мелочный и раздражительный духъ спекуляціи. Онъ ничего не пишетъ, мало читаетъ; онъ отсталъ отъ всѣхъ и всего; онъ весь погруженъ въ коммерческіе счеты и расчеты; онъ доживаетъ послѣдніе дни свои въ лавкѣ; его ничто не занимаетъ, кромѣ барыша и выручки. Онъ сталъ желченъ и раздражителенъ, что многимъ, не знавшимъ его прежде, даетъ поводъ быть имъ недовольными и иногда очень рѣзко высказывать ему свои неудовольствія. Это бѣситъ его, и обыкновенно послѣ такихъ сценъ онъ не сидитъ, а лежитъ и все-таки не на постели у себя дома, а въ лавкѣ. Напрасно я и М. Ѳ. уговаривали и уговариваемъ его бросить эту торговлю хотя на время, чтобы отдохнуть и поправиться. Онъ ничего не хочетъ слушать и сердается, когда начнемъ объ этомъ разговоръ; а высказать ему всю истинную правду— не достастъ духу; онъ и такъ едва-едва дышетъ. Вотъ грустная, но, къ не-

счастію, вѣрная картина его ежедневной жизни. Часовъ съ 5-ти утра, или даже и ранѣе,—отъ слабости совсѣмъ у него нѣтъ сна—напившись чаю и молока, онъ какъ тѣнь бродить по улицамъ. Возвратившись къ себѣ, усталый, онъ садится за счеты и коммерческія письма. Въ 8 часовъ онъ отправляется въ свой магазинъ, гдѣ и пребываетъ до самаго вечера. Оттуда онъ возвращается до того усталымъ, что едва бываетъ въ состояніи дотащиться до дома, и несмотря, однако на все это, онъ снова принимается за счеты и выкладки. Наконецъ, измученный такою усиленной работой, онъ ложится въ постель, но сонъ не приходитъ къ нему: физическая слабость—слѣдствіе болѣзни, напряженное воображеніе и разгоряченная голова, продолжающія и тутъ свою работу, не даютъ ему желаннаго успокоенія. Лѣчиться онъ совсѣмъ бросилъ, находя предписанія докторовъ скучными и бесполезными, да и врядъ ли можетъ ему кто-либо помочь при настоящемъ образѣ жизни. Собирается онъ, по пріѣздѣ отъ васъ прикащика, проѣхаться въ Москву и Петербургъ. Мой добрыйшій Николай Ивановичъ! если только это сбудется, Бога ради употребите на него то вліяніе, которое вы на него нѣкогда имѣли: уговорите его бросить это занятіе и передать его кому-нибудь другому. Не могутъ ужиться вмѣстѣ, въ одномъ человѣкѣ, торгошъ и поэтъ: одно что-нибудь непременно убьетъ другое, или разладица жизненныхъ занятій съ природою убьетъ и самую жизнь... Мы, я, Д., Милашевичъ и Курбатовъ, по-прежнему, видимся очень часто, толкуемъ о прочитанномъ, судимъ и рязимъ, а иногда и смѣемся, хотя большею частію сквозь слезъ. Но нашему кружку недостаетъ васъ, отсутствующаго, и Саввича, хотя и наличнаго, но совершенно удалившагося отъ насъ и чуждающагося всего, что не относится къ его торговлѣ». Вотъ что писалъ сѣдовласый юноша,—и много было правды въ начертанной имъ картинѣ! Бѣдный Придорогинъ пророчилъ смерть полумертваго въ то время Никитина, не подозревая, что эта страшная гостья ровно чрезъ четыре мѣсяца подкрадется къ нему самому незамѣтно. И въ самомъ дѣлѣ, незамѣтно подошла она, и когда ему, въ самый день кончины, указали на грозный ея образъ,

Придорогинъ имѣлъ мужество воскликнуть: А! такъ вотъ она, смерть-то! Ну, что же, посмотримъ!—Уже лежа въ постели, съ которой непремѣнно надѣялся встать, вотъ что писалъ Придорогинъ Никитину, за нѣсколько дней до смерти:

«Мой милый Савка!»

«Побойся Бога! что ты съ собой дѣлаешь! Неужели ты не можешь просидѣть дня четыре дома, не ходя въ свой магазинъ?.. Это просто самоубійство! Заклинаю тебя Христомъ Богомъ, слушайся доктора. Онъ, бѣдняга, чуть не со слезами рассказывалъ о твоихъ подвигахъ... Ты когда-то любилъ меня; въ память прошлаго, послушай-ка меня — чтобы письмо мое не осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!»

Бѣдный Придорогинъ! Онъ умеръ, не устроивъ своихъ коммерческихъ дѣлъ, оставивъ ихъ и многочисленное семейство, состоящее изъ пораженнаго параличемъ, полуидіота брата и множества племянниковъ и племянницъ, на руки своей сестрѣ-вдовѣ, оставивъ все это ея материнской попечительности и заботамъ. За недѣлю до смерти Ивана Алексѣевича Никитинъ, по настойчивому приказанію врача, засѣлъ дома. Мнѣ пришлось быть вѣстникомъ смерти, поразившей ужасомъ Никитина. Смертная блѣдность на желтомъ лицѣ и воспаленные, покраснѣвшіе, но безъ слезъ глаза выражали всегда въ Никитинѣ высшую степень душевнаго потрясенія. Вотъ что онъ писалъ на другой день смерти своего друга къ Н. И. Второву:

«Не знаю, съ чего и какъ начать свое письмо къ вамъ, мой милый другъ Николай Ивановичъ!... Сердце мое облито кровью; ударъ еще такъ недавно разразился надо мною, что я рѣшительно не могу привести въ порядокъ своихъ мыслей; въ головѣ моей все перемѣшалось и перепуталось... Общій нашъ добрый знакомый, или лучше сказать, общій нашъ другъ, И. А. Придорогинъ вчерашній день (12 ноября) окончилъ свое земное поприще. Онъ до конца жизни сохранилъ ясность разсудка и силу памяти. Послѣднія слова его были, между прочими, слѣдующія: «Скажите Второву, Никитину и

Д., что я горячо ихъ любилъ». Семейство покойнаго совершенно потерялось; вопль и рыданія слышны по всему дому. Бѣдная Евпраксія Алексѣевна, эта сестра милосердія, посвятившая себя всецѣло на служеніе своимъ ближнимъ, убита печалью. Не знаю, достанетъ ли у меня силы перенести эту печаль. Къ несчастію, я не могу сказать ей въ утѣшеніе ни одного слова, не могу отдать послѣдняго поклона и поцѣлуя моему усопшему другу, потому что самъ лежу боленъ.

«Вчера заѣхалъ ко мнѣ Д., сообщилъ мнѣ нѣчто о послѣднихъ минутахъ покойнаго и замолчалъ. Такъ сидѣли мы около двухъ часовъ. О чемъ было намъ говорить? Горе еще слишкомъ свѣжо; мы не могли усвоить себѣ мысли, что Придорогинъ болѣе не существуетъ!... Итакъ, теперь, въ Воронежѣ меньше однимъ изъ самыхъ лучшихъ людей. Я хорошо зналъ моего друга: зналъ его горячую любовь къ добру, любовь ко всему прекрасному и высокому, его ненависть ко всякой пошлости и произволу, его младенческую впечатлительность, и— что же? Какой плодъ принесло ему все это въ жизни? Увы! Жизнь ничѣмъ его не вознаградила, ничего не дала ему, кромѣ печали,—и страдалецъ умеръ съ полнымъ сознаніемъ, что самъ онъ не зналъ, зачѣмъ жилъ... Теперь въ городѣ идетъ говоръ: «Придорогинъ умеръ!... Умеръ Придорогинъ!...» Опомнитесь, умные купчики! А давно-ли?... впрочемъ, Богъ имъ судья, не вѣдали, чтѣ творили... Дня чрезъ два будетъ жениться какой-нибудь богачъ—и Придорогина забудутъ среди толковъ о новой свадьбѣ...

О, родъ людской, достоенъ слезъ и смѣха!

Простите, не могу болѣе писать».

Возвращаемся къ книжному магазину, вновь открытому въ Воронежѣ, и къ его привѣтливому хозяину.

Много хлопотъ и возни было Никитину со вновь открытымъ книжнымъ магазиномъ. Новость дѣла и положенія, запросы и требованія публики, жестокіе припадки болѣзни, почти не покидавшіе его въ продолженіе всего 1859 года, пристававшіе съ «идеями» друзья, пристававшіе съ просьбами о «деньгахъ» и разнаго рода предложеніями столичные, въ осо-

бенности петербургскіе, книгопродавцы, тяжесть обязательно предложеннаго займа и, какъ ея слѣдствіе, желаніе ускорить второе изданіе сочиненій,—все это, отдѣльно и въ совокупности, терзало Никитина. Былъ онъ, правда, въ эту пору очень не хорошъ и не симпатиченъ: Придорогинъ много сказаль правды въ письмѣ своемъ отъ 11-го іюня; но друзья Никитина были не правы, относясь къ нему такимъ же образомъ. Они, повторяемъ, вглянули на дѣло слишкомъ идеально и не обратили вниманія на то, что долженъ былъ дѣлать и съ чѣмъ долженъ былъ бороться Никитинъ для того, чтобы поставить магазинъ свой на твердую ногу и чтобы самому стать твердою ногою и въ средѣ воронежскаго торговаго сословія, и въ средѣ образованнаго общества. Мы не станемъ утомлять вниманія читателя подробностями о торговыхъ операціяхъ Никитина; письма его къ Второву переполнены этими подробностями, — порученіями о покупкѣ книгъ, о сношеніяхъ и переговорахъ съ книгопродавцами, жалобами на то и другое, и проч. и проч. Никитинъ прежде всего хотѣлъ сдѣлаться купцомъ, а не «прошалагой, ёрникомъ», какъ онъ выражался,—хотѣлъ изъ мѣщанскаго ничтожества, изъ двусмысленнаго положенія стихокропателя, невыносимаго, какъ доказаль ему конецъ прошлаго года, разомъ стать въ гражданское положеніе купца, завоевать себѣ кредитъ и почетъ, стать на одну ногу съ тѣми купцами-аристократами, которые, назадь тому нѣсколько лѣтъ, когда онъ просилъ у нихъ работы, не допускали его дальше передней. И Никитинъ достигъ всего этого, достигъ въ одинъ годъ; но не легко далось ему это «гражданское» положеніе, особенно при устройствѣ магазина и разнаго рода вознѣ съ книгами, публикой и друзьями. Больной и раздражительный, Никитинъ, дѣйствительно, сталъ бѣгать отъ друзей своихъ, въ расположеніи которыхъ онъ, разумѣется, ни на секунду не усумнился. Я попробоваль—было принять на себя роль посредника, но неудачно. Придорогинъ былъ неисправимъ: днемъ и позднюю ночью онъ приставаль ко мнѣ съ жалобами на Никитина. Русскія книги обыкновенно продавались у Никитина по 5-ти и 10% сверхъ ихъ стоимости, продавались нерѣдко и по номи-

нальной цѣнѣ; но бумага и письменныя принадлежности, шибко расходившіяся, продавались и по 25% и по 50%. Этотъ товаръ приобрѣтался въ Петербургѣ на очень выгодныхъ условіяхъ, явился въ Воронежѣ, какъ новинка, и покупался поэтому нарасхватъ. Стоило Никитину продать какую-нибудь пачку конвертовъ, или дестъ почтовой бумаги, по цѣнѣ большей 10—20%, допускаемыхъ для честнаго торговца, какъ—или дѣлалась сцена, слѣдовалъ упрекъ въ «отступленіи отъ началъ, разъ принятыхъ», или Придорогинъ летѣлъ ко мнѣ и печально провозглашалъ: «Пропалъ нашъ Савка, окончательно пропалъ! Торгашъ и кулакъ сталъ совершенный! Оттого и «Кулака» хорошо написалъ, что въ самомъ-то въ немъ сидѣлъ кулакъ. Нѣтъ, этого нельзя допустить... къ черту магазинъ! Поговорите вы съ нимъ... Пишите къ Николаю Ивановичу...» Милый Придорогинъ! Какъ онъ былъ хорошъ въ эти минуты! Не знали друзья Никитина еще вотъ о чемъ. Одна особа, о которой мы упоминали выше, по поводу обвиненій Никитина въ сочинительствѣ пасквилей, теперь пожелала съ нимъ познакомиться. Никитинъ не могъ и не имѣлъ права не исполнить этого желанія, ибо ничего личнаго въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ не было. Знакомство состоялось, ограничившись, впрочемъ, однимъ визитомъ. Ничего не зная объ этомъ Придорогинъ; знай онъ, никогда-бы не простилъ онъ Никитину «этой постыдной сдѣлки». Милый Придорогинъ!.. Между тѣмъ письма къ Второву летѣли—и Второвъ изъ Петербурга, не зная положенія дѣла во всѣхъ подробностяхъ, начитавшись ужасовъ о «погибели дарованія», а главное, устранившись пророчествъ о неизбѣжно-скорой смерти Никитина, которая въ самомъ дѣлѣ никогда не угрожала такъ сильно нашему поэту, какъ въ этомъ роковомъ году,—Второвъ не зная, что ему дѣлать; съ точки зрѣнія Придорогина онъ не могъ смотрѣть на новое положеніе Никитина, но и не могъ оставаться равнодушнымъ и замолчать. Выдержки изъ писемъ Никитина объяснять дѣло лучше нашихъ словъ.

9-го апрѣля 1859 г. Воронежъ.

«... Знаете-ли, мой другъ? Въ первые дни, когда я, едва державшійся на ногахъ, сталъ являться въ свой книжный магазинъ, меня неотступно преслѣдовала одна мысль: «Вотъ ты былъ дворникъ, жилъ въ грязи, слушалъ брань извозчиковъ; теперь ты хозяинъ порядочнаго магазина, всегда въ кругу порядочныхъ людей...» И много, много мнѣ тогда приходило на умъ, какъ приходитъ и въ эту минуту (я пишу въ магазинѣ),—и хочется плакать,—да, мой другъ! плакать и молиться... О, зачѣмъ я не могу васъ обнять, мое безцѣнное сокровище! Да будетъ благословенъ тотъ день, когда въ первый разъ васъ встрѣтилъ! Да будутъ благословенны всѣ часы, которые я проводилъ въ вашемъ миломъ семействѣ!»

8-го мая 1859 года.

«... Мои торговныя дѣла идутъ такъ себѣ, не дурно; но здоровье: вотъ вамъ доказательство—мой почеркъ. Вѣрите-ли,—едва хожу, едва владѣю руками. Если настанетъ тепло и не поможетъ мнѣ купанье, тогда останется одно умереть...»

22-го іюня 1859 года.

«... Если бы была возможность, съ какою радостію я отправился-бы теперь въ Петербургъ, и какъ-бы горячо и крѣпко обнялъ васъ при свиданіи! Но, къ несчастію, желаніе это рѣшительно для меня неосуществимо: едва я началъ оправляться отъ одной болѣзни—простуды, явилась другая—скорбуть. Ноги мои распухли, покрылись красно-синими пятнами и окончательно отказываются мнѣ служить. Словомъ, повторяется та же исторія, которая была со мною назадъ тому три года. Впрочемъ, я не теряю присутствія духа и не бросаю дѣла, проводя цѣлые дни въ своемъ книжномъ магазинѣ. Тамъ у меня есть отдѣльная комната, гдѣ я постоянно читаю, лежа на диванѣ. Если является покупатель, мнѣ даютъ тотчасъ объ-

этомъ знать,—и я, прихрамывая и морщась отъ боли, выхожу къ нему и, какъ могу и умѣю, удовлетворяю его требованія. Доктора единогласно совѣтуютъ мнѣ пользоваться чистымъ воздухомъ, прогулками въ полѣ и въ лѣсу; съ своей стороны я вполне понимаю, какъ-бы было хорошо для меня пожить нѣкоторое время безъ заботъ и занятій. Но обстоятельства сложились такъ, что мнѣ остается отказаться отъ подобной жизни, или насладиться ею въ самой ничтожной мѣрѣ. Причина этому—необходимость моего присутствія въ моемъ книжномъ магазинѣ».

6-го іюля 1859 года.

«Возобновляя въ памяти прошлую мою жизнь, такъ богатою разнообразною горечью, всматриваясь во все, окружающее меня въ настоящее время,—и тамъ, и тутъ я нахожу для себя мало утѣшительныхъ явленій. Впрочемъ, я не хочу повторять старой плачевной пѣсни о томъ, какъ мнѣ жилось прежде и какъ живетъ теперь: на васъ она навела бы тяжелую скуку, на меня—невыносимую тоску. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, счастливый случай свелъ меня съ нѣсколькими личностями, которыя имѣли благотѣльное вліяніе на развитіе моей нравственной стороны,—вотъ о нихъ-то я хочу сказать два-три слова. Эти дорогіе для меня люди были — вы, мой другъ Николай Ивановичъ, Нордштейнъ, Придорогинъ и Д. Но никто изъ этого небольшого кружка не могъ узнать меня на столько, на сколько должны узнать меня вы, потому что я вполне раскрылъ передъ вами мою душу, и въ радости, и въ горѣ вамъ одному высказывалъ мои сокровеннѣйшія мысли, по которымъ безъ всякаго затрудненія вы могли судить о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ моего характера. Къ сожалѣнію оказывается, что и вы знаете меня недостаточно. Доказательство—ваше письмо, которое глубоко меня опечалило и задѣло за живое.

«Вы ставите меня въ разрядъ торгашей, которые, ради приобрѣтенія лишняго рубля, не задумаются пожертвовать своею совѣстью и честью. Неужели, мой другъ, я упалъ такъ

низко въ вашихъ глазахъ? Неужели такъ скоро я сдѣлался негодяемъ изъ порядочнаго человѣка? (Если-бы во мнѣ не было признаковъ порядочности, я увѣренъ, вы не сошлись-бы со мною близко). Грустное превращеніе!—Вотъ къ чему привело меня открытіе книжнаго магазина! Итакъ мои слова: «пора мнѣ удалиться и отдохнуть отъ сценъ, обливающихъ мое сердце кровью»—были ложью; мое желаніе принести нѣкоторую долю пользы на избранномъ мною поприщѣ—было ложью; моя любовь къ труду безукоризненному и благородному—была ложью... Неужели, мой другъ, все это справедливо?

«Вы говорите, что я гублю свое здоровье, съ утра до ночи замкнутый въ стѣнахъ своего книжнаго магазина. Вы зовете меня въ Петербургъ, надѣясь, что поѣздка меня исцѣлитъ и разсѣетъ. Но что-же я тамъ буду дѣлать безъ денегъ, и какъ я доѣду туда безъ денегъ? Книжная торговля идетъ такъ вяло, что я никакъ не соберусь уплатить А. Р. Михайлову мой долгъ, состоящій изъ 200 руб. Наконецъ, допустимъ, что, благодаря добрымъ людямъ, деньги на дорогу у меня найдутся; что станется со мною, если въ продолженіе пути желудокъ мой разстроится еще болѣе? Замѣьте, что здѣсь, на мѣстѣ, при жизни совершенно регулярной, я счастливъ, если проходятъ двѣ недѣли безъ появленія слизи, какъ слѣдствія воспаления кишечнаго канала. Дорожная тряска, безпокойство и несвоевременный пріемъ пищи для меня убійственны; это я испытывалъ, проѣзжая какихъ-нибудь сто верстъ. Далѣе, вы говорите, что изъ-за книжнаго дѣла я бросилъ свои стихи, т.-е., что я черствѣю сердцемъ, тупѣю умомъ. Нѣтъ, мой другъ, обвиненіе это, высказанное вами изъ любви ко мнѣ, неосновательно. Не въ книжномъ магазинѣ я сижу съ утра до ночи, увиваясь не около покупателей (которыхъ, скажу кстати, приходитъ очень мало), а просто въ особой, смежной съ магазиномъ, комнатѣ, лежа на диванѣ, читаю все, что нахожу подъ рукою дѣльнаго. Не читать—для меня значитъ не жить... гдѣ-же тутъ торгашество?

«Нанять гдѣ-нибудь въ деревнѣ квартиру я не рѣшаюсь, потому что не привыкъ къ затворнической жизни, не могу

обойтись безъ кружка двухъ-трехъ близкихъ мнѣ мыслящихъ людей. И кто будетъ ухаживать за мною въ деревнѣ? Кто будетъ обвертывать на ночь дрожжами мои ноги? Кто приготовитъ мнѣ мой діетическій столъ, до крайности мнѣ надѣвшій, между тѣмъ необходимый при сильномъ разстройствѣ моего желудка? Кухарка, живущая у меня нѣсколько лѣтъ, хорошо знаетъ, что и когда нужно мнѣ варить и жарить; но ей невозможно оставить дворъ, гдѣ, во время моего отсутствія, она замѣняетъ хозяйку. Деревенская баба не замѣнитъ мнѣ моей кухарки; имѣть повара не позволяетъ мнѣ мой карманъ. Быть можетъ, въ послѣднихъ словахъ вы замѣтите мою страсть къ гнуснымъ рублямъ; какъ быть! пишу, что думаю: входить въ долги ради повара я не намѣренъ. Прежде я имѣлъ временно пристанище у Плотникова, но домъ его глядитъ теперь уже не такъ. Старикъ Плогниковъ умеръ, дочь его вышла замужъ, въ семействѣ явились новыя отношенія лицъ одного къ другому... притомъ больной гость надѣется скоро хозяевамъ; я знаю примѣры, что больные надѣдають родному отцу или родной матери.

«Что касается моего молчанія, моего бездѣйствія, которое, по вашимъ словамъ, губитъ мое дарованіе (если, впрочемъ, оно есть), вотъ мой отвѣтъ: Я похожъ на скелетъ, обтянутый кожей, а вы хотите, чтобы я писалъ стихи! Могу-ли я вдуматься въ предметъ и овладѣть имъ, когда меня утомляетъ двухчасовое серьезное чтеніе? Нѣтъ, мой другъ, сперва надобно освободиться отъ болѣзни, до того продолжительной и упорной, что иногда жизнь становится немилою, и тогда уже браться за стихи. Писать ихъ, конечно, легко; печатать, благодаря множеству новыхъ журналовъ, еще легче; но вотъ что скверно, если послѣ придется краснѣть за строки, подъ которыми увидишь свое имя. Мнѣ кажется, и вы не одобрили бы всякой написанной мною дряни... Повторяю, мой другъ, надобно сперва выздоровѣть,—иначе: «плохая пѣсня соловью въ когтахъ у кошки!»

4-го января 1860 г.

... Вы полагаете для меня необходимымъ бросить книжную торговлю, убивающую мое здоровье и поглощающую все мое свободное время, купить хуторокъ и жить въ тиши, въ самомъ близкомъ соприкосновеніи съ природою. Да, это было-бы хорошо и для меня самого, и для успѣха моихъ небольшихъ занятій; но, увѣ! отъ подобной мечты надобно отказаться, при первомъ ея зарожденіи. Гдѣ взять деньги, чтобы обзавестись хуторомъ, хозяйствомъ, жильемъ, земледѣльческими орудіями, рабочими лошадьми, прислугой и проч. и проч.? Если-бы книгопродавецъ Гарденинъ и согласился принять отъ меня мой книжный магазинъ, спрашивается, на какихъ условіяхъ онъ его приметъ? За всѣ мои книги едва-ли онъ дастъ третью часть той суммы, которая израсходована мною на приобрѣтеніе, тѣмъ болѣе, что онъ растрепанъ читателями. Оттого-то и плохо идетъ моя книжная торговля, что, по ограниченности моихъ средствъ, я не могу отдѣлать собственно книжнаго магазина отъ библіотеки для чтенія и увеличить для продажи число предметовъ, что непременно содѣйствовало-бы успѣху моихъ дѣлъ. Далѣе, жизнь моя, сравнительно съ прежнею, все-таки до настоящаго времени довольно покойна. Въ продолженіе цѣлаго дня я не слышу и не вижу ничего возмущающаго меня до глубины души; остается только одна ночь,—ну, что-же дѣлать?.. Съ этимъ зломъ я еще кое-какъ мирюсь. Если-же снова я буду принужденъ взяться за грязную торговлю на постояломъ дворѣ, поить водкою извозчиковъ, зазывать ихъ на дворъ съ улицы, вставать съ постели въ полуночную пору для шумныхъ съ ними расчетовъ, короче — быть въ постоянной пыткѣ, въ постоянномъ раздраженіи, тогда—лучше умереть! Нѣтъ, мой милый другъ, будь что будетъ, а книжную торговлю, по всѣмъ соображеніямъ, оставить мнѣ невозможно. И куда бы я ушелъ отъ тревогъ и печалей? Спросите самихъ себя: много ли найдется въ нашей жизни безоблачныхъ дней? Итакъ, будемъ биться съ невеселою долею, а тамъ, какъ и водится, смерть положить всему конецъ».

Битва съ друзьями за существованіе книжнаго магазина была выиграна. Никитинъ былъ правъ.

Но магазинъ устроился и торговля пошла, какъ слѣдуетъ, не ранѣе начала 1860 года. Отъ многого пришлось отказаться, многое повести иначе. Во-первыхъ, не удалась практикуемая компанія, «совмѣстное веденіе дѣла съ человѣкомъ образованнымъ»; въ апрѣлѣ 1859 г. Н. П. Курбатовъ уѣхалъ за границу. «Курбатовъ добрый и честный человѣкъ», говоритъ Никитинъ въ одномъ письмѣ къ Второву, — и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но характеры наши, взгляды на то, какъ вести нужно дѣло, совершенно противоположны». Во-вторыхъ, оказалась положительная невозможность имѣть приказчика, необходимаго помощника въ продажѣ вещей и въ мелочной возвѣ по магазину, — невозможность не столько по недостатку средствъ, сколько по тому значенію, которое начиналъ пріобрѣтать въ городѣ магазинъ; публика стала относиться къ нему все строже и требовательнѣе, и уже не удовлетворялась сидѣніемъ за прилавкомъ только грамотнаго, хотя бы и приличнаго приказчика; въ этомъ убѣдился Никитинъ на опытѣ, выписавъ было себѣ изъ Петербурга приказчика, котораго черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ отправить обратно. Пришлось ограничиться двумя мальчиками, учениками книгопродавческаго дѣла, которые оставались въ магазинѣ до смерти его основателя. Итакъ, книжный магазинъ сталъ *обязывать* Никитина; это случилось само собою и не входило въ соображеніе. Предполагалось имѣть вліяніе на «учащуюся молодежь», на полуобразованные классы общества, но не предвидѣлось, чего потребуетъ отъ поэта-книгопродавца общество образованное. Непривѣтливо и даже сурово встрѣтившись съ этимъ обществомъ, Никитинъ вскорѣ увидѣлъ себя въ необходимости стать къ нему въ иныя отношенія; и простой торговый расчетъ и причины болѣе нравственныя заставили его сблизиться съ этимъ обществомъ, dorosti до него, такъ сказать, въ мелочахъ, чтобы стать потомъ съ нимъ въ уровень, даже — впереди его. Этого желало само общество, не покидавшее Никитина, пристававшее къ нему, не смотря на его мѣщанскую неуклюжесть. Словомъ, книжный магазинъ

Никитина началъ приобретать въ Воронежѣ значеніе клуба, мѣста, куда можно было зайти не для развлечения отъ скуки, не для узнанія только послѣднихъ газетныхъ новостей, но и для живой, образованной бесѣды. До открытія книжнаго магазина, т. е. еще дворникомъ, Никитинъ имѣлъ наиболѣе знакомыхъ и лицъ, ему сочувствующихъ, между преподавателями и воспитателями Кадетскаго Корпуса, съ которыми и Второвъ былъ близокъ. Вновь открытый магазинъ нашелъ въ этихъ лицахъ значительную матеріальную, и еще большую нравственную поддержку. Третій директоръ Кадетскаго Корпуса, А. П. Ватаца, не только лично зналъ Никитина, но и былъ большимъ его почитателемъ. При А. И. Ватаца всѣ книги и все нужное для класснаго хозяйства Кадетскій Корпусъ сталъ приобретать только въ магазинѣ Никитина.

Въ магазинѣ, какъ говорится, начала толпиться публика и за дѣломъ и за бездѣльемъ. Приходили подъ предлогомъ покупки вздора, вовсе не относящагося къ книжной торговлѣ, въ родѣ какихъ нибудь несессеровъ,—и Никитинъ, какъ ловкій торговецъ, заводилъ разный вздоръ и бездѣлушки и—не былъ въ убыткѣ. Приходили, чтобы взглянуть на хозяина, познакомиться съ нимъ. Эта толкотня въ магазинѣ, это возбужденное въ публикѣ любопытство объясняется не одною праздностію, не одною бѣдностью провинціальныхъ интересовъ.—Въ Никитинѣ, какъ въ талантѣ, была сила, къ себѣ влекущая, при всѣхъ его слабостяхъ, даже отталкивающихъ сторонахъ его характера, если только кто найдетъ справедливымъ настаивать на существованіи послѣднихъ. Среди толпы лицъ, статскихъ и военныхъ, мужчинъ и женщинъ, непременно одно или два заходили совсѣмъ не для покупокъ,—и съ ними-то Никитинъ, развлеченный и тѣмъ и другимъ, всегда находилъ возможность перебросить нѣсколько словъ, часто вырывавшихся изъ души, всегда сильныхъ. Часто умоляли рѣчи о продажѣ и куплѣ; мальчишки овладѣвали покупающими и приходящими за полученіемъ книгъ для чтенія, уводили такихъ въ другую комнату, и вокругъ хозяина составлялся кружокъ, въ которомъ велись инныя рѣчи; вспомнимъ, что это было въ самую оживленную пору нашей жизни и литературы.

а Никитинъ такъ сочувствовалъ тогдашней современности и былъ весьма тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ литературы. Словомъ, передъ Никитинымъ-книгопродавцемъ, вокругъ него, создавалась публика. Онъ это понималъ, но всегда былъ настолько деликатнымъ, что не давалъ понять этого публикѣ. Такое значеніе магазина, дѣлающее честь и публикѣ и его хозяину, установилось, конечно, не вдругъ и опредѣлилось гораздо позже; но и при самомъ началѣ открытія его уже можно было это предвидѣть: вотъ еще одна изъ причинъ того страстнаго отношенія Никитина къ книжной торговлѣ, которая, какъ мы видѣли, объяснялась только его скупостью. Новость положенія заставила Никитина не только измѣнить свой образъ жизни, но и самому, на сколько это отъ него зависѣло, измѣниться. Изъ приведенныхъ писемъ читатель можетъ представить себѣ его новый образъ жизни, — прежній сталъ невозможенъ; человекъ выходилъ изъ замкнутаго кружка; записаться снова въ кружокъ было тяжело, ибо въ новомъ положеніи было много заманивающаго. Наконецъ сама судьба свою нелегкою рукою разбила кружокъ: въ апрѣлѣ уѣхалъ изъ Воронежа Курбатовъ, въ іюлѣ — Милашевичъ, въ ноябрѣ умеръ Придорогинъ. Вотъ что писалъ Никитинъ въ самомъ концѣ 1859 г. къ Второву; «Семейныя мои дѣла текутъ по прежнему, съ прибавленіемъ одной новости: на мнѣ лежатъ всѣ расходы по дому, содержанію прислуги, и т. д. и т. д. Весь доходъ съ дома (до 300 р. сер.) получаетъ старикъ, и увы! этой суммы ему не хватаетъ! На возраженіе мое, что я не въ силахъ выносить на своихъ плечахъ всю домашнюю обузу, онъ отвѣчалъ: «А кто тебя родилъ, поилъ и кормилъ? Кто тебя воспиталъ? Ну, ступай и живи себѣ, гдѣ хочешь». — Не слѣдовало бы мнѣ говорить объ этомъ, да сердце черезчуръ наболѣло... Отсутствіе незабвеннаго Ивана Алексѣевича сильно замѣтно въ нашемъ небольшомъ кружкѣ; замолкли веселыя рѣчи и одушевленные споры. Собственно говоря: и кружка-то теперь не существуетъ: остался Де-Пуле и я. Ни Милашевича, ни Придорогина замѣнить не кѣмъ».

Но, не смотря на все это, жизнь втягивала Никитина въ свой водоворотъ не одною, какъ мы видѣли, матеріальною

своею стороною. 1-го октября 1859 г. прибылъ въ Воронежъ новый губернаторъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, давнишній знакомый Второва, Придорогина и Никитина, первый издатель его стихотвореній. На другой же день по пріѣздѣ графъ зашелъ въ магазинъ Никитина и съ того времени до перевода своего изъ Воронежа, въ началѣ 1861 года, былъ нерѣдкимъ его посѣтителемъ, приходившимъ запросто; во все это время добрыя отношенія гр. Толстаго къ Ивану Саввичу ни разу не измѣнялись. Никитинъ также нерѣдко и запросто посѣщалъ графа, человѣка очень образованнаго и литературнаго. Само собою разумѣется, что такія отношенія между губернаторомъ и книгопродавцемъ - поэтомъ были очень выгодны для послѣдняго, особенно въ началѣ.

Если читатель потрудится вникнуть въ новое положеніе Никитина, то онъ согласится съ нами, что оно совершенно не благопріятствовало какой бы то ни было литературной производительности. Изъ писемъ къ Второву мы видѣли, какъ смотрѣлъ на это самъ Никитинъ, а между тѣмъ самъ Никитинъ въ тяжелую для него пору 1865 года, послѣ своего магазина, только и думалъ, что о второмъ изданіи своихъ стихотвореній: среди душевныхъ тревогъ, среди мучительныхъ припадковъ болѣзни мысль объ этомъ изданіи его не покидала. Письма къ Второву переполнены толками объ изданіи, о щекотливости своего положенія по поводу займа. Выписывемъ нѣкоторые мѣста изъ нихъ.

12-го декабря 1858 года.

«... Векселя Василю Александровичу я не посылаю. Противъ этого страшно возстали М. Ѳ. и Н. С. Ози гозорять: поступокъ Василя Александровича такъ безкорыстно благороденъ, что неловко было бы съ моей стороны бросить на него нѣкотораго рода тѣнь. Вексель какъ-бы выражалъ мою слѣдующую заднюю мысль:—Я долженъ вамъ, м. г., но я заплачу,—будьте увѣрены. Я не хочу даже одолжаться безъ законнаго документа,—и вотъ честь имѣю его вамъ представить. Это замѣчаніе я нашелъ справедливымъ. Миѣ доводи-

лось уже быть въ щекотливомъ положеніи, именно при займѣ денегъ у А. Р. Михайлова. Я вручилъ ему расписку: онъ покраснѣлъ и разорвалъ ее; я покраснѣлъ и подобралъ клочки разорванной бумаги, что, разумѣется, не помѣшало мнѣ честно и совершенно съ нимъ раздѣлаться. Кстати объ А. Р. Видя мое горячее желаніе устроить книжный магазинъ, онъ сочувствовалъ мнѣ всею душою и, между прочимъ, сказалъ, что если бы въ этомъ году не было у него свадьбы дочери и раздѣла съ братомъ, онъ съ удовольствіемъ ввѣрилъ бы мнѣ 1500 р. Спасибо ему за теплое слово! Кромѣ этого человека, ни одной души не нашлось въ Воронежѣ, сочувствующей моему предпріятію.

«Изданіе моихъ стихотвореній я предоставляю на волю Василія Александровича; но прошу у него позволенія выбросить нѣкоторую дрянъ изъ первой книжки. Дорогой мой Николай Ивановичъ! перемолвите съ нимъ объ этомъ предметѣ. Чѣмъ скорѣе состоится предполагаемое изданіе, тѣмъ менѣе останется заботъ на моихъ плечахъ. Превжнія стихотворенія, съ прибавленіемъ новыхъ и «Кулака», составятъ или два томика, или одну объемистую книжку, слѣдовательно, можно обойтись безъ дряни. Зачѣмъ пачкать дрянью и мое имя, и имя издателя моего труда: то и другое равно для меня дорого. Но главное,—чтобы поскорѣ состоялось изданіе...

26-го іюня 1859 г.

«... Небольшое улучшенія моего здоровья дало мнѣ возможность взяться за трудъ. Теперь я занятъ поправкой своихъ мелкихъ стихотвореній. Думаю, что въ концѣ Августа пришлю ихъ вамъ непремѣнно. Признаюсь вамъ, я почти ничѣмъ недоволенъ, что ни прочитаю,—все кажется риторикою. Грустно!.. видитъ Богъ, многое писалось отъ души. Знаю, что вы будете не довольны моею строгостію къ роднымъ моимъ дѣтищамъ, да что же дѣлать! И радъ бы глядѣть на нихъ съ любовію, но увы! они ея не заслуживаютъ. Впрочемъ, такъ и быть! Какъ видно, природа не слишкомъ щедра на свои дары; но надо поневолѣ довольствоваться немногимъ».

11-го сентября 1859 года.

«... На замѣчаніе ваше, почему я не выставилъ годовъ подъ стихотвореніями, скажу вотъ что: выставка подобнаго рода имѣетъ смыслъ подъ произведеніями Пушкина, Лермонтова и т. п., вообще подъ произведеніями людей, за развитіемъ таланта которыхъ читатель слѣдитъ съ особеннымъ любопытствомъ. Вашъ покорнѣйшій слуга не имѣетъ на это претензіи, не желаетъ сказать о себѣ: смотри, молю, любезный читатель, видишь, какъ я шелъ прогрессивно; видишь, какъ я развивался!—Боже сохрани! Гдѣ оно, это развитіе? Все суета суета!.. Если я въ самомъ дѣлѣ подвинулся сколько-нибудь впередъ, замѣтятъ и безъ цифръ».

Во 2-е изданіе стихотвореній Никитина, какъ извѣстно, «Кулакъ» не вошелъ; это случилось по взаимному соглашенію Кокорева и Второва. Вторымъ изданіемъ, т. е. поправкою, или, лучше сказать, передѣлкою стихотвореній, вошедшихъ въ 1-е изданіе, были очень не довольны Второвъ и Придорогинъ. Никитинъ въ самомъ дѣлѣ былъ безпощаденъ къ прежнимъ своимъ стихотвореніямъ до 56 года и кромсалъ ихъ немилосердно. Онъ не только ихъ выбрасывалъ и урѣзывалъ, но бралъ совершенно иные мотивы, которые и въ голову ему не приходили, когда писались эти стихотворенія. Это былъ своего рода авторскій вандализмъ, объясняемый, конечно, болѣзненною раздражительностію, страстію, чуть не азартомъ, воспользоваться рѣдкими минутами здоровья, чтобы свалить съ своихъ плечъ обузу нравственнаго обязательства. Выиграли или проиграли передѣланныя такимъ образомъ стихотворенія,—предоставляемъ судить другимъ, указывая только на фактъ. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить вотъ чего: какова бы ни была степень поэтическаго дарованія Никитина, она росла въ немъ съ необыкновенною быстротою; это, конечно, объясняется самымъ духовнымъ ея ростомъ, ускореннымъ, быть можетъ, приближающеюся смертію. Стихомъ онъ владѣлъ съ замѣчательною свободой: стихъ у него не вымучивался, не сочинялся, а лился изъ музыкальных звуковъ самого языка.

Небольшія піесы, ихъ мотивы и образы, въ цѣломъ своемъ составѣ, создавались въ его фантазіи и потомъ уже готовыми ложились на бумагу; это былъ обычный приѣмъ писанія стиховъ Никитинымъ, приѣмъ, при нѣкоторомъ развитіи и упражненіи, способный перейти въ импровизацію. Думаемъ, что этимъ приѣмомъ, или, если угодно, привычкою авторства объясняются достоинства и недостатки стихотвореній Никитина; имъ-же можно объяснить до извѣстной степени причудливость указанныхъ выше передѣлокъ.

Прежде, чѣмъ окончить эту главу, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, имя котораго уже не разъ упоминалось и который горячо любилъ Никитина,—объ Антонѣ Родіоновичѣ Михайловѣ, умершемъ въ 1847 г. въ глубокой старости. Воронежскій купецъ, вышедшій изъ крѣпостныхъ людей, мыльный и свѣчной заводчикъ, многоземельный сельскій хозяинъ при помощи вольно-наемнаго труда, человѣкъ, которому въ ту пору, о которой ведется нашъ разсказъ, было далеко за 50 лѣтъ,—что, казалось-бы, могло быть общаго между такимъ человѣкомъ и кружкомъ, носившимъ имя Второва! А между тѣмъ Михайловъ, никогда не принадлежавшій ни къ какимъ кружкамъ, былъ близкимъ и своимъ человѣкомъ не только для Второва, Придорогина и Никитина, но и для всѣхъ лицъ, которыя были связаны съ нимъ узами дружбы или пріязни. Что - же было особеннаго въ этомъ человѣкѣ? Отецъ Михайлова былъ крѣпостнымъ извѣстной графини А. А. Орловой-Чесменской и служилъ ей въ какой-то должности по управленію. Службою его и отличнымъ знаніемъ дѣла очень дорожилъ управляющій имѣніемъ графини, III-нъ, который и выразилъ свое расположеніе Михайлову тѣмъ, что взялъ къ себѣ на воспитаніе, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, старшаго сына его Антона, мальчика очень даровитаго. Казалось, ничего не могло быть лучше, потому что III-нъ, располагая громадными средствами, ничего не жалѣлъ для образованія своихъ дѣтей и прямо ихъ гововилъ къ университету; тотъ-же путь предстоялъ и юному Михайлову. Послѣдній, обучаясь въ домѣ управляющаго, обнаружилъ замѣчательныя математическія способности, а потому, ставъ юношей, началъ готовиться къ по-

ступленію на математическій факультетъ. Даровитость и трудолюбіе крѣпостнаго юноши были ободряющимъ примѣромъ для сыновей управляющаго, но они же помѣшали Михайлову закончить свое образованіе. Когда уже настало время собираться въ Москву, г-жа Ш-на закапризилась и не пожелала, чтобы ея дѣти сидѣли въ университетѣ на одной скамейкѣ съ крѣпостнымъ ихъ сверстникомъ; Михайловымъ, какъ прирощеннымъ крѣпостнымъ людямъ, нечего было и думать о какомъ-нибудь протестѣ противъ подобнаго каприза, а потому волею-неволею пришлось отказаться отъ университета. Свободу отъ крѣпостной зависимости Михайловъ получилъ гораздо позже, когда объ университетѣ уже нечего было и думать. Переселившись въ Воронежъ почти ни съ чѣмъ, Михайловъ взялся за торговыя и заводскія дѣла и повелъ ихъ не только умно и толково, но и на началахъ *научныхъ*, а не книжныхъ, вычитанныхъ, которыя всегда приводятъ къ разоренію дилетантовъ сельскаго хозяйства и промышленности. Михайловъ не только не разорился, но съ каждымъ годомъ увеличивалъ свои обороты, которые простирались потомъ не на одну сотню тысячъ. Технические знанія, примѣнимыя къ его дѣятельности (сельское хозяйство и заводы свѣчной и мыловаренный), онъ зналъ въ совершенствѣ; ботаникой онъ занимался со страстію, хотя больше практически, въ примѣненіи къ своей прелестной дачѣ и къ устроенному при ней, на диво и зависть болѣе теплымъ мѣстамъ, превосходному винограднику; онъ свободно читалъ по-французски, хорошо рисовалъ, особенно растенія и цвѣты. Михайловъ былъ тѣмъ, что потомъ стали называть у насъ *образованнымъ реалистомъ*: онъ былъ горячимъ поборникомъ образованія вообще, но антипатично относился къ людямъ, ничего не умѣющимъ дѣлать. Самымъ пламеннымъ его желаніемъ было распространеніе въ городской массѣ всякаго рода техническихъ свѣдѣній. Такой складъ образованія соединялся въ Михайловѣ вполне органически почти съ цѣлою богословскою эрудиціею. Человѣкъ глубоко вѣрующій, Михайловъ отлично изучилъ Св. Писаніе и творенія Отцевъ Церкви: на этомъ поприщѣ только немногіе изъ духовенства могли съ нимъ состязаться; взгляды его на церковный вопросъ совпа-

дались съ воззрѣніями Хомякова, но отличались большею практичностью. Если мы къ этому прибавимъ, что Михайловъ постоянно слѣдилъ за литературой, что онъ писалъ литературно *),— читатель согласится съ нами, что подобное явленіе въ провинціальной купеческой средѣ принадлежитъ къ рѣзко выдающимся изъ общаго уровня. Понятно, поэтому, что Второвъ и подобные ему люди не могли не интересоваться Михайловымъ; они сами искали его знакомства, а не наоборотъ. Михайловъ не былъ недоучившимся самоучкой, какія у насъ не переводятся; напротивъ, это былъ человѣкъ оригинальнаго образованія—натуралистъ, богословъ, славянофилъ и реалистъ, какими выработала ихъ сама жизнь, а не книжки, и гораздо раньше всякихъ книжекъ и толковъ о томъ и другомъ. Придорогинъ былъ ближе всѣхъ съ Михайловымъ, на *ты*; но дружескія отношенія не мѣшали имъ иначе смотрѣть на вещи и горячо ратоборствовать въ спорахъ, особенно по церковнымъ вопросамъ, которые любилъ ставить Придорогинъ. Они сходились въ глубокой антипатіи къ крѣпостному праву и въ нетерпѣливомъ ожиданіи новыхъ муниципальных учрежденій. Они вмѣстѣ боролись съ тогдашней администраціей за городскіе интересы, вмѣстѣ пытались сблизиться съ Кольцовымъ; но Михайловъ потерпѣлъ такую же неудачу, какъ и Придорогинъ: онъ долженъ былъ оставить въ покоѣ раздражительнаго и самолюбиваго поэта-прасола. Второвъ заинтересовался Михайловымъ не по одному складу его оригинальнаго образованія, не по одному мастерству его въ дѣлахъ, но и по отличному его знанію городскихъ нуждъ и потребностей. Н. И. Второвъ былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ дѣятелей по вопросу о городской реформѣ. Этимъ вопросомъ онъ занимался еще въ воронежѣ, служа совѣтникомъ губернскаго правленія; А. Р. Михайловъ, понятно, былъ для него дорогимъ человѣкомъ. Общій интересъ ихъ сблизилъ, хотя Михайловъ шелъ гораздо дальше Второвскихъ предположеній, потомъ осуществившихся. Никитинъ сблизился съ Михайловымъ чрезъ Придорогина. Большая разница въ лѣтахъ не допускала этого

*) Статьи его, безъ подписи автора, появлялись и въ столичныхъ газетахъ.

сближенія до равныхъ дружескихъ отношеній; въ немъ, по отношенію къ Никитину, было какъ бы что-то сыновнее. Никитинъ лучше другихъ зналъ Михайлова, зналъ его семейную жизнь, его отношеніе къ дѣтямъ обоихъ половъ, его благотворительность, никому неизвѣстную; а поэтому и уваженіе его къ Михайлову для людей, мало знавшихъ послѣдняго, могло казаться даже крайнимъ. Что касается до Михайлова, всѣ Никитинскія дѣла, литературныя и книгопродавческія, постоянно были близки его сердцу, какъ при жизни поэта, такъ въ моментъ и даже послѣ его смерти. Такія отношенія крѣпче и выше иной дружбы. А. Р. Михайловъ былъ наконецъ первымъ издателемъ полнаго собранія сочиненій Никитина, чистую выручку отъ котораго (2600 руб.) онъ внесъ, по назначенію душеприкащика, въ воронежскую Маріинскую женскую гимназію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1860 годъ—лучшая пора въ жизни Никитина.—Генераль-либераль.—
Поездка въ Москву и Петербургъ.—Отношеніе Никитина къ современ-
ной литературѣ и жизни.—Литературный сборникъ и возбужденная
имъ литературная дѣятельность. — Начало 1861 года. — Предсмертная
болѣзнь. — Вторая любовь.

Прошелъ годъ съ открытія книжнаго магазина. Дѣло, риско-
ванное вначалѣ, вполне опредѣлилось. Въ характерѣ Ни-
китина было постоянно жаловаться на «плохія дѣла». — Но
дѣла были вовсе не плохи. Магазинъ далъ тысячи полторы
чистой прибыли. Иванъ Саввичъ проживалъ очень немного,
не болѣе того, что онъ тратилъ на себя прежде; все осталь-
ное шло на магазинъ. Торговый кредитъ Никитина возрасталъ
не только въ Воронежѣ, но и въ обѣихъ столицахъ, — возра-
сталъ весьма быстро. Матеріальное благосостояніе, слава ма-
газина увеличивались сколько отъ ловкости и умѣнья вести дѣло
спокойно и расчетливо, столько же и отъ литературной из-
вѣстности хозяина, постоянно возрастающей. Все, что приѣз-
жало въ Воронежъ мыслящаго и литературнаго, все это зна-
комилось, сближалось съ Никитинымъ и тѣмъ или другимъ
способомъ распространяло извѣстность магазина, было ему
полезно. Въ числѣ такихъ знакомствъ самое прочное и при-
ятное для Никитина было сближеніе съ Петромъ Ивановичемъ
Бартеневымъ, впоследствии издателемъ «Русскаго Архива»,
который былъ самымъ усерднымъ его комиссіонеромъ въ
Москвѣ. Мы не впадемъ ни въ малѣйшее преувеличеніе, если
скажемъ, что книжный магазинъ Никитина представлялъ един-
ственное въ своемъ родѣ явленіе (по крайней мѣрѣ, въ про-
винціи) по соединенію въ одномъ лицѣ литературной и книго-

пролаической дѣятельности. Ожилъ и Никитинъ, и улыбнулась ему суровая судьба. — Самое здоровье его очень поправилось. Благодаря холоднымъ ваннамъ, купанью въ лѣтнее время и кислой пищѣ, желудокъ его сталъ работать до такой степени, что онъ началъ позволять себѣ нѣкоторыя излишества въ столѣ и чаѣ, т. е., сталъ возвращаться къ любимымъ русскимъ блюдамъ, послѣ многолѣтняго употребленія опротивѣвшей ему, какъ онъ выражался, «нѣмецкой діеты». Самыя отношенія къ отцу какъ будто измѣнились къ лучшему. Старикъ, начинавшій дряхлѣть и слѣпнуть, но не покидавшій своей несчастной привычки, иногда заходилъ въ магазинъ, преимущественно утромъ, еще до появленія посѣтителей и до прихода сына. Пройдя раза два по комнатамъ (ихъ было три), онъ обыкновенно обращался съ наставленіями къ мальчикамъ, въ родѣ слѣдующаго: «Вы смотрите у меня, — берегите хозяйское добро! А то вѣдь я васъ знаю, — народецъ тоже!» Мальчики жили въ домѣ Никитина и нерѣдко выслушивали эти поученія на другой или третій день послѣ происходившихъ въ немъ и уже знакомыхъ читателю сценъ. Иванъ Саввичъ только ночевалъ дома, поэтому и сцены случались рѣже и не могли имѣть для него прежней горечи. Домъ, какъ мы сказали, былъ записавъ на имя Саввы Евгѣича; но старикъ ни на минуту не колебался отдать его подъ залогъ тысячи рублей серебромъ, понадобившейся сыну для торговыхъ его оборотовъ. Собственно говоря, отношенія между отцомъ и сыномъ не измѣнились къ лучшему, но нѣсколько перемѣнились. И подгулявши, и находясь въ здоровомъ умѣ, старикъ находилъ теперь новую пищу для своего краснорѣчія. Гордись сыномъ, какъ поэтомъ, онъ величалъ его теперь п е р в о с т а т е й н ы мъ кушомъ, который за поясъ заткнетъ какого-нибудь подлеца (это непременно) Ваську или Петрушку такого-то. Бравя сына не меньше прежняго, онъ къ словамъ — А кто тебя родилъ? Кто далъ образованіе? — теперь прибавлялъ: «Черезъ кого пошелъ въ люди и сталъ хозяиномъ? А? не повимаешь!» Къ этому времени жизни Никитина относятся и мои съ нимъ объясненія объ отношеніи его къ отцу. Спокойнѣе и рѣшительнѣе прежняго говорилъ Никитинъ, что онъ ни за что старика не покинетъ; «но и пере-

дѣлать себя я не въ силахъ», всегда онъ заканчивалъ свою рѣчь. Судьба продолжала улыбаться Никитину и даже до нѣкоторой степени увѣнчала его поэтическими лаврами со стороны согражданъ. Дѣло происходило такъ. На Святой Недѣлѣ, 9-го Апрѣля 1860 г., мы устроили, кажется, первый въ провинціи, литературный вечеръ, въ пользу литературнаго фонда. Чтеніе происходило въ великолѣпной залѣ Кадетскаго Корпуса. Стеченіе публики было громадное. Никитинъ читалъ новое свое стихотвореніе «Поэту-Обличителю». Появленіе его на эстрадѣ произвело неописанный восторгъ. Его заставили повторить стихотвореніе два раза. Этимъ приѣмомъ, краснорѣчиво говорившимъ, Никитинъ былъ глубоко тронутъ. Веселое расположеніе духа отражается и въ письмахъ его, относящихся къ этому времени.

Для доказательства приведемъ слѣдующій большой отрывокъ изъ письма его къ Второву. Это — сцена, списанная съ натуры безъ малѣйшей утрировки. Она даетъ нѣкоторое понятіе и о тогдашнихъ нравахъ.

«... Назадъ тому недѣли три (писано 21-го Марта 1860 г.) приходитъ ко мнѣ господинъ средняго роста, съ толстымъ брюшкомъ, въ очкахъ, рябой, остриженный подъ гребенку, съ окладистою рыжеватою бородою, въ которой уже замѣтна сѣдина, широкоплечій, одѣтый въ теплое пальто съ бобровымъ воротникомъ. Прищуривъ глаза, онъ посмотрѣлъ сначала на полки, уставленные книги, при чемъ сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто нюхалъ, — нѣтъ-ли чего-нибудь подозрительнаго въ воздухѣ, и потомъ обратился ко мнѣ съ лаконическимъ вопросомъ:

— Никитинъ?

— Точно такъ, отвѣчалъ я, къ вашимъ услугамъ.

— А, очень радъ! очень радъ! И рыжебородый господинъ такъ сильно потрясъ мою руку, что всѣ кости и суставы заходили въ моемъ тѣлѣ.

— Честь имѣю рекомендоваться, — генералъ Н. Давно желалъ васъ видѣть. Много слышалъ... Ну-съ, что подѣльваете?

— Какъ видите, — стою за прилавкомъ и продаю книги.

— О..! и голосъ его превосходительства изъ скромнаго тенора вдругъ перешель въ густой порывистый басъ.—

— О-о! Промышленность, торговля, l'industrie!.. Этимъ скоро займется и наше, такъ называемое благородное, сословіе... Ахъ, да! кстати: въ которой степени сочувствуете вы современному вопросу?

— Какому вопросу?•

— Фу, чертъ возьми! Разумѣется, вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Говорите откровенно...

— Я радъ всему доброму, отвѣчалъ я.

— Я радъ... я радъ... Да что такое—я радъ? Недостаточно, милостивый государь!—И генераль схватилъ меня за бортъ сюртука,—

— Вы, м. г., писатель! Вы должны имѣть европейскій взглядъ на эти вещи. L'esclavage à bas!.. Вы понимаете по французски.

— Немножко.

— Да-съ, à bas, чертъ меня возьми! Въ этой груди—генераль ударилъ себя кулакомъ въ грудь—таится не одно благородное чувство. Еще до поднятія вопроса объ освобожденіи крестьянъ я принималъ не разъ самыя гуманныя мѣры къ улучшенію ихъ семейнаго и общественнаго быта. Вы читали что-нибудь въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о Пенсильванцахъ и Каролинцахъ?.. Этотъ журналъ немножко англومانъ; впрочемъ, ничего: я его уважаю... Каролинцы, м. г., защищаютъ невольничество; но я... я въ душѣ Пенсильванецъ, жена у меня тоже Пенсильванка, эманципаторка въ высшей степени. Сынъ (онъ служитъ въ гвардіи)—одинъ изъ передовыхъ людей настоящаго времени... Чтò стоитъ дюжина этихъ красныхъ карандашей?

Я сказалъ цѣну.

— Прикажите ихъ для меня завернуть... Такъ-то, м. г.! Я, напримѣръ, на дняхъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ, да вѣдь не дармоѣдовъ... нѣ-ѣ-тъ!.. и генераль снова принялъ величественную позу и при концѣ каждой фразы билъ кулакомъ о прилавокъ.—Я отпустилъ кузнецовъ, слесарей, столяровъ, каретниковъ, поваровъ—замѣьте, поваровъ,

чертъ возьми! Я гастрономъ, люблю хорошо поѣсть, — но свобода прежде всего... la liberté Да здравствуетъ свобода!..

Личность этого господина сильно меня заинтересовала. Я старался продлить нашъ разговоръ; къ счастью, намъ никто не мѣшалъ.

— Ваши сосѣди-помѣщики, сказалъ я, я думаю, не очень-то долюбливаютъ васъ за ваши гуманныя идеи. — Генераль презрительно улыбнулся.

— Тѣфу! вотъ мой отвѣтъ сосѣдамъ. Мнѣ дорого мое внутреннее убѣжденіе въ правотѣ моего взгляда, — на все прочее я плюю. Я люблю de tout mon сѣиъ нашъ добрый простой народъ и люблю, знаете, иногда съ нимъ сблизиться, поговорить. Par exemple! Подъ Новый Годъ я приказалъ своему старостѣ извѣстить моихъ крестьянъ, чтобы завтра они собрались всѣ въ церковь, потому что я имѣю имъ нѣчто сказать. И вотъ наступилъ Новый Годъ. Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Вхожу въ церковь; народу — яблоку негдѣ упасть: внѣ церкви десятки тысячъ, — сошлись, знаете, изъ окрестныхъ деревень. Ну, хорошо-съ. Отслушали мы съ женою литургію, отслушали молебенъ. Я подхожу къ священнику, и говорю: «Батюшка, позвольте мнѣ сказать крестьянамъ нѣсколько словъ!» — Сдѣлайте милость, ваше пр—ство! — отвѣчалъ онъ. Я сталъ на амвонъ и обратился къ крестьянамъ: — «Поздравляю васъ, братцы, съ Новымъ Годомъ, желаю вамъ всякаго блага, желаю, чтобы исполнились ваши желанія. Вы желаете свободы, — свобода будетъ вамъ дана. Но воля и свобода — два понятія, совершенно противоположныя: свобода — это жизнь въ благоустроенномъ гражданскомъ обществѣ, огражденная закономъ; воля — это значить — это значить — птица летаетъ въ воздухѣ, звѣрь рыкаетъ въ лѣсу, черкесть грабить въ своихъ неприступныхъ ушеляхъ... Ну, и такъ да-дѣ»... Теперь я не могу припомнить всѣхъ подробностей, а вышло очень недурно, скажу безъ самохвальства. Барщину я теперь послалъ къ черту; у меня работаютъ одни вольнонаемные. Сдѣлайте одолженіе, — присылайте ко мнѣ конторщиковъ, бухгалтеровъ, управителей, агрономовъ, — всѣмъ дамъ мѣсто, всѣмъ дамъ жалованье! Свобода труда — первое условіе

народнаго благосостоянія. А пророс: у васъ есть въ продажѣ записныя прихода-расходныя книги!

— Есть.

— Покажите... хорошо; годятся. Цѣна?

Я сказалъ цѣну.

— Прикажете завернуть четыре книги. У меня, знаете, приходъ и расходъ каждаго зернышка записывается въ книгу. Я гляжу на этотъ предметъ съ экономической точки зрѣнія, — иначе не возможно. Какъ жалъ, что у насъ такъ мало развита политико-экономическая наука! Познакомьтесь, пожалуйста, съ сочиненіями П. Фуше, Молинали, и пр. Вы найдете въ нихъ много хорошаго... Ну-съ, однако, что же вы не скажете мнѣ: что вы теперь подѣлываете, что пописываете?

— Право, ничего: все не здоровится, да и некогда.

Его превосходительство покачалъ головою.

— Эхъ, молодые люди, молодые люди! Какъ у васъ мало одушевленія, этой внутренней силы, что называется *énergie*! Господи, Боже мой! Что если-бы я родился повѣтомъ!.. А! какъ вы думаете?

И онъ вдругъ сдѣлалъ шагъ назадъ, закинулъ голову и забасилъ, тыкая указательнымъ перстомъ въ воздухъ:

— Ты знаешь самъ,
Какое время наступило;
Въ комъ чувство долго не остыло,
Кто сердцемъ неподкупно прямъ...

— Ну, и проч. помните?

Проснись, громи пороки смѣло!

— Да, громи ихъ, чертъ побери! — И генералъ топнулъ ногой. Вотъ ваше назначеніе!.. Позвольте, нечаянно вспомнилъ... Вы знаете помѣщика С-ва?

— Знаю немного.

— Комедія! Ей Богу, комедія Съ нимъ совершилось нѣчто въ родѣ Овидіевыхъ превращеній. Представьте: умѣйшій человѣкъ, кандидатомъ кончилъ курсъ въ университетѣ. До поднятія вопроса объ освобожденіи крестьянъ былъ про-

грессистъ въ полномъ смыслѣ слова, врагъ отсталости, рутины, застоя, etc., etc... Но... заговорили о свободѣ крестьянъ, взяли за святое дѣло ихъ освобожденія,—и нашъ горячій прогрессистъ, нашъ глашатай великихъ идей—ррр!!!

Генералъ зарычалъ на подобіе голодной собаки, у которой отнимаютъ кость, даже фізіономію, насколько умѣлъ, сдѣлалъ собачью.

— Вотъ вамъ, продолжалъ онъ, и современные люди! Правду сказалъ Лермонтовъ:

И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ...

— Parbleu! Стоить, ей-ей стоитъ!.. Теперь спрашивается: откуда взялась у насъ эта нетвердость убѣжденій? Отчего она? Оттого, что воспитаніе у насъ варварское; оттого, что *déruis l'enfance*, такъ сказать съ матернимъ молокомъ мы всасываемъ въ себя произволь; оттого, что безправіе... Да, вотъ вамъ примѣръ превращенія. Я служилъ полковникомъ въ штабѣ. Замѣтите—служилъ! т. е. былъ не цифрой безъ значенія, а старался принести возможную пользу своею дѣятельностію. Вы впрочемъ, не подумайте, что я говорю все это изъ хвастовства... *Dieu m'en préserve*... Вотъ, знаете, и дѣлаешь, бывало, наблюденія. Возьмешь хоть вахмистра. Вахмистръ, *sans doute*, бывшій когда-то, мужикомъ, любимъ и уважаемъ подчиненными ему солдатами, обращался съ ними кротко, входилъ въ ихъ нужды и проч. Но едва этотъ вахмистръ, этотъ выслужившійся солдатъ, получаетъ офицерскіе эполеты,—баста! Превращеніе!.. У него является напыщенность, надменность, онъ дѣлается извергомъ, варваромъ, тираномъ, *le tyran*, да-съ—*le tyran*...

Вѣроятно его пр — ству понравилось это слово: онъ повторилъ его не разъ и съ какимъ-то особенно носовымъ протяжнымъ звукомъ—*le-ty-ra-an!*

— Однако я съ вами заговорился,, заключилъ генералъ; до свиданія! *Au revoir M—eur Nikitin, au revoir!..* И его превосходительство оставилъ меня, насвистывая какую-то ве-

селую пѣсенку.—Съ тѣхъ поръ мы больше не видались; а право, жаль!»

Мысль о поѣздѣ въ Москву и Петербургъ давно занимала Никитина, особенно съ того времени, когда Второвъ покинулъ Воронежъ. Осуществить эту мысль Никитинъ долго не имѣлъ никакой возможности: не было ни денегъ, ни здоровья. Лѣтомъ 1860 г. запасъ здоровья оказался достаточнымъ; наличныхъ денегъ у Никитина почти никогда не водилось, потому что они всѣ уходили на магазинъ; но нашлись и деньги. Желаніе повидаться съ Второвымъ «отвести съ нимъ душу», необходимость личныхъ знакомствъ по дѣламъ торговли, — вотъ что влекло его въ столицы. «Быть можетъ, писалъ онъ къ Второву, еще въ апрѣлѣ, подѣ влияніемъ новыхъ впечатлѣній, силы мои укрѣпились-бы въ продолжительной дорогѣ. Главное, я увѣренъ, что я успѣлъ-бы въ Москвѣ или въ Петербургѣ вступить въ сдѣлку съ кѣмъ-либо изъ книгопродавцевъ, промѣнявъ или пролавъ ему моего «Кулака», а потребность на него въ Воронежѣ сильная». — Наконецъ поѣздка состоялась. Въ началѣ іюня Никитинъ отправился въ Москву на почтовыхъ. Теперь можно назвать анекдотомъ, что человѣкъ, подобный Никитину, съ его образованіемъ и все-же кое-какими средствами (мы говоримъ о времени съ 1856 г.), прожилъ весь вѣкъ, не зная другаго города, кромѣ Воронежа, не заѣзжая отъ него далѣе Задонска. Путешествіе очень пріятно подѣйствовало на Никитина; но Москва ему не особенно понравилась; это общее впечатлѣніе, которое испытываютъ жители нашихъ южныхъ губерній, гдѣ, какъ извѣстно, губернскіе города принадлежать къ числу лучшихъ, многочислѣннѣйшихъ и богатѣйшихъ въ Россіи, гдѣ они создавались не столько по московскому, сколько по петербургскому типу. Этимъ-же лѣтомъ, по возвращеніи Никитина, и я собирался въ столицы; вотъ почему Никитинъ распространяется въ подробностяхъ о дорогѣ въ приводимомъ ниже письмѣ отъ 13 іюня:

«Ну вотъ, мой милый другъ, я и въ Москвѣ! Сперва скажу вамъ нѣсколько словъ о дорогѣ вообще, о томъ, какъ я ѣхалъ; отомъ уже передамъ вамъ впечатлѣнія, произведенныя на меня

Москвою. Ъзда по шоссе отъ Воронежа до Задонска похожа скорѣе на катанье, нежели на путешествіе, которое обыкновенно представляется намъ соединеннымъ съ извѣстными не-пріятностями и неудобствами. Недостатка въ лошадяхъ вплоть до Москвы не встрѣчается нигдѣ, хотя подъ Москвою гоньба имъ бываетъ страшная; такъ мнѣ говорили, что съ одной предпоследней станціи отправляется въ продолженіе сутокъ съ разными проѣзжающими до трехъ сотъ лошадей. Станціонные дома, по мѣрѣ приближенія ихъ къ столицѣ, становятся все лучше и лучше; нѣкоторыя снабжены мягкой мебелью, изысканнымъ буфетомъ и т. п. Въ дорогѣ, право, много хорошаго. Вы не можете себѣ вообразить, какъ весело ѣхать съ ухарскимъ ямщикомъ! Надвинувъ набекрень шляпу, сидитъ онъ на передкѣ и слегка поводитъ кнутомъ. Лошади бѣгутъ скорою рысью, а онъ посвистываетъ и приговариваетъ: «Ну, ну! выноси! Эхъ, вы!» Вотъ крутая гора. Молодецъ подобралъ возжи, влѣпилъ по нѣскольку ударовъ кнута каждому коню, прикрикнулъ: «Эхъ, выручай! Грабятъ!» — и бойкая тройка понеслась, окруженная облакомъ густой пыли. Встрѣчающіеся извозчики даютъ вамъ дорогу; испуганная богомолка торопливо отбѣгаетъ въ сторону; сидѣвшій на канавкѣ грачъ улетаетъ на дальнія пашни. Между тѣмъ кнутъ все чаще и чаще взвизываетъ въ воздухѣ; только и слышна трескотня колесъ по мостовой: ттрр... тукъ, тукъ тукъ!.. А вокругъ такая гладь, такіе чудные переливы свѣта и тѣни по зелени волнуемой ржи!.. Въ одной изъ тульскихъ гостинницъ вы можете очень не дурно пообѣдать за умѣренную плату; въ Серпуховѣ обѣдъ ни то ни се; но за то видъ Оки превосходенъ. На станціяхъ почти нигдѣ нѣтъ холодной воды; хоть умирайте отъ жажды; и вотъ тутъ-то, проѣхавъ полтораста верстъ въ сутки, понимаешь вполне, что за благотворный напитокъ чай! Но предупреждаю васъ, если вы хотите ѣхать съ нѣкоторымъ удобствомъ, и если сколько-нибудь дорожите своимъ душевнымъ спокойствіемъ, — берите съ собою какъ можно болѣе денегъ. Проклятыя слова: «пожалуйте на водку» на разстояніи пятисотъ верстъ будутъ раздаваться въ вашихъ ушахъ съ утра до вечера, съ вечера, до утра. Вамъ придется платить

за всякіе пустяки, за самую ничтожную мелочь. Въ Ефремовѣ взяли съ меня за перетяжку колесъ 3 р. 90 к.; въ Воронежѣ они стоили бы не болѣе 75 коп. что положительно мнѣ извѣстно. На послѣдней станціи подъ Москвою сломался шкворень, за сварку котораго я заплатилъ 1 р. 50 коп., тогда какъ его можно приобрести за 75 к. новый. Завяжутъ или развяжутъ какую-нибудь веревку на вашемъ экипажѣ, — давайте на водку; помажутъ колеса, кромѣ положенныхъ за это 12 коп., — опять на водку... Вѣрите-ли, наконецъ приходишь въ бѣшенство, когда является какая-нибудь глупая рожа старости, подстарости, дворника, почтоваго сторожа и т. д. и т. д. и ни за что, ни про что, съ наглѣйшею улыбкой, произносить свое обычное: „пожалуйте на водку!“ Короче, если вы въ дорогѣ будете кротки и терпѣливы, васъ оберутъ какъ липку... Въ Москву я пріѣхалъ вчера въ четвертомъ часу утра. Особеннаго впечатлѣнія видъ Москвы на меня не произвелъ; но Кремль—чудо какъ хорошъ! Я уже успѣлъ побывать въ Успенскомъ Соборѣ, видѣлъ гробы великихъ князей, Кремлевскій царскій дворецъ, садъ, французскія пушки, знаменитый колоколъ и проч. и проч. Пестрота, шумъ, движеніе до того мнѣ были новы, что съ перваго раза я рѣшительно потерялся, и попривыкъ ко всему этому только къ вечеру. Квартира моя находилась въ 94 № гостиницы братьевъ Чижевыхъ, не далеко отъ Кремля, гдѣ лавкамъ и жильцамъ нѣтъ числа. На книжныя лавки я успѣлъ взглянуть только мелькомъ; хорошихъ немного, двѣ—три,—остальныя похожи на балаганы. Вышелъ VII томъ Бѣлинскаго—вотъ вамъ новость. У Берга (Ө. Н.) и Бартенева (П. И.) думаю побывать сегодня. Право, не знаешь, куда кинуться; хотѣлось бы познакомиться и съ тѣмъ, и съ другимъ, и съ третьимъ.—Прикащикъ Щепкина принялъ меня радушно; не знаю, каково-то приметъ меня хозяинъ, котораго никакъ не поймашь, потому что онъ является въ магазинъ на полчаса, не болѣе.—Еще два слова о дорогѣ. Берите полорожную такъ же, какъ и я, т. е., отъ станціи Николаева до станціи Лопатковой и обратно, да смотрите, чтобы экипажъ вашъ былъ крѣпокъ и проченъ, иначе вы проклянете свою судьбу, когда онъ начнетъ разлагаться на свои

составныя части, какъ это сдѣлалось съ моимъ. Ахъ, если бы Богъ далъ мнѣ усильно и счастливо окончить свои торговныя операціи!»

Собираясь познакомиться и съ тѣмъ и съ другимъ, Никитинъ не познакомился ни съ кѣмъ ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Вотъ что пишетъ въ своей запискѣ Второвъ о пребываніи Никитина въ Петербургѣ:

«Въ Петербургѣ онъ остановился у меня на Бассейной, домъ Аничкова. Нечего и говорить, какъ я обрадовался его прїѣзду. Прожилъ онъ здѣсь дней двѣнадцать. Большею частію онъ хлопоталъ по своимъ коммерческимъ дѣламъ, и потому водился преимущественно съ книгопродавцами, оптовыми торговцами канцелярскихъ матеріаловъ и проч. Впрочемъ, такъ какъ время было лѣтнее, то Петербургъ былъ по обыкновенію пустъ,—все разѣхалось по дачамъ; особенно литераторы, какъ люди болѣе свободные, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые не обязаны службою, забрались какъ можно подалѣе отъ Петербурга. Поэтому Никитину не удалось видѣть, между прочимъ, Майкова, который жилъ, кажется, въ дальнемъ Парголовѣ, верстъ за 20 отъ Петербурга, куда не совсѣмъ удобно добратъся; а Майкова видѣть ему очень хотѣлось. Въ промежуткахъ отъ дѣлъ мы осматривали здѣшнія достопримѣчательности, ѣздили по ближайшимъ окрестностямъ Петербурга,—тутъ же встати случился праздникъ петербургскихъ нѣмцевъ въ Ивановъ день, на такъ называемомъ Кулербергѣ,—и его мы посѣтили. Оставалось съѣздить подалѣе, и я уговаривалъ Никитина побывать хотя въ Петергофѣ—прокатиться хотя по морскому заливу, посмотреть на фонтаны. Но его заботили дѣла по магазину въ Воронежѣ; какъ нарочно прикащикъ замедлилъ извѣстіями.—и вотъ мой Иванъ Савичъ, какіе ни сулилъ ему я соблазны, заторопился и улепетнулъ».

Итакъ, мысль о книжномъ магазинѣ не покидала Никитина ни въ Москвѣ ни въ Петербургѣ, хотя онъ и ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы развлечься, забыть на время матеріальныя заботы: но онѣ, какъ нарочно, не забывались и издали еще болѣе его тревожили,—такъ всегда бываетъ, когда мечтаешь измѣрять жизнь придуманной мѣркой, назначая часы для труда и для

покою. Кромѣ торговыхъ связей и знакомствъ (указываемъ на домъ Салаевыхъ, извѣстныхъ книгопродавцевъ московскихъ), Никитинъ не завелъ другихъ, потому что и не могъ, и не хотѣлъ заводить. Лѣтняя пора, кратковременное пребываніе въ столицахъ, невыносимые жары, тревожное состояніе, которое испытываетъ человѣкъ, очутившійся въ первый разъ въ большомъ и шумномъ городѣ,—все это мало благопріятствовало заведенію новыхъ знакомствъ. Да не хотѣлось и заводить ихъ Никитину... А что, вы познакомились съ нашими литераторами?—спрашивали Никитина по возвращеніи его въ Воронежъ. «Съ какими литераторами? отвѣчалъ онъ вопросомъ, добавляя: Что мнѣ въ нихъ,—и что имъ во мнѣ!» Кулакъ, кулакъ! воскликнулъ бы Придорогинъ, если бы дожилъ до лѣта, 60-го года. Кулакомъ, пожалуй, назвалъ бы себя назадъ тому 5—6 лѣтъ и Никитинъ, еслибы могъ представить себя въ теперешнемъ своемъ положеніи. Онъ въ столицахъ! Онъ въ центрѣ умственного и литературнаго движенія! И что же?.. Въмѣсто того, чтобы являться восторженнымъ пилигримомъ передъ свѣтилами литературы, чтобы спѣшить къ нимъ на поклоненіе (и онъ поспѣшилъ бы въ сороковыхъ годахъ) онъ молча и непривѣтливо проходитъ ихъ мимо! Онъ ищетъ литературнаго товара, и знать не хочетъ его производителей. Что же это такое?.. Гордость или сухость сердца, или же «кулачничество», такъ пугавшее Придорогина? Ни то, ни другое и ни третье; отчасти, если хотите, по немногу всего этого; но главное: и послѣдній кумиръ разбивался,—утрачивалась вѣра въ силу и значеніе литературы!..

Живя въ провинціи, въ отдаленіи отъ центровъ науки и литературы, однако-жъ въ городѣ, что-то среднемъ между ними, живя уже не въ берлогѣ, не на постояломъ дворѣ, а на одномъ изъ бойкихъ провинціальныхъ пунктовъ, хозяйничая, такъ сказать, въ русской умственной лавочкѣ, — Никитинъ многое узналъ на дѣлѣ, что прежде было только въ гаданіи, ко многому присмотрѣлся; и свойственное его уму критическое направленіе развилось въ немъ очень быстро. Никитину минуло 35 лѣтъ; юность прошла, съ ея увлеченіями и надеждами; настала пора зрѣлаго мужества, воспитаннаго въ

суровой школѣ. Если не сурово, то можетъ черезчуръ требовательно смотрѣлъ Никитинъ на современную жизнь, смотрѣлъ безъ восторга и фразъ. Къ общему движенію, данному уничтоженіемъ крѣпостнаго права, Никитинъ отнесся восторженно; но затѣмъ, когда жизнь пошла по новому пути, когда явились неизбѣжныя уклоненія, промахи, несостоятельность тѣхъ или другихъ наличныхъ силъ передъ разными запросами жизни, вызванными преобразованиемъ, Никитинъ не могъ не смутиться. Никитинъ понималъ, что настаетъ новое время, пришла иная пора. Чувствуя въ себѣ полноту силъ, онъ смущался вопросомъ, который теперь задавала сама жизнь: годятся ли и на что именно наличныя силы? Никитинъ былъ сыномъ другаго времени, послѣднимъ продуктомъ нашей гражданственности, предшествующей эпохѣ освобожденія крестьянъ. Воспитанный въ школѣ западниковъ, процвѣтавшей въ 40-хъ годахъ, Никитинъ въ эту пору своей жизни сохранилъ отъ нихъ лишь любовь къ просвѣщенію, уваженіе къ наукѣ и литературѣ и твердую вѣру въ ихъ цивилизующее значеніе. Мѣщанинъ и дворникъ, онъ, не смотря на неправильное свое развитіе, зналъ русскую жизнь безконечно реальнѣе тѣхъ, которые сентиментально къ ней относились. За послѣдніе три, четыре года, выйдя изъ кружка, изъ замкнутости, державшей его всю жизнь, Никитинъ и узналъ столько, и выросъ на столько, какъ другимъ это не удастся во всю жизнь. И теперь еще можно, пожалуй, спорить о талантѣ Никитина, но быстрый ростъ развитія его духовныхъ и литературныхъ силъ (каковы бы ни были эти послѣдніе) по истинѣ былъ изумительнъ. Если болѣзненный организмъ позволялъ ему страстное отношеніе къ книжной торговлѣ, къ „барышу“, то въ то-же самое время появлялось и страстное отношеніе къ литературной дѣятельности,—являлась увѣренность въ своихъ собственныхъ силахъ, хотя Никитинъ никому этого не высказывалъ. Но силы эти пожирала болѣзнь; въ силахъ этихъ, ему казалось, не нуждалась тогдашняя литература. Уваженіе къ русской жизни, желаніе просто и прямо подойти къ ней, что такъ ярко обнаружилось въ направленіи «Русской Бесѣды», привлекло къ себѣ вниманіе Никитина: вотъ почему онъ съ

такою охотою помѣщалъ въ этомъ журналѣ свои произведенія. Онъ сочувствовалъ направленію этого журнала потому, что оно было въ его душѣ, какъ во всякомъ живомъ русскомъ человѣкѣ. Но какъ всякаго живаго и просвѣщеннаго человѣка, Никитина возмущали крайности новыхъ литературныхъ направленій: въ крайностяхъ онъ видѣлъ духовную пустоту, отсутствіе въ человѣкѣ внутренняго содержанія. Въ Никитинѣ не было этой пустоты: въ грубой формѣ дворника, въ несовсѣмъ изящномъ образѣ купца, было содержаніе полное, былъ человѣкъ съ цѣльнымъ нравственнымъ обликомъ, человѣкъ глубоко реальный, въ одно и то-же время думающій и о барышѣ, и о возвышенныхъ идеалахъ. Подъ вліяніемъ такихъ идеаловъ возросъ Никитинъ; понятно, что онъ питалъ къ нимъ благоговѣйное уваженіе. Между тѣмъ Никитинъ не могъ не замѣтить, что идеалы стали разбиваться и мельчать, а вмѣстѣ съ этимъ стала мельчать и литература, при всемъ кажущемся оживленіи, при множествѣ чуть не ежемѣсячно появляющихся новыхъ журналовъ. И что особенно смущало Никитина,—онъ не видѣлъ разумной, логической необходимости въ этомъ измельчаніи; ему казалось оно искусственнымъ, попятнымъ движеніемъ, чѣмъ-то вродѣ самоубійства. Онъ затруднялся въ опредѣленіи наступающаго времени, до полнѣйшаго развитія котораго, впрочемъ, не дожилъ. Никитинъ очень хорошо зналъ, что такое были у насъ западники и славянофилы, чѣмъ сдѣлался наконецъ самъ онъ; зналъ, что отрицаніе значительною долею входило въ обѣ эти школы; но ни одна изъ нихъ не дѣлала изъ отрицанія своего идеала, не поработала духа грубой матеріи. Теперь-же онъ увидѣлъ нѣчто новое — новый видъ отрицанія, который возмущалъ его глубоко: онъ увидѣлъ разгулъ отрицанія безъ теплой вѣры въ какой-либо идеалъ, свой или чужой. Литературное измельчаніе, безсиліе и робость наличныхъ дарованій передъ современными вопросами, безсиліе создать типы, на которое указала сама жизнь, журнальное торгашество, съ которымъ былъ хорошо знакомъ Никитинъ, получавшій груды писемъ отъ разныхъ издателей, грамотныхъ и малограмотныхъ, — все это возбуждало желчь въ Никитинѣ до такой степени, что онъ рѣшился-было

совсѣмъ не печатать своихъ стихотвореній. Иначе относился Никитинъ къ живымъ лицамъ, носящимъ на себѣ знаменіе переходной эпохи. Онъ глубоко скорбѣлъ объ ихъ душевномъ надломѣ, тѣмъ болѣе ужасномъ, что подъ нимъ ровно ничего не оставалось не тронутымъ. Его ужаснула эта пустота; но онъ не отнесся къ ней злобно. Вѣрный до конца себѣ, Никитинъ былъ безпощаденъ лишь къ отрицанію того, что онъ считалъ нашимъ спасеніемъ—науки и литературы. Никитинъ уже умиралъ въ то время, когда начались студенческія исторіи; въ чахоточномъ бреду онъ вспоминалъ имена нѣкоторыхъ знакомыхъ ему юношей, которыхъ онъ любилъ, и которые, увы! погибли потомъ безвозвратно. Повторяемъ, въ Никитинѣ было слишкомъ много здоровыхъ силъ для того, чтобы не дойти до печальнаго сознанія въ своей бесполезности, чтобы сказать: нашъ вѣкъ прошелъ! Онъ былъ убѣжденъ совершенно въ обратномъ, но глубоко опечалился тѣмъ, когда сталъ замѣчать, что, вмѣсто здоровыхъ, опять появляются на сцену пораженные проказою люди. До полнаго развитія болѣзни Никитинъ не дожилъ... Вотъ что онъ пишетъ однако, между прочимъ, въ письмѣ къ Второву:

«Тошно слушать эти заученные возгласы о гласности, добрѣ, правдѣ и прочихъ прелестяхъ. Царь ты мой небесный! Исключите два-три человека, у остальныхъ въ перспективѣ карманныя блага, хорошій обѣдъ, вкусное вино etc. etc. А знаете, я прихожу къ убѣжденію, что мы преподленькіе люди, едва ли способные на какой-либо серьезный, обдуманнѣйшій требующій терпѣнія и самопожертвованія трудъ. Право такъ!..»

Но, не смотря на все это, Никитину вообще хорошо жилось въ шестидесятомъ году. Литературный авторитетъ его возрасталъ не въ одномъ Воронежѣ. Извѣстный Аполлонъ Григорьевъ, завѣдывавшій критическимъ отдѣломъ въ «Русскомъ Словѣ» (Кушелевскомъ), съ восторгомъ относился къ Никитину и называлъ его стихотворенія «жемчужинами». Все это, естественно, возбуждало литературную производительность Никитина и онъ, чаще чѣмъ прежде, брался за перо. Кромѣ поѣздки въ столицы, остальное время года прошло въ занятияхъ, которыя и не предполагались, и были какъ бы не свое-

временными. Въ это время мы съ Никитинымъ задумали изданіе періодическаго сборника. Убѣдившись въ сочувствіи къ нашей мысли со стороны нѣкоторыхъ, преимущественно провинціальныхъ, литераторовъ, мы разсчитывали выпустить на первый разъ двѣ книжки. Средства для изданія охотно и безкорыстно предложилъ товарищъ мой по службѣ, П. П. Гловъ. Мы горячо принялись за дѣло. Все свое свободное время Никитинъ посвящалъ мнѣ, т. е., сборнику, котораго я былъ редакторомъ. Онъ не только отдалъ въ него все, что набралось у него непечатаннаго за послѣднее время, но даже принялся за трудъ, который въ его положеніи можно назвать подвигомъ,—за составленіе повѣсти, названной имъ потомъ «Дневникъ Семинариста»; представить картину изъ семинарской жизни, которую Никитинъ зналъ очень хорошо, было давнишнею его мыслию. Не принимая никакого участія ни въ редакціи, ни въ изданіи сборника, Никитинъ тѣмъ не менѣе былъ душою этого предпріятія. Мои субботніе вечера оживились и стали вполне литературными. Литературное предпріятіе возбуждало и литературную производительность; мнѣ особенно пріятно вспомнить здѣсь о сочувствіи къ нему Д. И. Каченовскаго, Н. С. Соханской (Кохановской) и воронежскаго сельскаго духовенства. П. П. Гловъ, И. И. Зиновьевъ, А. С. Суворинъ и Н. Н. Чеботаревскій были постоянными посѣтителями этихъ субботнихъ вечеровъ, не говоря о двухъ-трехъ случайныхъ гостяхъ. Здѣсь читалось все написанное своими и все присылаемое изъ другихъ мѣстъ; спорили, разсуждали, рѣшали, что принимать и чего не печатать. Здѣсь Никитинъ, бодрый и здоровый, являлся совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Все прежнее, дворническое и болѣзненное, съ него какъ рукой сняло; его шуткамъ и остроумъ не было конца; его взглядъ на вещи сталъ необыкновенно трезвъ: его жизненные силы казались неисчислимыми. Читалъ Никитинъ, какъ мы говорили, мастерски и въ комическихъ мѣстахъ очень натурально лицедѣйствовалъ. Въ «Дневникѣ Семинариста» есть нѣсколько такихъ сценъ, особенно тѣ, гдѣ является личность ректора, списанная съ натуры. Въ это же время покойный поэтъ съ какою-то особенною охотой любилъ дѣлать самого себя пред-

метомъ легкой, но остроумной насмѣшки, — свое скряжничество, свой костюмъ, давно требующій обновленія, свою свѣтскость, свою влюбчивость; свой французскій языкъ, на которомъ онъ болталъ неумолкаемо, свою страсть къ чаю, котораго онъ осушалъ по нѣскольку стакановъ, свой ерѣпкій русскій организмъ, вышедшій здоровымъ и невредимымъ изъ десятилѣтняго плѣна „нѣмецкой діеты“. Еще запасъ неистощимыхъ силъ, думалось, хранился въ этомъ человѣкѣ! Откуда взялась въ немъ такая вѣра и въ себя, и въ жизнь! Такъ думалось мнѣ, но я не могъ тогда замѣтить, что это была послѣдняя вспышка жизни, пламя, блеснувшее передъ тѣмъ, какъ погаснуть. Душа Никитина и въ это время была нездорова: въ ней появилась новая рана, которую онъ отъ меня тщательно скрывалъ; возбужденная литературная работа, изъ чисто объективнаго очерка превратившаяся въ собственную исповѣдь, въ повѣсть собственныхъ страданій, возбужденная искусственно жизненная напряженность, — все это дорого обошлось Никитину. «Я взялся-было, пишетъ Никитинъ къ Второву, отъ 11 Ноября, написать для Воронежскаго Сборника «Дневникъ Семинариста и листовъ шесть мельчайшимъ почеркомъ уже написалъ; но книжная торговля такъ поглощаетъ все мое время, что едвали я успѣю сдѣлать что-либо путное. А жаль! Изъ «Дневника» могла бы выйти недурная вещь!» Или вотъ еще отрывокъ отъ 26 Декабря того же года: «Время проходить у меня скверно. Въ магазинѣ мечусь какъ угорѣлый, а другаго исхода нѣтъ, нужно метаться! Думалъ сдѣлать что-нибудь на праздникахъ, но, увы! кутежъ, и проч.—вы знаете. Иногда такая нападаетъ тоска, что въ пору бритвой хватить по горлу! Ну, да посмотримъ! Бился больше,—авось отдохну. Посылаю вамъ два стихотворенія... «Портной» — это фактъ, случившійся на дняхъ. Я зналъ его лично; но я, къ сожалѣнію, не зналъ о его страшномъ положеніи. Вотъ что бываетъ не свѣтъ, а нашъ братъ еще смѣетъ жаловаться!» Когда Никитинъ докончилъ «Дневникъ Семинариста», у него показалась горломъ кровь. Последнюю сцену, смерть Яблочкина и превосходное стихотвореніе, которымъ заканчивается повѣсть, Никитинъ прочелъ мнѣ въ

своемъ книжномъ магазинѣ; по недорозумѣю онъ нѣсколько дней не былъ у меня. «Доканаль меня проклятый Семинаристъ!» воскликнулъ Никитинъ, приступивъ къ чтенію. Съ первыхъ же словъ смертная блѣдность покрыла его лицо, глаза его загорѣлись знакомымъ мнѣ сухимъ пламенемъ; красныя пятна зардѣлись на щекахъ; голосъ дрожалъ, порывался и замеръ какъ-то страшно на словахъ:

... о жизни поконченъ вопросъ...

Больше ненужно ни лѣсенъ, ни слезъ!

Такъ написать могъ только умирающій; такъ прочесть можно было только передъ открытой могилой!..

Но кровохарканіе прошло; Никитинъ оправился и въ новый 1861 годъ вступилъ довольно бодро. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мы вмѣстѣ встрѣчали новый годъ у меня на квартирѣ, вмѣстѣ проводили обыкновенно и другіе нѣкоторые и, какъ напримѣръ, 26 Сентября и 8 Ноября, по разъ заведенному порядку. Нашъ сборникъ, который мы должны были назвать «Воронежской Бесѣдой», въ отличіе отъ другаго сборника, въ тоже самое время затѣяннаго и потомъ изданнаго воронежскимъ книгопродавцемъ Горденинымъ, печатался уже въ Петербургѣ; слѣдовательно, литературная горячка стала проходить, и жизнь вступала въ свою обычную колею. Никитинъ, повторяемъ, былъ бодръ попрежнему, былъ хорошъ такъ же, какъ и въ прошломъ году. Книгопродавческое дѣло, можно сказать, горѣло въ его рукахъ; литературная производительность не забывалась. Въ это время онъ думалъ возвратиться къ своему «Городскому Головъ», давно начатой, но неоконченной поэмѣ, — и, кажется, возвращался; но, по словамъ его, порвалъ все написанное и теперь и прежде; «дрянь!» отвѣчалъ Никитинъ на укоръ пріятелей. Ни одной строчки этой «дряни» мы не нашли въ бумагахъ поэта послѣ его смерти. Еще по осени 1860 года Никитинъ перевелъ свой книжный магазинъ въ новое, болѣе просторное и свѣтлое помѣщеніе, въ домъ Кирсанова. Магазинъ еще сталъ лучше высматривать, — а Никитину этого было и до-

вольно, чтобы ничего не пожалѣть, — ни труда, ни денегъ, для улучшенія и красоты своего милаго дѣтища. Рѣшено было по лѣту опять ѣхать въ Петербургъ и Москву для закупки разныхъ товаровъ; припаслись уже для этого деньги... 10 марта, былъ объявленъ въ Воронежѣ знаменитый манифестъ 19-го Февраля. День былъ чудесный: весеннее солнышко такъ пріятно пригрѣвало! звонили въ колокола. Народъ слушалъ манифестъ и — и оставался глубоко спокойнымъ: ничего, похожего на какія-либо заявленія и манифестаціи!.. Никитинъ, какъ и многіе въ ту пору, восторженно привѣтствовавшіе свободу двадцати милліоновъ, не понималъ смысла этого глубокаго покоя...

По веснѣ Второвъ отправился за границу. 3-го Апрѣля Никитинъ писалъ къ нему прощальное (и послѣднее) письмо съ самыми теплыми пожеланіями здоровья и всего лучшаго. Въ этомъ же письмѣ онъ извѣщалъ своего друга, что въ Воронежѣ 9-го Апрѣля будетъ второй литературный вечеръ, въ которомъ и онъ приметъ участіе, что этотъ вечеръ устраивается въ пользу воскресныхъ школъ, а затѣмъ будетъ приступлено къ учрежденію «Общества Распространенія Грамотности». Вслѣдъ затѣмъ была, дѣйствительно, учреждена при губернской гимназій воскресная школа. Никитинъ былъ въ числѣ ея основателей. Въ устройствѣ въ Воронежѣ женской гимназій онъ принималъ самое дѣятельное нравственное участіе, благодаря своимъ отношеніямъ къ городскому обществу и гр. Д. Н. Толстому. Въ письмѣ, отъ 3-го Апрѣля, Никитинъ пишетъ Второву: «Я отправился бы въ Петербургъ сію же минуту, если бы дѣло не остановилось за компаньономъ, котораго никакъ не могъ отыскать». Увы! чрезъ мѣсяцъ онъ слегъ въ постель и болѣе уже не всталъ съ нея!..

Весну Никитинъ встрѣчалъ по обыкновенію въ загородномъ домѣ А. Р. Михайлова, почти на единственной въ Воронежѣ прелестной дачѣ, съ паркомъ, садомъ и виноградникомъ. Первое Мая провелъ онъ въ семействѣ Михайловыхъ и, гуляя поздно вечеромъ въ саду, простудился. Образовалось небольшое воспаленіе печени и расстройство желудка. Никитинъ слегъ въ постель и 3-го мая, извѣщая меня о своемъ не-

здоровья, просилъ непременно навѣстить его вечеромъ. Я пришелъ.

— Ну, что—какъ здоровье? спросилъ я.

— Да что, братъ, скверно! Садитесь и поговоримте.

Я сѣлъ.

«Я думалъ сдѣлать духовное завѣщаніе», продолжалъ Никитинъ взволнованнымъ голосомъ. Я всмотрѣлся въ лицо его, поговорилъ о причинѣ болѣзни, и ничего опаснаго, тѣмъ мѣнѣе рокового я не замѣтилъ. Легкое воспаленіе печени и расстройство желудка были обычными ежегодными недугами Никитина, къ которымъ давно всѣ привыкли. Я совершенно успокоился на счетъ больного, а потому легко и скоро и его успокоилъ. Онъ видимо, былъ доволенъ, хотя тутъ же прибавилъ:—«Однако я себя скверно чувствую!» Съ тѣхъ поръ о духовномъ завѣщаніи не было рѣчи.

Если бы мы рассказали вымышленную повѣсть, читатель былъ бы вправѣ требовать отъ насъ опущенія занавѣса передъ смертнымъ одромъ умирающаго, передъ картиной агоніи, невыносимой для эстетическаго чувства. Въ повѣсти о жизни дѣйствительно существовавшаго и дѣйствительно многострадальнаго лица неумѣстны такіа эстетическія требованія: здѣсь повѣствованіе неизбежно должно завершиться картиною смерти. Но мы понимаемъ эстетическую потребность въ отдохновеніи для нашихъ читателей. Мы очень рады, что имѣемъ возможность дать имъ такой отдыхъ, необходимый для того, чтобы спокойно поюйти къ развязкѣ нашего разсказа. Мы очень рады, что имѣемъ возможность доказать справедливость отчасти избитой фразы: «жизнь есть романъ и даже интереснѣе любого романа». И жизнь Никитина окончилась романомъ и этотъ романъ, Романъ въ письмахъ, мы представляемъ нашимъ читателямъ. Мы знали одного необыкновеннаго даровитаго и еще молодого человѣка, замѣчательнаго юриста, съ душою истинно поэтической *). Этотъ молодой человѣкъ былъ обманутъ жизнію, озлобленъ, особенно противъ самого себя, противъ всего похожаго на чувство.

*) В. И. Малышевъ, сынъ извѣстнаго доктора, глѣнншаго Кольцова.

Безопаснымъ юморомъ и сарказмомъ онъ казнилъ малѣйшее проявленіе какого бы то ни было чувства въ себѣ и въ другихъ. Его съѣла злая чахотка; но онъ умеръ, окруженный цвѣтами и убаюканный звуками Пушкина и Лермонтова. Онъ не отпускалъ отъ себя сестеръ, и онѣ, по его требованію, услаждали его зрѣніе цвѣтами, а слухъ звуками лучшихъ русскихъ поэтовъ. Нѣчто подобное случилось съ И. С. Никитинымъ.

Мы уже говорили о чувствѣ, которое возбуждала въ Никитинѣ одна дѣвушка, принадлежавшая къ образованному купеческому семейству. Никитинъ ломалъ и давилъ въ себѣ это чувство всячески, однако же не подавилъ совершенно, и какъ будто берегъ для чего-то. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось. Даже въ его шуткахъ и юмористическихъ выходкахъ, въ родѣ слѣдующей—

Увы, несчастный приемлетъ,
Не для тебя она цвѣтетъ!

я предполагалъ неискренность и даже надѣялся, особенно съ 1860 г., когда здоровье Никитина совершенно поправилось, и торговля пошла отлично, когда онъ терпѣливо выслушивалъ совѣты о томъ, какъ бы ему лучше устроить свою домашнюю жизнь, какъ устроить отца, благо теперь и средства есть и здоровья достаточно,—въ эту пору, говорю, мнѣ казалось, что Никитинъ покончить свой романъ предложеніемъ руки. Но я ошибся. Какъ-то въ Январѣ 1861 года я зашелъ въ книжный магазинъ. Никитинъ былъ одинъ. —Знаете ли что, сказалъ онъ мнѣ: всѣ мы подлецы ужасные!

— Это почему? говорю.

— Да такъ... Вотъ хоть бы и я. Совѣстно признаться, а вѣдь мнѣ нравится серьезно М—а.

— Такъ что же? говорю.

— Какъ что же? Да вѣдь это подло, а А—на то?... Эхма!...

Этимъ разговоръ нашъ и кончился. Никитинъ тщательно скрывалъ отъ меня дальнѣйшія подробности, которыя я узналъ уже послѣ его смерти. Въ этой сердечной своей тайнѣ

онъ сдѣлалъ повѣреннымъ общаго нашего пріятеля, И. И. Зиновьева. На зараждающееся чувство Никитину отвѣчали взаимностью, т. е., тѣмъ же начинающимся, но не вполне развившимся чувствомъ. — Переписка съ нею началась съ марта 1860 г. и окончилась въ началѣ іюля 1861 г., за три мѣсяца до смерти. Никитинъ имѣлъ отраду убѣдиться въ силѣ чувства и въ героизмъ характера любимой имъ особы. Н. А. М.—а принадлежала къ одной изъ почтенныхъ фамилій, жившей въ деревнѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ Воронежа. Эта великодушная дѣвушка, узнавъ, что Никитинъ умираетъ на своемъ постояломъ дворѣ (дворъ все еще содержалъ какой-то сьемщикъ), среди непривѣтливой обстановки, на рукахъ только одного любящаго существа — его двоюродной сестры, мужественно рѣшается на подвигъ въ ея положеніи: она предлагаетъ Ивану Саввичу пріѣхать въ городъ и ходить за нимъ вмѣстѣ съ Авной Николаевной. Никитинъ рѣшительно отклоняетъ это предложеніе; съ такою же рѣшимостію онъ не согласился на свиданіе. Послѣ 8-го Сентября, по совершеніи духовнаго завѣщанія, въ присутствіи своей двоюродной сестры, Никитинъ сжегъ всѣ письма къ нему Н. А. Письма его мы имѣемъ въ копіяхъ, обязательно намъ сообщенныхъ ею. Вотъ этотъ Романъ въ письмахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Романъ въ четырнадцать писмахъ, — письма И. С. Никитина къ Н. А. М—й.

I.

19 Марта 1860 г. Воронежъ.

Вѣтеръ, снѣгъ; въ магазинѣ холодно; мнѣ нездоровится; расположеніе духа наисквернѣйшее, просто—безвыходная тоска; но вдругъ я получаю вашу записку. Вы представить себѣ не можете, какое наслажденіе принесли мнѣ написанныя вами строки! Мое воображеніе тотчасъ перенесло меня въ ваши края. Я вспомнилъ и темный садъ А. А., и свѣтлый прудъ, и покрытыя золотистою рожью поля, по которымъ я подѣлалъ когда-то къ вашему дому, одиноко стоящему на совершенно открытой мѣстности. Я очень хорошо помню этотъ гостепріимный, маленькій домъ, въ которомъ все привѣтливо улыбается: стѣны глядятъ весело, на стеклахъ лежитъ тѣнь цвѣтовъ, даже стоящее у окна кресло такъ, кажется, и говоритъ очарованному гостю:—«сдѣлайте одолженіе, садитесь пожалуйста, безъ церемоніи!» Не сердитесь, Н. А., что слишкомъ заговорился. Въ вашемъ краѣ такъ много привлекательнаго! Но перейду къ дѣлу... *Histoire de la littérature française* у меня нѣтъ, есть только *Cours de la littérature générale* par Thery, 2 тома, in folio: цѣна 6 р. сер. Это не то, что вамъ нужно, и потому я отложилъ посылку книгъ до вашихъ новыхъ распоряженій. Жаль, право, что книги для чтенія не выбираете вы сами; я все боюсь вамъ не угодить. Книги

ваши, по прошествіи нѣкотораго времени, вы можете обмѣнить на тѣ, которыя отправлены къ г-ну Д — ому; такимъ образомъ у васъ будетъ достаточный запасъ для чтенія, а весною я, можетъ быть, самъ привезу кое-что и будемъ читать вмѣстѣ, разумѣется, если вы позволите.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

И. Никитинъ.

II.

1861 г. января 25-го дня.

По милости моего Акиндина (эта личность теперь, кажется, сдѣлалась историческою, благодаря своему имени), я остался передъ вами дуракомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ не приготовилъ для васъ «Мертвое озеро» и «Три страны свѣта» и не сказалъ мнѣ о томъ, что ихъ нужно для васъ приготовить. Простите мнѣ мою невольную вину. Я посылаю вамъ «Томъ Джонсъ» въ 2 томахъ и pour votre part *) «Очерки» Кокорева, 3 тома. Ради Бога, что будетъ вамъ нужно, приказывайте чрезъ кого-нибудь. Изъ вашего края навѣрно часто бываютъ у насъ знакомые вамъ люди; что до меня, — я весь къ вашимъ услугамъ.

Между прочимъ вы говорите: «вѣдь вамъ теперь извинительно быть разсѣяннымъ»... Нѣтъ не извинительно. Повторяю вамъ въ сотый разъ: у меня нѣтъ и не было особенной причины быть разсѣяннымъ. Если и есть во мнѣ этотъ недостатокъ, — смѣю васъ увѣрить, — онъ природный.

Я былъ бы радъ, еслибъ ваше желаніе имѣть мнѣ успѣхъ всегда, и во всемъ, и вездѣ, исполнилось хотя отчасти: да, я былъ бы очень радъ, потому что, къ сожалѣнію, почти ни въ чемъ не имѣю успѣха. За примѣромъ ходить недалеко: я желалъ отъ всей души

*) Отставной заслуженный генералъ, избранный во время Крымской войны начальникомъ Воронежскаго ополченія.

побывать у васъ прошлой осенью; но обстоятельства сложились такъ, что это желаніе осталось бесплодною мечтой. Далѣе: я желалъ бы... впрочемъ боюсь навести на васъ скуку и потому умоляю. «Развлеченіе», этотъ паршивенькій журналъ я не получаю, слѣдовательно и не знаю, что тамъ писано о Воронежѣ, равно и о воронежскомъ журналѣ въ 12 коп. сер. безъ пересылки. Охота же вамъ читать подобные литературные осадки. Ахъ, если бы сутки состояли изъ 48 часовъ,— сколько бы можно было прочитать хорошаго! Знаете ли,— тогда, не смотря на зимнія вьюги, я прилетѣлъ бы къ вамъ и прочиталъ бы (разумѣется, если бы вы захотѣли меня слушать), прочиталъ бы... ну, что-нибудь порядочно. А вѣдь я читаю не дурно, *je vous assure!*...

Пожалуйста, не браните меня за мою болтовню. Мнѣ страстно хочется съ вами поговорить; но, увы! не смѣю, боюсь, что вы нахмурите свои прекрасныя брови, и радъ не радъ—ставлю точку.

Глубоко уважающій васъ

И. Никитинъ.

III.

1861 г. Февраля 10-го.

Ваше письмо начинается упрекомъ за мою разсѣянность. Этотъ упрекъ не совсѣмъ справедливъ: смѣю васъ увѣрить, что, когда я писалъ къ вамъ письмо, я думалъ только о томъ лицѣ, къ которому писалъ, болѣе ни о комъ и ни о чемъ. Прошу васъ согласиться со мною хотя къ этому, если вы не хотите согласиться въ чемъ-либо другомъ (что замѣчу, въ скобкахъ, немножко оскорбляетъ мое самолюбіе). «Мертвое озеро» и «Три Страны Свѣта» не были вамъ посланы потому, что я не имѣлъ ихъ у себя подъ рукою. Последняя книга теперь возвратилась отъ одного изъ моихъ читателей и отправляется къ вамъ съ нѣсколькими другими книгами, за выборъ которыхъ умоляю васъ меня извинить, если онъ неудаченъ.

Въ переводахъ Берга *) рекомендую вамъ прочитать стихотворенія: «Муравей» и „Когда распнуть они тебя“,—вообще вы найдете въ этой книжкѣ много хорошаго. «Мертвое озеро» пришло вамъ въ слѣдующій разъ; ей-Богу, теперь его нѣтъ! Наконецъ, вѣрите ли мнѣ, а? Помилуйте, довели меня до божбы!... Не понимаю, откуда и какимъ образомъ родилось у васъ желаніе со мною браниться!... Неужели вы находите въ этомъ наслажденіе? Впрочемъ, о желаніяхъ, какъ и о вкусахъ, не спорятъ. Я, напримѣръ, желалъ бы теперь отъ души крѣпко пожать вашу милую руку (странное желаніе; не правда-ли?), сѣсть подлѣ васъ. Вы, конечно, это позволите,—ну хоть во имя дружбы, если вы не шутите этимъ словомъ,—наговориться съ вами, наслушаться васъ, чтобы потомъ долго, долго жить воспоминаніемъ всего слышаннаго. Неужели судьба откажетъ мнѣ и въ этомъ наслажденіи? Замѣйте: слово судьба я подчеркиваю. Подъ этимъ названіемъ я разумѣю не какое-нибудь разумное существо, могучее и самовластное, а просто стеченіе болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, которыя наперекоръ нашей волѣ толкаютъ насъ не въ ту сторону, куда летятъ наши радужныя надежды, гдѣ живетъ наше беззаботное счастье. О, если бы мы могли распоряжаться этими обстоятельствами по своему произволу, тогда наша жизнь была бы раемъ, тогда бы ея строй совершенно измѣнился и не надрывалъ бы нашего сердца своимъ безобразіемъ, пошлостью и безсмысліемъ! Есть счастливыя, которымъ счастье само дается въ руки,—я не принадлежу къ числу ихъ. Вы говорите, что я долженъ быть доволенъ, «потому что одаренъ» и проч. и проч. Пожалуйста, безъ комплиментовъ! Языкъ друга долженъ быть прямъ и чистосердеченъ. Если дѣйствительно я не такъ глупъ, какъ дурачокъ Емеля, то жизнь, которая удовлетворяетъ его, не можетъ удовлетворить меня. Кажется, это очень ясно. Въ письмѣ вашемъ привели меня въ недоумѣніе слѣдующее выраженіе: „чтобъ эта галиматія не вая-

*) *Сборникъ Стихотворній Иностранныхъ Поэтовъ*. Переводы В. Д. Бостомарова и Ѳ. Н. Берга. Москва 1860 г. Означенныя ниже піесы носятъ названіе *Муравей* (стр. 112) и *Крестъ* (стр. 118).

лась въ магазинѣ, сожгите ее"... Нечего сказать, достаточное довѣріе къ моему уму и чувству такта! Правда; я однажды сжегъ письма дорогихъ мнѣ лицъ; но вы навѣрное не осудили бы меня, если бы узнали причину этого истребленія. Очевидно, что вы еще слишкомъ мало меня знаете, если предполагаете, что письмо ваше будетъ валяться... Богъ съ вами!... Что касается до меня, я чувствую истинное наслажденіе въ эту минуту, при мысли, что веду съ вами заочную бесѣду, и ужъ никакъ не думаю, что письмо мое будетъ валяться гдѣ-нибудь въ вашемъ домѣ, напримѣръ, въ передней, подъ ногами горничной и т. п. Кстати о письмахъ. Развѣ я не могу писать вамъ по почтѣ? Перемолвиться словомъ только при оказіи;—это просто несносно! Нужно вамъ сказать, что письма, полученныя на мое имя, всѣ безъ исключенія распечатываются мною самимъ; въ случаѣ же моего отъѣзда, хранятся неприкосновенными въ самой конторѣ. Если можно, тогда сообщите подробный адресъ; если, нѣтъ да будетъ такъ, какъ угодно судьбѣ (употребляю это слово не безъ намѣренія)! Я не помню такого тихаго, такого благословеннаго вечера, какимъ обязанъ я вашимъ милымъ строкамъ (теперь 10 часовъ). Представьте: передо мною лежитъ ваше письмо, съ правой стороны остываетъ стаканъ чая, въ глубинѣ комнаты полумракъ, и въ этомъ полумракѣ, мнѣ кажется, я узнаю знакомый, улыбающійся образъ... ай! ай!.. заговорился.

Всею душею преданный вамъ.

И. Никитинъ.

P. S. (поутру). Не могу утерпѣть, чтобы не написать еще нѣсколько строкъ. Пожалуйста, отвѣчайте съ почтою. Этотъ городишко, въ которомъ я живу, до того мнѣ скученъ, и до того мнѣ надоѣлъ, что я радъ бы изъ него убѣжать на край свѣта. Но ради Бога пишите безъ пышныхъ фразъ и безъ намековъ. Въ васъ и во мнѣ достаточно, кажется, ума, чтобы намъ понять другъ друга, даже если бы намъ вздумалось маскироваться. Помните: вся прелесть въ простотѣ и правдѣ. Будьте здоровы и веселы.

IV.

1861 г. 17-го февраля.

Наконецъ, что-же это такое? Вѣдь это просто нестерпимо!... Вы за перо,—къ вамъ гости... Честное слово, я произведу скандалъ,—да, скандалъ! тѣмъ болѣе, что въ настоящее время скандалы въ ходу, даже въ литературѣ, представительницѣ, какъ говорятъ, всего благороднаго. И, такъ, когда вы возметесь за перо, и когда въ эту минуту явятся къ вамъ непрошенные гости,—я (замѣчайте, какое у меня горячее воображеніе: мнѣ кажется, что моя особа присутствуетъ теперь въ селѣ В—мъ)—я спокойно затворю дверь вашей комнаты и крикну во весь голосъ: „не принимаютъ!“ Пусть себѣ сплетничаютъ на мой счетъ, я все-таки останусь въ выигрышѣ, потому что услышу нѣсколько лишнихъ, дорогихъ моему сердцу словъ изъ вашихъ милыхъ устъ; все прочее имѣетъ для меня цѣну прошлогодняго снѣга. Впрочемъ и мои письма походятъ на какіе-то безсвязные отрывки, что происходитъ отъ того, что меня ежеминутно, такъ сказать, тормозитъ. Напримѣръ, хотя бы теперь. «Но, согласитесь, однакожъ, говорить мнѣ мой знакомый, господинъ съ крашенными волосами и поддѣльнымъ зубомъ (послѣднимъ онъ обязанъ г-ну Wahlenheim, который называетъ себя célèbre dentiste, чему я вѣрю), согласитесь, что если Пушкинъ замѣчателенъ, какъ художникъ, то Гоголь замѣчателенъ еще болѣе, какъ социалистъ, не правда-ли?—1 р. 50 коп. сер., отвѣчаю я, оборачивая голову направо. Поддѣльный зубъ смотреть на меня съ удивленіемъ, не понимая, что общаго между 1 р. 50 к. и Гоголемъ, а мнѣ это очень понятно; я назначаю цѣну китайской туши,—вотъ и вся исторія безтолковщины. Въ это же самое время мнѣ суютъ въ руку записку, заключающуюся въ слѣдующемъ: „M—rll Nikitin, (пожалуйста, замѣтьте: послѣ M—г знакъ восклицанія, послѣ Nikitin запятая) donnez moi quelque ouvrage de Paul de Kok;—я не люблю серьезныхъ“... и такъ далѣе... Вотъ тутъ и угоди каждому! Но довольно. Даже я начинаю заражаться смѣсью французскаго съ нижегородскимъ...

У насъ чуть-чуть не весна. Небо такое безоблачное, такое голубое; въ окно заглядываетъ веселое солнце, которому я радъ, какъ муха, всю зиму проспавшая мертвымъ сномъ и теперь начинающая понемногу оживать и расправлять свои помятыя крылья. А когда же придетъ въ самомъ дѣлѣ теплая, зеленая, благоухающая весна, съ ея синими ночами, мерцающими звѣздами и съ соловьиными пѣснями? Ахъ, если бы она поскорѣй пришла! Но вѣдь у васъ нѣтъ сада,—слышите ли вы меня? У васъ сада нѣтъ! Счастливы Д—іе,—и я имъ завидую: у нихъ тѣнистый садъ и прудъ, и прочія блага... Ну-съ, хорошо. А если я приѣду весной въ вашъ край,—какъ тогда и что тогда? Отъ имѣнія Д—ихъ до вашего 20 верстъ: такое пространство неудобно обратить въ мѣсто прогулки, на которомъ было бы отрадно встрѣтиться съ знакомымъ (эпитетъ здѣсь я хотѣлъ поставить другой, да ужъ такъ и быть, если онъ подвернулся) человѣкомъ; слѣдовательно, мнѣ остается приѣхать къ вамъ съ утреннимъ визитомъ, пожать вашу ручку при первой встрѣчѣ, потомъ на прощанье—и за симъ отправиться въ нашъ богоспасаемый градъ. Помилуйте! Вѣдь это изъ рукъ вонъ! О подобной... гм... гм... какъ бы это поточнѣе выразиться? просто о подобной штукѣ я не хочу и думать, не только говорить.

Въ среду на нашей сценѣ шелъ Гамлетъ. Можете себѣ представить, что изъ него сдѣлали! Какой-то Горевъ вздумалъ, вѣроятно, удивить воронежскую публику,—и удивилъ!—Впрочемъ, семинаристы,—обитатели поднебеснаго райка, остались довольны, ну, а на всѣхъ угодить трудно,—дѣло понятное! Мой адресъ по почтѣ: Ив. Сав. Н. въ книжный магазинъ; больше ничего. Повторяю: всѣ получаемыя на мое имя письма остаются неприкосновенными, гдѣ бы я ни былъ. Пишите!

Прочитавъ это письмо, я мгновенно подумалъ: какія мы съ вами дѣти; не такъ ли? Напишемъ другъ-другу по нѣскольку строкъ и воображаемъ, что это для насъ какъ бы праздникъ!—Для меня, дѣйствительно, праздникъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе дни я порядочно поболѣлъ, стало-быть, поскучалъ и прочее... Если вы приѣдете въ Воронежъ, не знаю,

какъ у меня достанетъ смѣлости вамъ показаться: сухъ, какъ грибокъ, тонокъ, какъ спичка,—короче: гадокъ до послѣдней степени. Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

У меня къ вамъ просьба: ради Христа, избавьте меня отъ громкихъ выраженій въ своихъ письмахъ: они рѣжутъ мой слухъ, какъ рѣжетъ глаза прописная буква, употребляемая нами при словѣ: Вы. Я пишу прописную; потому что въ лицѣ вашемъ уважаю женщину, а для меня-то эти прописныя!... Ахъ, Господи! Что это Русь! Одоляли насъ десять тысячъ китайскихъ церемоній!... До свиданія! Больше писать негдѣ, Не браните же меня за откровенность. Всею душою преданный вамъ.

И. Никитинъ.

Р. S. Исторія Испаніи и Португаліи нѣтъ. Объ Испаніи лучше посылаемой вамъ книги я не знаю.

V.

1861 г. 25-го февраля.

Вѣрно такъ судьбѣ угодно, что письма наши не совсѣмъ чужды обличительнаго характера: то вы сдѣлаете мнѣ замѣчаніе, то я съ застѣнчивою робостію предлагаю вамъ вопросы: Это зачѣмъ? Это для чего? А вѣдь я правъ. Говорю это не подъ вліяніемъ эгоистическаго чувства (по крайней мѣрѣ въ эту минуту), а по безкорыстному и безпристрастному убѣжденію въ дѣйствительности моей правоты. Ну, зачѣмъ, на примѣръ, вы написали эти строки: «не надоѣли ли уже вамъ мои посланія?» Какимъ образомъ, при вашемъ умѣ, сорвались съ вашихъ устъ такія слова? Болѣе я не скажу ничего, для того, чтобы вопросъ мой заставилъ васъ нѣсколько подумать... Но какъ вы умны! Ваше послѣднее письмо просто—прелесть, наслажденіе! Клянусь Богомъ,—говорю правду! Только это наслажденіе раздражаетъ мои нервы;—вотъ что дурно! мнѣ мало нѣсколькихъ строкъ, брошенныхъ на бумагу, мнѣ

нуженъ бы теперь длинный устный разговоръ. А когда сбудется мое желаніе, Богъ вѣсть!... Я такъ рѣдко встрѣчаюсь съ вами, такъ мало говорю, а если говорю, то такими общими мѣстами, благодаря обстановкѣ, окружающей наши встрѣчи, что отъ одного воспоминанія о нихъ на щекахъ моихъ выступаетъ краска стыда, что, надобно замѣтить, случается со мною не очень часто. Пожалуйста, пишите больше, о чемъ хотите, о чемъ бы то ни было: что вы ни напишите—все выйдетъ хорошо и все будетъ для меня дорого. Мнѣ иногда по-неволѣ приходится писать мало, какъ, напр., теперь, когда я пишу въ магазинѣ. Я положилъ писать въ особой комнатѣ, но отъ этого мнѣ мало легче, потому что меня отрываютъ отъ пера ежеминутно. Звонъ колокольчика окончательно меня бѣситъ; кажется, я слѣблюсь больнымъ отъ его неумолкаемыхъ, не дающихъ мнѣ покоя, пронзительныхъ звуковъ... Представьте, у меня теперь двѣсти человѣкъ подписчиковъ на чтеніе. Не смотря на г-ва В—ія С—го, напечатавшаго въ «Развлеченіи», что «магазинъ Никитина-поэта и проч. проч.», не смотря на его чахоточное усиліе блеснуть базарнымъ остроуміемъ, съ цѣлію уронить во мнѣніи мѣстной публики мой магазинъ, онъ, какъ видите, на зло его беззубыхъ завистниковъ, цѣтеть и крѣпнеть. Mais voilà assez! Перейдемъ къ другому. Вы говорите, что весною мнѣ слѣдуетъ пріѣзжать не къ Д—мъ, а прямо къ вамъ. Ахъ, какъ бы это было хорошо! До какой усталости бы мы набѣгались съ вами въ саду! А потомъ музыка, пѣсни... окна раззолочены вечернею зарею; вы разливаете чай, сидя за столомъ, я хотѣлъ было читать какую-то книгу, но заслушался васъ, и книга полетѣла въ сторону... Рай, а не жизнь! Только все это, къ сожалѣнію, одинъ розовый мечтъ. Вникните въ сущность моихъ словъ, и вы согласитесь, что я говорю правду. Какъ же я пріѣду къ вамъ, когда вы знаете хорошо, что мое знакомство авес votre rara ограничивается нѣсколькими мимолетными встрѣчами, что я едва успѣлъ сказать пять-шесть словъ, — послѣ этого мой пріѣздъ въ вашъ домъ будетъ похожъ на неожиданное паденіе снѣга изъ облаковъ. Д—іе дѣло другое: и я былъ у нихъ не одинъ разъ, и покойникъ В. Ив. бывалъ въ моемъ домѣ

тоже не одинъ разъ, короче: я съ ихъ домоу старшій, близкій знакомый, чего никакъ не смѣю сказать о вашемъ домѣ. Вотъ почему меня не тянетъ особенно въ вашъ край. Я уже говорилъ вамъ, что мнѣ было бы грустно переступить вашъ порогъ за тѣмъ только, чтобы сказать: «честь имѣю свидѣтельствовать свое всенижайшее почтеніе», или что-нибудь въ этомъ родѣ и потомъ переброситься нѣсколькими словами мѣстныхъ новостей и отправиться во-свояси. Помочь моему горю я рѣшительно не вижу средствъ. Пріѣхать къ вамъ у меня не достанетъ смѣлости... ей-ей, неловко! Ну, войдите въ мое положеніе и скажите: правду ли я говорю? Эта мысль: пріѣхать къ вамъ—преслѣдуетъ меня постоянно и... и... рѣшительно становить въ тупикъ! Какъ бы это примирить мое желаніе погостить подъ вашею кровлею съ глупыми условіями нашей провинціальной жизни, съ этими требованіями жителей трупщобъ и заросшихъ бурьяномъ пустырей? Наказаніе да и только! Придумывайте, какъ лучше сдѣлать: вы умнѣе меня, что и скажу вамъ при первомъ же свиданіи и что готовъ подтвердить крестнымъ цѣлованіемъ, такъ какъ на-слово вы мнѣ не вѣрите. Къ вамъ или не къ вамъ—это шекспировское быть или не быть?... Есть надъ чѣмъ поломать голову?

Ваше предположеніе на счетъ того, что садъ Д—хъ можетъ доставить мнѣ много пріятныхъ воспоминаній, не совсѣмъ вѣрно, если вы слову воспоминаніе придаете какое-нибудь особенное значеніе. Дѣйствительно, я былъ всегда ими радушно принимаемъ, жилъ у нихъ какъ родной, кричалъ и спорилъ съ ними по моей привычкѣ безъ всякаго опасенія, чуть не до забытія приличій—и только! За все это я, конечно, имъ очень благодаренъ, но зачѣмъ же на мой счетъ острить!... Грѣхъ вамъ, Н. А., тѣмъ болѣе, что вы такъ добры! Впрочемъ, я и не думаю, чтобы намекъ вашъ имѣлъ серьезное значеніе,—вы просто шутите. Посылаю вамъ литературную новость: «Разсказы и Повѣсти» Бестужева, только что полученные, и двѣ французскихъ книги—*L'esclave blanc*, прочтите—стоитъ! Пожалуйста, назначайте, что вы желали бы прочитать! На время же распутицы требуйте книгъ поболѣе, чтобы у васъ было и другое занятіе—кромѣ танцевъ и кромѣ сва-

дебнаго бала*). На послѣднемъ желаю вамъ веселиться, но не думаю, чтобы тамъ въ самомъ дѣлѣ вамъ было весело. Причина очень простая: вы переросли цѣлою головою окружающую васъ толпу знати и незнати... Впрочемъ, да будетъ это сказано межѣ нами, чтобы не раздражить гусей. До слѣдующаго письма. Всею душою преданный вамъ.

И. Никитинъ.

VI.

1861 г. 10-го марта.

Если я сказалъ вамъ, что пріѣздъ мой въ вашъ домъ нѣсколько меня стѣсняетъ, нѣкоторымъ образомъ ставить въ неловкое положеніе, то сказалъ это не потому, чтобы боялся чьихъ-либо пересудовъ, а потому, что мое знакомство съ вашимъ рара не слишкомъ коротко;—вотъ единственная причина моей нерѣшительности въ такомъ дѣлѣ, которое такъ близко моему сердцу. Ваше предположеніе: устроить пріѣздъ мой къ вамъ такимъ образомъ, чтобы я, при первой встрѣчѣ съ А. А., попросилъ ее отправить къ вамъ гонца съ извѣстіемъ, что Н. прибылъ въ благословенный З—скій край, смѣю васъ увѣрить, неприложимо къ дѣлу: Д—іе и m—me П—ова пришли бы навѣрно отъ подобной просьбы съ моей стороны въ величайшее недоумѣніе и, чего добраго, залились бы громкимъ смѣхомъ... Я отъ всего сердца желаю погостить подъ вашею кровлею, но устроить это надобно какъ нибудь иначе. Мнѣ кажется, что было бы гораздо удобнѣе извѣстить васъ о моемъ пріѣздѣ къ Д—мъ, послѣ двухъ-трехъ дней моего у нихъ пребыванія, не такъ-ли? Эхъ, да будь, что будетъ! Ужъ я постараюсь съ вами увидѣться, наговориться, и слѣдовательно, быть нѣкоторое время счастливымъ.

*) Кажется, выходила замужъ сестра Н. А. М—ой.

Не знаю, о какомъ моемъ пріятелѣ изъ военныхъ упоминаете вы въ своемъ письмѣ; А. А. и Н. В., сколько мнѣ помнится, дѣйствительно встрѣчали у меня въ магазинѣ одного изъ близкихъ мнѣ людей, только онъ не принадлежитъ къ военнымъ. Помню также, что при одной изъ этихъ встрѣчъ шелъ разговоръ о перепискѣ, но разговоръ этотъ заключался въ слѣдующемъ: Н. В. писалъ мнѣ о принятіи мною въ услуженіе сынашга ея экономки; я исполнилъ ея просьбу, но на ея письмо за недосугомъ не отвѣчалъ. Поэтому-то и былъ сдѣланъ мнѣ выговоръ м—ше Д—ой, дескать эго, милостивый государь, неучтиво, и потомъ прибавлено: мы знаемъ, что нѣкоторымъ вы сочли бы за преступленіе не отвѣчать. Я понялъ намекъ и отвѣчалъ: да,—не понялъ только одного: какъ м—ше Д—ой извѣстно, что я къ вамъ пишу? Впрочемъ, мнѣ нѣтъ ни охоты, ни надобности добиваться до источниковъ, откуда разныя лица черпаютъ для себя разныя свѣдѣнія. Пусть ихъ черпаютъ, если это доставляетъ имъ удовольствіе: о вкусахъ не спорять,—это первое. Второе—не могу никакъ догадаться, на какомъ основаніи построено ваше предположеніе, будто бы я былъ влюбленъ въ м—ше N... никакъ не могу, но думаю, что на весьма зыбкомъ. Вѣроятно, когда-нибудь, какъ услужливый человѣкъ, я предложилъ ей во время обѣда, или въ ту минуту, когда ей хотѣлось пить, стаканъ воды: изъ этого и вывели заключеніе, что я влюбленъ. Это бываетъ. Объяснимъ примѣромъ. Извѣстное лицо, вслѣдствіе естественной потребности чихнетъ: кажется, что нѣтъ ничего особеннаго: но вдругъ другое лицо замѣчаетъ ему весьма серьезно: позвольте узнать, м. г., на чей это счетъ вы чихнули? Мало-ли что бываетъ на свѣтѣ! Далѣе, вы говорите: «Вспомните, какъ вы ее встрѣчали въ послѣдній ея пріѣздъ въ Воронежъ?... Очень просто: поклонился, спросилъ о здоровьѣ, о томъ, нѣтъ-ли чего новаго въ ихъ краѣ, и такъ далѣе; встрѣтилъ, можно сказать, обыкновеннымъ образомъ до пошлости. Если и въ этомъ найдено что-нибудь особенное; тогда... тогда я не удивляюсь, если услышу трактатъ о способѣ добыванія ароматическаго сока изъ стараго желѣза или приготовленіе камней въ видѣ пирожнаго. Простите, добрая

Н. А., что я говорю такую дичь! Вольно же было вамъ вызвать меня на то, о чемъ не стоитъ думать даже въ самое праздное, самое бесполезное время. Тѣмъ болѣе непріятно говорить объ этомъ на бумагѣ, да еще съ вами, да еще въ то время, когда секунды нѣтъ свободной, потому что вашъ знакомый общался придти за письмомъ черезъ два-три часа! Кстати о письмахъ. На будущее время ужъ будьте такъ добры, пожалуйста, не повторяйте одно и то же, что написанныя вашею рукою строки могутъ быть прочитаны кѣмъ-бы то ни было. Послѣ этого вы сами себѣ противорѣчите, считая меня за порядочнаго человѣка. Порядочные люди, мнѣ кажется, не только уважаютъ другихъ, но и себя также, а вѣдь послѣ сдѣланной мерзости уважать себя какъ-то трудно. Что касается вашего замѣчанія, что я будто бы пишу къ вамъ *bon gré — mal gré*, не распространяясь о томъ, что ваше замѣчаніе рѣшительно несправедливо, я прибавляю, что васъ ошлѣвываютъ десять тысячъ китайскихъ церемоній... такъ, такъ, *mille fois* такъ! Иначе вы не сказали бы ничего, похожего на это. Богъ съ вами! Пожалуй, сердитесь, а я все-таки правъ. Визитную карточку я постараюсь вамъ доставить, но времени для этого опредѣлить не могу.

№ 238 „Сѣверной Пчелы“ за прошлый годъ при семъ вамъ посылается и отдается въ вѣчное владѣніе. Ваше желаніе мнѣ было весьма легко исполнить, потому что почти всѣ газеты и журналы мною получаютъ, конечно, исключая «Развлеченія», о мнимыхъ достоинствахъ котораго я всегда буду радъ поспорить съ вашимъ дядею. Вѣрно, онъ очень силенъ въ логикѣ, если надѣется доказать, что глухіе отъ рожденія способны имѣть представленіе о звукахъ и, пожалуй, могутъ воспроизводить ихъ и доставлять этимъ удовольствіе другимъ.

Ноты для вашей сестры—«Я люблю твои глаза» будутъ высланы. Книги держите—сколько вамъ угодно времени и не сердитесь, если выборъ мой неудаченъ;—вѣдь я уже говорилъ вамъ это и просилъ васъ объ этомъ, О, Боже, Боже! опять китайскія церемоніи!.. да оставьте ихъ въ покоѣ разъ навсегда.

Простите меня за безтолковое, отрывочное, безсвязное пись-

мо: ей-ей, спѣшу, какъ угорѣлый. Сегодня у меня по преимуществу много народа, потому что сегодня читается Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Это, разумѣется, дастъ поводъ къ толкамъ; ну, и знакомыхъ-то у меня не занимать-стать,—слава Богу, довольно!—Въ это мгновеніе, заглянувъ въ ваше письмо, я прочиталъ слѣдующее: „пожалуйста, не давайте читать моихъ писемъ вашему пріятелю“.—Хорошо!... Да еще подчеркнуто!!! Ну, ужъ развѣ я буду такъ несчастливъ, что васъ не увижу,—не то, при первомъ же свиданіи, по выраженію Крылова, дамъ волю словъ теченью... Знаете ли что? Теперь за распутицею, я полагаю, посылки отъ васъ будутъ рѣдки; между тѣмъ я такъ привыкъ къ вашему слову, чтобы не сказать болѣе... Всею душою преданный вамъ

И. Никитинъ.

P. S. Я предполагаю ѣхать въ Петербургъ; но если поѣду, то или въ 1-хъ числахъ апрѣля, чтобы возвратиться къ маю, или осенью. Увы! мнѣ такъ хочется пожить въ деревнѣ, а удастся ли? Пожалуйте обо мнѣ...

Потрудитесь передать мое глубочайшее почтеніе вашему папашѣ и вашимъ сестрамъ. Прочитайте, пожалуйста, Бѣлинскаго. Въ его разборѣ сочиненій Пушкина вы познакомитесь со взглядомъ на женщину самого Бѣлинскаго и передовыхъ людей его времени.

VII.

1862 г. марта *).

Письмо мое, посланное вамъ 10-го марта, я считалъ слишкомъ недостаточнымъ, слишкомъ краткимъ, потому что оно было писано въ-торопахъ, въ то время, когда вокругъ меня толкались, разсуждали, спорили и смѣялись разные лица. Поэтому я хочу поговорить съ вами на досугъ, съ намѣреніемъ извлечь изъ этой бесѣды двоякую для себя выгоду: пріятное и по-

*) Число не обозначено.

лезное. Перваго я уже достигаю тѣмъ. что веду съ вами рѣчь, второго,—что разбиваю въ прахъ ваше предположеніе, будто бы я пишу къ вамъ всегда *bon gré—mal gré*, тогда какъ доказательство противнаго у васъ передъ глазами: эти строки были писаны волею и охотою. Ну-съ, кто изъ насъ правѣе,—я или вы? Извольте, извольте!... я молчу. Скромный вообще, съ недавняго времени и въ особенности теперь, въ дни Великаго поста и молитвы, я скромнѣе до того, что изъ устъ моихъ не выходитъ ни одного празднаго слова: вѣроятно, вслѣдствіе моей безпрестанной молитвы: „духъ празднословія не даждь ми“... вѣроятно такъ! Къ несчастію, я перестаю думать и о святой молитвѣ, и о тяжести грѣха, словомъ—забываю о всемъ, когда веду рѣчь съ вами. Жаль мнѣ васъ! Вы единственная причина моихъ прегрѣшеній: вы, слѣдовательно, за все должны отдать отчетъ Богу, чего однако, я никакъ не желаю. Я готовъ принять на одного себя всю отвѣтственность за свои и даже за ваши ошибки, если только вы можете ошибиться, готовъ перенести великое наказаніе подъ условіемъ видѣть васъ и говорить съ вами, когда мнѣ вздумается... Не сдвигайте вашихъ бровей: все это шутка не болѣе, но шутка для меня горькая, для васъ безвредная. Не знаю самъ, зачѣмъ я все это говорю. Просто—я радъ свободной минутѣ. Я похожъ теперь на человѣка, который, послѣ долгаго заключенія въ душныхъ и темныхъ стѣнахъ, вышелъ, наконецъ, на свѣжій воздухъ и спѣшить наглядѣться на синее небо, на широкое поле, цвѣты и деревья. Все его существо какъ будто возродилось, зажило новою жизнью, полною наслажденія и счастья. Онъ даже не думаетъ о томъ, что снова можетъ попасть въ тѣ стѣны, изъ-за которыхъ вышелъ, что счастье его похоже на сонъ, который можетъ быть прерванъ случайнымъ шумомъ или крикомъ... Да и стоять ли въ самомъ дѣлѣ объ этомъ думать? Вѣдь если каждую минуту удовольствія встрѣчать вопросами—какъ и почему? если подкапываться подъ каждое чувство, допрашиваясь, чтò оно такое, откуда пришло и куда ведетъ? если все отравлять сомнѣніемъ, тогда жизнь превратится въ пытку. Выносить пытку за святое дѣло, за благородную идею, конечно, должно.

Эта пытка заслуживаетъ и похвалы, и подражанія, потому что она—подвигъ! но обреченіе себя на безплодныя, безцѣльныя страданія—чисто безуміе! Вотъ поэтому-то я хочу извлечь изъ настоящаго мгновенія все, что оно можетъ дать мнѣ лучшаго. Простите, что я вдался въ это quasi философское разсужденіе; эта старая истина, можетъ быть, нѣсколько припахиваетъ гнилью (если только истины могутъ чѣмъ-либо припахивать), когда насъ слушаютъ безъ вѣвоты? Что за наказаніе! Я просто сдѣлался старымъ болтуномъ, который, не обращая вниманія на время, мѣсто и на то, хотять ли его слушать, въ сотый разъ повторяетъ извѣстную всѣмъ исторію. Несчастная слабость! Я уже писалъ вамъ, что 10 числа этого мѣсяца у насъ былъ читанъ во всѣхъ церквахъ Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Жаль, что мнѣ неизвѣстно, какъ это важное извѣстіе было принято сельскимъ населеніемъ, но городское пришло его довольно равнодушно. Вечеромъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, городъ былъ иллюминированъ, но особеннаго движенія не было замѣтно въ освѣщенныхъ улицахъ. Дѣло другое. если бы иллюминація была вызвана самымъ событіемъ, какъ выраженіе общей рѣдости; къ сожалѣнію, это было не такъ. Мнѣ кажется, это произошло оттого, что народъ слишкомъ утомился ожиданіемъ рѣшенія вопроса, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Есть и другія причины; но изложеніе ихъ потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста, а потому я считаю его неудобнымъ. Согласитесь,—вѣдь есть чему порадоваться: такіа дѣла, какъ уничтоженіе кантонистовъ, устройство желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, это послѣднее великое дѣло—освобожденіе крестьянъ, могутъ не затронуть только человѣка крайне тупоумнаго или бездушнаго; но все живое, все способное мыслить и чувствовать пойметъ ихъ значеніе и не можетъ не радоваться. Эти дѣла будутъ лучшею страницей въ исторіи императора Александра II-го, страницей блистательною. Снимать цѣпи съ миллионна подобныхъ себѣ, разумныхъ существъ,—такая доля выпадаетъ не многимъ монархамъ. Народъ еще хорошо не понималъ, какъ много для него сдѣлано; когда онъ пойметъ это,

вы увидите, что изъ него выйдетъ, какъ онъ переродится! Его апатія имѣетъ историческій смыслъ; но она уступить духу новаго времени, духу просвѣщенія. Поймите, какое свѣтлое будущее ожидаетъ наше потомство, какая лежитъ передъ нами широкая дорога! У меня дыханіе захватываетъ отъ восторга, когда я объ этомъ думаю!... Теперь носятъ слухи о преобразованіяхъ, имѣющихъ быть въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Проектъ преобразованія, говорятъ, уже написанъ и напечатанъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ для лицъ, которыя будутъ засѣдать въ особомъ, нарочно устроенномъ, по этому поводу, комитетѣ. Лишь бы позволили говорить о нашемъ духовенствѣ,—тогда литература сдѣлаетъ свое дѣло—точно такъ же, какъ она сдѣлала его въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ. Можетъ быть, я вкстати появлюсь на сценѣ. Надобно вамъ сказать, что я написалъ довольно большую по объему статью—«Записки Семинариста». Статья эта напечатается въ «Воронежской Бесѣдѣ», издаваемой Глаголющимъ, подъ редакцію Де-Пуле. Воображаю, какимъ сюрпризомъ покажется она нашему духовенству, въ особенности лицамъ учащимъ! Впрочемъ, я человекъ не совсѣмъ робкій, и чѣмъ болѣе будетъ противъ меня криковъ, тѣмъ болѣе я буду радоваться: эти крики послужатъ доказательствомъ, что я прямо попалъ въ цѣль, задѣлъ за больное мѣсто. Если бы вы знали, какой теплый, какой солнечный день у насъ былъ вчера. Представьте,—я слышалъ утромъ пѣніе жаворонка: 10 Марта—это рѣдкость. За то какъ же былъ я радъ его пѣснѣ! Я люблю этого предвѣстника весны едва ли не болѣе, чѣмъ соловья. Вы не удивляйтесь этому: жаворонокъ какъ-то необыкновенно поэтически умѣетъ себя обстановить. Слыхали вы его пѣсню въ степи, передъ восходомъ солнца, когда края неба горятъ въ полымѣ, по краямъ степи еще прозрачный утренній туманъ, когда вы видите передъ собою только степь да небо и подлѣ ни одной живой души. Серебрянные звуки льются съ синей выси, на встрѣчу медленно восходящаго солнца, и провожаютъ васъ, куда бы вы ни ѣхали, съ горы или на гору. О! мнѣ знакома эта пѣсня, и я не могу ее не любить! Простите, что я немножко заговорился. Мнѣ, знаете

ли, сдѣлалось отчего-то немножко скучно, — вотъ я и повелъ съ вами рѣчь. Если минута для этой рѣчи выбрана мною не совсѣмъ встати — пожалуй, побраните меня — чтожъ такое! Я никогда не слыхалъ, какъ говорить раздраженная женщина, — вѣроятно, очень хорошо. Право, побраните, только ради Бога поскорѣе. Ваша молчаливая досада была бы чистымъ наказаніемъ для меня, всегда готоваго васъ слушать. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

И. Никитинъ.

VIII.

Марта 27-го.

Вотъ видите, какъ вы строги какъ искусно вы умѣете ловить меня на словѣ! Я сказалъ, что мнѣ скучно, что мнѣ не съ кѣмъ обмѣняться словомъ — и написалъ вамъ нѣсколько строкъ; вы поймали мое слово и даете ему обратный смыслъ, такъ что я, употребившій его, чуть не попадаю въ родные братья тѣхъ милыхъ людей, на мѣдныхъ лбахъ которыхъ выступаетъ крупными буквами неизгладимая надпись: «дуракъ!»... Кому же охота читать строки, написанныя отъ скуки? Это справедливо. Но позвольте нѣсколько оправдаться. Я думаю, вамъ извѣстно, что есть скука, происходящая отъ праздности, отъ нечего дѣлать, отъ неспособности что-либо дѣлать, тѣмъ болѣе порядочное, умное, и есть скука другого рода — это тяжелое состояніе души, чувство чего-то непріятнаго, какой-то тупой нравственной боли. Она не похожа на грусть: въ грусти бываетъ подъ-часъ много прелести, стало быть, и поэзіи, въ скукѣ, о которой я говорю, нѣтъ ея и тѣни! И такъ вы не угадали моей скуки и напрасно упрекнули меня за это слово. Вообще оцѣнка чужой личности, составленіе о ней понятія, что она такое, на основаніи однихъ предположеній, — дѣло довольно трудное и рѣдко можетъ быть удачнымъ, или удачнымъ только случайно. Вы, напримѣръ, можете предположить, что я люблю пѣсню жаворонковъ потому, что привыкъ ихъ слушать вблизи «того сада,

который и проч., но, позвольте! вы дѣлаете ошибку на первомъ шагѣ: я полюбилъ эту пѣсню давнымъ-давно, въ то время, когда бродилъ въ степи или въ поляхъ съ ружьемъ, не ради охоты, а ради того, чтобы надышаться чистымъ воздухомъ, послѣ долгаго заключенія въ четырехъ стѣнахъ, чтобы налюбоваться зеленою травъ, румянцемъ утренней и вечерней зари, яркимъ блескомъ солнечныхъ лучей, разсыпанных на гладкой поверхности озеръ и заливовъ... Садовъ тамъ никакихъ не было; но случалось мнѣ заходить подъ тѣнь дѣса, съ говоромъ котораго я такъ сроднился съ младенчества, что слышу въ немъ что-то родное, понятное моему сердцу, будто ласкающую рѣчь милаго друга... Изъ вашихъ словъ видно, что вы любите природу, стало быть, вы меня поймете и не скажете, что я мечтаю отъ бездѣлья. Мнѣ, выросшему въ душливомъ воздухѣ, нельзя было ее не полюбить: она была моею нравственною опорою, поддержкою моихъ силъ, свѣтлою стороною моей жизни, она замѣняла мнѣ живыхъ людей, которыхъ вокругъ меня было такъ мало, или лучше сказать—вовсе не было. Она никогда мнѣ не измѣнила, всегда оставалась одинаковою ея божественная, вѣчная красота... Въ одномъ изъ своихъ писемъ вы сказали, между прочимъ, что вамъ нѣтъ никакого дѣла до сплетенъ, что вы стоите выше этихъ пустяковъ, а теперь говорите, что эти сплетни уложили насъ въ постель. А отчего-жъ вы не отвѣчали на нихъ презрѣніемъ? И что вамъ за охота употреблять слово разочарованность, это старое, избитое, истасканное до смѣшнаго слово? Люди—всюду люди: есть въ нихъ много хорошаго, много есть и подленькаго, низкаго, грязнаго. Вините въ послѣднемъ ихъ воспитаніе, окружающую ихъ среду и проч. и проч.,—только менѣе всего вините ихъ самихъ. Они нерѣдко болѣе жалки, чѣмъ вы, потому что дѣйствуютъ безъ сознанія, потому что рубятъ съ плеча, не задумываясь, куда или на кого падутъ эти удары и что изъ этого выйдетъ... Пусть потеряли бы вы терпѣніе, поддались сильному гнѣву, — все это было бы ничего; но заболѣвать отъ сплетни, не только безсознательной, даже намѣренной,—просто не стоило. Ваше равнодушіе убило бы на-посады эту отвратительную гадину; оно было бы для

нея сильнымъ, мучительнымъ наказаніемъ, потому что злая сплетня именно на то и рассчитывается, что ее примутъ къ серицу. Будто вы не знаете, что въ глухой сторонѣ сплетня рождается такъ же легко, какъ насѣкомыя въ грязной избѣ, что сплетня для нѣкоторыхъ нужнѣе насущнаго хлѣба, слаще млека и меда? Ну, помилуйте, ради Бога, стоило ли вамъ заболѣвать изъ-за этой дряни? А все таки мнѣ за васъ грустно. Что сказать вамъ о нашихъ новостяхъ? Нѣтъ, о нихъ лучше послѣ, потому что есть кое-что болѣе дорогое, болѣе близкое моему сердцу. Вы упрекаете меня въ привязанности къ китайскимъ церемоніямъ, въ сдержанности выраженій, въ какой-то вѣчной *aggrège pensée*, между тѣмъ сами постоянно употребляете слова въ родѣ слѣдующихъ: извините, мое письмо, быть можетъ, вамъ... и тамъ далѣе. Ваши варіаціи на эти слова безконечны. Грѣхъ вамъ! Оставьте все это и говорите со мною просто. Ваши слова безъ украшеній, безъ яркаго наряда будутъ для меня понятны и—главное—всегда будутъ мнѣ дороги. Яркая пестрота почти всегда удивляетъ, не рѣдко отталкиваетъ! Для того, чтобы крѣпко, горячо пожать вашу милую руку, какъ руку друга, на нее не нужно надѣвать душистую модную перчатку съ изысканнымъ махорчикомъ и съ блестящею застежкою,—увѣряю васъ, что это такъ. Игра словъ, разныя извиненія и оговорки—это своего рода *pas des deux*, фигура, можетъ быть, умѣстная на сценѣ, но непримѣнимая въ обыкновенной, обыденной жизни. Представьте, что я вхожу въ вашъ домъ и вмѣсто того, чтобы подойти къ вамъ прямо и сказать: «добрый день, или добрый вечеръ»,—дѣлаю шагъ налѣво, шагъ направо, шагъ впередъ, шагъ назадъ,—вѣдь вы захохотали бы непремѣнно... То то и есть!... авось на будущее время вы оставите ваши оговорки, отъ которыхъ мнѣ становится грустно и больно. Кому же пріятно недовѣріе? Какъ было бы хорошо, если бы вы пріѣхали въ Воронежъ! Какъ я былъ бы этому радъ! Конечно, разныя разности помѣшали бы поговорить намъ на свободѣ, но лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. А знаете ли? У насъ устраивается въ пользу «Общества распространенія грамотности» литературно-музыкальный вечеръ. Если онъ состоится, то будетъ сдѣланъ въ

залѣ дворянскаго собранія на шестой недѣлѣ Великаго поста, такъ, по крайней мѣрѣ, предполагается. Я приглашенъ читать, но буду ли участвовать въ чтеніи, не знаю. «Общество распространенія грамотности» имѣетъ цѣлю устройство публичныхъ библіотекъ, образованіе низшаго класса народа, проведеніе въ массу дешевыхъ изданій книгъ и тому подобное. Цѣль, какъ видите, благая. Проектъ подобнаго общества Костромичи уже представили на утвержденіе правительства. Я знаю это потому, что переписываюсь съ его учредителями. Распространеніе грамотности можетъ принести огромную пользу; разумѣется, все это впереди; мы не доживемъ до счастливыхъ результатовъ народнаго образованія, но хорошо уже и то, что увидимъ начало благого дѣла. Васъ удивляетъ теперь неразвитость сельскаго населенія; вы даже находите ее болѣе между государственными крестьянами, нежели между бывшими крѣпостными, и потому заключаете, что уничтоженіе крѣпостнаго права не принесетъ такихъ плодовъ, на которые надѣются передовые люди нашего времени и вообще всѣ тѣ, кому дорога наша родимая сторона. Ясно, что вы не давали себѣ труда поглубже вникнуть въ причины, которыя стали непроходимой стѣною на нашемъ пути. Изъ вашихъ словъ выходитъ, что народъ нашъ неспособенъ къ развитію. Нѣтъ, вы подумайте сперва о томъ, что надъ нимъ тяготѣло, о томъ, какое его окружаетъ чиновничество, каковы его наставники—какъ бьется онъ изъ-за насущнаго куска, таская во всю жизнь на плечахъ своихъ зипунъ, а на ногахъ лапти... впрочемъ, объ этомъ неудобно говорить на бумагѣ, я утомилъ бы васъ разными печальными подробностями. Поднимемъ-те этотъ вопросъ тогда, когда мнѣ удастся побывать въ вашемъ краѣ, я постараюсь доказать вамъ справедливость моихъ словъ.

Ваше письмо я получилъ 26-го вечеромъ, т.-е. на седьмой день послѣ его отправленія изъ З. О, благодатныя сообщенія! Кажется, и не далеко живемъ другъ-отъ-друга, а выходитъ такъ, что между нами ложится пространство въ тысячу верстъ... Кстати о письмахъ: если дѣйствительно, васъ сколько-нибудь затрудняетъ русская рѣчь, благодаря полученному

вами воспитанію, пишите по-французски. Ухо мое не привыкло къ этому языку и я не могу на немъ говорить, потому что узналъ его слишкомъ поздно и изучилъ самоучкою; но тѣмъ не менѣе я его знаю настолько, что письмо ваше пойму отъ перваго до послѣдняго слова. Только, пожалуйста, не повторяйте такихъ, или подобныхъ фразъ: *il faut enfin cesser les jérémiades*, или *galimatias*, или — ну, вы сами знаете, что далѣе... я не буду напоминать вамъ того, чѣмъ высказывалось и высказывается ваше недовѣріе къ людямъ, вамъ преданнымъ... Вотъ же вамъ! *Charge en revanche*... Посмотримъ, долго ли еще будете вы мучить меня вашими церемоніями. Ухъ, что это за слово! походить на скрипъ ножа по каменной тарелкѣ, чтò, какъ извѣстно, нравится канарейкамъ, и отъ чего затыкаютъ уши люди, непривыкшіе къ подобнымъ раздражительнымъ звукамъ. Вы говорите, что у васъ прекрасная погода, что вы часто гуляете и слышите пѣсню жаворонка. Радуюсь за васъ. Вспоминайте иногда о тѣхъ людяхъ, которые, живя въ грязномъ городѣ, думаютъ о деревнѣ, скучаютъ по ней и ждутъ минуты подышать ея воздухомъ, полюбоваться на ея поля и!.. *c'est assez!* Всею душею преданный вамъ

И. Никитинъ.

IX.

1861 г. Апрѣля 19-го.

Вы уѣхали, — и въ жизни моей остался пробѣлъ; меня окружила пустота, которую я не знаю чѣмъ наполнить. Мнѣ кажется, я еще слышу васъ голосъ, вижу вашу кроткую, привѣтливую, улыбку, но, право, мнѣ отъ этого не легче: все это тѣнь ваша, а не вы сами. Какъ до сихъ поръ живы въ моей памяти — ясный солнечный день и эта длинная, покрытая пылью улица и эта неносная, одѣтая въ темномалиновый бурнусъ дама, такъ некстати попавшаяся намъ на встрѣчу, и эти ворота, подлѣ которыхъ я стоялъ съ поникшей головой, чуждый всему, чтò вокругъ меня происходило, — видишь только одну васъ и больше никого и ничего! Какъ не хотѣ-

лось, какъ тяжело было мнѣ идти назадъ, чтобы приняться за свою хлопотливую, безтолковую работу, обратившись въ живую машину, безъ ума и безъ сердца! Какъ живо все это я помню!

На лицо твое солнечный свѣтъ упала,
Ты со взоромъ пониженнымъ стояла;
Крѣпко руку твою на прощаньи я жалъ,
На устахъ моихъ рѣчь замирала.

Я не могъ отъ тебя своихъ глазъ отвести.
Одна мысль, что намъ нужно разстаться,
Поглощала меня. Повторялъ я: «Прости!»
И не могъ отъ тебя оторваться.

Понимала ли ты мое горе тогда?
Или только, какъ ангелъ прекрасна, —
Повидала меня безъ нужды и труда,
Будто камень холодный, безстрастна?..

Вотъ затихъ стукъ колесъ средь безлюдныхъ равнинъ,
Улеглася за нимъ пыль за тобою;
И, какъ прежде, я снова остался одинъ
Съ безпощадной, бессонной тоскою.

Догорѣла свѣча. Бродить сумракъ въ углахъ,
Поль сіяетъ отъ луннаго свѣта;
Безконечная ночь! Въ этихъ душевныхъ стѣнахъ
Зарыдай,—не услышишь отвѣта...

Видите-ли: я наконецъ ударился въ стихи. Плохой признакъ!.. И стихи то плохіе, да чтожъ такое? Будемъ живы, напишемъ и лучше. Можетъ быть, мнѣ и не слѣдовало бы говорить такимъ языкомъ, но чтожъ дѣлать? Эти стихи вырвались невольно. Простите моему увлеченію. Здѣсь нѣтъ, по крайней мѣрѣ, притворства. И виноватъ-ли я, что мое воображеніе не даетъ мнѣ покоя? Позднею ночью, когда я лежалъ съ книгою въ рукахъ, мнѣ все еще вспоминался ясный солнечный день. Между строками этой книги я читалъ дру-

гія строки, и онѣ-то были для меня полны смысла, — увы! грустнаго смысла! Я содрогаюсь, когда оглядываюсь на пройденный мною, безотрадный, длинный-длинный путь. Сколько на немъ я положилъ силы! А для чего? Къ чему вела эта борьба? Что я выигралъ въ продолженіе многихъ годовъ, убивъ свое лучшее время, свою золотую молодость? Что я выигралъ? Вѣдь я не сложилъ, не могъ сложить ни одной беззаботной, веселой пѣсни во всю мою жизнь? Неужели въ душѣ моей не нашлось бы животрепещущихъ струнъ? Неужели на лицѣ моемъ только забота должна проводить морщины? Неужели оно должно окаменѣть съ своимъ холоднымъ, суровымъ выраженіемъ и остаться навсегда чуждымъ улыбкѣ счастья? Кажется, это такъ и будетъ! Съ разбитою грудью какъ-то неловко, неблагоразумно мечтать о красныхъ дняхъ. А какъ будто, на зло всему, съ мечтами трудно разстаться. Такъ колодникъ до послѣдней минуты казни не покидаетъ надежды на свободу; такъ умирающій въ чахоткѣ вѣритъ въ свое выздоровленіе. Тотъ и другой ждуть чуда; но чудеса въ наше время невозможны. Жизнь не измѣняетъ своего естественнаго хода, и если кому случится попасть подъ ея тяжелый жерновъ, она спокойно закончитъ свое дѣло, обративъ въ порошокъ плоть и кости своей жертвы. Теперь вопросъ: зачѣмъ я писалъ вамъ эти строки? Мало-ли кому грустно, да вамъ что за дѣло до всѣхъ скорбящихъ и чающихъ движенія воды? Но будьте немножко внимательны: у меня нѣтъ любимой сестры, на колѣни которой я могъ бы склонить свою голову, милныя руки которой я могъ бы покрыть, въ тяжелую для меня минуту, поцѣлуями и облить слезами. Чтожь, представьте себѣ, что вы моя нѣжная, моя дорогая сестра, и вы меня поймете. Не то назовите все это пустяками, увлеченіемъ впечатлительной, но не совсѣмъ разумной натуры и тому подобное... *Cela dépendra de vous. Je ferai tout ce que vous m'ordonnerez...* такъ сказано, не помню, въ какомъ-то романѣ. Неправда-ли, вѣдь я не послѣдній мастеръ заканчивать печальный разсказъ нелѣпою шуткой? Что за глупое настроеніе души? Вѣроятно, это зависитъ отъ скверной погоды, отъ холоднаго, сѣраго дня и величественнаго выраженія окружающихъ меня лицъ?.. Мнѣ хотѣлось бы долго-долго

съ вами говорить; но... вотъ бѣда: я боюсь навести на васъ скуку и тоску. Мнѣ кажется, что, пробѣгая эти строки, вы теряете терпѣніе и притопываете вашей прекрасной ножкой, восклицая: «несносный человѣкъ!» Вотъ ужъ, и несносный... А я думаю, вы не выходите изъ терпѣнія, когда несетесь въ галопѣ съ какимъ-нибудь раздушеннымъ господиномъ, рассыпающимъ предъ вами яркіе цвѣты восточнаго краснорѣчія. Вотъ вы устали и сѣли отдыхать. Дыханіе ваше горячо: щеки покрыты румянцемъ; неровно поднимается грудь, — а этотъ господинъ стоитъ за вашимъ стуломъ и, картинно изгибая свою спину, снова сыплеть предъ вами цвѣты восточнаго краснорѣчія и дышетъ на ваше полуоткрытое плечо. Позвольте же вамъ сказать, только не вслухъ, а на ушко; «теперь уже не вы, а я теряю терпѣніе»; я постараюсь найти случай пробить насквозь мѣдный лобъ этого полотера неотразимой эпиграммой... Ухъ, какимъ холодомъ пахнуло отъ вашего лица! Понимаю, понимаю!..

Я васъ не смѣю раздражать
И повинуюсь молчаливо!
И хоть совсѣмъ не радъ молчать,
Молчать я буду терпѣливо.

«Но ради самого Христа,
Къ чему вся эта пестрота,
Вся эта смѣсь стиховъ и прозы,
Все это шутки, или сдезы?»

Меня вы спросите. — «Увы!
Отчасти плодъ тяжелой скуки,
Отчасти плодъ душевной муки
И нездоровой головы».

Притомъ, скажу чистосердечно,
На васъ мнѣ трудно угодить:
Едва шутить начну безопасно, —
Сейчасъ упрекъ: „зачѣмъ шутить!“

Не веселья, — опять укору,
Опять нахмуренные взоры;
Но какъ же быть мнѣ, мой Творецъ!..
Assez? Довольно, наконецъ:

За то, что вралъ на-пропалую,
За то, что мучилъ этимъ васъ,
Склонивъ колѣни, въ этотъ часъ
Прахъ вашей ножки я цѣлюю.
А ручку можно-ли пожать?
Нельзя? Такъ что и толковать!
Къ чему излишняя награда?
Такая милая отрада
Меня съ ума-бъ теперь свела,
А вы... вы не творите зла.
Мнѣ остается передъ вами,
Принявъ видъ скромности святой,
Стоять съ поникшей головой
И съ потупленными глазами,
Или забыть весь свѣтъ,—и вдругъ
Воскликнуть.....

Угадайте, что я хотѣлъ сказать? Держу пари, что не угадаете. Ну-съ, а я не докончу стиха ни за что на свѣтѣ, изъ опасенія навлечь на себя ваше нерасположеніе, что было бы для меня очень грустно.

Я думаю, по случаю наступающаго праздника, вы находитесь теперь въ страшныхъ хлопотахъ: отдаете разныя приказанія вашей прислугѣ, торопливо переходите изъ комнаты въ комнату, гремя связками ключей, какъ хозяйка, серьезно озабоченная своимъ дѣломъ, и такъ далѣе. То ли дѣло вотъ я: по мнѣ хоть травушка не расти: какъ себѣ знаютъ, такъ тамъ и дѣлаютъ; я рѣшительно ни въ чемъ не принимаю участія, только время отъ времени раскрываю бумажникъ при докладахъ: вотъ то-то нужно купить, да вогъ этого не достаетъ.

Сейчасъ получилъ отъ Гагена *) свой портретъ и укупорилъ его съ тѣмъ, чтобы отправить къ вамъ. Портретъ вышелъ очень удаченъ; мое обыкновенное выраженіе лица сквачено

*) Воронежскій фотографъ.

совершенно (первый портретъ не удался и брошенъ); какъ видите, личность печальная и весьма некрасивая. Положите ее куда-нибудь подалѣе въ уголокъ, чтобы она не всѣмъ бросалась въ глаза и не наводила на добрыхъ людей тоски задумчивымъ выраженіемъ своихъ глазъ. Но съ вашей стороны эта грустная личность, право, заслуживаетъ нѣкоторой симпатіи. На этой бумагѣ, въ этихъ неподвижныхъ чертахъ, мнѣ кажется, должно быть что-нибудь живое, быть можетъ, лучшая часть моей души, по весьма простой причинѣ: въ то время, когда снимали съ меня портретъ, я думалъ о васъ; поймите, что я хочу сказать, и повѣрьте моему слову, только объ однихъ васъ. Мнѣ будетъ очень больно, если, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ будетъ вами заброшенъ и окончательно забытъ, какъ забываются всѣ старыя, бесполезныя вещи. Неужели это можетъ случиться такъ скоро?.. Почему же и не такъ! отвѣчаетъ мнѣ какой-то насмѣшливый голосъ. Но когда же вашъ-то портретъ я буду имѣть счастье получить? Когда же? Онъ хранился бы всегда около моего изголовья. Первая моя мысль, при наступленіи дня, была бы о немъ. Онъ глядѣлъ бы на меня во время поздней ночи, когда въ домѣ замираетъ малѣйшій шорохъ и я остаюсь совершенно одинъ съ моею неразлучною книгой. Доставите ли вы мнѣ это наслажденіе? Если нѣтъ, — Богъ съ вами! Замѣтите: это письмо писано до полученія вашего; я не могъ утерпѣть, чтобы не взяться за перо, и теперь снова берусь за него еще съ большимъ удовольствіемъ, когда прочиталъ написанныя вами ко мнѣ строки. А то, которое вы писали къ З., гдѣ оно, это бѣдное, милое письмо? Не дѣлайте этого въ другой разъ и пожалуйста не подозрѣвайте меня въ томъ, на что я вовсе не способенъ. Если когда-нибудь и почему бы то ни было взглядъ вашъ на меня совершенно измѣнится; если наконецъ вы захотите это сдѣлать для другой, извѣстной вамъ цѣли, — скажите мнѣ слово, сдѣлайте одинъ намекъ, и всякій клочекъ, къ которому прикоснулось ваше перо, будетъ вамъ возвращенъ немедленно и въ цѣлости. Довольны ли вы? Болѣе этого, можетъ быть, грубѣе этого я ничего не могъ сказать. Но развѣ въ лицо друзей бросаютъ такія горькія обвиненія? Миръ

Миръ! Да мимо идетъ отъ вашего милаго лица всякое облачко досады. Если бы, провожая васъ отъ Гагена, я зналъ, что вы еще не такъ скоро оставите нашъ городъ, я зашелъ бы непременно къ вамъ на квартиру; но я боялся помѣнать вашему отъѣзду, не смѣлъ васъ удержать и, какъ ни было мнѣ грустно,—поплелся домой.

Что-то теперь, именно въ эту секунду, когда я спрашиваю васъ, вы подѣлываете? Теперь 11 часовъ утра. Навѣрное вы уже отслушали литургію. Позвольте же поздравить васъ съ принятіемъ Св. Таинъ. Будьте здоровы и счастливы на всю вашу жизнь. Это мое задушевное, самое пламенное желаніе. Что до меня,—я предчувствую, что праздникъ будетъ проведенъ мною невесело. Я просижу дома въ четырехъ стѣнахъ. Куда мнѣ идти? Знакомыхъ у меня, пожалуй, чуть не половина города, да что мнѣ за дѣло до нихъ и что имъ за дѣло до меня! Сходиться съ кѣмъ-нибудь для того только, чтобы поболтать, чтобы провести какънибудь время,—къ этому я не привыкъ. Зачѣмъ я не имѣю вашего портрета? Тогда, на первый день Пасхи, послѣ заутрени, я положилъ бы его передъ собою и долго съ любовью... какъ видите, голова моя немножко разстроена. Простите меня за это длинное безтолковое, написанное въ разное время письмо. Мнѣ не хочется отъ него оторваться; но нужно же когда-нибудь кончать и уже пора. Нѣтъ, еще два слова. Если я буду у васъ, вы не обращайтесь вниманія... Позвольте, совсѣмъ не то... Я знаю только одно, что вы окружены такою атмосферой, которая вѣетъ жизнью и счастьемъ на всякаго къ ней приближающагося... Я говорю это потому, что испыталъ на самомъ себѣ... За послѣднее ваше письмо я благодаренъ вамъ до слезъ. Какая у васъ должна быть прекрасная душа? Какимъ тепломъ вѣетъ отъ вашихъ словъ, идущихъ прямо къ сердцу! Ей-ей, у меня теперь страшный хаосъ въ головѣ, иначе я написалъ бы еще много, много... Впрочемъ, что-жъ такое? Вѣдь мы увидимся, не такъ-ли? Да хранить васъ Богъ! Всею душою преданный вамъ

И. Никитинъ.

P. S. Я еще успѣю получить вашъ отвѣтъ до 5-го мая,—только не замедлите отвѣчать.

Х.

1861 г. мая 5-го.

Ваше письмо я получилъ 1-го мая, у васъ надѣялся быть 7-го или 8-го, потому что 5-го непременно хотѣлъ выѣхать изъ Воронежа. Моей злой судьбѣ было угодно распорядиться иначе: встрѣчая первый день мая за городомъ, въ саду, въ одномъ знакомомъ мнѣ семействѣ, я пилъ на открытомъ воздухѣ чай, бродилъ по саду до поздняго вечера и получилъ воспаленіе дыхательныхъ органовъ. Теперь сижу на діетѣ и микстурѣ. Докторъ на шагъ не выпускаетъ меня изъ комнаты. Вы не можете себѣ представить, какая напала на меня невыносимая тоска! Господи! нужно же мнѣ было заболѣть въ такое время, когда я представлялъ себѣ впереди столько задушевной радости, столько отрадныхъ, дорогихъ сердцу дней!.. Какъ бы то ни было, я пріѣду къ вамъ при первой возможности, хотя полубольной, все-таки пріѣду. Вы покамѣстъ не пишите мнѣ ничего; если же получите отъ меня второе письмо, — тогда дѣло другое, тогда мнѣ нужно будетъ ваше теплое слово.

За ваше послѣднее письмо я не благодарю васъ потому, что какъ бы горячо я ни высказалъ вамъ эту благодарность, — она все равно окажется недостаточною на бумагѣ; иѣтъ, ужъ лучше я ее выскажу вамъ лично. Неужели я васъ не увижу?... Быть не можетъ! Судя по тому, что я имѣю и хочу вамъ сказать, мнѣ кажется, что это письмо я могъ бы распространить на десять листовъ, но отлагаю этотъ разговоръ до нашей встрѣчи. Мнѣ будетъ дышаться легче въ вашемъ присутствіи, подъ обаяніемъ вашего свѣтлаго взгляда: а теперь и рука дрожить у меня отъ слабости и грудь дышетъ неровно. Не браните меня: мнѣ и безъ того теперь невесело.

Сію минуту прочиталъ письмо отъ Д — хъ. Они приглашаютъ меня къ себѣ, за что, разумѣется, я имъ очень благодаренъ. Что касается моихъ словъ m-me Д — ой, будто бы я обѣщался пріѣхать въ ихъ край, — я ихъ что-то не

помню; едва ли это было мною когда-нибудь сказано. Повторяю еще раз: приѣду къ вамъ при первой возможности, и, какъ знать, быть-можетъ, успѣю опередить это письмо. Будьте здоровы и веселы. Клянусь вамъ Богомъ,—я насильно отрываю перо отъ этого письма. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

И. Никитинъ.

XI *).

26 мая 1861 года.

Благодарю васъ отъ всей души за ваше письмо. Я молчалъ долго потому, что не могъ все это время поднять отъ подушки голову. Теперь мнѣ нѣсколько легче; по крайней мѣрѣ, я кое-какъ усѣлся въ постели и царапаю эти строки. Боже мой! какъ мнѣ тяжело болѣть въ такое благодатное время, когда все цвѣтетъ и поетъ! Видно, такъ нужно;—могъ ли я предвидѣть, что 1-е мая принесетъ мнѣ столько несчастья? Трое лѣчившихъ меня докторовъ (теперь ѣздитъ ко мнѣ уже одинъ) положили, чтобы я, какъ скоро поднимусь на ноги, все лѣто провелъ бы въ деревнѣ,—это, дескать, лучшее для васъ лекарство. Такъ-то такъ, но скоро ли я встану? А тутъ, какъ на горе, отвратительная, сырая, холодная погода, такъ что я топлю комнату и лишенъ возможности проѣхаться по улицѣ въ экипажѣ, чтобы вздохнуть на четверть часа чистымъ воздухомъ. Когда Богъ приведетъ мнѣ быть въ деревнѣ, не знаю. Вы, ради Бога, оставьте мысль о посѣщеніи Воронежа (кромя многихъ другихъ причинъ) уже по тому одному, что мнѣ запрещено строжайше всякое душевное волненіе. Нервы у меня до того раздражены, что я вздрагиваю отъ неосторожнаго скрипа дверей или отъ нечаяннаго приближенія кого-либо изъ домашнихъ къ моей постели. Всякое сильное сердечное ощущеніе для меня можетъ имѣть дурныя послѣдствія.

*) Это и слѣдующія письма писаны дрожащею рукою.

Богъ милостивъ, у насъ еще есть впереди время. Я не могу выразить, какъ я благодаренъ моимъ друзьямъ и знакомымъ за то участіе, которое они во мнѣ принимаютъ. А что до васъ... неужели вы думаете, что я васъ не понимаю, что я не вижу въ васъ женщины, способной возвышаться до подвига. Я бы сказалъ вамъ многое, но и рука ослабѣла, и голова моя будто сжата въ тискахъ. Простите, если здѣсь что-нибудь сказано не такъ. Когда просвѣтлѣютъ мои мысли, я напишу къ вамъ длинное-длинное письмо; всего-же лучше, если бы мнѣ удалось поскорѣе увидѣть васъ въ вашей деревнѣ. О днѣ моего къ вамъ пріѣзда я извѣщу васъ особымъ письмомъ. Это, конечно, можетъ быть только по моему выздоровленіи.

Читать я повемногу могу, само собою въ постели, помѣстивъ книгу передъ глазами. Настроеніе моего духа до того неестественно, что на меня всякая книга наводитъ невыносимую тоску. Еще разъ примите отъ меня мою задушевную благодарность за вашу обо мнѣ память. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

И. Никитинъ.

XII.

4-го іюня.

Отъ всей души благодарю васъ за все ваше участіе. Мнѣ теперь, слава Богу, нѣсколько лучше. Не писалъ я вамъ потому, что позабылъ, гдѣ вы квартируете, хотя вашъ кучеръ и сказалъ мнѣ фамилію хозяина дома. Но голова моя еще очень слаба, я все забылъ. Еще разъ и глубоко благодарю васъ и буду тогда только счастливъ, когда буду имѣть возможность видѣть васъ, быть можетъ, скоро; дай-то Господи! Въ пятницу я напишу къ вамъ.

И. Никитинъ.

ХІІІ.

Іюня 23-го.

Давно я къ вамъ не писалъ. Но, Боже мой! Что мнѣ было писать? Вотъ уже восьмая недѣля, какъ я лежу на одномъ боку, и если выѣзжаю на полчаса, то эта прогулка удается рѣдко: для нея, во-первыхъ, день долженъ быть жаркій, ясный, и совершенно безвѣтренный. Все это трудно согласить и потому я лежу, и лежу убитый, кромѣ болѣзни, невыносимую тоскою. Впрочемъ, теперь мнѣ немного легче, потому что дыханіе становится свободнѣе. Я не стану благодарить васъ за ваше приглашеніе: вы, конечно, понимаете, что я цѣню исполнѣ всю прелесть деревенской жизни съ ея удобствами, всю ея пользу для больного; но приглашеніемъ вашимъ, къ несчастію, я не могу воспользоваться. Для этого мнѣ нужно окрѣпнуть и подтверже встать на ноги. Согласитесь, что я правъ: на это есть много причинъ и въ числѣ главныхъ отсутствіе доктора, совѣты котораго мнѣ покажутся необходимы. Итакъ, мысль о деревенской жизни волею-неволею я принужденъ оставить до болѣе благопріятнаго времени, а когда оно настанетъ, — извѣстно Богу. Но довольно о моей болѣзни; право, тошно... О новостяхъ нашихъ я не могу вамъ ничего сообщать, потому, что если онѣ до меня и доходятъ, то я пропускаю ихъ мимо ушей. Какъ-то не до нихъ, тѣмъ болѣе, что замѣчательнаго не слышно ничего. «Воронежская Бесѣда» напечатана, но еще не получена изъ Петербурга, что очень мнѣ досадно. Мнѣ хочется, чтобы она была поскорѣе въ вашихъ рукахъ для того, чтобы, между прочимъ, вы читали помѣщенные мною въ ней разныя разности и сказали о нихъ свое мнѣніе. Журналы идутъ такъ слабо, что нечѣмъ отвести душу. Между тѣмъ чтеніе въ моемъ положеніи остается единственною отрадою. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

И. Никитинъ.

XIV.

7-го іюля.

Не судите меня строго за беспорядочность моихъ отвѣтовъ. Лежа третій мѣсяцъ въ четырехъ стѣнахъ, безъ надежды на лучшее, не имѣя силъ даже ходить по комнатѣ, потому что захватываетъ дыханіе,—трудно сохранить душевное спокойствіе. Говорить мнѣ тяжело, писать тѣмъ болѣе. Иногда приходятъ минуты такой тоски, что Божій свѣтъ становится не милымъ. Доктора рѣшили, что у меня ревматизмъ, который можетъ протянуться на долгое время. Я покорился, молчу и принимаю лѣкарства,—но, увы! они не помогаютъ. Впрочемъ, я не теряю надежды; со мной бывало и хуже.

Отъ всей души желаю вамъ здоровья и счастья. Писать болѣе, право, нѣтъ мочи, довольно и того, что я сказалъ вамъ, что мнѣ хотя и плохо, но все еще живется. Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ

И. Никитинъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Лѣто 1861 года.—Открытіе мощей Св. Тихона Задонскаго.—Состояніе Никитина.—Свиданіе его съ В. А. Кокоревымъ.—Духовное завѣщаніе.—Отецъ.—Послѣднія именины.—Смерть и погребеніе.—Заключеніе.—Послѣдствіе.

Болѣзнь Никитина приняла роковой характеръ. — Врачъ, въ послѣднее время пользовавшій Никитина, одинъ изъ милѣйшихъ нашихъ знакомыхъ, но плохой эскулапъ, совершенно растерялся! Пришлось пригласить другого, увѣреннаго во всемогущей силѣ своей науки. Выборъ былъ очень удаченъ: увѣренность врача сообщилась больному, который отдался въ полное его распоряженіе, что съ Никитинымъ никогда прежде не бывало. Больной сдѣлался даже восторженнымъ почитателемъ врачебнаго искусства и не разъ заводилъ рѣчь о немъ. «Вѣдь, вотъ чувствую, что безъ лѣкарства не проживу и двухъ недѣль, а выпьешь нѣсколько ложекъ микстуры,—ну, какъ будто и станетъ легче и надеждишка появится!» — не разъ говорилъ Никитинъ въ первое время своей болѣзни, — и «надеждишка», въ самомъ дѣлѣ, его не покидала, тѣмъ болѣе, что болѣзнь не лишала его возможности сидѣть, ходить по комнатѣ, немножко пройтись по улицѣ въ хорошую погоду и даже, по совѣту врача, выѣхать за городъ въ покойномъ экипажѣ. Болѣзнь не отняла у Никитина возможности читать, вести дѣловую переписку, счеты по магазину, но серьезныхъ вещей Никитинъ читать уже не могъ; серьезное чтеніе его или утомляло, или возбуждало, а онъ и безъ того съ каждымъ днемъ болѣе приходилъ въ возбужденное состояніе, близкое къ экстазу. Бросивъ романы, Никитинъ началъ было читать

историческія сочиненія, но и они ему наскучили. Журналовъ онъ не могъ видѣть равнодушно; онъ былъ къ нимъ просто безпощаденъ. «Все ложь и мерзость» — не разъ восклицалъ Никитинъ, просматривая толстыя книги журналовъ и отбрасывая ихъ въ сторону. Но одинъ журналъ привлекъ къ себѣ все его вниманіе: это было «Православное Обзорніе, гдѣ въ то время печатались записки Чеботарева, келейника преосв. Тихона Задонскаго. Какъ извѣстно, въ августѣ 1861 года происходило открытіе мощей этого святителя. Въ тогдашней духовной журналистикѣ стали появляться статьи о жизни и дѣятельности Св. Тихона. Само собою разумѣется, что эти статьи нигдѣ не читались съ такимъ любопытствомъ, какъ въ Воронежѣ и въ Воронежской губерніи, гдѣ память объ этомъ святителѣ, умершемъ въ началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, была еще очень свѣжа, и имя его пользовалось величайшимъ уваженіемъ. Глубоко гуманный, просвѣщенный, литераторъ и витія, святитель Тихонъ былъ образцомъ простоты, кротости и истинно-христіанскаго смиренія, — качествомъ, такъ свойственнымъ нашимъ древнимъ іерархамъ. Въ это время въ Воронежской и отчасти Орловской губерніяхъ (въ Елецкомъ уѣздѣ) находилось еще много не только дворянскихъ и купеческихъ, но и крестьянскихъ семействъ, въ которыхъ сохранились преданія о личномъ знакомствѣ или о перепискѣ съ ихъ прадѣдами преосвященнаго Тихона. Смѣло можно сказать, что Задонскъ, одинъ изъ красивыхъ уѣздныхъ городковъ, обязанъ своимъ существованіемъ Св. Тихону; ему же обязанъ своимъ процвѣтаніемъ и пустынный Толшевскій монастырь, находящійся въ Воронежскомъ уѣздѣ, хотя св. Тихонъ прожилъ въ немъ недолго. Трудно представить себѣ болѣе величіе въ томъ высокомъ уваженіи, которымъ народная память окружила образъ святаго мужа. Какъ художникъ, Никитинъ былъ пораженъ этимъ нравственнымъ величіемъ. Съ особенною восторженностію читалъ онъ въ запискахъ Чеботарева послѣдніе дни жизни Св. Тихона. «Вотъ это я понимаю! Вотъ она гдѣ правда-то!» — не разъ восклицалъ Никитинъ, чуя и свои послѣдніе дни. По поводу предстоящаго открытія мощей, не только Воронежъ, но и вся губернія ожи-

вились и наполнились сотнями тысяч богомольцевъ, шедшихъ и ѣхавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи.—Не говоримъ о Задонскѣ: топографически онъ почти не существовалъ. Восемьдесятъ четыре версты, отдѣляющія этотъ городъ отъ Воронежа превосходѣйшимъ шоссе, представляли сплошную улицу, по которой стремились волны народа. Все это пространство было буквально устлано лавочками и столиками съ сѣсными припасами и иными потребностями, необходимыми для десятковъ тысячъ ежедневно проходящихъ богомольцевъ. Ни съ чѣмъ нельзя было сравнить этой картины, единственной въ своемъ родѣ! Никитинъ не могъ быть свидѣтелемъ этой картины, но событіе открытія мощей совершенно его поглотило, и кажется, значительно поддержало его угасающую жизнь. Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ выслушивалъ рассказы посѣтившихъ Задонскъ и самъ какъ бы напрашивался на подобные рассказы. Послѣ такого настроенія естественнѣе былъ переходъ къ Евангелію. Это была послѣдняя книга, которую Никитинъ читалъ въ своей жизни, читалъ до самой смерти, ни слова и ни съ кѣмъ не говоря о прочитанномъ. Ясно, что великая книга глубоко переживалась и прочувствовалась однимъ изъ «страдающихъ и обремененныхъ», стоящимъ на пути къ вѣчному упокоенію!...

Какъ нарочно, лѣтомъ 1861 года, всѣ пріатели Никитина поразѣхались изъ Воронежа. Я тоже сдѣлалъ двѣ небольшія поѣздки по Воронежской и Орловской губерніямъ. Возвратившись домой въ концѣ іюля, я ничего не нашелъ лучшаго въ положеніи Никитина. Врачъ, пользовавшій его, уже объявилъ намъ, что больной не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Почти каждый день я посѣщалъ больного. Невыносимо были тяжелы эти посѣщенія. За возбужденіемъ слѣдовала у Никитина апатія и тоска. Большею частію онъ молчалъ и лежалъ съ закрытыми глазами; нерѣдко я замѣчалъ, что они были особенно красны. Какъ нарочно, все лѣто старикъ пилъ безъ удержа и не только не понималъ положенія сына, но безобразничалъ на пропалую. Часто онъ пугалъ умирающаго сына, врываясь въ его комнату въ пьяномъ, безобразномъ видѣ, босой и въ одномъ бѣльѣ. Никѣмъ не удерживаемый—ибо А. Н. Тюринъ,

ходившая за больнымъ Иваномъ Саввичемъ, не могла съ нимъ справиться, — онъ давалъ просторъ своей брани и своимъ рукамъ, обыкновенно вооруженнымъ въ подобныя минуты солеными огурцами, которые онъ бросалъ куда ни попало. — «Аннушка, уведи, ради Бога, старика!» — едва говорилъ умирающій сынъ. Но что могла сдѣлать Аннушка съ расходившейся бурей? — «Когда же, наконецъ, умереть Никитинъ?» говорили вовсе не шутя люди, хотя и не близкіе къ Ивану Саввичу, но искренно его уважавшіе, знавшіе, что съ нимъ и вокругъ него творится. Этотъ роковой вопросъ: когда же наступитъ конецъ? — увѣ! пришлось задавать себѣ даже тѣмъ, которымъ былъ такъ дорогъ умирающій.

Но съ августа здоровье Никитина какъ будто стало поправляться. Онъ былъ въ состояніи выходить со двора и даже кататься. Раза два или три мы съ нимъ гуляли вмѣстѣ, вмѣстѣ прискивали новое помѣщеніе для магазина и заходили въ самый магазинъ отдохнуть и посмотрѣть. Съ начала болѣзни завѣдывалъ магазиномъ и жилъ въ немъ молодой человекъ, окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, Н. Н. Чеботаревскій, теперь имъ распоряжались мальчики, Акиндинъ и Миша. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ самомъ концѣ августа, мы удалились съ Иваномъ Саввичемъ въ заднюю комнату, исправлявшую у него должность кабинета. Онъ легъ отдохнуть на диванъ; я сидѣлъ на одномъ изъ двухъ стульевъ. Затворенная дверь, ведущая въ магазинъ, вдругъ и поспѣшно открывается. Входитъ незнакомый мужчина высокаго роста и обращается ко мнѣ съ вопросомъ: — «вы Иванъ Саввичъ!» Я указалъ глазами на диванъ. «Я Кокоревъ», — сказалъ вошедшій. Лежавшій съ полузакрытыми глазами Никитинъ вскакиваетъ съ дивана, выпрямляется во весь ростъ и, взявши за руку г. Кокорева, голосомъ полнымъ прежней силы, хотя часто обрывающимся, начинаетъ ему говорить... мы затрудняемся сказать, что говорить? Не рѣчь же? Не монологъ? Но это было въ самомъ дѣлѣ что-то въ родѣ рѣчи-монолога. Мы затрудняемся припомнить все, что было сказано, и какъ было сказано! В. А. Кокоревъ былъ болѣе, чѣмъ смущенъ этою сценою: въ первый разъ онъ видѣлъ Никитина и въ такомъ

положеніи!... Онъ пробовалъ было остановить потокъ смутившихъ его благодарственныхъ словъ; но тщетно. — «Нѣтъ, стойте... дайте мнѣ все высказать, — говорилъ надрывающійся страстный голосъ: «вы дали мнѣ новую жизнь... вы... вы спасли меня... не подойди такъ скоро смерть, я не остался бы здѣсь, въ этомъ городѣ... здѣсь мнѣ душно!...» Голосъ Никитина порвался отъ истерическихъ рыданій; ему сдѣлалось дурно. Когда оправился Никигинъ, я поспѣшилъ оставить его вдвоемъ съ Кокоревымъ и, послѣ того, дня два или три не навѣщалъ его. Я началъ надѣяться на его выздоровленіе. — Мнѣ казалось, что Никитинъ видимо оживаетъ, начинаетъ интересоваться многимъ и всего болѣе «Воронежской Бесѣдой», уже отпечатанной и присланной уже въ готовыхъ листахъ; свиданіе съ г. Кокоревымъ прошло, я зналъ, благополучно; въ тотъ же вечеръ они еще разъ видѣлись. Но вотъ 1-го сентября я получаю записку, уничтожавшую мои надежды:

«Другъ мой! Приѣзжайте ко мнѣ сегодня въ свободные для васъ часы. Нужно написать духовное завѣщаніе. Теперь ужъ, пожалуйста, безъ возраженій: по окончаніи этого дѣла, мнѣ будетъ легче. Васъ позвольте просить быть моимъ душеприкащикомъ. Не откажитесь! Кому же кромѣ? Кого бы пригласить изъ священниковъ, — право не знаю; не придумаете ли? Приѣзжайте, если можно, съ Чеботаревскимъ, будьте со мною похладнокровнѣе при свѣдѣніи. — иначе я не выдержу. Бумаги гербовой, если нужно, возьмите; деньги найдете въ магазинѣ. Весь вашъ И. Никитинъ»

Предоставляемъ самому читателю рѣшить, чего стоило Никитину совершеніе духовнаго завѣщанія! Чего стоило человеку въ его положеніи прощаться съ жизнью и со всѣмъ, что приобрѣтено такою дорогою цѣною! Никитину страшно не хотѣлось умирать: часто, особенно въ послѣднія шесть недѣль, и украдкою отъ меня, онъ плакалъ какъ ребенокъ. Духовное завѣщаніе было совершено 10-го сентября. Эти десять дней — ужасное время!... Они прошли въ мучительныхъ заготовленіяхъ и толкахъ. Никитинъ совѣтовалъ мнѣ, тотчасъ же послѣ его смерти, распродать книжный магазинъ по частямъ,

пустивъ вещи по номинальной цѣнѣ. Когда же значительная часть будетъ такимъ образомъ распродана, остальные вещи, «хламъ», какъ онъ выражался, сбыть за что ни попало, съ аукціона. Я было заикнулся о моемъ невѣжествѣ въ торговомъ дѣлѣ, о неумѣнн распоряжаться вообще и т. п.

— Да чѣмъ тутъ и распоряжаться-то, возразилъ Никитинъ: вѣдь, много-много, за всѣми уплатами и расходами, останется тысячи три.

Съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ распорядился болной своимъ имуществомъ и даже входилъ въ мельчайшія подробности по поводу похоронъ. Прежде Никитинъ хотѣлъ было предоставить вырученныя отъ продажи магазина деньги въ пользу какого-нибудь учебнаго или благотворительнаго заведенія. Я безъ труда уговорилъ его сдѣлать своими наслѣдниками хотя дальнихъ, но бѣдныхъ родныхъ его съ отцовской и материнской стороны. А отецъ? вопросъ объ отцѣ былъ невыносимо тяжелый и такимъ остается до сихъ поръ... У отца оставался постоянный дворъ и домъ, что по меньшей мѣрѣ приносило 300—400 р. дохода; отцу оставалась вся движимость въ домѣ: мебель, платье, разные вещи и т. п.; но своего книжнаго магазина Никитинъ не хотѣлъ отдать отцу, не хотѣлъ дагъ въ немъ старику ни малѣйшей доли участія!... Послѣ смерти Ивана Саввича старикъ не могъ остаться безъ всякаго призора, не могъ умереть съ голоду: собственность, которою онъ располагалъ, т. е. большая усадьба и дворъ, стоила немного меньше книжнаго магазина; онъ могъ найти себѣ наслѣдниковъ, которые не оставятъ его старости безъ присмотра, что и дѣйствительно потомъ случилось. Чѣмъ болѣе безобразничалъ старикъ, тѣмъ больше терялъ онъ всякую способность къ расчету: онъ не столько тратилъ денегъ на пропой, сколько терялъ ихъ, дарилъ кому зря, просто бросалъ или разрывалъ кредитные билеты: знай молъ, нашихъ! Ивану Саввичу давно приходилось (конечно, послѣ страшныхъ сценъ) не давать старику на руки болѣе трехъ или пяти рублей, самому покупать для него водку; но и это не много помогало: Савва Евтѣичъ находилъ случай брать деньги впередъ у постояльцевъ, занимать у знакомыхъ,

отдавать подъ залогъ вещи и т. п. Словомъ, разсуждая здраво и безпристрастно (а такъ разсуждалъ Никитинъ при составленіи духовнаго завѣщанія), старикъ былъ все равно, что малое дитя, безсильное управлять своею судьбой... Но... отецъ!.. такія отношенія при послѣднемъ смертномъ часѣ!.. общественное мнѣніе!... даютъ же дитяти опекуна-распорядителя, почему же и не дать его этому взбалмошному старому сумасброду?... Почему же не смягчить свирѣпости этого льва, хотя бы малою долей наслѣдства, — пусть и погибнетъ эта доля, если нѣтъ возможности сохранить ее?... Но умирающій сынъ оставался глухъ къ совѣтамъ включить отца въ духовное завѣщаніе! При всемъ тогдашнемъ моемъ вліаніи на Никитина, не смотря на совѣты отца духовнаго *) и другихъ близкихъ ему лицъ, онъ оставался непреклоннымъ, говоря: «Это бесполезно, и деньги пойдутъ прахомъ. Старикъ имѣетъ домъ, возьметъ къ себѣ племянника съ женою и, я убѣжденъ, доживетъ свой вѣкъ спокойнѣе теперешняго. Вы меня знаете, а другіе пусть говорятъ обо мнѣ, что хотятъ». За два дня до совершенія завѣщанія, я пріѣхалъ къ Никитину часовъ въ 7 утра, выѣстъ съ духовникомъ. Мы нашли его сидящимъ въ креслахъ. Онъ готовился къ принатію Св. Тайнъ. Повидавшись съ нами, онъ довольно бодро всталъ и, къ изумленію нашему, поплелся въ другую половину домика, которую занималъ отецъ. Старикъ еще спалъ; за все это лѣто я не болѣе двухъ разъ видѣлъ его трезвымъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы услышали уже знакомыя мнѣ истерическія рыданія и слова: «Батенька! Простите меня!» Никитинъ стоялъ на колѣняхъ передъ безчувственно-спящимъ отцомъ; но въ отвѣтъ на эту предсмертную просьбу, громко раздававшуюся по опустѣлому дому, было слышно одно бормотанье полусоннаго пьянаго человѣка. Оставивъ больного съ священникомъ, я вышелъ въ другую комнату. Черезъ четверть часа я снова услышалъ напугавшія меня рыданія. Я поспѣшилъ въ комнату

*) Профессора семинаріи іеромонаха Арсенія (Иващенко), потомъ архимандрита, ректора Витебской семинаріи и члена Комитета Духовной Цензуры, ученаго автора многихъ церковно-историческихъ статей и книги «Лѣтопись церковныхъ событій въ связи съ гражданскими».

больного, гдѣ уже все было кончено, и нашелъ его тихо плачущимъ. «Теперь ничего... Мнѣ легко! Вѣдь, вы знаете, другъ мой, что я не могу плакать!» — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на меня кротко и спокойно. Въ Никитинѣ было всегда сильно развито религіозное чувство, хотя онъ не разъ жалѣлъ о томъ, что утратилъ его младенческую непосредственность. Последняя, казалось, теперь снова его посѣтила...

При составленіи духовнаго завѣщанія, Никитинъ предполагалъ выручку отъ проданнаго имущества, за всѣми расходами и уплатою долговъ, въ 2,100 р. сер. Приблизительное опредѣленіе долей наслѣдства было необходимо для его наслѣдниковъ, людей безграмотныхъ; имъ приблизительно было опредѣлено, — на какую сумму каждый изъ нихъ можетъ разсчитывать. Всѣхъ наслѣдниковъ было тринадцать человекъ; они должны были получить 7-ю, 14-ю, 16-ю, 20-ю и 40-ю доли изъ вырученной отъ продажи магазина суммы. Наслѣдники Никитина, какъ мы сказали, были дальними его родственниками отъ двоюродныхъ сестеръ Тюриныхъ до дочери «Портнаго», воспитанаго имъ въ одномъ изъ задушевнѣйшихъ стихотвореній. Къ нимъ вполне относится слѣдующая строфа изъ этой же піесы:

Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забытая, —
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь и за полночь,
Гибнетъ она, — и никто не идетъ на помощь,
Гибнетъ она — и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...

Тринадцать семействъ такихъ бѣдняковъ нашли себѣ теплое сердце и значительно улучшили свое положеніе... *)

Духовное завѣщаніе было передано въ запечатанномъ конвертѣ Аннѣ Николаевнѣ Тюриной. Содержаніе его старику оставалось неизвѣстнымъ.

26-го сентября былъ день именинъ Никитина. Со дня совершенія духовнаго завѣщанія я навѣщалъ его ежедневно.

*) Книжный магазинъ Никитина былъ проданъ мною за семь тысячъ восемьсотъ руб. сереб. За разными расходами, на долю наслѣдниковъ пришлось 7664 руб. 84 коп. сереб., т. е. больше чѣмъ втрое, какъ предполагалось и на что они разсчитывали.

Онъ угасалъ съ каждымъ днемъ. Меня онъ какъ будто сталъ бояться. „Чудакъ этотъ М. Ѳ., говорилъ умирающій сестрѣ, — онъ думаетъ, что я умру! А я чувствую что встану: мнѣ теперь стало легче. Ты только не говори ему этого, Аннушка, а то разсердится». Больнаго мучала мысль, что онъ не можетъ писать къ Второву, возвратившемуся уже изъ-за границы, не можетъ съ нимъ проститься. Мнѣ поручилъ Никитинъ исполнить эту печальную обязанность. «Смотрите же, приѣзжайте вечеромъ на именины чай пить, — знаете какъ всегда, да непременно съ сестрою», еще задолго до 26-го числа говорилъ мнѣ Иванъ Саввичъ. Вечеромъ въ тотъ день я явился одинъ. Я сѣлъ за тѣмъ же круглымъ столомъ «на жалкихъ ножкахъ», вокругъ котораго обыкновенно возсѣдали гости, собиравшіеся на вечеринки Никитина. Передъ тѣмъ же диваномъ «съ подушкою худою» стоялъ этотъ столъ; но на диванѣ не гости сидѣли, а лежалъ умирающій хозяинъ-именинникъ. Смерть уже положила на немъ печать свою. Его глаза были большею частію закрыты; пылающія уста горѣли чахоточнымъ пламенемъ. Я сѣлъ и осмотрѣлся кругомъ. Боже! какая перемѣна!... Могилой повѣяло на меня отъ этой картины смерти, отъ пустоты и молчанія, царствующихъ во всемъ домѣ. Вошелъ Савва Евтѣичъ, трезвый и прибранный по случаю именинъ сына, и сѣлъ. Безчувственно пожавъ мнѣ руку, Никитинъ снова погрузился въ забытье: для успокоенья, докторъ давалъ ему сильные приемы морфія. Кое-какъ глотая чай, по-праздничному, впрочемъ, подававшійся, шепотомъ разговаривали мы со старикомъ. Старикъ очнулся совершенно и, кажется, понималъ безнадежное положеніе сына. Тихо и кротко началъ онъ мнѣ жаловаться на больнаго, говоря, что онъ тревожится, сердится понапрасну, совсѣмъ не бережетъ и убиваетъ себя. — «Вотъ хоть бы вы ему посоветовали успокоиться; насъ онъ совсѣмъ не слушаетъ», закончилъ свою жалобу Савва Евтѣичъ. Жалобы на крайнюю раздражительность умирающаго я слышалъ не разъ отъ Анны Николаевны. При самомъ началѣ этого разговора Никитинъ очнулся и замѣтно сталъ прислушиваться къ словамъ отца. Не разъ онъ вскидывалъ глазами, и что-то похожее на улыбку

я замѣтилъ на его лицѣ. При послѣднихъ словахъ старика, онъ совсѣмъ открылъ глаза и какъ-то тревожно смотрѣлъ на насъ обоихъ. Я чувствовалъ потребность сказать хоть что нибудь—и сказалъ фразу о необходимости спокойствія для больного. Никитинъ быстро приподнялся съ дивана и сталъ на ноги, шатаясь и едва держась руками за столъ. Онъ былъ страшенъ, какъ поднявшійся изъ гроба мертвецъ.

— «Спокойствіе!... — воскликнулъ умирающій. — Теперь поздно говорить о спокойствіи!... Я себя убиваю!... Нѣтъ,— вотъ мой убійца!...» Горящіе глаза его обратились къ ошеломленному и уничтоженному отцу. Умирающій опустился на диванъ, застоналъ и обратился къ стѣнѣ, погрузившись снова въ забытіе. Этою сценою окончилось послѣднее празднованіе именинъ Никитина. Старикъ снова запылъ...

Смерть прекратила страданія Никитина 16-го октября, въ половинѣ пятаго часа по-полудни. Съ самаго ранняго утра, неотрезвившійся старикъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго сына. Онъ стоялъ у его смертнаго одра и зывалъ сильнымъ голосомъ: «Кому отказываешь магазинъ? Гдѣ ключи? Поддай сюда духовную!» Эти слова, не произносимыя, а выкликаемыя, повторялись на всѣ лады: «Иванъ Саввичъ! поддай ключи... Иванъ Саввичъ! гдѣ деньги» и т. д. Произносились и слова, угрожающія проклятіемъ!... Умирающій судорожно вздрагивалъ и умолялъ глазами сестру отвести старика въ другую комнату. Я былъ свидѣтелемъ этой сцены въ три часа по-полудни. Кое-какъ я уговорилъ старика, сказавъ, что духовная у меня, что содержаніе ея онъ скоро узнаетъ, что деньги всѣ цѣлы. Я не имѣлъ духу присутствовать при послѣднихъ минутахъ умирающаго страдальца. Я былъ уничтоженъ картиною такой смерти. «Баба, баба!» еще былъ въ силахъ сказать мнѣ Никитинъ. Это были послѣднія его слова. Все было уже кончено, когда черезъ часъ я возвратился съ сестрою въ этотъ домъ смерти и ужасовъ.

По окончаніи первой панихиды, въ присутствіи духовенства и множества лицъ, собравшихся въ домѣ, было вскрыто духовное завѣщаніе. Старикъ взвылъ, когда узналъ, что онъ обойденъ наслѣдствомъ. Но слово проклятія не сорвалось съ

устъ его... Ночь на 17-е октября... Но не дай Богъ переживать никому такой ночи! На столѣ лежалъ мертвецъ. Въ пустынномъ домѣ поднялась суета отъ неизбежнаго прихода близкихъ и постороннихъ лицъ и отъ неизбежныхъ въ подобныхъ случаяхъ хлопотъ; но среди всего этого раздавались дикіе вопли, прерывавшіе печальное, монотонное чтеніе псалтыри. Для ободренія себя старикъ прибѣгалъ къ извѣстному средству, ругался и врывался въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ сына. Я вынужденъ былъ напомнить ему о своихъ правахъ душеприкащика. Куда тебѣ! Онъ просто лѣзъ ко мнѣ съ угрозами и ругательствами. Я принужденъ былъ наконецъ пострадать его закономъ, призваніемъ полиціи... И все это происходило передъ неостывшимъ еще трупомъ!... Спѣшимъ прибавить, что смерть сына не прошла даромъ Саввѣ Евтѣичу: могучій старикъ крѣпко осунулся и одряхлѣлъ лѣтъ на десять. На другой день и при погребеніи онъ былъ трезвъ и кротокъ и тихо плакалъ. Я заходилъ къ нему и потомъ. Онъ почти ослѣпъ и безъ провожатаго уже не могъ ходить. Охотно и незлобно говорилъ онъ о сынѣ, интересовался поставленнымъ на его могилѣ памятникомъ и каждый разъ заводилъ рѣчь о духовномъ завѣщаніи, объясняя умолчаніе въ немъ своего имени наговоромъ злыхъ людей; ибо-де «Иванъ Саввичъ не таковскій былъ человекъ, чтобы забыть отца; а что они между собою иногда ссорились, такъ мало-ли чего не бываетъ,—вѣдь, и горшокъ съ горшкомъ сталкивается!» Старикъ пережилъ сына только тремя годами. Послѣдніе дни жизни его прошли очень спокойно, но извѣстная болѣзнь не покидала его до гробовой доски.

Похороны Никитина, сверхъ чаянія и требованія покойнаго, вышли торжественныя. Явилось все духовенство Смоленскаго кафедральнаго собора; явились толпы учащейся молодежи, гимназисты и семинаристы; кадетскій корпусъ прислалъ выпускной классъ; собралось много самой разнообразной публики. Гробъ до собора и потомъ до могилы несли на рукахъ. На голову мертвеца возложили лавровый вѣнокъ. Въ соборъ прибылъ новый начальникъ губерніи, М. И. Чертковъ, и многія изъ почетнѣйшихъ лицъ го-

рода. Новая могила была приготовлена какъ-разъ подлѣ старой, вырытой назадъ тому девятнадцать лѣтъ и тоже знаменательной въ исторіи нашей литературы, — подлѣ могилы Ботьцова, на такъ называемомъ Новомъ, или Митрофановскомъ, кладбищѣ. День погребенія былъ ясный и теплый. Броткій лучъ осенняго солнца, проходя чрезъ церковные своды, смягчалъ строгое и печальное лицо Никитина. Когда я всматривался въ это лицо, чтобы не забыть его во вѣкъ, дорогой образъ живымъ и говорящимъ возсталъ передо мною изъ гроба, и смежившіяся уста, казалось, говорили мнѣ:

...Ты останешься живъ,
Ты обо мнѣ и о моихъ поступкахъ
Разскажешь тѣмъ, кто знать ихъ пожелаетъ.

(Гамлетъ. Перев. Кронеберга. Ст. 231).

И разсказать я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ...

Еще нѣсколько словъ. Мы старались избѣгать идеализаціи при изображеніи жизни Никитина. Мы ослабляли тѣни; но только не въ очертаніи его характера. Мы не подводимъ итоговъ, не дѣлаемъ выводовъ изъ сказаннаго, предоставляя это сдѣлать самому читателю. Просимъ его еще разъ не забыть объ одномъ. Никитинъ возрасталъ и развивался въ эпоху мрака, въ невыносимой духотѣ бѣднаго и темнаго быта. Но въ душѣ своей онъ носилъ другой идеалъ, къ которому стремился съ мужествомъ героическимъ. Передъ концомъ своей жизни онъ расцвѣлъ на мгновенье, когда почувалъ вѣяніе яснаго, свѣжаго воздуха, приближеніе поры, къ которой онъ такъ обращался:

Прійдетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта,—
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ,
И принесутъ сторичный плодъ,—
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,—
Когда увидимъ человѣка—
Добра божественный сосудъ?

Эта проказа вѣка не обошла Никитина, какъ и всѣхъ его современниковъ, развивавшихся при одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ.

Мы не дѣлаемъ оцѣнки литературнымъ произведеніямъ Никитина. Лучшая поэма, имъ созданная—его жизнь; лучший типъ—онъ самъ.

Много лѣтъ прошло, какъ была составлена нами біографія Никитина; и почти четверть вѣка, какъ его не стало. Да позволено намъ будетъ присовокупить къ сказанному, въ видѣ послѣсловія, слѣдующія строки.

Послѣ смерти Никитина я прожилъ въ Воронежѣ четыре года. Ни прежде, ни послѣ я не былъ такъ доволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ и тѣмъ рокомъ частныхъ занятій, который въ это время выпадалъ на мою долю (напр., редація Губернскихъ Вѣдомостей, устройство въ городѣ публичной бібліотеки и т. п.); но и за всѣмъ этимъ, Никитинъ не позабывался: смерть его произвела въ душѣ моей тяжелую рану, которую плохо залѣчивало время. Въ моей умственной, духовной жизни я почувствовалъ какую-то пустоту, чего-то недоставало: казалось, у меня сразу убило сады: казалось, вдругъ оборвалась моя молодость. Меня начало тянуть изъ Воронежа, гдѣ прошли мои гимназическіе годы, гдѣ я прожилъ осмнадцать лѣтъ,—лучшую пору молодости. Я выѣхалъ изъ Воронежа въ 1865 году и уже болѣе въ него не возвращался. Но за двадцать послѣднихъ лѣтъ и до сего часа, гдѣ я ни жилъ, всегда и вездѣ полоса прошлаго, воронежскаго времени, обнимающая собою 1857—1861 годы, рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ въ самомъ свѣтломъ, лучезарномъ видѣ, и на ней ярко выступаетъ образъ Никитина во всей полнотѣ его обаянія. Въ чемъ же заключалось оно, это обаяніе? — Въ томъ именно, что близкое общеніе съ Никитинымъ поднимало вашу духъ и возбуждало вашу энергію; этотъ человѣкъ былъ олицетвореніе труда, живое воплощеніе идеи, замысла; вблизи его нельзя было ни задремать, ни опустить рукъ. Никитинъ былъ рожденъ если не повелѣвать, то руководить другими,—идти если не впереди всѣхъ, то рядомъ съ лучшими, избранными. Это была натура преимущественно

мужская, а не женственная, не пассивная. Таковъ онъ былъ и въ дружбѣ, — крѣпкій, независимый и лично свободный! Духовный ростъ Никитина совершался на глазахъ друзей его; послѣдніе, какъ умѣли и могли, конечно, помогали этому росту, но больше непосредственно, чѣмъ посредственно. Говорить о какомъ-то подчиненіи Никитина друзьямъ, о какомъ-то воспитаніи его послѣдними, могутъ только люди, не знавшіе лично Никитина, не имѣвшіе, стало быть, и понятія о той гармоніи всѣхъ душевныхъ способностей — ума, воли, чувства, фантазіи, — которая поражала въ немъ наблюдателя и какою не обладалъ ни одинъ изъ друзей его. Придайте подобному человѣку печать даровитости, — и вы получите личность, полную обаянія, привлекающую къ себѣ и увлекающуюся, но совершенно неспособную къ какой-либо страдательной роли. Такихъ цѣльныхъ и крѣпкихъ натуръ, какъ Никитинъ, мало вырабатываетъ наша русская жизнь; такіе люди не забываются.

Тамбовъ.

Май — Іюнь 1885 года.

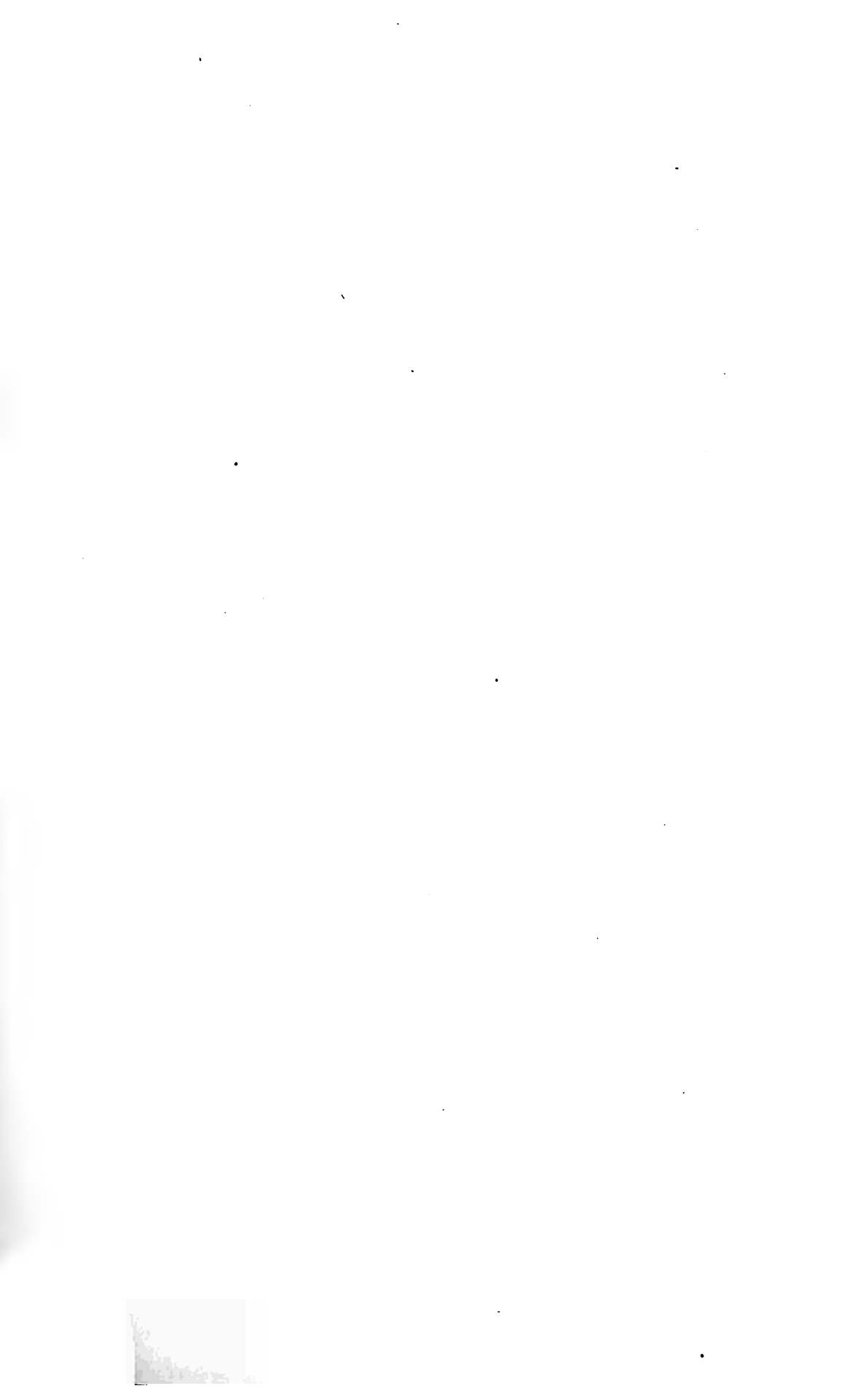

СТИХОТВОРЕНІЯ

1849—1857.

Соч. И. С. Никитина. Т. I.

1849 г.

I.

Вихо ночь ложится
На вершины горъ,
И луна глядится
Въ зеркала озеръ.

Надъ глухою степью,
Въ неизвѣстный путь,
Безконечной цѣпью
Облака плывутъ;

Надъ рѣкой широкой,
Сумракомъ покрытъ,
Въ тишинѣ глубокой
Лѣсъ густой стоитъ;

Свѣтлые заливы
Въ камышахъ блестятъ,
Неподвижны нивы
На поляхъ стоятъ;

Небо голубое
Весело глядитъ,
И село большое
Беззаботно спитъ;

Лишь во мракѣ ночи
Горе и развратъ
Не смыкають очи,
Въ тишинѣ не спать.

II.

Весна на степи.

Степь широкая,
Степь безлюдная,
Отчего ты такъ
Смотришь пасмурно?

Гдѣ краса твоя,
Зелень яркая,
На цвѣтахъ роса
Изумрудная?

Гдѣ тѣ дни, когда
Съ утра до ночи
Ты залетныхъ птицъ
Пѣсни слушала,

Дорогимъ ковромъ
Разстилалася,
По зарямъ, сквозь сонъ,
Волновалася?

Когда, въ часъ ночной,
Тайны чудныя
Вѣтерокъ тебѣ
Шепталъ ласково,

Освѣжалъ твою
Грудь открытую,
Какъ дитя, тебя
Убаюкивалъ?...

А теперь лежишь
Мертвецомъ нагимъ;
Тишина вокругъ,
Какъ на кладбищѣ...

Пробудись, — пришла
Пора прежняя;
Уберись въ цвѣты,
Въ бархатъ зелени;

Изукрась себя
Росы жемчугомъ;
Созови гостей
Весну праздновать.

Посмотри кругомъ:
Небо ясное
Голубымъ шатромъ
Пораскинулось,

Золотой вѣнецъ
Солнца краснаго
Весь въ огняхъ горитъ
Надъ дубравою.

Новой жизнию
Вѣтъ теплый день,
Вѣтерокъ на грудь
Къ тебѣ просится.

III.

П о л е.

Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилось темносинею гранью,
И въ небѣ прозрачномъ щитомъ золотымъ
Блестящее солнце сіяетъ надъ нимъ;
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ
И бѣлымъ туманомъ холмы одѣваетъ,
О чемъ-то украдкой съ травой говоритъ
И смѣло во ржи золотистой шумитъ.
Одинъ я... и сердцу, и думамъ свобода...
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ — природа.
И кажется жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,
Когда къ своей мощной широкой груди
Она, какъ младенца, меня допускаетъ
И часть своей силы мнѣ въ душу вливаетъ.

IV.

Монастырь.

Крестомъ высокимъ оѣнненный,
Вдали отъ селъ и городовъ
Одинъ стоишь ты, окруженный
Густыми кучами деревъ.

Вокругъ глубокое молчанье,
И только съ шелестомъ листовъ
Однообразное журчанье
Живыхъ сливается ручьевъ,

И вѣтерокъ прохладный вѣтъ,
И тѣнь бросаютъ дерева,
И живописно зеленѣтъ
Полянъ высокая трава.

О, какъ сыны твои счастливы!
Въ твоёмъ безмолвіи святомъ
Они страстей своихъ порывы
Смирили бдѣньемъ и постомъ.

Ихъ сердце отжило для міра,
Умъ съ суетою незнакомъ,
Какъ-будто свѣтлый ангелъ мира
Ихъ осѣнилъ своимъ крестомъ.

И внемлетъ вѣчное Богъ-Слово,
Ихъ тяжкій трудъ благословивъ,
Святыхъ молитвъ живое слово
И гимновъ сладостный призывъ.

V.

Л ѣ с ѣ.

Шуми, шуми, зеленый лѣсъ!
Знакомъ мнѣ шумъ твой величавый,
И твой покой, и блескъ небесъ
Надъ головой твоей кудрявой.
Я съ дѣтства понимать привыкъ
Твое молчаніе нѣмое
И твой таинственный языкъ,
Какъ что-то близкое, родное.

Какъ я любилъ, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорилъ съ сильною грозой
Въ минуты страшной непогоды,
Когда большихъ твоихъ дубовъ
Вершины темныя качались,
И сотни разныхъ голосовъ
Въ твоей глуши перекликались...

Или когда свѣтило дня
На дальнемъ западѣ сіяло
И яркимъ пурпуромъ огня
Твою одежду освѣщало!
Межъ-тѣмъ, въ глуши твоихъ деревъ
Была ужъ ночь, а надъ тобою
Цѣпь разноцвѣтныхъ облаковъ
Тянулась пестрою грядою.

И вотъ я снова прихожу
Къ тебѣ съ тоской моей бесплодной.
Опять на сумракъ твой гляжу
И голосъ слушаю свободный.
И, можетъ быть въ твоей глуши,
Какъ узникъ, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной.

VI.

Н*. Д*.

Не отравляй минутъ успокоенья
Болѣзненнымъ предчувствіемъ утратъ:

Таинственно Небесъ опредѣленье,
Но ихъ законъ ненарушимо святъ.

И еслибы отъ самой колыбели
Страданіе досталось тебѣ, —
Какъ человѣкъ, своей высокой цѣли
Не забывай въ мучительной борьбѣ.

VII.

Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:
Есть мысль и жизнь въ безмолвіи nocturno,
И въ блескѣ дня, и въ тишинѣ могилы,
Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
Въ торжественномъ покоѣ океана,
И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
И въ ужасѣ степнаго урагана,
Въ дыханіи прохладномъ вѣтерка,
И въ шелестѣ листовъ передъ зарею,
И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка,
И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою.

VIII.

Грусть старика.

Жизнь къ развязкѣ печально идетъ,
Сердце счастья и радостей просить,
А годовъ невозвратный полетъ
И послѣднюю радость уносить.
Охлажда горячая кровь,
Беззаботная удалъ пропала,

И не прежній разгуль, не любовь, —
И въ душу горькая дума запала...
Все погубло подъ холодомъ лѣтъ,
Чтò когда-то отрадою было,
И надежды на счастье нѣтъ,
И въ природѣ все стало уныло:
Лѣсъ, нахмурясь, какъ слабый старикъ,
Погруженный въ тяжелую думу,
Головою кудрявой поникъ,
Будто тужить о чемъ-то угрюмо:
Вѣтеръ съ тучею, съ синей волной
Рѣчь сердитую часто заводитъ;
Блѣдный мѣсяцъ надъ сонной рѣкой,
Одинокій, задумчиво бродить...
Въ годы прежніе міръ былъ иной:
Какъ невѣста, земля убиралась,
Чтò камышъ, хлѣбъ стоялъ золотой,
Степь зеленымъ ковромъ разстилалась;
Лѣсъ привѣтно подъ тѣнь свою звалъ,
Вѣтеръ весело пѣлъ въ чистомъ полѣ,
По ночамъ ярко мѣсяцъ сіялъ,
Рѣки шумно катилися въ море,
И, какъ пиръ, жизнь привольная шла,
Душа воли, простора просила,
Подъ грозою отвага была,
И не знала усталости сила.
А теперь, тяжелой грустью убить,
Какъ живая развалина ходишь,
И душа по-неволѣ скорбитъ,
И слезу по-неволѣ уронишь,
И подумаешь молча порой:
Нѣтъ, старикъ, не бывалые годы!
Межъ людьми ты теперь ужъ чужой,
Лишній гость межъ гостями природы.

IX.

Мраморъ.

Недвижимый мраморъ, въ пустынь глухой,
Лежалъ одиноко, обросшій травой;
Дожди въ непогоду его обмывали,
Да вольныя птицы на немъ отдыхали.
Но кто-то художнику молвилъ о немъ,
Взглянулъ онъ на мраморъ—и яркимъ огнемъ
Блеснули его вдохновенныя очи,
И взялъ онъ его, и безсонныя ночи
Надъ нимъ проводилъ онъ въ своей мастерской,
И камень подъ творческой ожилъ рукой.
Съ тѣхъ поръ, въ изумленьи, съ восторгомъ нѣ-
мымъ,
Толпа преклоняетъ колѣни предъ нимъ.

X *).

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
Увы! не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина!
Весь день душа болѣла тайно
И за себя, и за другихъ...
Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
Отъ жизни грязной и печальной
Покой пора бы ей узнать...
Да гдѣ онъ! Гдѣ его искать?

*) См. „Примѣчанія“ стр. 3, № 1.

Едва на землю утро взглянетъ,
Едва пройдетъ ночная тѣнь, —
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанетъ, —
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять наплачешься въ тиши,
Измученный и оскорбленный.

XI *).

Тишина ночи.

Въ глубинѣ бездонной,
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ миллионы
Вѣковыхъ свѣтилъ.

Тускло освѣщенный
Блѣдною луной,
Городъ утомленный
Смолкъ во тьмѣ ночной.

Спитъ онъ, очарованъ
Чудной тишиной,
Будто заколдованъ
Властью неземной.

Лишь объять дремотой,
Закричитъ порой
Сторожъ беззаботный
Въ улицѣ пустой.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 3, № 2-й.

Кажется, міръ сонный,
Полный сладкихъ грезъ,
Отдохнуль спокойно
Отъ заботъ и слезъ.

Но взгляни: вотъ домикъ
Освѣщенъ огнемъ;
На столѣ покойникъ
Ждетъ могилы въ немъ.

Онъ, бѣднякъ голодный,
Утѣшенья чуждъ,
Кончилъ вѣкъ бесплодный
Тайной жертвой нуждъ.

Дочери не спится,
Въ уголкѣ сидитъ ..
И въ глазахъ мутится,
И въ ушахъ звенитъ.

Ночь минетъ,—быть можетъ,
Христа ради, ей
Кто-нибудь поможетъ
Изъ чужихъ людей.

Можетъ быть, какъ нищей,
Ей на гробъ дадутъ,
Въ гробъ на кладбище
Старика снесутъ...

И никто не знаетъ,
Что въ нѣмой тоскѣ
Сирота рыдаетъ
Въ тѣсномъ уголкѣ;

Что въ нуждѣ до срока,
Можетъ быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

Миръ заснулъ... и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

XII.

Молвы язвительной и дерзкой
Внимая ложный приговоръ,
Стыжусь отвѣтить бранью рѣзкой
На необдуманный укоръ.

Гоненя зритель равнодушный,
Я испыталъ уже давно,
Что злобѣ черни малодушной
Отвѣтъ — презрѣніе одно.

Пускай позоръ несправедливый
Она готовитъ мнѣ въ тиши, —
Грозу я встрѣчу терпѣливо
И сохраню покой души.

Моей невинности сознанье
И незапятнанная честь
Незаслуженное страданье
Дадутъ мнѣ силы перенести.

Я правъ, — и этого довольно,
И, что бы ни было со мной,

Я не унижусь добровольно
Передъ язвительной толпой.

Я не подамъ руки свободной
Ожесточенному врагу;
Скорѣй погибну благородно,
Но твердость воли сберегу.

ХІІІ *).

П о х о р о н ы.

Парчой покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ огонь и дымъ,
Святыхъ молитвъ напѣвъ печальный, —
Вотъ все, чѣмъ жизнь заключена!
И эта жизнь покрыта тайной:
Завѣса смертью спущена...
Теперь, скажи мнѣ, сынъ свободы,
Зачѣмъ страдалъ, зачѣмъ ты жилъ?
Отведена царю природы
Сажень земли между могилъ.
Молчать въ тебѣ любовь и злоба,
Надежды гордыя молчать...
Зачѣмъ ты жилъ, усопшій братъ?
Стучить земля по крышкѣ гроба,
И, чуждый горя и заботъ,
Глядитъ безсмысленно народъ.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 4, № 3-й.

XIV.

П е р е м ѣ н а.

Была пора невинности счастливой,
Когда свой умъ тревожный и пытливый
Я примирялъ съ дѣйствительностью злой
Святыхъ молитвъ горячею слезой;
Когда, дитя безпечное свободы,
Въ знакомыхъ мнѣ явленіяхъ природы
Величіе и мысль я находилъ,
И жизнь мою, какъ даръ небесъ, любилъ.
Теперь не то: сомнѣніемъ томимый,
Я потерялъ свой миръ невозмутимый, —
Единую отраду бытія,
И жизнь моя не радуется меня...
Бываютъ дни, — измученный борьбою,
Въ тиши ночной, съ горячею мольбою
Склоняюсь я къ подножію креста;
Слова молитвъ твердятъ мои уста,
Но сердце тѣмъ словамъ не отвѣчаетъ,
И мысль моя, Богъ знаетъ, гдѣ блуждаетъ,
И сладкихъ слезъ давно минувшихъ лѣтъ
Ни на лицѣ, ни на глазахъ ужъ нѣтъ.

Такъ, холодомъ темницы окруженный,
Скорбитъ, порой, преступникъ осужденный
И къ прежнимъ днямъ уносится мечтой;
Но бѣдняку лишь новое страданье
Приноситъ лѣтъ былыхъ воспоминанье.

1850 г.

XV.

Ночь на берегу моря.

Въ зеркало влаги холодной
Мѣсяцъ спокойно глядитъ
И надъ землею безмолвной
Тихо плыветъ и горитъ.

Легкою дымкой тумана
Ясный одѣтъ небосклонъ;
Свѣтлая грудь океана
Дышетъ какъ-будто сквозь сонъ.

Медленно, ровно качаясь,
Въ гавани спятъ корабли;
Берегъ, въ водѣ отражаясь,
Смутно мелькаетъ вдали.

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

XVI.

Д у б ъ.

Отъ темнаго лѣса далеко,
На почвѣ бесплодно-сухой,
Дубъ старый стоитъ одиноко,
Какъ сторожъ пустыни глухой.

Стоитъ онъ и смотреть угрюмо
Туда, гдѣ подъ сводомъ небесъ
Глубокую думаетъ думу
Знакомый давно ему лѣсъ;

Гдѣ братья его съ облаками
Ведутъ разговоръ по ночамъ,
И дивы приходятъ толпами
Кружиться по свѣжимъ цвѣтамъ;

Гдѣ вѣтеръ прохлагою вѣетъ
И чудныя пѣсни поетъ,
И листь молодой зеленѣетъ,
И птица на вѣткахъ живетъ...

А онъ, на равнинѣ песчаной,
И пылью, и мохомъ покрытъ,
Какъ будто изгнанникъ печальный
О родинѣ милой груститъ;

Не знаетъ онъ свѣжей прохлады,
Не видитъ небесной росы.
И только—послѣдней отрады,
Губительной жаждетъ грозы.

XVII *).

Тайное горе.

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждаго боится
И въ глубинѣ души одно,
Неизлѣчимое таится.
Улыбку холодомъ мертвитъ.
Оно не ищетъ и не проситъ,
И, если горе переноситъ,—
Молчанье гордое хранитъ.
Не всякому нужна пощада,
Не всякъ наслѣдовать готовъ
Удѣлъ иль нищихъ, иль рабовъ,
Участье—жалкая отрада.
Къ чему колѣни преклонять?
Свободнымъ легче умирать.

XVIII.

Вечеръ.

Когда потухшій день смѣняетъ вечеръ сонный,
Я оставляю мой пріютъ уединенный,
И, голову усталую склонивъ,
Задумчиво иду подъ тѣнь плакучихъ ивъ.
Сажусь на берегу и, грустной думы полный,
Недвижимый, гляжу на голубыя волны,
И слушаю ихъ шумъ и жалобный призывъ,
И съ жизнію моею я сравниваю ихъ...
Вдали передо мной душистый лугъ пестрѣетъ,

*) См. „Примѣчанія“, стр. 4, № 4-й

Колышется трава и желтый колось зрѣеть,
И, тучныхъ пажитей обильные плоды,
Стоять соломою накрытые скирды;
За гибкимъ тростникомъ глубокіе заливы
Какъ зеркало блестять; на золотыя нивы
Спускается туманъ прозрачною волной,
И зарево зари сіяетъ надъ рѣкой.
И, кажется мнѣ, все какой-то дышетъ тайной,
И забываю я тогда свой день печальный,
Съ оставленнымъ трудомъ безъ жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и въ тишинѣ молюсь.

XIX.

К л ю ч ъ.

Въ глубокомъ ущельи, межъ каменныхъ плитъ,
Серебряный ключъ одиноко звучитъ;
Звучить онъ и точить жемчужныя слезы
На черные корни засохшей березы,
И катятся съ камня тѣ слезы ручьемъ,
Безплодно теряясь въ ущельи глухомъ.
Давно ужъ минули счастливые годы,
Когда онъ, любимецъ цвѣтушей природы,
Алмазныя брызги кругомъ разсыпалъ,
Когда его путникъ отрадою звалъ,
Когда деревья близъ него выросли,
И листья зеленые тихо шептали,
И самъ онъ, при свѣтѣ блестящей луны,
Разсказывалъ чудныя были и сны.
Теперь, одинокій, заросъ онъ травою,
Сталъ скуденъ и мутенъ, и знойной порою
Къ нему не приходитъ пробитой тропой

XX.

Н о ч ъ.

i

Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ
рѣзвыя дѣти
Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ
водяной
Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ
синей волной;
Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ
караваномъ,
Надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ
туманомъ,
И, къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь
чуткій прерывистый сонъ,
Тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной му-
зыкѣ волнъ.

XXI.

Оставь печальный твой рассказъ,
Насмѣшки желчію облитый,
И сердца гнѣвъ полуоткрытый,
И блескъ заимствованныхъ фразъ.

Уже-ль намъ новы эти слезы,
И повѣсть грустная утратъ,
Ума обманутыя грезы,
И заблужденій длинный рядъ?

Уже-ль мы сами не читали
Любви и ревности страницъ,
Или на мраморѣ гробницъ
О милыхъ сердцу не рыдали?..

Скажи, зачѣмъ ты раскрывалъ
Свои намъ раны и страданья
И отъ толпы рукоплесканья,
Какъ нищій милостыни, ждалъ?

Свой плачь и свой вѣнецъ терновый
Зачѣмъ для всенародныхъ глазъ
Ты выставляешь на-показъ,
Какъ женщина свои обнови?..

Къ чему весь этотъ жалкій бредъ,
Болѣзненный и непонятный,
О заблужденьяхъ прежнихъ лѣтъ,
О молодости невозвратной?

Кого изъ насъ теперь займетъ
Твое затверженное слово?
Скажи: какою мыслью новой
Оно намъ сердце потрясетъ?..

Нѣтъ! есть другой предметъ для слезъ:
Не личныя твои страданья, —
Не плодъ твоихъ ничтожныхъ грезъ
И тягостнаго испытанья; —

Но нашей жизни нищета
Съ однообразной пестротою
И, скрытая подъ мишурою,
Пороковъ нашихъ нагота.

Да, плачь о томъ, что увядаетъ
Нашъ умъ въ бездѣйствіи пустомъ,
Что правда свѣтлая страдаетъ,
Развратъ увѣнчанъ торжествомъ;

Что мы постыдно позабыли
Прекрасный міръ живыхъ идей
И что позоромъ заклеили
Себя, какъ гражданъ и людей;

Что нѣтъ въ насъ силъ для возрожденья,
Что мы безчувственно влачимъ
Оковы зла и униженья
И разорвать ихъ не хотимъ...

Объ этомъ плачь! И, можетъ статья,
Заставишь ты кого-нибудь
Въ своемъ безсиліи сознаться
И строго на себя взглянуть.

XXII.

Когда закатъ прощальными лучами
Спокойныхъ водъ озолотитъ стекло,
И ляжетъ тѣнь ночная надъ полями,
И замолчитъ веселое село,
И на цвѣтахъ, и на травѣ душистой
Блеснетъ роса, посланница небесъ,
И тканію тумана серебристой
Одѣнется темнокудрявый лѣсъ;—
Съ какою-то отрадой непонятной
На Божій міръ я въ этотъ часъ гляжу
И въ тишинѣ природы необъятной
Покой уму и сердцу нахожу;
И чужды мнѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души:
Мнѣ кажется, со мной въ уединеньи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

XXIII.

Тогда, одинъ, въ минуты размышленья,
 Съ природой я бесѣдную въ тиши,
 Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
 И кроткій миръ для сердца и души;
 И грусть свою тогда я забываю,
 Съ своей нуждой безропотно мирюсь,
 И небесамъ невидимо молюсь,
 И пѣснь пою, и слезы проливаю...
 И сладко мнѣ! и жаль мнѣ отдавать
 На судъ людской восторги вдохновеній
 И отъ толпы, какъ платы, ожидать
 Пустыхъ похвалъ, иль горькихъ обвиненій.
 Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ
 Я нахожу въ моей пустынѣ счастье;
 Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ,
 Стыжусь просить холоднаго участя.
 Печаль моя застѣнчиво-робка,—
 Въ родной груди скрываясь боязливо,
 За пѣснь свою награды и вѣнка
 Не требуетъ она самолюбиво.

XXIV.

На западѣ солнце пылаетъ,
Багряное море горитъ;
Корабль одинокій, какъ птица,
По влагѣ холодной скользитъ.

Сверкаетъ струя за кормою.
Какъ крылья, шумятъ паруса;
Кругомъ необъятное море,
И съ моремъ слились небеса.

Безпечно веселую пѣсню,
Задумавшись, кормчій поетъ,
А черная туча на югѣ,
Какъ дымъ отъ пожара, встаетъ.

Вотъ буря... и море завывло.
Умолкъ беззаботный пѣвецъ;
Огнемъ его вспыхнули очи:
Теперь онъ и царь, и боецъ!

Вотъ здѣсь узнаю человѣка
Въ лицѣ побѣдителя волнъ,
И какъ-то отраднѣ мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

XXV *).

Д и т я т и.

Не знаешь ты тоски желаній:
Прекрасенъ міръ твоей весны
И свѣтлы, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны.

Съ грозою жизни незнакома,
Какъ птичка, вѣчно весела,
Подъ кровлею роднаго дома
Ты рай земной себѣ нашла.

Придетъ пора — прольешь ты слезы,
Быть можетъ, трудъ тебя согнетъ...
И дѣтства радостныя грезы
Умрутъ подъ холодомъ заботъ.

Тогда, неся свой крестъ тяжелый,
Не разъ подъ бременемъ его
Ты вспомнишь о веснѣ веселой
И — не веротишь ничего.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 5, № 5-й

XXVI.

Югъ и сѣверъ

Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ въ сумракѣ садовъ уединенныхъ,
Сіяющей луной осеребренныхъ,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтанный дождь надъ сочною травой;
Гдѣ статуи безмолвствуютъ угрюмо,
Объятыя невыразимой думой;
Гдѣ говорятъ такъ много о быломъ
Развалины, покрытыя плющемъ;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ рощи кипарисной;
Гдѣ все быстрѣй и зрѣетъ, и цвѣтеть;
Гдѣ жизнь безпечнѣе идетъ.

Но мнѣ милѣй роскошной жизни юга
Сѣдой зимы полуночная выюга,
Морозъ и вѣтръ, и грозный шумъ лѣсовъ,
Дремучій боръ по скату береговъ,
Просторъ степей, и небо надъ степями
Съ громадой тучъ и яркими звѣздами.
Глядишь кругомъ, — все сердцу говоритъ:
И деревень однообразный видъ,
И городовъ обширныя картины,
И снѣжныя безлюдныя равнины,
И удали размашистый разгулъ,
И русскій духъ, и русской пѣсни гулъ,

То глубоко безпечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокругъ, — и на душѣ легко,
И зрѣть мысль такъ вольно, широко,
И сладко пѣснь въ честь родины поется,
И кровь кипить, и сердце гордо бьется,
И съ радостью внимаешь звуку словъ:
„Я Руси сынъ! здѣсь край моихъ отцовъ!“

XXVII.

Р у с ь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ, —
Вижу, — даль степей
Зеленѣется,

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ;
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ, —
Нивы зрѣлыя,
Что камышь густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу, —
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, чтѣ бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгуль нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола
Меча недругу?

У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унижила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?

На поляхъ своихъ
Подъ курганами
Положила ты
Татаръ полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная? .

Подъ грозой ея
Лѣса падали
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!

Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань, —
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь, —

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами,
Улеглись спать
Гости на-вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишить
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.

И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумять,
И лежать въ землѣ
Груды золота;

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

XXVIII *).

Бываютъ свѣтлыя мгновенья:
Миръ ясный душу осѣнить;
Огонь святаго вдохновенья
Неугасаемо горить.

Оно печать безсмертной силы
На трудъ обдуманнй кладезь;
Оно безмолвію могилы
И мертвымъ камнямъ жизнь даетъ,

*) См. „Примѣчанія“, стр. 5 № 6-й.

Развратъ и пошлость поражаетъ,
Добру приносить еиміамъ,
И вѣчной правдѣ воздвигаетъ
Святой алтарь и вѣчный храмъ.

Оно не требуетъ награды,
Въ тиши творить оно, какъ Богъ...
Но человѣку нѣтъ пощады
Въ бездонномъ омутѣ тревогъ.

Падетъ на грудь заботы камень,
Свободу рукъ скуетъ нужда, —
И гаснетъ вдохновенья пламень,
Могучій двигатель труда.

1852 г.

XXIX.

уровый холодъ жизни строгой
Спокойно я переношу
И у Небесъ дороги новой
Въ часы молитвы не прошу.

Отраду тайную находить
И въ самой грусти гордый умъ:
Такъ часто моря стонъ и шумъ
Насъ въ восхищеніе приводитъ.

Къ борьбѣ съ судьбою я привыкъ,
Окрѣпъ подъ бурей искушеній:
Она высокихъ думъ родникъ,
Причина слезъ и вдохновеній.

XXX.

П ъ в ц у.

Не пой о счастіи, пѣвецъ, не утѣшай
 Себя забавою ничтожной;
 Пусть это счастіе невозмутимый рай, —
 Оно въ нашъ вѣкъ лишь призракъ ложный.
 Пусть пѣснь твоя звучна, — она одинъ обманъ
 И обольстительныя грезы:
 Она не исцѣлитъ души глубокихъ ранъ
 И не осушить сердца слезы.

Взгляни, какъ наша жизнь лѣнивая идетъ
 И скучно, и однообразно,
 Запечатлѣнная тревогою заботъ
 Одной дѣйствительности грязной;
 Взгляни на всѣ плоды, которые въ нашъ вѣкъ
 Собрать доселѣ мы успѣли,
 На все, чѣмъ окруженъ и занятъ человѣкъ
 До позднихъ лѣтъ отъ колыбели:—

Вездѣ откроешь ты печальные слѣды
 Ничтожества, иль ослѣпленья,
 Причины тайныя безмысленной борьбы,
 Нетвердой вѣры и сомнѣнья,
 Замѣтишь грубаго ничтожества печать,
 Добра и чести оскорбленье,
 Безсовѣстный расчетъ, обдуманнй развратъ,
 Или природы искаженье.

И многое прочтеть внимательный твой взоръ
 Въ страницахъ ежедневной жизни...

И этот ли слѣпой, общественный позоръ
Оставишь ты безъ укоризны?
И не проснется вмигъ въ тебѣ свободный духъ
Глубокаго негодованья?
И ты, земной пророкъ и правды смѣлый другъ,
Не вспомнишь своего призванья?

О, нѣтъ! не пой, пѣвецъ, о счастіи пустомъ
Въ годину нашего позора!
Пусть пѣснь твоя межъ насъ, какъ правосудный
громъ,
Раздастся голосомъ укора!
Пусть умъ нашъ пробудить и душу потрясетъ
Твое пророческое слово,
И сердце холодомъ и страхомъ обольетъ,
И воскресить для жизни новой.

XXXI.

Развалины.

Какъ безыменная могила
Давно забытаго жилища,
Лежать въ пустынь молчаливой
Обломки стараго дворца.
Густою пылію покрыла
Рука столѣтій камни стѣнъ
И фантастическихъ письменъ
На нихъ фигуры начертила.
Тяжелый сводъ упасть готовъ,
Карнизъ массивный обвалился,
И дикій плющъ вокругъ столбовъ
Живой гирляндой обвился,

И моха желтаго узоръ,
Однообразно испещренный,
Покрыль разбитыя колонны,
Какъ чудно вытканый коверъ.

Чье это древнее жилище,
Пустыни грустная краса?
Надъ нимъ такъ свѣтлы небеса, —
Оно печальнѣе кладбища!
Гдѣ эти люди съ ихъ страстями
И позабытымъ ихъ трудомъ?
Гдѣ безымянный, старый холмъ
Надъ ихъ истлѣвшими костями?

Была пора, здѣсь жизнь цвѣла,
Пороки, можетъ быть, скрывались,
Иль благородныя дѣла
Рукою твердой совершались.
И, можетъ быть, среди пировъ,
Пѣвецъ, въ минуты вдохновенья,
Здѣсь пѣлъ о доблестяхъ отцовъ
И плакалъ, полный умиленья;
И пѣснямъ сладостнымъ его
Въ восторгъ гости удивлялись,
И дружно кубки вкругъ него
Въ честь славныхъ дѣдовъ наполнялись.
Теперь все тихо... нѣтъ слѣда
Минувшей жизни. Небо ясно,
Какъ и въ протекшіе года,
Земля цвѣтушая прекрасна...
А люди?... Этотъ вѣтерокъ,
Пустыни житель одинокій,
Разносить, можетъ быть, далеко
Съ ихъ прахомъ смѣшанный песокъ!..

XXXII.

К л а д б и щ е.

Какъ часто я съ глубокой думой
Вокругъ могильъ одинъ брожу
И на курганы ихъ гляжу
Съ тоской тяжелой и угрюмой.
Какъ больно мнѣ, когда, порой,
Могильщикъ, грубою рукой
Гробъ новый въ землю опуская,
Стоитъ съ ослабленнымъ лицомъ
Надъ безотвѣтнымъ мертвецомъ,
Святыню смерти оскорбляя.
Или, когда въ травѣ густой,
Остатокъ жалкій разрушенья,
Вдругъ черепъ я найду сухой,
Престоль ума и вдохновенья,
Лишенный чести погребенья.
И пораженъ, и недвижимъ,
Сомнѣнья холодомъ облитъ,
Я мыслю, скорбію томимъ,
Надъ жертвой тлѣнія забытой:
Кто васъ въ сонъ вѣчный погрузилъ,
Земли невѣдомые гости,
И ваши брошенные кости
Съ живою плотью разлучилъ?
Какъ ваше вѣчное молчанье
Намъ безошибочно понять:
Ничтожества-ль оно печать,
Или печать существованья?
Въ какой загадочной странѣ,
Невидимой и неизвѣстной,

Здѣсь кости положивъ однѣ,
Витаеть духъ вашъ безтѣлесный?
Чѣмъ занятъ онъ въ міру иномъ?
Что онъ, безстрастный, созерцаеть?
И помнитъ-ли онъ о земномъ,
Иль все за гробомъ забываетъ?
Быть можетъ, небомъ окружень,
Жилецъ божественнаго свѣта,
Какъ на песчинку, смотритъ онъ
На нашу бѣдную планету;
Иль, можетъ быть, сложивъ съ себя
Свои тѣлесныя оковы,
Безъ нихъ другаго бытія
Не отыскалъ онъ въ мірѣ новомъ.
Быть можетъ, все, чѣмъ мы живемъ,
Чѣмъ умъ и сердце утѣшаемъ,
Землѣ, какъ жертву, отдаемъ
И въ ней одной похороняемъ...
Нѣтъ! прочь безплодное сомнѣнье!
Я вѣрю истинѣ святой, —
Святымъ глаголамъ Откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мнѣ въ часы страданья
Припоминать, порой, въ тиши,
Загробное существованье
Неумирающей души!

XXXIII.

Степная дорога.

Спокойно небо голубое;
 Одно въ бездонной глубинѣ
 Сіяетъ солнце золотое
 Надъ степью въ радужномъ огнѣ;
 Горячій вѣтеръ наклоняетъ
 Траву волнистую къ землѣ,
 И даль въ полупрозрачной тѣмѣ,
 Какъ въ млечномъ морѣ, утопаетъ;
 И надъ душистою травой,
 Палящимъ солнцемъ разрѣженный,
 Струится воздухъ благовонный
 Неосязаемой волной.
 Гляжу кругомъ; все та-жъ картина,
 Все тотъ-же яркій колоритъ.
 Вотъ слышу, — тихо надъ равниной
 Трель музыкальная звучитъ:
 То — жаворонокъ одинокій,
 Кружась въ лазурной вышинѣ,
 Поетъ надъ степію широкой
 О вольной жизни и веснѣ.
 И степь той пѣсни переливамъ,
 И безотвѣтна и пуста,

Въ забыти внемлетъ молчаливомъ,
Какъ безмятежное дитя;
И, спрятавшись въ коврахъ зеленыхъ,
Цвѣтовъ вдыхая ароматъ,
Мильоны легкихъ наѣкомыхъ
Неумолкаемо жужжать...

О, степь! люблю твою равнину,
И чистый воздухъ, и просторъ,
Твою безлюдную пустыню,
Твоихъ ковровъ живой узоръ,
Твои высокіе курганы,
И золотистый твой песокъ,
И перелетный вѣтерокъ,
И серебристые туманы...
Вотъ полдень... жарки небеса...
Иду одинъ. Передо мною
Дороги пыльной полоса
Вдали раскинулась змѣю.
Вотъ надъ оврагомъ, близъ рѣки,
Цыгане таборъ свой разбили,
Кибитки вокругъ поставили
И разложили огоньки;
Одни обѣдъ приготавлиють
Въ котлахъ, наполненныхъ водой;
Другіе на травѣ густой,
Въ тѣни кибитокъ отдыхаютъ;
И тутъ-же, смирно, съ ними въ рядъ,
Ихъ псы косматые лежатъ,
И съ крикомъ прыгаетъ, смѣется
Толпа оборванныхъ дѣтей
Вкругъ загорѣлыхъ матерей;
Вдали табунъ коней пасется...
Ихъ миноваль, — и тотъ-же видъ

Вокругъ меня и надо мною;
Лишь дикій коршунъ надъ травою
Порою въ воздухъ кружить,
И также лентою широкой
Дорога длинная лежитъ,
И также солнце одиноко
Въ прозрачной синевѣ горитъ.
Вотъ день сталъ гаснуть... вечерѣтъ...
Вотъ поднялись издалика
Грядюю длинной облака,
Въ пожарѣ западъ пламенѣтъ,
Вся степь, какъ спящая краса,
Румянцемъ розовымъ покрылась,
И потемнѣли небеса,
И солнце тихо закатилось.
Густѣтъ сумракъ... вѣтерокъ
Пахнулъ прохладою ночною,
И надъ уснувшею землею
Зарницы вспыхнулъ огонекъ.
И величаво мѣсяцъ полный
Изъ-за холмовъ далекихъ всталъ
И надъ равниною безмолвной,
Какъ чудный свѣточъ, засіялъ...
О, какъ божественно-прекрасна
Картина ночи средь степи,
Когда торжественно и ясно
Горятъ небесные огни,
И степь, раскинувшись широко,
Въ туманѣ дремлетъ одиноко,
И только слышится вокругъ
Необъяснимый жизни звукъ!
Брось посохъ, путникъ утомленный,
Тебѣ не надобно двора:
Здѣсь твой ночлегъ уединенный,

Здѣсь отдохнешь ты до утра;
Твоя постель — цвѣты живые,
Трава пахучая — коверъ,
А эти своды голубые —
Твой раззолоченный шатеръ.

XXXIV.

Х у д о ж н и к у.

Я знаю часъ невыразимой муки,
Когда одинъ, въ сомнѣніи нѣмъ,
Сложивъ крестомъ ослабнувшія руки,
Ты думаешь надъ мертвымъ полотномъ,
Когда ты кисть упрямую бросаешь
И, голову свою склонивъ на грудь,
Твоихъ идей невыразимый трудъ
И жалкое искусство проклинаешь.
Проходить гнѣвъ, — и творческою силой
Твоя душа опять оживлена,
И, все забывъ, съ любовью терпѣливой
Ты день и ночь сидишь близъ полотна
Оконченъ трудъ. Толпа тебя вѣнчаетъ,
И похвала вокругъ тебя шумить,
И клевета, въ смущеніи, молчить,
И все вокругъ колѣни преклоняетъ.
А ты, бѣднякъ! поникнувши челомъ,
Стоишь одинъ, съ тоскою подавленной,
Не находя въ созданіи своемъ
Ни красоты, ни мысли воплощенной.

XXXV *).

Не повторяй холодной укоризны:
 Не суждено тебѣ меня любить,
 Безпечный миръ твоей невинной жизни
 Я не хочу безжалостно сгубить.
 Тебѣ-ль, съ младенчества не знавшей огорченій,
 Со мною объ-руку идти однимъ путемъ,
 Глядѣть на зло, на грязь, и гаснуть за трудомъ,
 И плакать, можетъ быть, подъ бременемъ лишеній,
 Страдать не день, не два,—всю жизнь свою стра-
 дать!

Но гдѣ-жъ на это силъ, гдѣ воли нужно взять?
 И что себѣ въ тотъ часъ скажу я въ оправданье,
 Когда, убитая и горемъ, и тоской,
 Упрекомъ мнѣ и горькою слезой
 Отвѣтишь ты на ласки и лобзанье?
 Слезы твоей себѣ не могъ-бы я простить...
 Но кто-жъ меня безчувствию научить
 И, наконецъ, заставить позабыть
 Все, что меня и радуешь, и мучить,
 Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
 Подъ гнетомъ нуждъ, печали и сомнѣній,
 Единая отрада и оплотъ, —
 Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?

XXXVI.

Засохшая береза.

Въ глуши на почвѣ раскаленной
 Береза старая стоитъ;
 Въ ея вершинѣ обнаженной
 Зеленый листъ не шелеститъ.

Кругомъ, сливаясь съ небесами,
Полуодѣтыми въ туманъ,
Пестрѣтъ чудными цвѣтами
Волнистой степи океанъ.

Курганы ярко зеленѣютъ,
Росу приносятъ вечера,
Прохладой тихой ночи вѣютъ,
И пышетъ заревомъ заря.

Но беззащитная береза
Глядитъ съ тоской на небеса,
И на вѣтвяхъ ея, какъ слезы,
Сверкаетъ чистая роса;

Далеко бурею суровой
Ея листы разнесены,
И нѣтъ для ней одежды новой
И благодѣтельной весны...

XXXVII.

Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей
И тишина безжизненныхъ полей,
Одѣтая сырымъ туманомъ степи,
И облаковъ неправильныя цѣпи,
Холодное сіяніе небесъ
И инеемъ осеребренный лѣсъ!

Привѣтъ мой вамъ, морозъ и непогода!
Теперь, вдали отъ шума и народа,
Въ часы ночей, за сладостнымъ трудомъ,
Въ моемъ углу и скромномъ и спокойномъ,

И тишиной глубокой окруженномъ,
Я отдохну и сердцемъ и умомъ.

Пускай сыны тщеславія и лѣни,
Поклонники мгновенныхъ наслажденій,
Изысканность забавъ своихъ любя,
Въ нихъ радости находятъ для себя,
И на алтарь непостоянной моды
Несутъ, какъ дань, часы своей свободы.

Милѣ мнѣ мой уголокъ простой,
Божественной иконы ликъ святой,
И передъ нимъ горящая лампада,
И тихій трудъ, души моей отрада:
Здѣсь все, къ чему привыкъ я съ давнихъ поръ,
Что любить мой непрехотливый взоръ.

Мнѣ кажется: живу я въ мірѣ новомъ,
Когда одинъ, въ безмолвіи суровомъ,
Забывъ весь шумъ заботливаго дня,
Недвижимый, сажу я близъ огня
И лѣтопись минувшаго читаю,
И скромный стихъ задумчиво слагаю.

И грустно мнѣ, когда дневной разсвѣтъ
Меня отъ думъ любимыхъ оторветъ;
Когда рука дѣйствительности строгой
Укажетъ мнѣ печальную дорогу,
И все мое вниманье поглотитъ,
И всѣ мои восторги умертвитъ.

XXXVIII.

Жизнь и смерть.

Невидимой цѣпью
Жизнь связана тѣсно
Съ таинственной смертью.
И въ самомъ началѣ
Зародыша жизни
Сокрыта возможность
Его разрушенья,
И въ жалкихъ остаткахъ
Ничтожнаго праха
Таятся начала
Для будущей жизни...
Такъ годы проходятъ
И цѣлые вѣки,
И все поглощаетъ
Могущество смерти,
Всегда оставаясь
Источникомъ жизни;
И такъ существуетъ
Доселѣ природа,
Служа колыбелью
И вмѣстѣ могилой.

XXXIX.

Успокоеніе.

О, умъ мой холодный!
Зачѣмъ уклоняясь,
Отъ кроткаго свѣта
Божественной вѣры,

Ты гордо блуждаешь
Во мракъ сомнѣнья?
Отвѣть, если можешь:
Кто далъ тебѣ силу
Разумной свободы
И къ истинамъ вѣчнымъ
Любовь и влеченье?
Кто плотью животной
Покрылъ мнѣ такъ чудно
Скелеть обнаженный,
Наполнилъ всѣ жилы
Горячею кровью,
Далъ каждому нерву
Свое назначенье
И сердце заставилъ
Впервые забиться,
Дотоль ему чуждой,
Невѣдомой жизнью?
Кто далъ тебѣ средство
Черезъ малую точку
Подвижнаго ока
Усвоивать знанье
О видимомъ мірѣ?
И какъ назовешь ты
Тотъ духъ въ человѣкѣ,
Который стремится
Отъ грани земнаго,
Съ сознаньемъ свободы
И сильнымъ желаньемъ
Познаній и блага?
Который владѣтъ
Порывами сердца,
Одинъ торжествуетъ
Въ страданіяхъ тѣла,

Законъ природы
Себѣ подчиня?...
Кто далъ это свойство
Цвѣтушей природѣ, —
Что въ ней разрушенье
Единого тѣла
Бываетъ началомъ
Для жизни другаго?
Кто этотъ Художникъ,
Рукой всемогущей
Въ цвѣткѣ заключившій
Цѣлебную силу,
И ядъ смертоносный,
И яркія краски,
И тѣни, и запахъ?..
Смирись-же и вѣруй,
О, умъ мой надменный:
Законъ вселенной,
И смерть, и рожденье
Живущаго въ мірѣ,
И мощная воля
Души человѣка
Даютъ мнѣ постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро.

XL.

Кое изобиліе челоѣку во всемъ
трудъ его, имъ же трудятся подъ
солнцемъ: родъ преходить и родъ
приходить, а земля во вѣкъ стоять.

Екклесіаста гл. I, ст. 3 и 4.

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный
Изъ неизвѣстныхъ намъ началъ
Образовался непонятно
И бытіе свое началъ, —
Событій зритель величавый,
Какъ много видѣлъ онъ одинъ
Борьбы добра и зла, и славы,
И разрушенія картинъ!
Какъ много царствъ и поколѣній,
И вдохновеннаго труда,
И гениальныхъ наблюденій
Похоронилъ онъ навсегда!..
И вотъ теперь, какъ и тогда,
Природа вѣчная сіяетъ:
Надъ нею бури и года,
Какъ тѣни легкія, мелькаютъ,
И между-тѣмъ какъ челоѣкъ,
Земли развѣнчаннй владыка,
Въ цѣпяхъ страстей кончаетъ вѣкъ
Безъ цѣли ясной и великой, —
Все также блещутъ небеса,
И стройно движутся планеты,
И яркой зеленью одѣты
Непроходимые лѣса;
Цвѣтутъ луга, поля и степи,
Моря глубокія шумятъ,
И горъ заоблачныя цѣпи
Въ снѣгахъ нetaющихъ горятъ.

XLI.

Новый завѣтъ.

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.
Какъ дышать святыя ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они!..
Здѣсь все въ чудно-сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ,
И сушаго въ мірѣ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ, и терновый вѣнецъ.
Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!

XLII *).

Молитва дитяти.

Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ!
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 7, № 8-я.

Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, ангелъ твой хранитель
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Бога отнесетъ.

Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Таковыми-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!

Но если жизнь тебя измучить,
И умъ, и сердце возмутить,
Но если жизнь роптать научить,
Любовь и вѣру погасить, —

Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.

И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель-ангелъ твой сойдетъ.
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

XLIII.

Я помню счастливые годы,
Когда безопасно и шутя
Безукоризненной свободой
Я наслаждался, какъ дитя;

Когда въ тиши уединенья,
Какъ воплощенный херувимъ,
Тревогой горя и сомнѣнья
Я не былъ мучимъ и томимъ.

Съ какимъ восторгомъ непонятнымъ
Тогда часъ утра я встрѣчалъ,
Когда надъ полемъ необъятныхъ
Востокъ безоблачный пылалъ,

И серебристыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Надъ благовонными лугами
Паровъ вставали облака!

Съ какою дѣтскою отрадой
Глядѣлъ я на кудрявый лѣсъ,
Весенней дышащей прохладой,
На сводъ сіяющій небесъ,

На тихо спящія заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ,
На блескъ и тѣнь волнистой нивы
И на узоры облаковъ!..

Тѣ были дни святой свободы,
Очарованья и чудесъ

На лонѣ мира и природы, —
Тѣ на землѣ былъ рай небесъ!

Пришла пора... иныя строки
Въ страницахъ жизни я прочелъ,
И въ нихъ тяжелые уроки
Уму и сердцу я нашелъ.

О, если-бъ въ пору перехода
Изъ дѣтства въ зрѣлые года
Широкий путь моя свобода
Нашла для скромнаго труда!

Согрѣтый мыслию живою,
Какъ гражданинъ и человѣкъ,
Быть можетъ, свѣтлою чертою
Тогда-бъ отмѣтилъ я свой вѣкъ!

Но горекъ жребій мой суровый
И много силъ я схоронилъ,
Пока дорогу жизни новой,
Средь зла и грязи, проложилъ!

И грустно мнѣ, и стыдно вспомнить
Ничтожность прожитыхъ годовъ:
Чтобъ пустоту ихъ всю пополнить,
Отдать полжизни-бъ я готовъ!

Но дни идутъ, идутъ бесплодно...
И больно мнѣ, что и теперь
Одною мыслью благородной
Я не загладилъ ихъ потерь!

Что въ массу общаго познанья
Другимъ взыскательнымъ вѣкамъ,

Какъ весь итогъ существованья,
Я ничего не передамъ.

И одинокій, безъ значенья,
Какъ лишній гость въ пиру чужомъ,
Ничтожной жертвою забвенья
Умру въ краю моемъ родномъ!

XLIV *).

Съ суровой долей я рано подружился:
Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не зналъ,
Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился
Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.

Но все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣд-
ной, —
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ, и плачъ нужды, оборванной и блѣдной,
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Мучительные дни съ безсонными ночами,
Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами,
Потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла!

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ,
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталъ.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 7, № 9-й.

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я Бога,
 Казался раемъ мнѣ пріютъ печальный мой,
 Межъ тѣмъ, безумная и пьяная тревога,
 Горячій споръ и брань кипѣли за стѣной...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновен-
 ный,
 Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши, —
 И чувства лучшія, вся жизнь моей души,
 Разоблачилися рукой непосвященной!

Я слышу надъ собой и приговоръ, и судъ...
 И стала пѣснь моя, пѣснь муки и восторга,
 Съ людьми и съ жизнію меня мирившій трудъ, —
 Предметомъ злыхъ остротъ, и клеветы, и торга...

XLV.

П о э т у *).

Не говори, что жизнь ничтожна;
 Нѣтъ, послѣ бурь и непогодъ,
 Борьбы суровой и тревожной,
 И цвѣтъ, и плодъ она даетъ.

Не вѣчны всѣ твои печали...
 Въ тебѣ самомъ источникъ силъ,
 Взгляни кругомъ: не для тебя ли
 Весь міръ сокровища раскрылъ?

Кудрявъ и зеленъ лѣсъ дремучій
 Листы зарей освѣщены,
 Огнемъ охваченныя тучи
 Въ стеклѣ рѣки отражены.

*) См. „Примѣчанія“ стр. 8 № 10-й.

Покрыть цвѣтами скать кургана,
Взойди и стань на вышинѣ, —
Какой просторъ! Сквозь сѣть тумана,
Село чуть видно въ сторонѣ.

Звенить и льется птички голосъ:
Узнай, о чемъ она поетъ;
Пойми, чтѣ шепчетъ спѣлый колосъ,
И что за рѣчи ключъ ведетъ?

Вотъ царство жизни и свободы!
Здѣсь всюду блескъ! Здѣсь вѣчный пиръ!
Пойми живой языкъ природы, —
И скажешь ты: прекрасенъ міръ!

XLVI.

П ѣ с н я.

Зашумѣла, разгулялась
Въ полѣ непогода;
Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
Гладкая дорога.

Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась,
Не осталось слѣду,
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свѣту.

Да удалому дѣтинѣ
Буря не забота:
Онъ проложить путь-дорогу,
Лишь была-бъ охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальній путь и вьюга,
Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подруга.

Ужъ какъ встрѣтитъ она гостя
Утренней зарею,
Обойметъ его стыдливо
Бѣлою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубить...
Вспыхнетъ онъ — и холодъ ночи,
И весь свѣтъ забудетъ.

XLVII.

В о й н а з а в ѣ р у.

Какъ волны грозныя, встаютъ сыны Востока,
Народный фанатизмъ муллами подожженъ,
Толпы мятежниковъ подъ знамена пророка,
Съ надеждой грабежа, сошлись со всѣхъ сторонъ
Языческихъ временъ воскресъ театръ кровавый,
Глумится надъ крестомъ безумство мусульманъ,
И смотрять холодно великія державы
На униженіе и казни христіанъ.
За слезы ихъ и кровь нѣтъ голоса и мщенья!
Отъ бѣдныхъ матерей отъятые сыны
Въ рабы презрѣнному Еврею проданы,
И въ пламени горятъ несчастныя селенья...
Скажите намъ, враги поклонниковъ креста:
Зачѣмъ оскорблены храмъ истиннаго Бога

И древней Греціи священныя мѣста,
Когда жидовская спокойна синагога?
Когда мятежниковъ, безчестія сыновъ,
Орудіе крамолъ, тревогъ и возмущенья,
Не заклеили вы печатію презрѣнья,
Но дали ихъ толпамъ гостепріимный кровъ?
Скажите намъ, враги Руси миролюбивой:
Уже-ль вы лучшаго предлога не нашли,
Чтобы извлечь свой мечъ въ войнѣ несправедливой
И положить свой прахъ въ поляхъ чужой земли?
Уже-ль чужихъ умовъ холодное коварство
Васъ въ жалкихъ палачей умѣло обратить,
И для безславія жестокаго тиранства
Народныя права заставило забыть?
Ужели въ лѣтопись родной своей отчизны
Не стыдно вамъ внести свой собственный позоръ,
Потомковъ заслужить суровый приговоръ
И современниковъ живыя укоризны?
Иль духа русскаго досель вы не узнали?
Иль неизвѣстно вамъ, какъ Сѣвера сыны,
За оскорбленіе родной своей страны,
По слову царскому мильонами вставали?
Вамъ хочется борьбы! но страшенъ будетъ споръ
За древнія права, за честь Руси державной:
Мы вашей кровію скрѣпимъ нашъ договоръ —
Свободу христіанъ и вѣры православной!
Мы вновь напомнимъ вамъ героевъ Рымника,
И ужасъ Чесменскій, и славный бой Кагула,
И грозной силою холоднаго штыка
Смиримъ фанатиковъ надменнаго Стамбула!
Впередъ, святая Русь! Тебя зоветъ на брань
Народа твоего поруганная вѣра!
Съ тобой и за тебя молитва христіанъ!
Съ тобой и за тебя Святая Матерь-Дѣва!

Придетъ пора,—ее недолго ждать, —
Оцѣнять твой порывъ, поймутъ твой подвигъ
громкій,
И будетъ свѣтъ тебѣ рукоплескать,
И позавидуютъ тебѣ твои потомки.

XLVIII *).

Старикъ другоженецъ.

Удружилъ ты мнѣ, свать, молодою женой!
Стала жизнь мнѣ и радость не въ радость:
День и ночь ни за-что она спорить со мной
И бранить мою бѣдную старость;
Ни за-что, ни про-что малыхъ пасынковъ бьетъ,
Да заводитъ съ сосѣдями ссоры;
Кто что ѣстъ, кто что пьетъ и какъ дома жи-
ветъ, —
Хоть бѣжать — какъ начнетъ разговоры.
И ужъ пусть бы сама человѣкомъ была!
Не повѣришь, весь домъ разорила!
И грозилъ ей, — да что!.. значить, волю взяла!..
Женскій стыдъ, — Божій гнѣвъ позабыла!
А любовь... ужъ куда тутъ! молчи про любовь!
За себя мнѣ бѣда небольшая, —
Погубилъ я дѣтей, погубилъ свою кровь:
Доканаетъ ихъ мачиха злая!
Эхъ! не прежняя мочь, не бывая пора,
Молодецкая удалъ и сила, —
Не ходить бы женѣ, не спросясь со двора,
И воды бы она не взмутила.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 10, № 11-й.

Спохватился теперь, да не сладишь съ бѣдой,
Лишь гляди на жену, да казнися,
Да молчи, какъ дуракъ, когда скажутъ порой:
По-дѣломъ старику, — не женися!

XLIX *).

Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.

Мѣсяца лучами
Божій храмъ облить;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча, горитъ.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

*) См. „Примѣчанія“, стр. II. № 12-я.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ.

Думаетъ-гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умереть!

Горемыки-дѣтки,
Долго-ли до бѣды!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ;

Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ, —
Мудрено-ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ!..

А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдь.

Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ;
Дай имъ разумъ, силу,
Будь Ты имъ оплотъ!..

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ,

И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонный
Гдѣ-то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталъ.

И, Богъ вѣсть, отколѣ
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ поле
Съ тройкой удалой.

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали,
И тоски разгулъ.

L.

Н а с л ѣ д с т в о .

Не осталось
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую

Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.

Въ горѣ, въ черный день,
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ
Смотришь соколомъ;

На распашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.

И мила въ душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

LI *).

Моленіе о чашѣ.

И, прешедъ мало, паде на лицѣ
Своемъ, моляся и глаголя: Отче
Мой, аще возможно есть, да мимо-
идеть отъ Мене чаша сія: обаче не-
яко же Азъ хошу, но яко же ты.

Матт. гл. XXVI, ст. 39—47.

веркаетъ западъ озлащенный
Надъ Іудейскою землей,
И на окрестность вечеръ сонный
Съ прозрачною нисходитъ мглой—
Спокойно высясь надъ полями,
Закатомъ солнца освѣщенъ,
Стоитъ высокій Елеонъ
Съ благоуханными садами.
Вокругъ его живыхъ картинъ
Сіяютъ чудные узоры:
Здѣсь увѣнчалъ Ерусалимъ
Своими зданіями горы.
Вдали Гаваль и Гаразимъ,
Къ востоку воды Іордана,

*) См. „Примѣчанія“ стр. 11, № 13

Съ пейзажемъ дремлющихъ долинъ,
Рисуются въ волнахъ тумана,
И моря Мертваго краса
Сквозь сонъ глядитъ на небеса.
А тамъ, на западѣ, далеко,
Лазурныхъ Средиземныхъ волнъ
Разливъ могучій огражденъ
Песчанымъ берегомъ широко...
Темнѣть... всюду тишина...
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила, —
И ярко полная луна
Садъ Геосиманскій озарила.
Въ травѣ подъ вѣтвями оливъ
И померанцевъ неподвижныхъ,
Сыны Божественнаго Слова,
Спятъ три апостола всемірныхъ,
И сонъ ихъ сладокъ, и глубокъ.
Но тяжело спалъ міръ суровый:
Вѣковъ наслѣдственный порокъ
Его замкнулъ въ свои оковы,
Проклятье праотца на немъ
Пятномъ безславія лежало
И, съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
Его, какъ язва, поражало...
И въ цѣломъ мірѣ въ эту пору
Одинъ Учитель лишь не спалъ
И, чуждый общему позору,
Судьбу всемірную рѣшалъ.
За слово истины высокой
Голгоескій крестъ предвидѣлъ Онъ
И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко:
„Отецъ! Отецъ! душа Моя
Въ нѣмой тоскѣ изнемогаетъ,

Картина будущаго дня
Мнѣ сердце кровью обливаешь;
Я знаю, этотъ день придетъ, —
На жертву отданный народу,
Твой Сынъ Божественный умретъ,
Умретъ за общую свободу...
Проклятье черни загремѣть
Надъ головой, вѣнцомъ покрытой,
И подвигъ жертвы очернить
Насмѣшка злобы ядовитой,
И тѣ, которымъ со креста
Пошлю Я даръ благословенья,
Съ улыбкой гордаго презрѣнья
Подымутъ руки на Христа...
Отецъ! Отецъ! пусть чаша эта
Минуетъ Сына Твоего:
Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
За искупленіе его!
Но если Твоему народу
Позоръ Мой славу принесетъ,
Пускай за общую свободу
Сынъ человѣческій умретъ!“
Молитву кончивъ, грусти полный,
Къ ученикамъ онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „встаньте, часъ пришелъ.
Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушеніе не впасть,
Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
И съ вѣрой встрѣтите напасть“.
Сказаль—и тихо удалился
Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И, новой скорбью возмущенъ,
На землю палъ Онъ и молился:

„Отець! Ты въ міръ Меня послалъ,
Но Сына міръ Твой не приѣмлетъ;
Ему любовь Я завѣщалъ,
Моимъ глаголамъ онъ не внимлетъ;
Я былъ врачомъ его больныхъ,
Я за враговъ Моихъ молился,—
И надо Мной Ерусалимъ,
Какъ надъ обманщикомъ глумился!
Народу миръ Я завѣщалъ,—
Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ;
Я въ міръ мертвыхъ воскрешалъ,—
И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!..
Отець! Отець Мой! чаша эта
Да мимо идетъ отъ Меня!
Ты Богъ любви, начало свѣта,
И все возможно для Тебя!
Но если кровь нужда святая,
Чтобъ землю съ небомъ примирить,—
Твой вѣчный судъ благословляя,
На крестъ готовъ Я восходить!“
И снова, тайной грусти полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „встаньте—часъ пришелъ:
Ужъ не далеко царство славы,
Близка великая борьба.
Молитесь: скоро въ день кровавый
Земли окончится судьба“.
Сказалъ и снова удалился
Подъ тѣнь смоковницъ и оливъ
И тамъ, колѣна преклонивъ,
Опять онъ плакалъ и молился:
„Отець! Отець! Мнѣ тяжело!
Мой умъ колеблется, темнѣетъ;

Все человѣческое зло
На мнѣ единомъ тяготѣть;
Позоръ людской,—позоръ вѣковъ,—
Все на себя Я принимаю,
Но самъ подъ тяжестью оковъ,
Какъ человѣкъ, изнемогаю...
Отецъ! спаси же Свой народъ!
Дай мнѣ на подвигъ укрѣпленье!
И Сынь Твой съ радостью умереть
Великой жертвой примиренья!..“
И руки къ небу Онъ поднялъ
И весь въ молитву превратился...
Огонь лице Его сжигалъ,
Кровавый потъ по немъ струился.

И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
Эдема блескомъ окруженный,
Явился въ садъ уединенный
Глашатай Божіихъ чудесъ.
Былъ чуденъ взоръ его спокойный,
И безмятежно и свѣтло
Одушевленное чело;
И ликъ сіялъ, какъ полдень знойный,
И близъ Учителя онъ сталъ,
И рѣчью свыше вдохновенной
Освободителя вселенной
На славный подвигъ укрѣплялъ,
И самъ, подобный легкой тѣни,
Но полный благодатныхъ силъ,
Свои воздушныя колѣни
Съ молитвой пламенной склонилъ.

Весь міръ въ ту пору спалъ глубоко;
Была на небѣ тишина;

Лишь въ царствѣ мрака одиноко
Страдалъ безплодно сатана.
Онъ зналъ, что въ мірѣ колебался
Его владычества кумиръ,
И что за этотъ падшій міръ
Вънецъ и крестъ приготавлился.
Онъ понималъ, о чемъ, одинъ,
Молился Праведникъ великій,
И плакалъ мрачный властелинъ
О славѣ свѣтлаго Владыки.

Луна сіяла. Небожитель
Спѣшилъ въ Эдемъ по облакамъ;
Межъ тѣмъ могучій Икупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ,
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ онъ истинно великъ,
Какимъ огнемъ одушевленья
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ любовались на Него
Свѣтила блѣдной полуночи!
И вотъ Учитель имъ сказалъ:
„Вставайте: близокъ день печали,
И часъ предательства насталъ!“
И звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Геосиманскій пробудилъ,
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лице Іуды освѣтилъ.

LII.

Сладость молитвы.

Бываютъ минуты,—тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу,
И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу.

Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно...
Лампада въ углу одиноко горитъ,
И кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.

И дума за думой на умъ мнѣ приходитъ,
И жаръ непонятный по жиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ,
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.

И вспомню тогда я тревогу желаній,
И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
Невѣрность надежды и горечь страданій,
И скрытый подъ маской глубокой развратъ.

Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
Все зло въ этомъ мірѣ, всю скорбь человѣка,
И грозную вѣчность, и съ жизнью разсчетъ;

И вспомню я крестъ на Голгоѣ позорной,
Облитаго кровью Страдальца на немъ,
При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной
Поникшаго тихо покорнымъ челомъ...

И страшно мнѣ станеть отъ этихъ видѣній,
И съ ложа невольно тогда я сойду,
Склоню предъ иконой святою колѣни
И съ жаркой молитвою ницъ упаду.

И мнится мнѣ, слышу я шопоть невнятный,
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ, незримо, въ тотъ мигъ благодатный
Мой ангель-хранитель молитву творить.

И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну,
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.

LIII *).

Ночлегъ извозчиковъ.

Далеко, далеко, раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, чѣмъ бѣлымъ ковромъ,
И звѣзды зажглись, и мѣсяцъ, чѣмъ лебедь,
Плыветь одиноко надъ соннымъ селомъ.

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ:
То взѣдетъ онъ тихо на длинную гору,
То въ темной лощинѣ изъ глазъ пропадетъ.

И вотъ на дорогѣ онъ вновь показался
И на гору сталъ подниматься шагкомъ;
Вотъ слышно, какъ снѣгъ заскрипѣлъ подъ санями,
И кони заржали подъ самымъ селомъ.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 16, № 14-й.

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ
шапкахъ,
Съ обозомъ, и съ правой, и съ лѣвой руки,
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, пожимаясь, идутъ мужики.

Избились ихъ лапти отъ дальней дороги,
Ихъ жесткія лица морозъ заклеимиль,
Высокія шапки, усы ихъ, и брови,
И бороды иней пушистый покрыйль.

Подходятъ они ко дворахъ постоялымъ,
На встрѣчу имъ дворникъ спѣшитъ изъ воротъ
И шапку снимаетъ, привѣтствуя словомъ:
„Откудова, братцы, Господь васъ несетъ?“

— Да ѣдемъ вотъ съ рыбой въ Москву изъ
Ростова *),
Передній извозчикъ ему отвѣчалъ, —
А что на дворѣ-то не тѣсно-ль намъ будетъ?
Теперь ты, я чаю, насъ вовсе не ждалъ?—

„Для добраго гостя найдется мѣстечко“,
Привѣтливо дворникъ плечистый сказалъ
И, рыжую бороду тихо погладивъ,
Слегка ухмыляясь, опять продолжалъ:

„Вѣдь, я не таковъ, какъ сосѣдь-прошалаыга,
Готовый за грошъ свою душу продать;
Я знаю, какъ надо съ людьми обходиться,
Кого какъ привѣтитъ и чѣмъ угощать.

*) Ростовъ на Дону.

„Овесъ мой—овинный, изба—та же баня,
Не какъ у сосѣда,—зубовъ не сберешь;
И есть гдѣ прилечь, посидѣть, обсушиться,
А квась, то есть брага, и не хотя пьешь.

„Въѣзжайте-ка, братцы; намъ стыдно считаться:
Ужъ я по-пріятельски васъ угошу,
И встрѣчу, какъ водится, хлѣбомъ и солью,
И съ хлѣбомъ и солью съ двора отпушу“.

Послушались дворника добрые люди:
На дворъ помѣстились, коней отпрягли,
Къ санямъ привязали и корму имъ дали,
И въ теплую избу чрезъ сѣни вошли.

Снявъ шапки, святымъ образамъ помолились,
Обчистили иней пушистый съ волюсь,
Раздѣлись, тулупы на нары поклали
И рѣчь завели про суровый морозъ.

Погрѣлись близъ печки и руки умыли,
И, грудь осѣнивши широкимъ крестомъ,
Хозяйкѣ хлѣбъ-соль подавать приказали,
И ужинать сѣли за длиннымъ столомъ.

И вотъ, въ сарафанѣ, покрытая кичкой,
Къ гостямъ молодая хозяйка вошла;
Сказала: „здорово, родные, здорово?“
И каждому порознь поклонъ отдала;

По крашеной ложкѣ имъ всѣмъ разложила,
И соли въ солонкѣ, и хлѣбъ подала,
И въ чашкѣ глубокой, съ надтреснутымъ краемъ,
Изъ кухни горячія ши принесла.

И блюда за блюдомъ пошла перемѣна...
Извошки молча и дружно ѣдятъ,
И потъ начинается съ нихъ градомъ катиться,
Глаза оживились и лица горять.

„Послушай, хозяйюшка!“ молвилъ извошникъ,
Съ трудомъ проглотивши свинины кусокъ:
„Нельзя ли найти намъ кваску-то получше,
Вѣдь, этотъ слѣпому глаза прoderеть?“

— И, что ты, родимый! квасокъ-ать что брага,
Его и купцамъ доводилося пить.
„Спасибо, хозяйка!“ сказалъ ей извошникъ,
„Не скоро намъ брагу твою позабыть“.

— Ну, полно-те спорить, вишь съ бабой связался! —
Промолвилъ другой, обтирая усы:
Аль къ тещѣ съ женою прѣхалъ на праздникъ?
Чтѣсть, то и ладно, а нѣтъ — не проси! —

„Вѣстимо, Данилычъ,“ сказалъ ему третій:
„За хлѣбомъ и солью шумѣть не рука;
Вѣдь, мы не бояре: чтѣсть, тѣмъ и сыты...
А ну-ка, хозяйюшка, дай-ка гуська!“

— Эхъ, братцы! рукою расправивши кудри,
Товарищамъ молвилъ дѣтина одинъ:
Разъ, ѣздивъ я лѣтомъ въ Макарьевъ на тройкѣ,
Нанялъ меня, знаешь, купеческій сынъ.

— Ну, что за раздолье мнѣ было въ дорогѣ!
Признаться, ужъ попилъ тогда я винца!
Какъ свистнешь, бывало, и тронешь лошадокъ,
Захочешь потѣшить порой молодца, —

— И птицей несется залетная тройка,
Лишь пыль поднимается чернымъ столбомъ,
Звенить колокольчикъ, и версты мелькають,
На небѣ ни тучки и поле кругомъ,

— Въ лицо вѣтерокъ подуваетъ на встрѣчу,
И на сердцѣ любо, и пышетъ лицо...
Пріѣхалъ въ деревню: готова закуска,
И дворника дочка подноситъ винцо.

— А вечеромъ, знаешь, мой купчикъ удалый,
Какъ этакъ порядкомъ ужъ подгульнетъ,
На улицу выйдетъ, вся грудь на распашку,
Вокругъ себя парней толпу соберетъ,

— Одѣлать деньгами и весело крикнетъ:
„А ну-ка, валяй: не бѣлы-то снѣги!“
И парни затануть, и самъ онъ залется,
И тутъ ужъ его кошелекъ береги.

— Бывало, шепнешь ему; „Яковъ Петровичъ!
Припрячь кошелекъ-то,—вѣдь, спросить отецъ“.
„Молчи, братъ! за словомъ въ карманъ не полѣзу:
Въ товаръ убытокъ,—и дѣлу конецъ“.

Такъ, сидя на лавкѣ за хлѣбомъ и солью,
Смѣясь, мужики продолжаютъ рассказъ:
И, стоя близъ печки, качаясь въ дремотѣ,
Ихъ слушаетъ дворникъ, прищуривши глазъ,

И думаетъ самъ онъ съ собою спросонокъ:
„Однако отъ этихъ барышъ мнѣ придетъ;
Овса-то, вотъ видишь, по мѣрочкѣ взяли,
А ѣсть,—такъ одинъ за троихъ уберетъ.“

„Куда-жъ это, Господи, все уложилось! —
Баранина, щи, поросенокъ и гусь,
Лапша и свинина, и медъ на заѣдки...
Ну, я же по своему съ ними сочтусь!“

Вотъ кончился ужинъ. Извошки встали...
Хозяйка мочалкою вытерла столъ,
А дворникъ внесъ въ избу охапку соломы,
Взглянулъ изъ-подлѣбья и молча ушелъ,

Провѣдавъ лошадокъ, сводивъ ихъ къ колодцу,
Извошки снова всѣ въ избу вошли,
Постлали постель, помолилися Богу,
Раздѣлись, разулись и—спать залегли.

И все замолчало... Лишь въ кухнѣ хозяйка,
Поставивъ посуду на полку рядкомъ,
Изъ глиняной чашки, при свѣтѣ огарка,
Поила теленка густымъ молокомъ.

Но вотъ, наконецъ, и она улеглася,
Подъ голову старый зипунъ положивъ,
И крѣпко на печкѣ горячей заснула,
Всѣ хлопоты кухни своей позабывъ.

Все тихо... всѣ спать... и давно уже полночь.
Раскинувши руки, храпятъ мужики:
Лишь, хрюкая, въ кухнѣ больной поросенокъ
Въ широкой лоханѣ собираетъ куски....

Свѣтатъ начинается. Извошки встали...
Хозяйка остатокъ огарка зажгла,
Гостямъ утереться дала полотенце,
Ковшомъ въ рукомойникъ воды налила.

Умылися гости, предъ образомъ стали,
Молитву, какую умѣли, прочли
И къ спящему дворнику въ избу другую
За кормъ и хлѣбъ-соль разсчитаться вошли.

Сердитый, спросонокъ глаза протирая,
Поднялся онъ съ лавки и счеты сыскалъ,
За столъ сѣлъ нахмурясь, потеръ свой затылокъ
И молвилъ: „ну, кто изъ васъ что забиралъ?“

— Заборъ ты нашъ знаешь: мы поровну брали;
А ты вотъ за ужинъ изволь положить
Себѣ не въ обиду и намъ не въ убытокъ,—
Съ тобою хлѣбъ-соль намъ впередъ чтобъ водить.

„Да что же, давай четвертакъ съ человѣка:
Оно хоть и мало,—да такъ ужъ и быть“.
— Не много-ли будетъ, почтенный хозяинъ?
Богатъ скоро будешь! нельзя-ли сложить?

„Нѣтъ, складки, ребята, не будетъ и гроша,
И эта цѣна-то пустякъ-пустякомъ;
А будете спорить—заплатите вдвое:
Ворота, вѣдь, заперты добрымъ замкомъ“.

Подумавъ, извошки крѣпко вздохнули,
И, не хотя вынувъ свои кошельки,
Хозяину деньги сполна отсчитали
И въ путь свой, въ дорогу собираться пошли.

Всю выручку въ старый сундукъ положивши,
Хозяинъ одѣлся и вышелъ на дворъ
И, видя, что гости коней запрягаютъ,
Взявъ ключъ и замокъ на воротахъ отперъ.

Накинувъ арканы на шеи лошадокъ,
 Извошки стали съѣзжать со двора.
 „Спасибо, хозяинъ!“ промолвилъ послѣдній:
 „Смотри, разживайся съ чужаго добра!“

— Ну, съ Богомъ, любезный! сказалъ ему двор-
 никъ:

Еще изъ-за гроша ты сталъ толковать!
 Впередъ, просимъ, милости къ намъ заѣзжайте,
 Ужъ мнѣ не учиться, кого какъ принять.

LIV *).

О с о р а.

„Не пора-ль Пантелей, постыдиться людей
 И опять за работу приняться!
 Промоталъ хомуты, промоталъ лошадей,—
 Вѣрно, по міру хочешь таскаться?
 Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
 Показаться на улицу стыдно;
 Словно въ трубы трубятъ: чтѣ, родная моя,
 Твоего Пантелея не видно.
 А ты думаешь: гдѣ же опричь ему быть,
 Чай, опять загулялъ съ бурлаками?
 И сердечко въ груди закипитъ — закипитъ,
 И, вздохнувши, зальешься слезами“.
 — Не дурачь ты меня, мужъ женѣ отвѣчалъ,
 Я не первый денекъ тебя знаю.
 Да по чьей же я милости пьяницей сталъ
 И теперь ни за-что пропадаю?

*) См „Примѣчанія“, стр. 18, № 15-й

Не вино съ бурлаками,—я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю,
Да за чаркой тебя проклиная, змѣю,
И тебя, и себя проклиная!
Ахъ, ты время мое, золотая пора,
Не видать ужъ тебя, вѣрно, болѣ!
Какъ, бывало, съ зарей, на телѣгахъ съ двора
Вдешь рожь убирать въ свое поле:—
Сбруя вся на заказъ, кони—любо взглянуть,
Словно звѣри изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, вожжей шевельнуть,—
Ужъ, голубчики вихремъ несутся.
Пашешь,—пѣсню поешь, косишь,—устали нѣтъ;
Придетъ праздникъ,—помолишься Богу,
По деревнѣ идешь,—и почетъ и привѣтъ:
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь... Одного я вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто;
Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно не густо;
На тебя-жь поглядишь,—что откуда идетъ,
Что ни праздникъ,—иная обновка...
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да не вѣрится... что-то не ловко!..—

„Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ
ходить!“

Покраснѣвши, жена отвѣчала;
„Кажись, было на что мнѣ обновки купить,—
Я, вѣдь, цѣлую зимушку пряла.
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
Вишь, онъ рѣчи какія заводитъ:
Самому же лаптишекъ не хочется сплестъ,
А зипунъ-то онучи не стоитъ“.

— Поистерся немного: не всѣмъ шеголять;
Бѣдняку чтѣ Богъ далъ, то и ладно.
А ты любишь гостей-то по платю встрѣчать!
Сосѣдъ ходить не даромъ нарядно.—

„Ахъ, родные мои“, закричала жена:
„Ужъ и гостя привѣтитъ нѣтъ воли!
Ну, хорошъ муженекъ, хороши времена:
Не води съ людьми хлѣба и соли!
Да вотъ на-ка тебѣ! Не по-твоему быты!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будеть сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Чтобъ сердечко твое надрывалось!“
—Коли такъ, ну и такъ! мужъ женѣ отвѣчалъ:
Мнѣ тебя переучивать поздно;
Ужъ и то я грѣха много на душу взялъ,
А сосѣда попробовать можно...
Перестанемъ кричать! собери-ка поѣсть:
Я и то другой день безъ обѣда,
Дай хоть хлѣба ломоть, да влей шей, коли есть,
Молоко-то оставь для сосѣда.—

„Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь!“
Жена, съ лавки вскочивши, сказала:
„Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь...“
И на печку она указала.
Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ;
Взявъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ у окна, головой покачалъ
И пошелъ, куда очи глядѣли,
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ—идеть,
Шляпа на бокъ, халатъ на распашку,
Отъ коневыхъ сапогъ чистымъ дегтемъ несеть,
И застегнута лентой рубашка.

„Будь здоровъ, Пантелей! Что повѣсилъ, братъ,
носъ?

Аль запала въ головушку дума?“

— Видишь, бойкій какой! А ты что мнѣ за спросъ?..

Пантелей ему молвилъ угрюмо.

„Что такъ больно сердить? знать, болитъ голова,
Или просто некстати зазнался?..“

Пантелей второпяхъ засучилъ рукава,

Изъ-подлобья кругомъ озирался.

— Эхъ, была не была! ну, держися, дружокъ!—

И мужикъ во всю мочь развернулся,

Да какъ хватить сосѣда съ размаху въ високъ,

И не охнулъ,—бѣднякъ протянулся.

Вечеру Пантелей ужъ сидѣлъ въ кабацѣ
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ шекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

LV.

И з м ѣ н а.

Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Изъ-за темныхъ тучъ
Взойди, выгляни;

Подымись, туманъ,
Отъ сырой земли,
Покажись ты мнѣ,
Путь-дороженька.

Шель къ подругѣ я
Вчера вечеромъ,
Мужички въ селѣ
Спать ложилися.

Вотъ взошелъ я къ ней
На широкой дворъ,
Отворилъ избы
Дверь знакомую.

Глядь,—огонь горить
Въ чистой горенкѣ,
Въ углу столъ накрытъ
Бѣлой скатертью;

У стола сидитъ
Гость разряженный,
Вплоть до плечъ лежатъ
Кудри черныя.

Подлѣ, рядомъ съ нимъ,
Моя милая:
Обвила его
Рукой бѣлою

И, на грудь къ нему
Склонивъ голову,
Рѣчи тихія
Шепчетъ ласково.

Поднялись мои
Дыбомъ волосы,
Обдало меня
Жаромъ-холодомъ.

На столѣ лежалъ
Бѣлый хлѣбъ и ножъ:
Знать, кудрявый гость
Званъ былъ ужинать.

Я схватилъ тотъ ножъ—
Къ гостю бросился;
Не успѣлъ онъ встать,
Слова вымолвить,—

Облило его
Кровью алою;
Словно снѣгъ, лицо
Забѣлѣлося.

А она, вскочивъ,
Громко ахнула
И, какъ листъ, вздрогнувъ,
Пала замертво.

Стало страшно мнѣ
Въ свѣтлой горенкѣ:
Распахнулъ я дверь,
На дворъ выбѣжалъ...

Ну, подумалъ я,
Добрый молодецъ,
Ты простись теперь
Съ отцомъ, съ матерью!

И пришелъ мнѣ въ умъ
Дальній, темный лѣсъ,
Жизнь разгульная
Подъ дорогою...

Я сказалъ себѣ:
Больше некуда!
И, махнувъ рукой,
Въ путь отправился...

Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Покажи мнѣ путь
Къ лѣсу темному!

LVI *).

Полно, степь моя, спать безпробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной,
Снѣгъ пропалъ,—и тепло, и свѣтло.

Пробудись и умойся росой,
Въ ненаглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста, въ цвѣты нарядись.

Полюбуйся: весна наступаетъ,
Журавли караваномъ летятъ,
Въ яркомъ золотѣ день утопаетъ,
И ручьи по оврагамъ шумятъ.

Бѣлоснѣжныя тучки толпами
Въ синевѣ на просторѣ плывутъ,
По груди у тебя полосами,
Другъ за дружкой, тѣни бѣгутъ.

См. „Примѣчанія“, стр. 19, № 16-й.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Сколько гнѣздъ понавѣютъ,—посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День-деньской, отъ зари до зари!

Тамъ ужъ лѣто,—ложись подъ косою,
Ковыль бѣлый, въ угоду косцамъ!
Подымайся, копна за копною!
Распѣвайте, косцы, по ночамъ!

И тогда,—при мерцаньи румянѣмъ
Ясныхъ зорекъ въ прохладные дни,
Отдохни, моя степь, подъ туманѣмъ,
Беззаботно и крѣпко усни.

LVII.

Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракий,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ.

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣнливо
Крыльями,—и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ раkitамъ лодку,
Мужички вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку,
Тянуть сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горить;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенить.

„Ну, катай на-перегонки!“
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотрить изъ кустовъ.

„Тянуть, тянуть!“ закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ“.

Вотъ, на берегъ отлогомъ
Показалась сѣть.
— „Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ—
Нечего глядѣть!“

Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песокъ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
„Будетъ на денекъ!“
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

„Ты, подкидышь, къ намъ откуда?
Не зови—придетъ...
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь,—такъ вотъ!..“

И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
— „Ну, за что ее ты, Мишка?“
Упрекнулъ другой.

„Экій малый уродился“,
Говоритъ старикъ:
„Все-бъ дрался онъ, да бранился,
Экій озорникъ!“

— „Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!“
Свату свать сказалъ.

— „Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша, безъ дѣла,
Одѣвать изволь.

„Хлѣбъ, смотри, вотъ вздорожаетъ,—
Ты чужихъ корми;
А, вѣдь, мать, небось, гуляетъ,
Прахъ ее возьми!“

— „Потерпи,— чай, не забудеть
За добро Господь!
Вѣдь, она работать будетъ,
Богъ дастъ, подростеть“.

— „Такъ-то такъ... вѣстимо, надо
Къ дѣлу приучить;
Да теперь беретъ досада
Безъ толку кормить.

„И дѣвчонка-то больная,
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянъ такая!
А на грѣхъ жива!“

Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли;

А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

LVIII.

Упрямый отецъ.

— „Ты хоть плачь, хоть не плачь, — быть по-
моему!

Я сказалъ тебѣ: не послушаю!
Молода еще, рано умничать!
„Мой женихъ-де вотъ и буянъ, и мотъ,
Онъ въ могилу свелъ жену первую...“
Ты скажи прямѣй: мнѣ, молъ, батюшка,
Полюбился сынъ Кузьмы-мельника.
Такъ сули ты мнѣ горы золота, —
Не владѣть тобой сыну знахаря,
Онъ добро скопилъ, — пусть имъ хвалится:
Наживи же онъ имя честное!
Я съ сумой пойду, умру съ голода,
Не отдамъ себя на посмѣшище, —
Не хочу я быть родней знахахаря!
Колдуновъ у насъ въ роду не было.
А ты этимъ-то мнѣ, безстыдница,
За мою хлѣбъ-соль платить вздумала,
Жениховъ своихъ пересуживать!
Да ты знаешь ли власть отцовскую?
Съ пастухомъ, велю, подъ вѣнецъ пойдешь!
Не учи, скажу: такъ мнѣ хочется!“

Захватило духъ въ груди дочери,
Полотна бѣдѣй лицо сдѣлалось,
И, дрожа, какъ листъ, съ мольбой горькою
Къ старику она въ ноги бросилась:
„Пожалѣй меня, милый батюшка,
Не сведи меня во гробъ заживо!

Аль въ избѣ твоей я ужъ лишняя,
У тебя въ дому не работница?...
Ты кормилецъ мой, самъ говариваль,
Что не выдашь дочь за немилаго.
Не губи же ты мою молодость:
Лучше въ дѣвкахъ я буду стариться,
День и ночь сидѣть за работою!
Откажи, родной, свахѣ засланной“.

— „Хороша твоя рѣчь, разумница;
Только гдѣ ты ей научилась?
Понимаю я, чтó ты думаешь:
Мой отецъ, молъ, старъ,—ему бѣлый гробъ,
Красной дѣвушкѣ своя волюшка...
Али, можетъ быть, тебѣ нелюбо,
Что отецъ въ почетъ по селу пойдетъ,
Что богатый зять тестю бѣдному
При нуждѣ, порой, будетъ помочью?
Такъ ступай же ты съ моего двора,
Чтобъ ноги твоей въ домъ не было!“

„Не гони меня, сжался, батюшка,
Ради горькихъ слезъ моей матушки!
Вѣдь, она тебя Богомъ, при смерти,
Умоляла быть мнѣ защитою...
Не гони, родной,—я, вѣдь, кровь твоя!“

— „Знаю я твои бабы присказки!
Что по мертвому, что-ль, расплакалась?
Да хоть встань твоя мать-покойница,
Я и ей скажу: „быть по моему!“
Проклянѹ, коли не послушаешь...“

Протекло семь дней: дѣло сладилось.
Отецъ празднуетъ свадьбу дочери.

За столомъ шумять гости званые;
Подъ хмѣлкою, старикъ пляшетъ съ радости,
Зятемъ, дочерью выхваляется.
Зять сидитъ въ углу, гладитъ бороду,
На плечахъ его кафтанъ новенькій,
Сапоги съ гвоздями, съ мѣдной прошвою *),
Подпоясанъ онъ краснымъ поясомъ.
Молодая съ нимъ сидитъ объ руку,
Сарафанъ на ней съ рядомъ пуговокъ,
Кичка съ бисернымъ подзатыльникомъ, —
Но лицо бѣлѣй снѣга чистаго:
Вѣрно, много слезъ красной дѣвицей
До вѣнца въ семь дней было пролито...

Вотъ окончился деревенскій пиръ,
Проводилъ старикъ съ двора дѣтище.
Только пыль пошла вдоль по улицѣ,
Когда зять, надѣвъ шляпу на ухо,
Во весь духъ пустилъ тройку дружную,
И безъ умолку подъ дугой большой
Залилися два колокольчика...

Замолчало все въ селѣ къ полночи,
Не спалось только сыну мельника,
Онъ сидѣлъ и пѣлъ на завалинкѣ:
То души тоска въ пѣснѣ слышалась,
То разгулъ, будто воля гордая,
На борьбу звала судьбу горькую.

Сталъ одинъ старикъ жить хозяиномъ,
Молодую взялъ въ домъ работницу...

*) Въ нѣкоторыхъ селахъ Воронежской губерніи задники крестьянскихъ сапоговъ прошиваются, для щегольства, мѣдною проволокою.

Выпаль первый снѣгъ. Зиму-матушку
Деревенскій людъ встрѣтилъ весело;
Мужички въ извозъ отправляются,
На гумнахъ вездѣ молотба идетъ,
А старикъ съ утра до полуночи
Въ кабакѣ сидитъ, пригорюнившись.
„Что, старинушка, чай, богатый зять
Хорошо живетъ съ твоей дочерью?...“
Подъ хмѣлькомъ иной ему вымолвить;
Вмигъ сожметъ Пахомъ брови съ просьбою
И, потупивъ взоръ, скажетъ нехотя:
— „У себя въ дому за женой смотри,
А въ чужую клѣтъ не заглядывай! —
„За женой-то мнѣ глядѣть нечего;
Лучше ты своимъ зятемъ радуйся:
Вонъ теперь въ грязи онъ на улицѣ“.

Минуль свадьбѣ годъ. Насталъ праздничекъ.
Разбудилъ село колокольный звонъ;
Мужички идутъ въ церковь весело;
На крещеный людъ смотреть солнышко.
Въ церкви Божіей бѣлый гробъ стоитъ,
По бокамъ его два подсвѣчника;
Въ головахъ одинъ, въ зипунѣ худомъ,
Сирота-Пахомъ думу думаетъ
И не сводитъ глазъ съ мертвой дочери...
Вотъ окончилась служба долгая,
Мужички снесли гробъ на кладбище;
Приняла земля дочь покорную.
Обернулся зять къ тестю блѣдному
И сказалъ, заткнувъ руки за-поясъ:
„Не пришлось пожить съ твоей дочерью!
Хлѣбъ и соль была, кажись, вольная,
А все какъ-то ей нездоровилось...“

А старикъ стоялъ надъ могилою,
 Опустивъ, въ тоскѣ, на грудь голову...
 И когда на гробъ земля черная
 Съ шумомъ глыбами вдругъ посыпалась,—
 Пробѣжалъ морозъ по костямъ его,
 И ручьемъ изъ глазъ слезы брызнули...
 И не разъ съ тѣхъ поръ въ ночь безсонную
 Этотъ шумъ ему дома слышался.

LIX.

С. В. Чис....Й.

Да не смущается сердце ваше,
 вѣруйте въ Бога,
 Иоаннъ, гл. XIV, ст. 1.

Тяжелъ вашъ крестъ!.. чѣмъ было съ вами
 Въ глуши безлюдной и степной,
 Когда у васъ передъ глазами,
 На рыхломъ снѣгѣ, сынъ родной,
 Назадъ минуту жизни полный,
 Какъ цвѣтъ, подрѣзанный косой,
 Лежалъ недвижный и нѣмой,
 Мгновенной смертью пораженный?
 Когда любимое дитя
 Вы къ жизни воплемъ призывали
 И безотвѣтныя уста
 Своимъ дыханьемъ согрѣвали?...
 Тяжелъ вашъ крестъ и ваша чаша
 Горька! но живъ Господь всего:
 Да не смутится сердце ваше,
 Молитесь, вѣруйте въ Него!
 Слеза-ль падеть у васъ,—Онъ знаетъ
 Число всѣхъ капель дождевыхъ,—

И ваши слезы сосчитаетъ,
Оцѣнить каждую изъ нихъ.
Онъ весь любовь, и жизнь, и сила,
Съ Нимъ благо все, съ Нимъ свѣтъ во тьмѣ!...
И, наконецъ, скажите мнѣ,
Ужели такъ страшна могила?
Что лучше: раньше умереть,
Или страдать и сокрушаться,
Глядѣть на зло, и зло терпѣть,
И вѣровать, и сомнѣваться?
Утраты нужно испытать,
Прочестъ весь свитокъ жизни горькой,
Чтобъ у дверей могилы только
Ихъ смыслъ таинственный понять?..
Блаженъ, кто къ вѣчному покою,
Не испытавъ житейскихъ волнъ,
Причалилъ рано утлый челнъ,
Хранимый вышнею рукою!
Кто знаетъ? можетъ быть, въ тотъ часъ,
Когда въ тиши, въ тоскѣ глубокой,
Вы на молитвѣ одинокой
Стоите долго,—подлѣ васъ
Вашъ сынъ, теперь жилецъ небесный,
Стоить, какъ ангелъ безтѣлесный,
И слышитъ васъ и, можетъ быть,
За васъ молитвы онъ творить;
Иль въ хорѣ ангеловъ летаетъ,
И,—чуждый всѣхъ земныхъ заботъ,—
И славу Бога созерцаетъ,
И гимны райскіе поетъ!
Къ чему же плачь? Настанетъ время,
Когда въ надзвѣздной сторонѣ,
За все земное бремя
Вознаградитесь вы вполнѣ.

Тамъ, окруженный неба свѣтомъ,
Сынъ радость съ вами раздѣлитъ,
И, по разлукѣ въ мірѣ этомъ,
Васъ вѣчность съ нимъ соединитъ.

LX *).

Вечеръ послѣ дождя.

Замерли грома раскаты. Дождем окропленное поле,
Послѣ грозы, озарилось улыбкой румяного солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.
Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечер-
ней.

О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ
освѣженный!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ благо-
латный!

Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темноси-
 ній: отъ жару
 Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ
 раскаленной;
 Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на
 стеблѣ.

Солнце - художникъ покрыло его золотистою крас-
кой,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горять на головкѣ
махровой;

Кръпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащия
пчелка,

Сокъ ароматный собирая. А какъ забѣлѣлася ярко

*) См. „Примѣчанія“, стр. 20, № 17-й.

LXI *).

Ж е н а я м щ и к а.

Жгучь морозъ трескучій,
На дворъ темно;
Серебристый иней
Запустилъ окно.

Тяжело и скучно,
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ,

И горить лучина,
Издавая трескъ,
На палаты, стѣны
Разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ кудрявый
Въ старомъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ, за прялкой
Мать его сидитъ.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 20, № 18-й.

Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера:
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.

Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
Мужъ что въ воду кануль,
Вѣсточки не шлетъ.

„Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ!

„Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной-одна!

„Сынъ еще ребенокъ,
Скоро-ль подростетъ?
Бѣдный!.. все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!..“

И глядитъ на сына
Горемыка-мать:
„Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!

— „А зачѣмъ же, мама,
Ты сама не спишь,
И вечеръ все пряла,
И теперь сидишь?“

„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“

— „Полно плакать, мама!“
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой припалъ.

— „Я не стану плакать.
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

„Постелю постельку,
И Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать...“

И дитя забылось,
Ночь длинна—длинна...
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И на память пряхъ
Молодость пришла,
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ:
„Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говорить;

„Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
За мужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

„И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
Кровь, вѣдь, съ молокомъ!

„И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ шутка
Молотить и жать.

„А тебя за разумъ
Хвалить вся семья,
Да любить-то... любить
Только мать твоя“.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
„Батюшка пріѣхалъ!“
Мальчуганъ сказалъ.

И вскочилъ съ постели,
Щеки ярче розъ.
„Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!..“

— „Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!“
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогъ съ шапки
Иней отряхнулъ.

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— „Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!

„Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ“.—

„А мой мужъ? спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣ снѣга
Сдѣлалась она.

— „Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягъ
По душу послалъ“. —

Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
Перевестъ дыханья
Не могла вдова;

Опустивъ рученки,
Сынъ дрожалъ, какъ листъ...
За стѣной избушки
Былъ и плачь, и свистъ.

— „Вишь, какая притча!“
Разсуждалъ мужикъ:
„Вѣрно, я не впору
Развязалъ языкъ.

„А, вѣдь, жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить!

Полно горевать-то“,
Онъ вдовѣ сказалъ:
„Стало, неча дѣлать,
Богъ, знать, наказалъ!

„Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.

Да!.. вѣдь, эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

„Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

— „Вотъ благословенье
„Сыну моему;
„Пусть не забываетъ
„Мать, скажи ему“.

„А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По-смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ“.

XLII.

Купецъ на пчельникѣ.

Межъ ульевъ, къ лѣску примыкая густому,
Подъ тѣнію гибкихъ березъ и ракить,
Недавно покрытая новой соломой,
Изба одинокая въ полѣ стоитъ.

Вкругъ ульевъ ветловый плетень. За избою
На толстыхъ столбахъ обветшалый навѣсъ;
Правѣ ворота съ одной вереею,
А далѣе поле, дорога и лѣсъ.
И какъ хорошо это поле! Вотъ гречка
Межъ рожью высокой и спѣлымъ овсомъ
Бѣлѣтся ярко, что млечная рѣчка;
Вотъ стелется просо зеленымъ ковромъ,
Склоняясь къ почвѣ густыми кистями;
Съ нимъ рядомъ желтѣетъ овесъ золотой,
Красиво качая своими кудрями;
А воздухъ струится прозрачной волной,
И солнце такъ ярко, привѣтно сіяетъ!
Вонъ коршунъ лукавый надъ рожью плыветъ,
Вдали колокольчикъ звенить, замираетъ,
И міръ насѣкомыхъ немолчно поетъ.

Близъ пчельника, въ полѣ, подъ тѣнью ракиты,
Съ купцомъ и сватами пчелинецъ сидитъ,
Широкая лысина шляпой покрыта,
Глаза его мутны, лицо все горитъ;
Лежатъ на щекахъ загорѣлыхъ морщины,
И просѣдь бѣлѣтъ въ его волосахъ,
Рубашка на немъ изъ крученой холстины,
А ноги въ онучахъ и новыхъ лаптяхъ.
Съ нимъ рядомъ бесѣдуютъ три его свата:
До плечъ изъ-подъ шапокъ ихъ кудри висятъ,
Всѣ въ синихъ рубахахъ, на шапкахъ заплаты,
Всѣ пылью покрыты съ лица и до пятъ.
Предъ ними, на бѣлой разостланной тряпкѣ,
Ведро деревянное съ квасомъ стоитъ,
Желтѣется медъ въ неокрашенной чашкѣ *)

*) Въ свободное время, любимое занятіе пчелинцевъ, кромѣ починки старыхъ ульевъ, выдѣлка изъ дерева чашекъ, ложекъ и т. п. Эти произведенія, разумѣется, самой грубой работы.

И чернаго хлѣба краюха лежить,
 Напротивъ пчелинца, въ поддевкѣ суконной,
 Въ жилетѣ и въ плисовыхъ черныхъ штанахъ,
 Купецъ темнорусый на травкѣ зеленой
 Сидить, подбоченясь, съ бутылкой въ рукахъ.
 Подалѣе, въ кичкѣ, въ цвѣтномъ сарафанѣ *),
 Невѣстка пчелинца, нагнувшись, стоитъ
 И съ саломъ свинымъ, на чугунномъ таганѣ,
 Яичницу въ глиняной чашкѣ варить **).
 Лѣвѣй, по дорогѣ, близъ ивы тѣнистой,
 Двѣ лошади подлѣ повозокъ стоятъ,
 И два медолома во ржи золотистой,
 Позавтракавъ, трубки лѣниво курятъ.
 Безоблачно небо; безлюдно все поле;
 Лишь пчелы жужжатъ, не смолкая, кругомъ,
 Да громко, подъ тѣнью ракитъ, на просторѣ,
 Ведутъ мужички свои рѣчи съ купцомъ.

І - й с в а т ѣ .

Нѣтъ, ты ужъ на свата, купецъ, положися:
 Вѣдь, онъ не захочетъ душою кривить;
 Давай-ка задатокъ, да Богу молися,
 Товаръ то-же золото, можно купить.

п ч е л и н е ц ѣ .

Не знаю я, сватушка, хитрыхъ уловокъ;
 Да мой и родитель-то былъ не таковъ.
 Ты видишь, что за десять лучшихъ колодокъ ***)
 Всего-то я выпросилъ триста рублей.

*) Продажа меду у мужичка-пчельника считается праздникомъ. Въ это время онъ приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ погулять на счетъ покупателя, и бабы надѣваютъ тогда лучшее платье.

**) Яичница—любимое полевое кушанье деревенскихъ пчелинцевъ.

***) Улей и колодка имѣютъ одно и тоже значеніе.

КУПЕЦЪ.

Эхъ, скупъ ты, Кудимычъ! грѣшишь противъ Бога!
Знать, вздумалъ на старости въ кладъ собирать.
И двадцать цѣлковыхъ, по-моему, много:
Вѣдь, было-бъ и мнѣ изъ чего хлопотать.

2-й СВАТЪ.

Вѣстимо, гдѣ польза, легка и работа,
Я помню, говаривалъ кумъ мой Сысой:
Родись только просо, косить не забота,
Семья будетъ съ кашей, хозяинъ съ казной.

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Да, сватушка, любо на свѣтѣ съ казною, —
А я вотъ на старости лѣтъ обѣднѣлъ;
Лишился дѣтишекъ, да вотъ и съ женою
Жить вмѣстѣ не долго Господь мнѣ велѣлъ.
Невѣстка, ты знаешь, зимой овдовѣла;
Самъ старъ: и пахать и косить ужъ не въ мочь;
Тутъ горе — избушка недавно сгорѣла;
Одна мнѣ утѣха осталася — дочь.
Господь дастъ, голубушку къ мѣсту пристрою
(А ей наступилъ девятнадцатый годъ),
Тогда и глаза я покойно закрою.
Да денегъ-то нѣтъ: вся надежда на медъ.

КУПЕЦЪ.

Э, полно грустить-то... А лучше, Кудимычъ,
Давай-ка вотъ выпьемъ по чаркѣ одной!

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Спасибо, родимой мой, Яковъ Данилычъ!
Премного доволенъ, спасибо, родной!

КУПЕЦЪ.

Да кушай, дружище! Зачѣмъ тутъ считаться?
Сторгуемся,—ладно, а нѣтъ, не порокъ;
Мнѣ стыдно отказомъ твоимъ обижаться:
Я знаю тебя ужъ не первый годокъ.

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Да какъ-же! Еще твой родитель покойный
Лѣтъ двадцать со мной по-пріятельски жилъ.
Вотъ былъ человекъ-то! Ужъ этакой скромный!
А какъ онъ моихъ рябятишекъ любилъ!
За то, коли бабы порой посмѣются
И скажутъ, бывало: „вонъ ѣдетъ купецъ!“
Ребята мои его ждуть, не дождутся,
Глядятъ на дорогу,—и играмъ конецъ.
Душа былъ покойникъ!.. Повѣришь, бывало,
Полсотни колодокъ онъ купить съ двухъ словъ.

КУПЕЦЪ.

Я самъ не охотникъ болтать, что попало,
Да что-жъ, вѣдь, десятокъ не триста-жъ рублей!

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Ну, двадцать пять сбавлю: оно дешевенько,
Да надо тебѣ дать копѣйку нажать!

КУПЕЦЪ.

Спасибо, Кудимычъ. Испей-ка маленько!
Успѣемъ поладить: куда намъ спѣшить!

ПЧЕЛИНЕЦЪ.

Я выпью; гляди только, Яковъ Данилычъ,
Чтобъ дѣло покончить по совѣсти намъ!

КУПЕЦЪ.

По совѣсти кончимъ. Ну, кушай, Кудимычъ!
Покамѣсть, я, кстати, налью и сватамъ.

2-й свать.

Вотъ добрый купецъ-ать! Вишь, какъ угощаетъ!
Люблю за обычай!.. А что, свать Иванъ,
Мнѣ кажется, день померкать начинается
И по полю ходить какой-то туманъ?

3-й свать.

Въ глазахъ, вѣрно, свать, у тебя потемнѣло:
На полѣ идетъ все своимъ чередомъ.
Туманъ, или ясно,—не важное дѣло...
Вотъ пчельникъ-то ходитъ немного кругомъ!

КУПЕЦЪ.

Послушай, Пахомовна, что тамъ хлопчешь?
Поди-ка сюда, побесѣдуй со мной:
Ты, видно, меня и привѣтитъ не хочешь,
Какъ-будто мы вовсе чужіе съ тобой.

ПАХОМОВНА.

И, что ты! коли я тебя забывала?
Хозяйкѣ грѣшно про гостей забывать.
Я все за яичницей тамъ хлопотала:
Дрова-то сырыя, совсѣмъ не горять.

КУПЕЦЪ.

Небось, загорятся: закуска не къ сроку
Ты на-ка вотъ чарочку выпей пока;
А я, вѣдь, тебѣ приготовилъ обновку,—
Кусокъ миткалю и два красныхъ платка.

Смотри-же, какъ съ свекромъ-то ладить я буду,
Такъ ты, молодлица, меня поддержи;
А я и въ другой разъ тебя не забуду;
Теперь лишь по-прежнему мнѣ послужи.

Поморщившись, баба стаканъ осушила
И вытерла губы слегка рукавомъ,
Намазала меду на хлѣбъ, закусила
И бойко промолвила свекру потомъ:
„Зачѣмъ у васъ, батюшко, дѣло-то стало?
Уважь коли можно, купецъ-ать хорошъ;
Иной нападеть, вѣдь, такой тряпыхало, —
Пожалуй, и денегъ гроша не возьмешь
Вотъ прошлое лѣто, у свата Степана,
Какой-то проѣзжій его подпоилъ,
А послѣ, мошенникъ, надѣлалъ изъяну,
И къ вечеру слѣдъ его въ полѣ простылъ“.

— „Ты сущую правду сказала про свата“,
Поднявшись, пчелинецъ съ трудомъ бормоталъ,
„Купцы надуваютъ, вѣдь, нашего брата, —
Я самъ этотъ грѣхъ на себѣ испыталъ.
Ну, слушай-же, Яковъ Данилычъ! Вотъ видишь, —
Признаться, ей-Богу въ умѣ не было,
За то, что въ расчетъ меня не обидишь,
Долой семь цѣлковыхъ! куда что ни шло!“

„Нѣтъ, такъ не придется. Я радъ бы душою,
Да слишкомъ, любезный, цѣна высока,
Ты, видно, не хочешь поладить со мною,
А ждешь къ себѣ въ гости купца-кулака?
Что-жь?—Вольному воля; пожалуй, какъ, знаешь,
Но только такого, какъ я, не найдешь:

Съ меня ты червонцы всегда получаешь *),
Съ другаго и лыками всѣхъ не возьмешь“.

Пахомовна ложки, межъ тѣмъ, разложила,
Холоднаго квасу въ ведро подлила,
Поближе гостей всѣхъ присѣсть пригласила
И въ чашкѣ яичницу имъ подала.
И, весело гуторя, около чашки
Сваты и пчелинецъ усѣлись въ кружокъ;
Разгладили бороды, скинули шапки
И каждый взялъ ложку и хлѣба кусокъ,
И дружно обѣдъ свой они продолжали.
Но хмѣльный пчелинецъ не ѣлъ и молчалъ;
Глаза старика черезъ-силу моргали
И носъ его въ воздухъ что-то клевалъ.
Купецъ и Пахомовна рядомъ сидѣли,
И глазъ не сводилъ съ нея ловкій сосѣдъ,
И щеки молодки румянцемъ горѣли...
Вотъ медомъ окончился сытный обѣдъ.

— „Спасибо за хлѣбъ-соль и ласку, Кудимычъ“,
Сваты говорили и силились встать.
„Спасибо тебѣ тоже, Яковъ Данилычъ,
Довольны, родимый: ужъ неча сказать!“—

„Не стоитъ, сваточки: вы вовсе не ѣли“,
Сватамъ, спотыкаясь, пчелинецъ сказалъ:
„А чтѣбы одну вы мнѣ пѣсенку спѣли?
Я пѣсенъ, признаться, давно не слыхалъ!“

— „Ну, что же, Кудимычъ, какъ будемъ мы
ладить?“

*) Мужики степныхъ губерній почитаютъ для себя величайшею обидою, если имъ платятъ за какой-либо товаръ разорванными билетами или старою серебряною монетою.

Платкомъ утираясь, промолвилъ купецъ:
 „Нельзя ли съ цѣны твоей что-нибудь сбавить!
 Скажи покороче,—и дѣлу конецъ“.

„Да вотъ что, кормилецъ, я сбавлю немного:
 Ты хочешь мнѣ двѣсти и двадцать отдать?
 Не то,—такъ ступай себѣ... вонъ и дорога!
 Я больше не стану съ тобой толковать“.

— „Сто двадцаты!.. упрямя ты маленько, Ку-
 димычъ!“

Какъ-будто обидясь, купецъ повторилъ.
 „Сто двадцаты! Сто двадцаты! какъ знаешь,
 Данилычъ!“

Ни гроша не сбавлю,—и такъ уступилъ! *)

— „Ну, вѣрно, часъ добрый! помолимся Богу!
 Куплю хоть въ убытокъ, на зло кулакамъ!...“
 И, синій картузь приподнявши немного,
 Съ пчелинцемъ ударилъ купецъ по рукамъ.
 „Да только, братъ, вотъ что: вѣдь, я покупаю
 На Божію волю, на милость твою,
 И если я ульи плохіе ломаю,
 Поправь, ради дружбы, ошибку мою“.

„Не бойся, родимый, обиды не будетъ...
 Родитель мой по смерть всегда говорилъ:
 Будь честенъ, Ванюшка, Господь не забудеть,
 Гляди, чтобы ты никого не забылъ“.

*) Подобнаго рода продѣлки нѣкоторыми покупателями
 меду употребляются нерѣдко. Пьяный пчелинецъ безсозна-
 тельно повторяетъ слова 'купца, и, что всего удивительнѣе,
 опять остается его пріятелемъ: проспавшись, бѣднякъ не
 помнитъ ничего, сочтетъ вырученныя за медъ деньги и ска-
 жетъ: „Эхъ, дешевенько я отдалъ медъ этому купцу; ну,
 видно его счастье*!“

— „Давайте, ребята, проворнѣй кадушку!“ *)
 Работниковъ кликнувъ, купецъ имъ сказалъ:
 „Да кстати сейчасъ же зажгите курушку **)
 И вмѣстѣ съ ножемъ не забудьте рѣзецъ; ***)
 Теперь ужъ позволь намъ, хозяинъ, за дѣло,
 И тотчасъ ребята работу начнутъ“.

„Часъ добрый, часъ добрый! работайте смѣло!
 Пускай себѣ съ Богомъ на пчельникъ идутъ“.

И вотъ медоломы къ труду приступили.
 Купецъ мужичковъ продолжалъ угощать,
 И вновь даровое вино они пили,
 И стали съ покупкой купца поздравлять.
 Но праздникъ былъ полный для свата Ивана:
 Смекнувъ, что безъ дѣла сидѣть не рука,
 Досталъ онъ жилейку свою изъ кармана
 И, кашлянувъ, началъ играть трепака.
 Не долго Пахомовна смирно сидѣла,
 Ей сватова пѣсня знакома была,—
 Въ красавицѣ-бабѣ вся кровь закипѣла
 И, вставши, плясать она бойко пошла;
 И крѣпко подъ тактъ застучала котами,
 Рукой подбоченая, грудью впередъ,
 И тихо вокругъ поводила глазами,
 И градомъ катился съ лица ея потъ.

„Спасибо, невѣстка, воскликнулъ Кудимычъ:
 Всему свое время—гулять, такъ гулять!...
 Какъ думаешь, батюшка, Яковъ Данилычъ,
 Такого намъ праздника долго, вѣдь, ждатель?“

*) Въ кадушку кладется медъ, вынутый изъ улья.

**) Курушкою медоломы подкуриваютъ пчелъ.

***) Большой ножъ, и рѣзецъ (острый желѣзный крюкъ)
 необходимы при очищеніи улья.

— „Катай! и моя не шербата копѣйка!“
Вскочивъ и шатаясь, свать Карпъ закричалъ:
„Ну что-жь ты тамъ дремлешь съ своею жилейкой?
Играй веселѣе, коли заиграли!“
И, свистнувъ, онъ крѣпко притопнулъ ногами,
Хватилъ о-земь шапку, подперся въ бока,
Тряхнулъ молодецки густыми кудрями, —
И началъ въ присядку плясать трепака.
И долго со звукомъ жилейки сливался
И свистъ его звонкій, и стукъ сапоговъ...
На пляску съ улыбкой купецъ любовался
И думалъ: „ну, разъ я надулъ мужичковъ,
Не дурно-бъ теперъ и въ другой постараться“.
Межъ тѣмъ подошелъ ужъ одинъ медоломъ...

„Ну что, братъ: успѣли-ли съ медомъ убратся?“
Хозяинъ работнику молвилъ тишкомъ.

— „Вотъ, есть о чемъ думать! вѣдь, намъ не
учиться!
Ну, польза, хозяинъ, отъ меду придетъ:
Полтиною можно на рубль поживиться;
Всѣ улы на выборъ... отличнѣйшій сортъ!

„Ступай же, тамъ все уברי хорошенько:
Мы скоро поѣдемъ“, купецъ отвѣчалъ.
„Ну, что, другъ Кудимычъ! Вѣдь, дѣло пло-
хонько:
Ты медомъ-то крѣпко меня наказалъ!
Не дай ужъ въ обиду,—прибавъ двѣ колодки...
Такая досада! и самъ я не свой!“

— „Охъ, нѣтъ-ли, родимый, какой тутъ уловки?“
Кудимычъ сказалъ, покачавъ головой.

„Какой же уловки?... Я развѣ мошенникъ?
Ты, стало-быть, хочешь меня обижать?“

— „Ей-Богу, не думаль!.. пойдѣмъ-ка на пчель-
никъ:

Колодку сверхъ счета не шутка отдать“.—
Купецъ говорилъ, что одной маловато,
Но твердо пчелинецъ стоялъ на своемъ
И тутъ-же сослался на перваго свата,
Примолвивъ: „мы знаемъ, вѣдь, дѣло-то въ чемъ!“
Насилу упрямый купецъ согласился,
Пчелинцу сто двадцать рублей отсчиталь,
И честью своей передъ нимъ похвалился,
И шляпу въ подарокъ ему обѣщаль *).

И, вотъ, всѣ на пчельникъ отправились вмѣстѣ.
Пахомовна въ тряпку посуду взяла,
И только на прежнемъ, оставленномъ мѣстѣ
Дымился огонь и бѣлѣла зола.
Толкая другъ-друга, махая руками,
Сваты охмѣлѣвшіе медленно шли,
И пыль загребали съ дороги ногами,
И подъ руки свата-пчелинца вели.

„Ну, вотъ когда вдоволь мы всѣ погуляли!“
Сватамъ, съ разстановкой, старикъ говорилъ:
„Вишь, дѣло какое... и медъ мы продали,
И шляпу мнѣ добрый купецъ посулилъ.
Вотъ праздникъ-то Богъ далъ!.. Теперь я съ казною...
Еще десять ульевъ послѣднихъ продамъ;
Построю избушку... и дочку зимою
За парня хорошаго за-мужъ отдамъ...”

*) Подарить пчелинцу рукавицы или шляпу — каждый покупатель считаетъ своею обязанностію.

Постойте... постойте... вѣдь, я и забылся...
Эхъ, то-то, вѣдь старому пить не рука!
Я, кажется, съ вами, за что-то бранился?..
Простите, родные, меня старика!“

„Да что ты, Кудимычъ!“ сваты отвѣчали:
„Не грѣхъ-ли объ этомъ тебѣ говорить,
Коли отъ тебя мы обиду видали?
Намъ по-вѣкъ, родимый, тебя не забыть“,
Свать Карпъ говорилъ, головою кудрявой качая,
И, старую шапку назадъ заломивъ,
Съ открытою грудью шелъ, пѣснь напѣвая:

Эхъ, воля моя, молодецкая воля!
Не надолго, вѣрно, была ты дана:
Сгубила тебя горемычная доля,
На вѣкъ погубила злодѣйка-жена!
Какъ вспомнишь ту волю,—слеза навернется,
И съ горя-бъ на свѣтъ, на людей не гля-
дѣль!

Да видно—живи, молодецъ, какъ живется,
Когда свое счастье беречь не умѣлъ!“

И долго сваты на дорогѣ шумѣли...
Но силы остатокъ имъ сталъ измѣнять:
Ихъ очи безъ цѣли и мысли глядѣли,
И рѣчи ихъ трудно ужъ было понять.
До пчельника кой-какъ съ трудомъ дотавив-
шись,

Межъ ульевъ бродили они съ полчаса
И всѣ, наконецъ, на траву повалившись,
Въ тяжелой дремотѣ закрыли глаза.
И все приутихло... Одинъ лишь Кудимычъ,
Порою, невнятно, сквозь сонъ бормоталъ:

„Сто двадцать... сто двадцать... какъ знаешь, Да-
нилычъ!

Ни гроша не сбавлю... Я сразу сказалъ“.

Садилось солнце. Волнистыя нивы
Горѣли румянцемъ. Весь западъ пылалъ.
Чуть слышно шептали зеленныя ивы;
Вечерней прохладою воздухъ дышалъ.
Очистивши улей, подарокъ пчелинца,
Купецъ отдалъ бабѣ миткаль и платки,
Промолвивъ: „Ну, вотъ тебѣ вдругъ три гос-
тинца,

Носи, не жалѣй, съ моей легкой руки;
У тебя, вѣдь, обновокъ, я думаю, мало?“

— „Охъ, мало, касатикъ! откуда ихъ взять?
Намъ, послѣ пожара, какъ лѣто настало,
И хлѣбъ-то пришлось у людей занимать!
Теперь хотъ отъ меду копѣйка собьется, —
Старикъ не минуетъ избушку купить;
А дочь-то опять жениха не дождется...
Да, плохо, кормилецъ мой, стало намъ жить!
Я думаю въ городъ... въ кухарки наняться...
Не-то похоронимъ, глядишь, старика,
Дочь станетъ въ селѣ безъ пріюта шататься,
И я-то останусь тогда безъ куска...“

— „Эхъ, жаль“, купецъ думалъ: „дѣла въ без-
порядкѣ...“

Въ другой разъ тутъ нечего будетъ купить.
Ну, если-бъ я зналъ, что пчелинецъ въ упадкѣ, —
Мнѣ въ мутной водѣ рыбу легче-бъ ловить...“

Межъ-тѣмъ ужъ коней запрягли медоломы;
Купецъ сѣлъ въ повозку, картузь приподнялъ,

Слегка поклонился молодкѣ знакомой
И тронуть своихъ лошадей приказалъ.
И лошади крупною рысью пустились,
На уздахъ раздался бубенчиковъ звукъ,
И спицы тяжелыхъ колесъ закружились,
И пыль за повозками встала вокругъ...
Вотъ кони, исчезнувъ за пылью густою,
Еще на горѣ показались разъ,
Свернули налѣво и вдругъ, за горою,
Въ глубокой лощинѣ пропали изъ глазъ.

LXIII *).

Неудачная присуха.

Ударъ за ударомъ,
Полуночный громъ,
Полнеба пожаромъ
Горить надъ селомъ.

И дождь поливаетъ,
И буря шумить,
Избушку шатаетъ,
Въ оконце стучить.

Ночникъ одиноко
Въ избушкѣ горить;
На лавкѣ широкой
Кудесникъ сидитъ.

*) См. „Примѣчанія“ стр. 22, № 19-й.

Сидить онъ — колдуетъ
Надъ чашкой съ водой,
То на воду дуетъ,
То шепчетъ порой.

На лбу бороздами
Морщины лежатъ,
Глаза подъ бровями,
Какъ угли, горять.

У притолки парень
Въ халатъ стоитъ:
Онъ, блѣдный, печалень
И въ землю глядитъ.

Лицо некрасиво,
На видъ простоватъ,
Но сложенъ на диво
Отъ плечъ и до пятъ.

„Ну, слушай: готово!
Хоть трудъ мой великъ“,
Промолвилъ сурово
Кудесникъ-старикъ:

„Я слѣлаю дѣло:
Красотка твоя
И душу, и тѣло
Отдастъ за тебя!

„Ты самъ ужъ, вѣстимо,
Зѣвать — не зѣвай:
Безъ ласки ей мимо
Пройти не давай...“

Спасибо, кормилецъ!
За все заплачу;
Поможешь,—гостинецъ
Съ поклономъ вручу.

„Крупы, коли скажешь,
Мѣшокъ ни-почемъ!
А денегъ прикажешь,—
И деньги найдемъ“.

И съ радости дома
Такъ парень мой спалъ,
Что бури и грома
Всю ночь не слыжалъ.

Пять дней пролетѣло...
Вотъ разъ вечеркомъ,
На лавкѣ, безъ дѣла
Лежить онъ ничкомъ,

На крѣпкія руки
Припавъ головой,
Колотить отъ скуки
Объ лавку ногой.

И вдругъ повернулся,
Плечо почесалъ,
Зѣвнулъ, потянулся
И громко сказалъ:

— „Слышь, матушка! бають,
У насъ въ деревняхъ
Вишь доки бываютъ,—
И вѣрить-то страхъ!

„Кого, вишь, присушать.
Не милъ станеть свѣтъ:
Тоска такъ и душить!...
Что—правда, аль нѣтъ?“

„Бываютъ, вѣстимо“,
Отвѣтила мать:
„Не дай Богъ, родимый,
Ихъ видѣть и знать...“

— „Ну, правда, такъ ладно!“
Сынъ думаль: „дождусь!..
Эхъ, жить буду славно,
Коли я женюсь!...“

Но, видно, напрасно
Кудесникъ шепталъ
И дѣвицъ красной
Тоской угрожалъ.

Другаго красotka
Любила тайкомъ
За пѣсни, походку
И кудри кольцомъ...

А парень гуляетъ:
Какъ праздникъ придетъ,
Лицо умываетъ
И гребень беретъ,

И кудри направо,
Пальво завьетъ,
Подумаеть: „браво!“
И пальцемъ шелкнетъ,

Какъ снѣгъ въ чистомъ полѣ,
Рубашка на немъ,
Кумачъ на подолѣ
Краснѣетъ огнемъ.

На шляпѣ высокой,
Межъ плисовыхъ лентъ,
Горить одиноко
Витой позументъ.

Онучи обвиты
Кругомъ бичевой,
И лапти прошиты
Суровой пенькой.

Тряхнеть волосами,
Идеть въ хороводъ.
„Ну, вотъ, дескать, нами
Любуйся народъ!“

Какъ встрѣтился съ милой,—
Ни словъ, ни рѣчей;
Что въ памяти было,—
Забылъ, хоть убей!

Вдругъ правда, случайно,
До парня дошла:
Ужъ дѣвкина тайна
Не тайной была...

Вся кровь закипѣла
Въ бѣднягѣ... „Такъ вотъ,
Онъ думалъ, въ чемъ дѣло!
Кудесникъ-атъ вретъ.

„Не грѣхъ ему палкой
Бока обломать
Обманщику... жалко
Мнѣ руки марать!“

И два дни, угрюмый,
Убитый тоской,
Все думалъ онъ думу
Въ избушкѣ родной.

На третій, лишь только
Отправилась мать
На рѣчку въ ведерко
Водицы набрать,

Съ гвоздя торопливо
Котомку онъ снялъ;
„Пойду, молы!..“ и живо
Ремни развязалъ.

Въ тряпицѣ рубашку
Въ нее положилъ,
И съ ложкою чашку
Туда-жъ опустилъ,

Халатъ для дороги
Про непогодъ взялъ...
Мать входитъ; онъ въ ноги
Ей палъ и сказалъ:

„Ну, матушка, горько,
Признаться, идти
Съ родимой сторонки...
А видно, прости!“

Мать такъ и завывала:
„Касатикъ ты мой!
Ахъ, крестная сила!
Что́ это съ тобой?“

— „Да что тутъ мнѣ биться,
Какъ рыбѣ объ ледъ!
Пойду потрудиться,
Что́ Богъ ни пошлетъ.

И тутъ жилъ трудами,
Талана, вишь, нѣтъ...“
Старушка руками
Всплеснула въ отвѣтъ:

„Да какъ же подъ старость
Мнѣ жить-то одной?
Вѣдь, ты моя радость,
Кормилецъ родной!“

И къ сыну припала
На грудь головой
И все повторяла:
„Кормилецъ родной!“

Сынъ крѣпко рукою
Хватилъ себя въ лобъ,
И думалъ съ собою:
„Прямой остолопъ!“

„Ну, вотъ тебѣ, здравствуй!..
Наладилось мнѣ:
Иди, малый! царствуй
Въ чужой сторонѣ!

„А, стало, — старушкѣ
Одной пропадать!
Казны-то полушки
Ей негдѣ достать“.

И парень украдкой
Лице отвернулъ
И старую шапку
На лавку швырнулъ.

— „Ну, полно, родная!
Я въ шутку... пройдетъ...
Все доля дурная...
Наука впередъ!“

Румяное солнце
Къ полямъ подошло,
Въ избушкѣ оконце
Огнемъ залило;

Румянить, золотить
Лѣсокъ въ сторонѣ.
Мой парень молотить
Овесъ на гумнѣ.

Тяжелыя муки
Въ душѣ улеглись:
Могучія руки
За трудъ принялись.

Цѣпъ такъ и летаетъ,
Какъ молнія жжетъ,
На снопъ упадаетъ.
По колосу бьетъ.

Богъ помочь, дѣтина!
Давно бѣ такъ пора!..
Долой ты, кручина,
Долой со двора!

LXIV.

Б у р л а к ъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что воть я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня молодца.
Я женился,—и зажилъ съ женой!
Словно счастья на дворъ мнѣ она принесла,—
Дай Богъ царство небесное бѣдной!—
Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была,—
Дорожила полушкою мѣдной!
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
Пѣтухи пропоютъ,—ну, тогда отдохнетъ
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ,—
Ужъ она на ногахъ: поглядишь,—побѣжитъ
И овцамъ, и коровамъ дастъ корму,
Печь истопить, и снова за прялкой сидитъ,
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать, иль снопы подавать
Съ земли на возъ,—и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: „не пора-ль отдыхать?“
— „Ничего, говорить, не устала“.—

Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: „напрасно!
Мы безъ этого будемъ другъ-друга любить,
Что ты тратишься, соколъ мой ясный!“
Какъ въ раю съ нею жилъ!.. Да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю на-вѣки спать...
Вспомнишь,—жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надежда была,—словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ-сынишка.
По складамъ ужъ псалтырь было началъ читать...
Думалъ: „выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка!“
Да не то ему Богъ на роду написалъ:
Заболѣлъ отъ чего-то весною. —
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою,
Обѣщалъ рублевую свѣчку купить,
Предъ иконою въ церкви поставить,—
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совѣмъ мои руки!
Стали хлѣбъ убирать,—въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, м олъ, вотъ рожъ
Справлю сани, извозничать буду,—
Вдругъ,—бѣда за бѣдой,—на скотину падежъ...
Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!
Кой-какъ зиму провелъ; вижу,—честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется;
„Дескать,—всякая вотъ что-ни-есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!“
То бранять за глаза: „не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ: видишь, какъ онъ лѣнится;

Нѣтъ, по нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!⁴
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ;
Видно, Богъ свою помочь мнѣ подалъ!
Запросилась душа на широкій просторъ...
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ...
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!..
Коли отдыхъ придетъ,—на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ,—и въ мигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы слержишь,—и самъ тутъ зальешься!
Непогода-ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе, —
Есть разгуль молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется,—и вспыхнешъ огнемъ!
Осень, холодъ,—не надобна шуба!
Сядешь въ лодку,—гуляй! размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешъ: „ну, теперь Божія воля!
Коли жить, — будемъ жить, умереть, — такъ
умремъ!“
И въ душѣ словно не было горя!

LXV.

Подлѣ рѣки одиноко стою я подѣ тѣнью ракиты;
 Свѣтъ ослѣпительный солнца скользить по ши-
 рокимъ уступамъ
 Горъ мѣловыхъ, будто снѣгомъ нетающимъ плот-
 но покрытыхъ;
 Въ зелени яркой садовъ, подѣ горою, бѣлѣются
 хаты,
 Бродятъ лѣниво вдоль луга стада, — и по пыльной
 дорогѣ
 Тянется длинный обозъ; погоняя воловъ утом-
 ленныхъ,
 Тихо идутъ чумаки, и одинъ черномазый хохле-
 нокъ
 Спитъ крѣпкимъ сномъ на возу, беззаботно рас-
 кинувши руки.
 Поглядите налѣво: о, Боже, какая картина!
 Влага прозрачная, кажется, дышетъ, разлившись
 широко!
 Синее небо и бѣлыя тихо плывущія тучки;
 Берега желтый песокъ, неподвижнаго лѣса вер-
 шины,
 Тонкій пушистый камышъ, и рыбаки, опускающій
 сѣти,—
 Все отразилось въ стеклѣ этой влаги такъ живо
 и ясно,
 Что вдохновенный художникъ съ своею волшебною
 кистью,
 Смѣлый поэтъ съ своимъ словомъ послушнымъ
 сознали-бъ здѣсь оба
 Жалкую бѣдность искусства предѣ жизнью вѣч-
 ной природы!...

Съ перваго взгляда все кажется просто, но сколько тутъ силы,
Жизни, величія, новыхъ предметовъ для пѣсенъ
и думы...

Слышишь - ли эти немолчные звуки серебряной
влаги?

Что она хочетъ сказать? не разгула-ли просить и
воли?

Иль на своемъ языкѣ непонятномъ и годы, и вѣки
Вторить свободно торжественный гимнъ вездѣсущему Богу?

Есть-ли таинственный смыслъ въ 'этомъ говорѣ
вѣтра съ листьями?

Я-ли одинъ созерцаю присутствіе Бога въ твореньи,

Иль надо мною здѣсь духи витають незримой толпою,

Жизнью, мнѣ незнакомой, живутъ, и доступенъ имъ лучший,

Полный прекраснаго, міръ съ его тайнами, силой и славой?

Видно, не чуждъ онъ и мнѣ: будто что-то родное я слышу

Въ шопотѣ вѣтра съ травою и въ говорѣ волнъ подъ ногами.

Вижу на каждомъ шагу своемъ тайны; но сладко мнѣ думать:

Въ царствѣ природы не лишній я гость съ моей думой и пѣсней.

LXVI.

Лѣсникъ и его внукъ.

„Дѣдушка, дѣдушка! Вотъ я чудесъ - то когда
насмотрѣлся!
Пѣсней наслушался всякихъ!.. и вспомню, такъ
сердце забьется.
Утромъ я сѣлъ на полянѣ подъ дубомъ и сталъ
дожидаться,
Скоро ли солнышко встанетъ. Въ лѣсу было тихо,
такъ тихо,
Словно все замерло... Вижу я, — тучки на небѣ
алѣютъ—
Больше да больше, — и солнышко встало! Какъ
будто пожаромъ
Лѣсъ освѣтило! Цвѣты на полянѣ, -- листы на
деревьяхъ,—
Ожило все, засіяло... ну, точно смѣется сквозь
слезы
Божьей росы!.. Сквозь просѣку увидѣлъ я чистое
поле:
Яркимъ румянцемъ покрылось оно, а пары под-
нимались
Выше и выше, и золотомъ тучки отъ солнца го-
рѣли.
Богъ вѣсть, кто строилъ изъ тучекъ мосты, ко-
локольни, хоромы,
Горы какія - то съ мѣдными шапками... Диво и
только!
Глянулъ я вверхъ: надо мною на вѣткахъ была
паутина,—
Мнѣ показалось, серебряной сѣти я вижу узоры.

Самъ-та паукъ длинноногій, какъ умный хозяинъ,
поутру
Вышелъ, работу свою осмотрѣлъ и двѣ ниточки
новыхъ
Бойко провелъ, да и скрылся подъ листикомъ, —
вотъ ужъ лукавый!...
Вдругъ на сухую березу сѣлъ дятель и носикомъ
длиннымъ
Началъ стучать, будто вымолвить хочетъ: „про-
снитесь, сони!“
Слышу: малиновка гдѣ-то запѣла, за нею другая,
И раздалися въ кустахъ голоса, будто праздникъ
великій
Вольныя птички встрѣчали... такъ весело!.. Вѣ-
теръ прохладный
Что-то шепнулъ потихоньку осинѣ, — она встре-
пенулась,
Съ листьевъ посыпались свѣтлыя капли, какъ дож-
дикъ, на травку;
Вдругъ зашумѣли березы, орѣшникъ, и лепетъ, и
говоръ
По лѣсу всюду пошелъ, словно гости пришли на
бесѣду...“

— „Охъ, ты, кудрявый шалунъ, на яву начи-
наешь ты грезить!
Вѣтеръ въ лѣсу зашумѣлъ — у него это чудо
большое.
Любишь ты сказки-то слушать и самъ ихъ раз-
сказывать мастеръ.
Вишь, вчера вечеромъ сѣлъ у ручья, да глазѣть
на звѣзды,
Невидалъ точно какая! Кололъ-бы ты лучше лу-
чину!“

Что, и ручей, чай, вчера разсказалъ тебѣ новаго
много?"

— „Какъ же, разсказывалъ, дѣдушка! Я любо-
вался сначала,
Какъ потухала заря, и на небѣ одна, за дру-
гою,
Звѣздочки стали выглядывать; мнѣ показалось въ
ту пору:
Ангеловъ свѣтлыя очи глядятъ къ намъ оттуда
на землю.
Видѣлъ я, какъ поднимался и мѣсяцъ надъ лѣсомъ;
не знаю,
Что онъ не смотритъ, какъ солвышко? все будто
думаетъ что-то.
Любо мнѣ было. Прилегъ я на травку подъ ивой
зеленой, —
Слышу, ручей говорить: „хорошо мнѣ журчать
въ темномъ лѣсѣ:
Въ полночь тутъ дивы приходятъ ко мнѣ, поютъ
пѣсни и пляшутъ;
Только раздолья здѣсь нѣтъ. Будетъ время, я
выйду на волю,
Выйду изъ темнаго лѣса, увижу и синее море;
Въ морѣ дворцы изъ стекла и сады [съ золотыми
плодами;
Есть тамъ русалки, бѣлѣй молока ихъ открытыя
плечи;
Очи, какъ звѣзды, горятъ; въ волосахъ дорогіе
каменья.
Есть тамъ старикъ-чародѣй; разсылаетъ онъ вѣт-
ры по волѣ;
Слушаютъ рыбы его; вѣсти чудныя рѣки прино-
сятъ...“

— „Вотъ, погоди,—подростешь, позабудешь ты
 эти рассказы,
 Люди за нихъ не дадутъ тебѣ хлѣба и скажутъ:
 трудися!
 Вонъ нашъ пастухъ съ раннихъ лѣтъ обучился
 играть на свирѣли,
 Такъ и состарѣлся нищимъ, все новыя пѣсни сла-
 гаетъ!“

— „Развѣ не плакалъ ты, дѣдушка, самъ, когда ве-
 черомъ позднимъ
 Брался пастухъ за свирѣль, и по темному лѣсу
 далеко
 Пѣснь соловьиная вдругъ разливалась,— и все за-
 молкало,
 Словно и лѣсъ ее слушалъ, и синее небо, и звѣзды?
 Нѣтъ, не брани меня, дѣдушка! Выросту, буду
 трудиться,
 Буду и пѣсни я пѣть, какъ поетъ вѣтерокъ пере-
 летный,
 Вольныя птицы по днямъ, по ночамъ темный лѣсъ
 подъ грозою,
 Буду пѣть радость и горе, и улыбаться сквозь
 слезы!“

LXVII.

Б у р я.

Тучи идутъ разноцвѣтной грядою по синему
 небу.
 Воздухъ прозраченъ и чистъ. Отъ лучей восходя-
 щаго солнца
 Бора опушка горитъ за рѣкой золотыми огнями.
 Въ зеркалѣ водъ отразились небо и берегъ,

Гибкій высокій тростникъ и ракиѣ изумрудная зе-
лень.
Здѣсь чуть замѣтная зыбь ослѣпительно блещетъ
отъ солнца,
Тамъ—вонъ, отъ тѣни крутыхъ береговъ вороне-
ною сталью
Кажется влага. Вдали полосой широкой, чтѣ ска-
терть,
Тянется лугъ, поднимаются горы, мелькаютъ въ
туманѣ
Села, деревни, лѣса, а за ними синѣется небо.
Тихо кругомъ. Лишь шумить, не смолкая, вода у
плотины,
Словно и просить простора, и ропщеть, что мель-
нику служить,
Да иногда пробѣжить по травѣ вѣтерокъ неви-
димкой,
Чтѣ-то шепнетъ ей, и, вольный, умчится далеко.
Вотъ ужъ и солнце совсѣмъ закатилось, но пы-
шетъ доселѣ
Алый румянецъ на небѣ. Рѣка, берега и деревья
Залиты розовымъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ гаснетъ,
темнѣетъ...
Вотъ еще разъ онъ мелькнулъ на поверхности
дремлющей влаги,
Вотъ отъ него пожелтѣвшій листокъ на прибреж-
ной осинѣ
Вдругъ, какъ червонецъ, блеснулъ, засіялъ — и
угасъ постепенно.
Тѣни густѣютъ. Деревья вдали принимать начи-
наютъ
Странные образы. Ивы стоятъ надъ водою, какъ
будто
Думаютъ чтѣ-то и слушаютъ. Боръ какъ-то смо-
трить угрюмо.

Тучи, какъ горы, подъятыя къ небу невидимой силой,
Грозно плывутъ и растутъ, и на нихъ прихотливою
грудой
Башень, разрушенныхъ замковъ и скалъ громоздятся
обломки.
Чу! пахнулъ вѣтерокъ! Пушистый тростникъ зашеп-
таль, закачался,
Утки плывутъ торопливо къ осокѣ, откуда — то съ
крикомъ
Чибишь несется, сухіе листы полетѣли съ ракиты.
Темнымъ столбомъ закружилася пыль на песчаной
дорогѣ,
Быстро, стрѣлою колѣнчатой молнія тучи разсѣкла,
Пыль поднялася густѣе, — и частою, крупною дробью
Дождь застучалъ по зеленымъ листамъ; не прошло
и минуты,
Онъ превратился ужъ въ ливень, и боръ встрепе-
нулся отъ бури,
Что исполинъ, закачалъ головою своею кудрявой
И зашумѣлъ, загудѣлъ, словно нѣсколько мельницъ
огромныхъ
Начали разомъ работу, вращая колеса и камни.
Вотъ все покрылось на мигъ оглушительнымъ сви-
стомъ, и снова
Гуль непонятный раздался, похожій на шумъ водо-
пада.
Волны, покрытыя бѣлою пѣной, то къ берегу хлы-
нутъ,
То побѣгутъ отъ него и гуляютъ вдали на свободѣ.
Молнія ярко блеснетъ, вдругъ освѣтитъ небо и
землю,
Мигъ — опять все потонетъ во мракѣ, и грома удары
Грянутъ, какъ выстрѣлы страшныхъ орудій. Деревья
со скрипомъ

— „А что тамъ я стану съ невѣсткою дѣлать?
 Вѣдь, я не могу ей руки подложить.
 Вотъ нажили, Богъ далъ, утѣху подъ старость!
 Твердила тебѣ: „захотѣлъ ты, молю, взять,
 Старикъ, бѣлоручку за сына на радость, —
 Придется тебѣ на себя попенять“; —
 Вотъ такъ и сбылось! Что ни день — съ ней за-
 бота:

Тутъ вотъ это не такъ, тамъ вотъ то не по ней,
 То, вишь, не подъ силу ей въ полѣ работа,
 То скажетъ: въ избѣ зачѣмъ держимъ свиней.
 Печь топишь,—головка отъ дыму кружится,
 Все ей вотъ опрятной, да чистою быть,
 А хлѣвъ велишь чистить,—ну, тутъ и лѣнится,
 Чуть станешь бранить,—и поидетъ голосить:
 „Ихъ-охъ! Ихъ-охъ!“ —

— „Старуха, побойся ты Бога!
 Зачѣмъ ты объ этомъ кричишь день и ночь?
 Ну, знахаря кликни: бѣды-то немного, —
 У бабы, вѣдь, болѣсть, ей надо помочь.
 А лгать тебѣ стыдно! она не лѣнится,
 Безъ дѣла и часу не станетъ сидѣть;
 Бранить ее станешь,—отвѣтитъ боится;
 Коли ей ужъ тошно,—уйдетъ себѣ въ клѣть
 И плачетъ украдкой, и мужу не скажетъ;
 „Зачѣмъ, дескать, ссору въ семьѣ начинать?“ —
 Смотри-же, Господь тебя, право, накажетъ,
 Невѣстку напрасно не слѣдь обижать“.

— „Охъ, батюшки, кто говоритъ-то, — досада!
 Лежи на печи, коли Богъ наказалъ;
 Ослѣпъ и оглохъ, ну, чего-жъ тебѣ надо?
 Туда-же жену переучивать сталъ!

И такъ у меня отъ хозяйства по дому,
Хрычъ старый, вотъ этакъ идетъ голова!
Вишь, важное дѣло, что взялъ онъ за сына
Разумную дѣвку, мѣщанскую дочь, —
Ни платья за нею, казны ни алтына,
Теперь и толкуеть: „ей надо помочь!“
Пришла въ чужой домъ и болѣзни узнала,
Нѣтъ, я еще въ руки ее не взяла...“
Тутъ шорохъ старуха въ сѣняхъ услышала
И смолкла. Невѣстка въ избушку вошла.
Лицо у больной было грустно и блѣдно;
Какъ видно, на немъ положили слѣды
Тяжелыя думы и трудъ ежедневный,
И тайныя слезы, и горечь нужды.

— Ну, что же, голубушка, спать - то ра-
ненько,
Возьми-ка, мнѣ на ночь постель приготовь,
Да сядь, поработай за прялкой маленько“,
Невѣсткѣ сквозь зубы сказала свекровь.
Невѣстка за свѣжей соломой сходила,
На нарахъ въ сторонкѣ ее постлала,
Къ стѣнѣ въ изголовье зипунъ положила,
Присѣла на лавку и прясть начала.
Въ избѣ было тихо. Лучина пылала,
Старикъ беззаботно и сладко дремалъ,
Старуха чугунъ на полу вытирала, —
И только подъ печью сверчокъ распѣвалъ,
Да котъ вкругъ старухи ходилъ, увивался
И, шурясь, мырлыкалъ, но баба ногой
Толкнула его, проворчавъ: „разгулялся!
Гляди, передъ болѣстью, видно, какой“.
Вдругъ дверь отворилась: стуча сапогами,
Вошелъ сынъ старухи, снялъ шапку, кафтанъ,

Ударилъ ихъ объ полъ, тряхнулъ волосами
И крикнулъ: „ну, матушка, вотъ я и пьянь!“

— „Что это ты сдѣлалъ? когда это было?
Ты отъ роду не пилъ и капли вина“.
„Я не пилъ, когда мое сердце не ныло,
Когда, какъ былинка, не сохла жена!

— „Спасибо, сыночекъ!.. спасибо, безпутный!...
Ужъ я и ума не могу приложить!
Куда-же мнѣ дѣться теперь, безпріютной?
Невѣсткѣ что скажешь, начнетъ голосить,
Не то сложить руки, и горя ей мало;
Старикъ только ѣсть, да лежить на печи,
А вотъ и отъ сына почета не стало,—
Живи — сокрушайся, терпи, да молчи!
Ахъ, Царь мой небесный! Да это подъ старость
Хоть руки пришлось наложить!
Взростила, взлелѣяла сына на радость,
Онъ мать-то ужъ скоро не станетъ кормить!“

— „Неправда! я по смерть кормить тебя буду!
Я лучше зипунъ свой послѣдній продамъ,
Пойду въ кабалу, а тебя не забуду,
И крошку съ тобой раздѣлю пополамъ!
Ты мною болѣла, подъ сердцемъ носила
Меня, и твоимъ молокомъ я вспоенъ,
Съизмала меня ты къ добру приучала,“—
И вотъ тебѣ честь и земной мой поклонъ...
Да чѣмъ-же невѣстка тебѣ помѣшала?
За что на жену-то мою нападать?“ —

— „Гляди ты, безпутный, пока я не встала, —
Я скоро заставлю тебя замолчать!—

— „На, бей меня, матушка! бей, чтобъ отъ боли
Я плакалъ и выплакалъ горе мое!
Эхъ-ма! не далось мнѣ таланта и доли!
Когда-жъ пропадешь ты, худое житье?“—

— „Вотъ дѣло-то! жизнь тебѣ стала постыла!
Ты вздумалъ вино-то отъ этого пить?
Такъ вотъ же тебѣ!...“

И старуха вскочила
И кинулась палкою сына учить.
Невѣстка къ ней броситься съ лавки хотѣла.
Но только что вскрикнула: „сжался, хоть разы!“
И вдругъ—пошатнулась назадъ, поблѣднѣла —
И на полъ упала.

— „Помилуй ты насъ,
Царица Небесная, Мать Пресвятая!
Ахъ, батюшки!—гдѣ тутъ вода-то была?
Что это съ тобою, моя золотая?“
Надъ бабой свекровь голосить начала.

— Ну, матушка, Богъ тебѣ будетъ судьейо!..
Сынъ тихо промолвилъ и самъ зарыдалъ.

— „Чай, плачутъ?.. Аль вѣтеръ шумить за стѣ-
ною?“

Проснувшись старикъ на печи разсуждалъ:
„Не слышу... Чай, сынъ о женѣ все горюетъ;
У ней это болѣсть, тутъ можно понять,
Старуха не смыслить, свое мнѣ толкуетъ,
А нѣтъ, чтобы знахаря къ бабѣ позвать“.

LXIX *).

Б о б ы л ь.

(Посвящается Н. В. Кукольнику)

Дай взгляну веселѣй:
Дума не помога.
Для меня-ль, бобыля,
Всюду не дорога!

Безъ избы—я пригрѣть,
Соколъ—безъ наряда,
Безъ казны—мнѣ почетъ,
Умирать не надо!

Въ чистомъ полѣ идешь,—
Вѣтерокъ встрѣчаетъ,
Забѣгаетъ впередъ,
Стежки подметаетъ.

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны;
Ляжешь спать—подъ тобой
Постланъ шелкъ зеленый;

Звѣзды смотрятъ въ глаза;
Бѣлый день настанетъ,—
Умываетъ роса,
Солнышко румянить.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 26, № 20-й.

На людей поглядишь, —
Право, смѣхъ и горе!
Цѣлый вѣкъ имъ труды
На дворѣ и въ полѣ.

А тутъ вотъ молодець:
За сохой не ходить, —
Да привѣтъ, и хлѣбъ-соль,
И приютъ находить.

Ну, а нечего ѣсть, —
Стянешь поясъ крѣпче,
Волосами тряхнешь, —
Вотъ оно и легче.

А не то — къ богачамъ,
Имъ работникъ нуженъ;
Помолотишь денекъ, —
Вотъ тебѣ и ужинъ.

Ужъ за то, коли есть
Зипунишка новый,
На ногахъ сапоги,
Въ кошелькѣ цѣлковый, —

И раздумье прошло,
И тоска пропала;
Сторонись, богачи:
Бѣдность загуляла!

Какъ войдешь въ хороводъ,
Да начнешь тамъ пляску,
При вечерней зарѣ,
Съ присвистомъ въ присядку, —

Бабы, дѣвки глядятъ,
Стукаютъ котами,
Парни нехотя въ ладъ
Шевелятъ плечами.

Вотъ на старости лѣтъ
Кто-то меня вспомнить,—
Приглядить за больнымъ,
Мертваго схоронить?

Да бобыль сирота
Ничего не просить;
Надъ могилой его
Буря поголосить,

Окропить ее дождь
Чистою слезою,
Принакроетъ весна
Шелковой травою.

LXX.

Р а з с к а з ъ я м щ и к а .

Вѣкъ жить—увидишь и худо порою.
Жаль, что вотъ темно, а то изъ окна
Я показаль бы тебѣ: за рѣкою
Есть тутъ у насъ деревенька одна.
Тамъ живетъ баринъ. Господь его знаетъ,
Этакой умница, братецъ ты мой,
Ну, а теперь ни за-что пропадаетъ.
Разъ онъ немножко размолвилъ съ женой.

Барыня сдѣлала что-то неладно,—
Мужъ, сгоряча-то, ее побранилъ;
Правду сказать, вѣдь, оно и досадно;
Онъ безъ ума ее, слышно, любилъ.
Та,—дѣло барское, знаешь, обидно,—
Къ матушкѣ нѣжной отправилась въ домъ,
Да сиротою прикинулась, видно,—
Съ годъ и жила со старухой вдвоемъ.
Только и тутъ она что-то... да это
Дѣло не наше, я самъ не видалъ...
Баринъ-ать сохъ; иногда до разсвѣта
Съ горя и глазъ, говорятъ, не смыкалъ.
Все, вишь, грустилъ, да жены дожидался,
Ей поклониться онъ самъ не хотѣлъ;
Ну, а потомъ въ путь-дорогу собрался,
Нанялъ меня и къ женѣ полетѣлъ.
Какъ помирился онъ съ нею,—не знаю,
Барыня что-то сердита была...
Самъ-ать я, братецъ ты мой, помекаю—
Мать по-неволѣ ее прогнала.
Вотъ мы поѣхали. Вижу, ласкаеть
Баринъ жену: то въ глаза ей глядитъ,
То, знаешь, ноги ковромъ укрываетъ,
То этакъ ласково съ ней говорить,—
Ну, а жена пожимаетъ плечами,
Въ сторону смотреть,—ни слова въ отвѣтъ...
Онъ и присталъ къ ней почти со слезами:
„Или въ тебѣ и души, дескать, нѣтъ?
Я, дескать, все забываю, прощаю...
Такъ же люблю тебя, милый мой другъ...“
Тутъ она молвила что-то,—не знаю,
И покатила со смѣху вдругъ...
Баринъ притихъ. Ужъ и зло меня взяло!
Я какъ хвачу кореннаго кнутомъ...

Послѣ одумался,—совѣстно стало:
Тройка шла на гору, шла-то съ трудомъ;
Конь головой обернулся немного,
Этакъ глядитъ на меня, все глядитъ...
„Ну, молъ, ступай ужъ своею дорогой.
Грѣхъ мой на барынѣ, видно, лежить...“
Вотъ мы... о чемъ бишь я рѣчь велъ сначала?
Да, я сказалъ, что тутъ баринъ притихъ.
Вотъ мы и ѣдемъ. Ужъ ночь наступала.
Я приударилъ лошадокъ лихихъ.
Вѣхали въ городъ... Эхъ-ма! забываю,
Чей это дворъ, гдѣ коней я кормилъ!
Дворъ-то мощеный... постой, вспоминаю...
Нѣтъ, провались онъ, совсѣмъ позабылъ!
Ну, ночевали. Заря занималась...
Баринъ проснулся—глядь: барыни нѣтъ!
Кинулись шарить,—искать,—не сыскалась;
Только нашли у воротъ одинъ слѣдъ,—
Кто-то, знать, былъ съ подрѣзными санями...
Мы тутъ въ погоню... Ужъ день разсвѣталъ:
Верстъ этакъ семь пролетѣли полями,
Слѣдъ неизвѣстно куда и пропалъ
Мы завернули въ село, да въ другое,—
Нѣтъ нигдѣ слуху; а баринъ сидитъ,
Руки ломаетъ.—Лицо-то больное,
Самъ-ать озябъ, словно листъ весь дрожить...
Чтѣ мнѣ съ нимъ дѣлать? Проѣхалъ немного
И говорю ему: „слѣду, молъ, нѣтъ;
Этой-вотъ что ли держать намъ дорогой?“
Онъ и понесъ чепуху мнѣ въ отвѣтъ.
Сердце мое облилось тогда кровью!
„Эхъ, погубилъ, молъ, сердечный ты мой,
Жизнь и здоровье горячей любовью!“
Ну, и привезъ его къ ночи домой.

Жаль горемычнаго! Вчужѣ сгруснется:
 Въ годъ онъ согнулся и весь посѣдѣлъ.
 Нынче надъ нимъ ужъ и дворянѣ смѣется:
 „Баринъ-атъ нашъ, молъ, совсѣмъ одурѣлъ“...
 Диво мнѣ! Какъ онъ жену не забудетъ!
 Нѣтъ, вотъ, поди! коротаешь свой вѣкъ!
 Хлѣба не ѣстъ, все по ней, вишь, тоскуетъ...
 Этакой, братецъ ты мой, человѣкъ!

 LXXI.

Встрѣча зимы.

Попутру вчера дождь
 Въ стекла оконъ стучалъ;
 Надъ землею туманъ
 Облаками вставалъ.

Вѣялъ холодъ въ лицо
 Отъ угрюмыхъ небесъ,
 И, Богъ знаетъ, о чемъ
 Плакалъ сумрачный лѣсъ.

Въ полдень дождь пересталъ,
 И, что бѣлый пушокъ,
 На осеннюю грязь
 Началъ падать снѣжокъ.

Ночь прошла. Разсвѣло.
 Нѣтъ нигдѣ облачка.
 Воздухъ легокъ и чистъ,
 И замерзла рѣка.

На дворахъ и домахъ
Снѣгъ лежитъ полотномъ
И отъ солнца блеститъ
Разноцвѣтнымъ огнемъ.

На безлюдный просторъ
Побѣлѣвшихъ полей
Смотритъ весело лѣсъ
Изъ-подъ черныхъ кудрей, —

Словно радъ онъ чему.
И на вѣткахъ березъ,
Какъ алмазы, горятъ
Капли сдержанныхъ слезъ.

Здравствуй гостя-зима!
Просимъ милости къ намъ
Пѣсни сѣвера пѣть
По лѣсамъ и степямъ.

Есть раздолье у насъ, —
Гдѣ угодно гуляй;
Строй мосты по рѣкамъ
И ковры разстилай.

Намъ не стать привыкать, —
Пусть морозъ твой трещитъ:
Наша русская кровь
На морозѣ горитъ.

Искони ужъ таковъ
Православный народъ:
Лѣтомъ, смотришь, — жара,
Въ полушубкѣ идетъ;

Жгучій холодъ пахнулъ,—
Все равно для него;
По колѣни въ снѣгу,
Говорить: „ничего!“

Въ чистомъ полѣ мятель
И крутить, и шумить,—
Нашъ степной мужичокъ
Ѣдетъ въ санкахъ, кряхтитъ:

„Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!“
Самъ сидитъ и поетъ—
„Не бѣлы-то снѣжки!“

Да и намъ-ли, подь-часть,
Смерть не встрѣтитъ шутя,
Если къ бурямъ у насъ
Привыкаетъ дитя?

Когда мать въ колыбель
На ночь сына кладетъ,
Подъ окномъ для него
Пѣсни выюга поетъ,

И разгуль непогодъ
Съ раннихъ лѣтъ ему любъ,
И растетъ богатырь,
Что подъ бурями дубъ,

Разсыпай-же, зима,
До весны золотой
Серебро по полямъ
Нашей Руси святой!

И случится ли, къ намъ
Гость незванный придетъ
И за наше добро
Съ нами споръ заведетъ,—

Ужъ прими ты его
На сторонкѣ чужой,
Хмѣльный пиръ приготовь,
Гостю пѣсню пропой;

Для постели ему
Бѣлый пухъ припаси,
И мятею засыпь
Его слѣдъ на Руси!

LXXII *).

У т р о.

вѣзды меркнуть и гаснуть. Въ огнѣ облака.
 Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
 По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
 Отъ зари алый свѣтъ разливается.
 Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь — безлюдье во-
 кругъ.

Чуть примѣтна тропинка росистая.
 Кустъ задѣнешъ плечомъ, — на лицо тебѣ вдругъ
 Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
 Потянулъ вѣтерокъ, — воду морщить, рябить.
 Понеслись утки съ шумомъ и скрылися.
 Далеко, далеко колокольчикъ звенить.
 Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
 Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ
 несутъ...

А востокъ все горить, разгорается.
 Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
 И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 26, № 21-й.

Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блестить,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Вдѣтъ пахарь съ сохой, вдѣтъ,—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй солнце, да утро веселое!

LXXIII.

В ъ л ѣ с у.

(Послѣ выздоровленія).

Привѣтъ тебѣ, знакомецъ мой кудрявый!
Прими меня подъ сѣнь твоихъ дубовъ,
Раскинувшихъ навѣсъ свой величавый
Надъ гладью свѣтлыхъ водъ и зеленью луговъ.

Какъ жаждалъ я, измученный тоскою,
Въ недугѣ медленномъ сгарая, какъ въ огнѣ,
Твоей прохладою упиться въ тишинѣ
И на траву прилечь горячей головою!

Какъ часто въ тягостномъ безмолвіи ночей,
Въ часы томительнаго бдѣнья,
Я вспоминалъ твой мракъ, и музыку рѣчей,
И птицъ веселый свистъ, и пѣнье,

И дни давнишніе, когда свой скудный домъ
Я покидалъ, ребенокъ нелюдимый,
И, молча, въ сумракъ твоємъ
Бродилъ, взволнованный мечтой невыразимой!

О, какъ ты былъ хорошъ вечернею порой,
Когда весь молніей мгновенно освѣщался
И вдругъ—на голосъ тучи громовой
Разгульнымъ свистомъ откликался!

И любо было мнѣ!... какъ съ существомъ роднымъ,
Съ тобой я всѣмъ дѣлился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И пѣсню, сложенной подъ говоромъ твоимъ.

Тебя, могучаго, не измѣнили годы!...
А я, твой гость, съ лѣтами возмужалъ,
Но въ пламени страстей, средь мелочной невзгоды,
Тяжелой горечи я много испыталъ...

Ужасенъ этотъ ядъ! Онъ вдругъ не убиваетъ,
Не поражаетъ, какъ небесный громъ:
Онъ сушитъ мозгъ, въ суставы проникаетъ,
Жжетъ тѣло медленнымъ огнемъ!

Паду-ль я, этимъ ядомъ пораженный,
Утративъ крѣпость силъ и пѣсенъ скромный даръ,
Иль новыхъ думъ и чувствъ узнаю свѣтъ и жаръ,
Въ горнилѣ горя искушенный,—

Богъ вѣсть, что впереди! Теперь, полубольной,
Я вновь подъ сѣнь твою, лѣсъ сумрачный, вступаю
И слушаю привѣтный говоръ твой,
Тебѣ мою печаль, какъ другу, повѣряю!...

LXXIV.

Внезапное горе.

Вотъ и осень прошла. Убранъ хлѣбъ золотой,
Все гумно у сосѣда завалено...
У меня только смотреть оно сиротой,—
Ничего-то на немъ не поставлено!

А ужъ я-ль свою силу для пашни жалѣлъ,
Былъ лѣнивъ за любимой работою,
Иль, какъ надо, удобрить ее не успѣлъ,
Или началъ посѣвъ не съ охотою?

А ужъ я-ли кормилицѣ—теплой веснѣ,
Не былъ радъ—и обычая стараго
Не держался, для гостыи съ людьми наравнѣ,—
Не затеплилъ свѣчи воску яраго!..

День и ночь все я думалъ: авось, молъ, дождусь!
Стану осенью рожь обмолачивать,—
Все, глядишь, на одежду дѣтишкамъ собьюсь
И оброкъ буду въ пору уплачивать.

Не дозрѣла моя колосистая рожь,
Крупнымъ градомъ до корня побитая!..
Ужъ когда-же ты, радость, на дворъ мой войдешь?
Охъ, бѣда ты моя непокрытая!

Посидятъ, вѣрно, дѣтки безъ хлѣба зимой,
Безъ одежи натерпятъ холоду...
Привыкайте, родимые, къ долѣ худой!
Закаляйтесь въ кручинушкѣ смолоду!

Всѣмъ не стать—пировать... Къ горькимъ горе
идеть,
Съ ними всюду, какъ другъ, уживается,
Съ ними сѣть и жнетъ, съ ними пѣсню поетъ,
Когда грудь по частямъ разрывается!

LXXV.

Д ѣ л е ж ъ.

Да, сударь мой, нерѣдко вотъ бываетъ:
Отецъ на столъ, а дѣтки за дѣлежъ,
И брата братъ за шиворотъ хватаетъ...
Изъ-за чего? И въ толкъ-ать не возьмешь!..

У васъ-то, баръ, я чаю, нѣтъ разлада...
А мужики, извѣстно, вахлаки:
У нихъ за грошъ—остуда и досада,
За гривенникъ какой-нибудь—пинки!

Тутъ изъ-за бабъ, дѣтишекъ выйдетъ злоба...
Вотъ мы теперь: всего-то двое насъ—
Мой братъ, да я: женаты, сударь, оба,
И хлѣбъ всегда имѣли про запасъ;

И жили-бы себѣ, домкомъ сбирались...
Нѣтъ, погоди! Вишь, жены не въ ладу:
Вонъ у одной коты поистаскались...
„Я, говорить, на рѣчку не пойду;

Пускай идетъ невѣстка, коли хочетъ,
Ей мужъ успѣлъ обнову-то купить...“
А та себѣ, какъ бѣшеная, вскочить,
Начнетъ вотъ такъ руками разводить,

И ну—кричать: „а ты—что за дворянка?
Котовъ-де нѣтъ, да сѣла и сидить...“
И тутъ пойдетъ такая перебранка,
Что у тебя въ ушахъ инда звенить.

Братъ за жену, глядишь, замолвить слово
И душой мою-то назоветъ,
А у тебя на слово пять готово,—
Вотъ, сударь мой, потѣха и пойдетъ!

Все это такъ... И при отцѣ бывало.
Да старичокъ насъ скоро разводилъ;
Чуть крикнетъ: „эй!“—бѣжишь куда попало,
Не то—бѣда! Охъ, крутъ покойникъ былъ!

Какъ померъ онъ, мой братъ и позазнался:
Срамить меня, срамить мою жену:
Вы, дескать, чтó? Старшимъ-то я остался,
Я, говорить, васъ вотъ какъ поверну!

И повернулъ... Тутъ надо лыкъ на лапти,
Онъ бражничать возьмется, да гулять:
Ты цѣпъ берешь, онъ лѣзетъ на палати,
Ну, одному не растянуться стать.

Жена его все, знаешь, поджигаетъ:
„Дѣлись дескать! Твой братъ-то лежебокъ,
Какъ куколку жену-то снаряжаетъ,
Изподтишка весь домъ поразволокъ...“

Сама-то, вишь, она скупенька больно,
Готова вѣкъ въ отрепьяхъ пропадать,
Да любить жить хозяйкой самовольной.
По-своему все, знаешь, поворачать.

Ну, а моя бабенка не сварлива,
А грѣхъ таить,—отъ щегольства не прочь,
Да и того... въ работѣ-то лѣнива,
Что есть, то есть,—тутъ ложью не помочь.

Вотъ, сударь мой, и завязалось дѣло:
Что день, то шумъ, подъ шумомъ и заснешь,
И брату-то все это надоѣло,
И мнѣ равно, - и начали дѣлечь.

Сперва-то мы по совѣсти дѣлились;
Не сладились,—взялись было за судъ,—
Ну, кое-какъ въ расправѣ помирились,
Остался споръ за старенькій хомутъ...

И я кричу, и братъ не уступаетъ:
Нѣтъ, говорить, хоть тресни, не отдамъ!
Я за шлею,—онъ, знаешь, вырываетъ,
Да норовить ударить по рукамъ.

И смѣхъ, и грѣхъ!.. Стоимъ за дрянъ горою!..
Вдругъ, сударь мой, моргнуть я не успѣлъ,
Какъ крикнулъ братъ: „возьми, пусть за тобою!“
Да на меня хомутъ-то и надѣлъ.

Я сгоряча въ шлеѣ позапутлялся;
Народъ оретъ: „вонъ обрядилъ коня!“
Ужъ такъ-то я въ ту пору растерялся,—
Инда слеза прошибла у меня!..

Вамъ, сударь, смѣхъ... Нѣтъ, тутъ смѣшнаго мало:
Вѣдь, братъ-то мой по-барски чаялъ жить;
Взялся за гузь,—анъ силы не достало,
Тужиль, тужиль и началъ съ горя пить.

И мнѣ не медь... Вѣдь, праздниковъ не знаешь:
Работаешь, спины не разогнешь,
Чуть непогодь—все стонешь, да перхаешь...
Вотъ, сударь мой, мужицкій-то дѣлежъ!

LXXVI.

В Ы Ъ З Д Ъ Я М Щ И К А.

Ну, кажись, я готовъ;
Вотъ мой кафтанишко,
Рукавицы на мнѣ,
Новый кнутъ подъ мышкой...

Въ головѣ-то шумить...
Вотъ что мнѣ досадно!
Правда, хмѣль, вѣдь, не дурь,—
Выспался—и ладно.

Ты, жена, замолчи:
Безъ тебя все знаю:
Ѣду съ бариномъ... да!
Ухъ, какъ погуляю!

Да и баринъ... поди,—
У роднаго сына
Онъ невѣсту отбилъ,—
Стало молодчина!

Схоронилъ двѣ жены,
Вотъ нашелъ и третью...
А сердить... чуть не такъ,
Заколотить плетью!

Ну, ништо... говорятъ,
Эта-то невѣста
И сама дастъ отпоръ,—
Не отыщешь мѣста.

За богатство идетъ,—
Вѣтрогонка, значить...
Сына пустить съ сумой,
Мужа одурачить...

Сынъ, къ примѣру, не глупъ,
Да запуганъ, вѣрно:
Все глядитъ сиротой...
Смиренъ непомѣрно.

Ну, да пусть судить Богъ,
Что черно и бѣло...
Вотъ лошадокъ запречь—
Это наше дѣло!

Слышь, жена! погляди,—
Каковы уздечки?
Вишь, вотъ мѣдный наборъ,
Вотъ мохры, колечки.

А дуга-то, дуга,
Въ золотѣ сіяетъ...
Прр... шалишь, коренной!
Знай песокъ копаешь!

Ты, дружокъ, не блажи;
Старость твою жалко!...
Такъ кнутомъ проучу, —
Станетъ небу жарко! .

Сидоръ возжи возьметъ,—
Чорта не боится!
Пролетить,—на него
Облачко дивится!

Только крикнешь: „ну, ну!
Эхъ, ты, беззаботный!“
Отстаешь позади
Вѣтеръ перелетный!

А сѣдокъ-ать мнѣ—тьфу!
Коли скажетъ: „легче!“
Нѣтъ, молъ, сѣлъ, такъ сиди,
Да держись покрѣпче.

Ужъ у насъ, коли лѣнь,—
День и ночь спимъ сряду;
Коли пиръ—на-поваль,
Трудъ—такъ до упаду;

Коли ѣхать,—катай!
Головы не жалко!
Намъ безъ свѣта свѣтло,
Безъ дороги—гладко!

Ну, Матрена, прощай!
Оставайся съ Богомъ;
Жди обновки себѣ,
Да гляди за домомъ.

Да! кобылѣ больной
Парь трухою ногу...
Не забудь!.. А воды
Не давай по-многоу.

Ну-ка, въ путь! Шевелись!
Эхъ, какъ понеслися!
Берегись, ты, мужикъ,
Глухъ что-ль?.. берегися!..

LXXVII.

Отвяжися тоска,
Пылью поразвѣйся,
Что за грусть, коли живъ,—
И сквозь слезы смѣйся!

Не диковинка—пиръ
При хорошей долѣ;
Удалъ съ горя поетъ,
Пляшетъ и въ неволѣ.

Ужъ ты какъ не хвались
Умной головою,—
Громовыхъ облаковъ
Не отвести рукою.

Грусть-забота не спать,
Безъ бѣды крушится;
Беззаботно душѣ,—
И на камнѣ спится.

Коли солнышка нѣтъ,—
Ясный мѣсяцъ свѣтитъ;
Измѣнила любовь,—
Пѣсня не измѣнить!

Сердце просить не слезъ,
А живетъ отрадой;
Вотъ умрешь,—ну, тогда
Ничего не надо.

LXXVIII.

19 октября.

Что́ это за утро' Серебряный иней
На зелени луга лежить;
Камышь пожелтѣвшій надъ рѣчкою синей
Сквозною оградой стоитъ.

Надъ черною далью безлюдной равнины
Клубится прозрачный туманъ,
И длинныя нити сѣдой паутины
Опутали сѣрый бурьянъ.

А небо такъ чисто, свѣтло, безмятежно,
Что вонь—далеко въ сторонѣ
Я вижу—мелькнулъ рыболовъ бѣлоснѣжный
И точетъ теперь въ вышинѣ.

Веселой прохладой луговъ освѣженный,
Я красного солнышка жду,
Любуюсь на пашни, на лѣсъ обнаженный,
И въ сонную чашу вхожу.

Листы шелестять у меня подъ ногами,
Два дятла гдѣ-то стучать...

А солнышко тихо встаетъ надъ полями,
Озера румянцемъ горять.

Вотъ ярко блеснули лучи золотые
И крадутся въ чашу березъ
Все дальше и дальше,— и вѣтки сырыя
Покрылися каплями слезъ.

У осени поздней, порою печальной,
Есть чудныя краски свои,
Какъ есть своя прелесть въ улыбкѣ прощальной,
Въ послѣднемъ объятъи любви.

1856 г.

LXXIX.

С т а р о с т а ,

то не туча темная
По небу плыветъ,
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

Пузо перевязано
Краснымъ кушакомъ,
Плеча позатынуты
Синимъ кафтаномъ.

Палкой подпирается,
Бровью не ведетъ.
Въ сапоги-то новые
Мѣра ржи войдетъ.

Онъ идетъ по улицѣ,—
Безъ метлы мететь;
Курица покажется,—
Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль, да съ поклонами
Мужички идутъ,
Ребятишки малые
Ко дворамъ ползутъ.

Утомился староста:
На гумнѣ стоитъ,
Гладить усъ и бороду,
Да на людъ глядитъ.

На небѣ ни облачка,
Вѣтерокъ-атъ спитъ,
Солнце землю-матушку,
Какъ огнемъ, палитъ.

Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь,—
Стонетъ все гумно,
Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
Мужичковъ равно.

Староста надумался:
„Молоти дружнѣй!“
Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ,
Мужичковъ сильнѣй.

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,
Рѣчь-то вель разумную,—
Дѣло толковалъ...

Дура баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значить, молодость,
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубить не съ плеча:
Староста не выпустилъ
Слова сгоряча.

На скирды посматриваль,
Поглядѣль на рожь,
Поглядѣль и вымолвилъ:
„Умолоть хорошы!“

Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалилъ,
Бабѣ съ бровью черною
Чорта посулилъ.

„Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...“
— Не грѣшно-ли батюшка?—
„Нѣтъ, коли велю!“

Баба призадумалась...
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ,
Безъ метлы подмель.

На гумнѣ-то стонъ стоять,
Весело гумно:
Пѣтомъ обливается
Каждое зерно.

LXXX.

Н о в а я у т р а т а.

Давно-ль повеселѣлъ мой уголокъ печальный,
Давно-ль я межъ друзей сидѣлъ,
И слушалъ ихъ, и радовался тайно?..
И вотъ опять осиротѣлъ!

Кругомъ глубокое молчанье...
Однимъ я позабытъ, другой умчался въ даль,
Да и кому нужна моя печаль?
У всякаго свое страданье!

Послѣдній другъ безвременно зарытъ...
Угасъ, замученный борьбою
Съ суровой долею, съ безчувственной семьею,
Тоскою медленной убитъ.

Погибли молодая силы.
Безжалостной судьбы не могъ онъ побѣдить...
Мой бѣдный другъ! И гробъ твой до могилы
Не удалось мнѣ проводить.

Все чудится: я слышу милый голосъ,
Все жду, что другъ отворить дверь...
Одинъ остался я теперь,—
На сжатой нивѣ позабытый колосъ.

Безоблачны покуда небеса,
Но сердце у меня не даромъ замираетъ,
И этотъ стихъ не даромъ вызываетъ
Слезу на грустные глаза...

Такъ иногда, передъ грозою,
Надъ зеркальной поверхностью рѣки,
Тревожно дѣлая круги,
Щебечеть ласточка порою...

LXXXI.

У кого нѣтъ думы
И заботъ-кручины,
Да за то есть радость—
Уголокъ родимый.

Сядетъ онъ, усталый,
Съ милою женою,
Отдохнетъ въ бесѣдѣ
Сердцемъ и душою.

На дворѣ невзгода,—
Свѣчка нагараеть...
На полу малютка
Весело играетъ.

Къ дому онъ подходитъ,—
Путь неровный—гладокъ;
Ужинать присядетъ,—
Бѣдный ужинъ сладокъ.

Не съ кѣмъ подѣлиться
Теплыми словами,—
Поведешь бесѣду
Съ голыми стѣнами!

Облаку да вѣтру
Горе перескажешь,
И съ подушкой думать
Съ вечера приляжешь.

LXXXII.

Помню я: бывало няня,
Долго сидя за чулкомъ,
Молвить: баловень ты, Ваня,
Все дурачишься съ котомъ.

Встань, подай мою шубейку:
Что-то холодно... дрожу...
Да присядь вотъ на скамейку,
Сказку длинную скажу.

И старушка съ разстановкой
До полночи говорить.
Съ приподнятою головкой
Я сажу. Свѣча горить.

Пѣтухи давно пропѣли.
Поздно. Тянется ко сну...
Гдѣ-то дрожки прогремѣли...
И подъ говоръ я засну.

Сонъ покоенъ. Утромъ встанешь,
Прямо въ садикъ... Рай земной!
Пѣсни, говоръ... А какъ глянешь
На росинки,—самъ не свой!

Чуть сорока прошекочетъ, —
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть, молъ, она хочетъ:
„Здравствуй, Ваня!.. долго спишь!“

А теперь ночной порою
На груди гора лежить:
День прожитый предъ тобою
Страшнымъ призракомъ стоитъ.

Видишь зла и грязи море,
Племя жалкое невѣждъ,
Униженъе, голодъ, горе,
Ключья нищенскихъ одеждъ.

Поть на пашняхъ за сохами,
Поть въ лѣсу за топоромъ,
Поть на гумнахъ за цѣпами,
На дворѣ и за дворомъ.

Видишь горькія потери,
Слезы падшей красоты,
И затворенныя двери
Для убитой нищеты...

И съ тоскою ждешь разсвѣта...
Давить голову свинецъ.
О, когда-же горечь эта
Вся исчезнетъ, наконецъ?

LXXXIII.

Въ альбомѣ А. В. П—вой.

Прохладно. Всѣ окна открыты
Въ душистый и сумрачный садъ.
Въ прудѣ горять звѣзды. Ракиты
Надъ гладью хрустальною спятъ.

Пѣвучіе звуки рояли
То стихнуть, то вновь потекутъ;
Съ утра соловьи не смолкали
Въ саду—и теперь все поютъ.

Поникъ я въ тоскѣ головою,
Подъ пѣсни душа замерла...
Затѣмъ, что подъ кровлей чужою
Минутное счастье нашла...

LXXXIV.

Въ альбомѣ М. Н. Ж.

И дикъ, и не веселъ нашъ сѣверъ холодный,
Но ты сохранила вполнѣ
Горячее сердце и разумъ свободный
Въ суровой, чужой сторонѣ.

Съ тяжелой тоскою по родинѣ дальней,
Скромна, благородна-горда,
Ты шла одиноко дорогой печальной
Подъ гнетомъ заботъ и труда.

Ты злому невѣждѣ и плуту не мстила;
Какъ голубь, нѣжна и кротка,
Ты черныя сплетни презрѣньемъ казнила,
Прощала всегда дурака.

Ты грусти своей показать не хотѣла
Предъ бѣдной и жалкой толпой,
И смѣло на пошлыя лица глядѣла,
Сквозь слезы смѣялась порой.

Но рано, иль поздно минуетъ невзгода,—
Не даромъ ты крѣпла въ борьбѣ,—
Какъ дочери милой, родная природа
Откроетъ объятъя тебѣ.

И ты отдохнешь... Но подъ кровлей родною
Не помни минувшаго зла;
Повѣрь: на Руси не одною душою
Ты крѣпко любима была.

LXXXV.

* * *

Чуть сошлись мы, другъ-друга узнали,
Ваши рѣчи мнѣ въ душу запали;
Но, увы! не услышать мнѣ ихъ,
Не услышать мнѣ звуковъ родныхъ.

Не помочь, видно, горю словами!
На мгновенье я встрѣтился съ вами,
Разстаюсь навсегда, навсегда:
Унесетесь вы, Богъ-вѣсть, куда!

Вотъ какъ жизнь иногда безтолкова!
Вотъ какъ доля глупа и сурова!
Ужъ какъ ляжетъ она на плечахъ,—
Бѣлый свѣтъ помутится въ глазахъ!

LXXXVI.

* * *

День и ночь съ тобой жду встрѣчи,
Встрѣчусь,—голову теряю;
Рѣчь веду, но эти рѣчи
Всей душой я проклиная.

Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу отвѣта...
Говорю я про погоду,
Говорю, какъ ты одѣта.

Не сердись, не слушай болѣ:
Этой лжи я самъ не вѣрю...
Я не радъ своей неволѣ,
Я не радъ, что лицомъ вѣрю.

Такова моя отрада,
Такъ свой вѣкъ я коротаю:
Тяжело-ль,—молчать мнѣ надо,
Полюблю-ль,—любовь скрываю.

LXXXVII *).

С п л е т н я.

Живи, какъ отшельникъ,
 Гуляй, или плачь,—
 Найдеть тебя сплетня,
 Придетъ твой палачь!

Двери не отворить,—
 Подъ дверь подползеть,
 Ограда мѣшаетъ,—
 Сквозь камень пройдетъ.

Въ чемъ грѣшенъ, не грѣшенъ,—
 Въ набатъ прогудить,
 На вѣкъ обезчестить,
 По гробъ осрамить.

И въ грязь тебя втопчетъ
 И недругъ, и другъ...
 Проклятая сплетня!
 Проклятый недугъ!

LXXXVIII **).

В ъ с а д у.

При зарѣ, по водѣ—и румянецъ и тѣнь,
 Въ чащѣ пѣсня да свистъ раздается;
 Притаилъ садъ дыханье, весь нѣга и лѣнь,
 По кудрямъ его золото льется.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 28 № 22-й.

*) См. „Примѣчанія“, стр. 29, № 23-й.

Долго-ль буду я тутъ одиноко бродить,
 Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,
 Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
 Молча сдерживать слезы кручины?

На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
 На тоску я съ тобой повстрѣчался,
 На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
 Всей душою къ тебѣ привязался!

Ужъ и такъ мои дни были днями потерь:
 Гибли молодость, сила, здоровье...
 Выносилъ я, терпѣлъ... Каково-жъ мнѣ терпѣть, —
 Знаетъ Богъ, да мое изголовье!

Нѣтъ, не жить мнѣ съ тобою подъ крышей одной
 Какъ простимся, — и полно встрѣчаться!
 Тяжело мнѣ и горько разстаться съ тобой,
 Легче-бъ тѣлу съ душою разстаться!

И за что-жъ ты, мой другъ, у меня отнята?..
 Ты права. Не тебя обвиняю;
 Виновать, видно, я, да моя бѣднота...
 Въ первый разъ я ее проклинаяю!

LXXXIX.

Разсыпались звѣзды, дрожать и горять...
 За пашнями диво творится:
 На воздухѣ синія горы висятъ,
 И въ полыми людъ шевелится.

Подвинулось небо назадъ отъ земли,—
Водѣ золотой уступило:
Безъ вѣтра плывутъ по водѣ корабли,
Бока ихъ огнемъ охватило...

А ночь черезъ лѣсъ торопливо ползетъ,
Ползетъ и листа не зацѣпить;
Насупила брови, глазами сверкнетъ, —
Широкое поле освѣтитъ.

Опять я съ тоскою домой ворочусь,
Молчалъ-бы, да нѣтъ моей мочи...
Одинъ я средь поля пятномъ остаюсь,
Чернѣе и пашень, и ночи.

Гляжу и люблюсь: просторъ и краса...
Въ себя заглянуть только стыдно:
Закиданы грязью мои небеса,
Звѣзды ни единой не видно.

ХС *).

Г н ѣ з д о л а с т о ч к и.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ
На мельницѣ и стукъ и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ,
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ,

*) См. „Примѣчанія“, стр. 29, № 24-й.

Подъ жерновомъ муку родить,
Идетъ мука, — въ глаза пылить.
Объ мельникѣ и рѣчи нѣтъ:
Въ пыли, въ мукѣ, и лысь и сѣдъ,
Кричитъ весь день про бѣдный людъ:
Вотъ тотъ-то мотъ, вотъ тотъ-то плутъ...
Самъ, старый чертъ, какъ звѣрь, глядитъ, —
Чужимъ добромъ и пьянъ, и сытъ;
Дѣтей забылъ, жену извелъ;
Барбось съ нимъ жилъ, барбось ушелъ.

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила-слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.

Поетъ, пока не выгнали:
Чужой-то кровъ — не свой;
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждой.

Въ ночь темную, подъ крылышко
Головку подогнетъ,
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

1 — Въ 1-мъ изданіи стихотвореній Никитина (Толстовскомъ) это стихотвореніе, начиная съ пятого стиха, было напечатано (стр. 17) въ такомъ видѣ:

О, какъ печальны эти дни
Съ ихъ пустотой однообразной!
Какъ долго тянутся они
Среди дѣйствительности грязной!
Какъ тяжело предузнавать
Ихъ безотрадную ничтожность,
И лучшей доли невозможность
Заранѣ тайно сознать!..
Но я привыкъ уже къ страданью
И къ этимъ долгимъ, жалкимъ днямъ,
Какъ узникъ къ тягостнымъ цѣпямъ
И вѣчному тюрьмы молчанью.
И вотъ когда, ночную тѣнь
Смѣнивъ, на землю утро взглянетъ,
Опять печальный, скучный день,
Однообразный день настанетъ;
Опять онъ много принесетъ
Съ собою горькихъ ощущеній,
Разсчетовъ мелкихъ и заботъ,
И бесполезныхъ размышленій.

2 — Въ первоначальной редакціи, въ изданіи 1856 г. (стр. 19—22) 8—11 куплеты читались такъ:

И скрестивши руки,
Ужаса полна,
Въ безотрадной мукѣ
Дочь его одна.

Вся, какъ листъ, трепещетъ
Подлѣ мертвеца,
То молитву шепчетъ,
То зоветъ отца.

И никто не знаетъ,
Что въ тоскѣ нѣмой
Сирота рыдаетъ
Въ темнотѣ ночной;

Что дитя забвенья,
Можетъ быть, она
Горечь униженья
Испытать должна.

Стихотвореніе оканчивалось слѣдующими куплетами:

И межъ-тѣмъ какъ слезы
Молча горе льетъ,
Сладостныя грезы
Ночь другимъ даетъ.

Также длится чудно
Въ мірѣ жизни пиръ,
Той же силой юной
Полонъ Божій міръ.

3 — Въ изданіи 1856 г. стихотвореніе это напечатано въ слѣдующемъ видѣ (стр. 25—26):

Парчой покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ горящихъ дымъ:
Вотъ окончательная сцена,
Которой жизнь заключена!
Актеръ умолкъ, настала смѣна;
Завѣса смертью спущена.
Остался вѣковой тайной
Загробный жребій мертвеца,
И непонятенъ смыслъ печальной
Его холоднаго лица.
Чтѣ въ немъ? Надежды выраженье,
Или сомнѣніе и страхъ.
Иль къ жизни прожитой презрѣнье,
Или вопросъ о небесахъ?..
И какъ узнать, зачѣмъ онъ жилъ,
Страдалъ, терпѣлъ, и сокрушался?
Напрасно, можетъ быть, любилъ
И бесполезно сомнѣвался?
Гдѣ зрѣлый плодъ его трудовъ,
Ума прекрасное созданье,
Оставленное для сыновъ,
Кикъ благородное стяжанье?
Увы, быть можетъ, онъ и самъ
Намъ не отвѣтилъ бы на это,
Какую роль на сценѣ свѣта
Игралъ онъ, рабствуя страстямъ!..

4 — Стихотвореніе это въ изданіи 1856 г. (стр. 32), начиная съ 5 стиха, читается такъ:

Какъ будто червь, въ груди больной
Цвѣтъ жизни точить по-немногу,
И отравляетъ сонъ ночной,
И спорить съ совѣстію строгой;
Улыбку холодомъ мертвить,
Сомнѣніемъ радость отравляетъ,
Отъ шума и толпы бѣжить,
И молча слезы проливаетъ.
Но, гордость смѣлую храня,
Себѣ не просить состраданья,
И тайну своего огня
Не отдаетъ на поруганье,

И въ сердцѣ горькихъ слезъ родникъ,
Какъ преступленіе скрываетъ,
И подавляетъ страсти крикъ,
И стоны смѣхомъ заглушаетъ.

5 — Въ первый разъ, въ изданіи 1856 г., это стихотвореніе было напечатано такъ (стр. 42):

Не знаешь ты тоски желаній:
Прекрасенъ міръ твоей весны,
И тихи, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны.

Но вѣрь, покой твой мимолетный
Разрушить опыта гроза,
Измѣнить смѣхъ твой беззаботный
Печали тайная слеза.

Тогда, быть можетъ, въ буряхъ свѣта
Тебѣ не разъ напомнить умъ
Твои безоблачныя лѣта
И юныхъ игръ веселый шумъ.

6 — Въ изданіи 1856 г. это стихотвореніе было напечатано въ такомъ видѣ (стр. 52—53):

Бываютъ свѣтлыя мгновенья,
Когда за грань тревогъ земныхъ,
Плотскаго чуждый тяготѣнья,
Умъ переносится на мигъ.

Когда пророческихъ видѣній
Святою силой вдохновень,
Судьбу грядущихъ поколѣній
Предузнаетъ онъ въ мглѣ времянь;

Когда онъ съ истины подѣмлетъ
Покрова темнаго края
И слову Бога жадно внемлетъ
Въ великой книгѣ бытія..

Но только пламень вдохновенья
Начнетъ въ груди ослабѣвать,
Опять земныя впечатлѣнья
Умъ утомленный тяготятъ;

Опять тревога жизни грязной
Ничтожной мелочью заботь
И нищетою безобразной
Невольно сердце потрясёт..

И снова съ грустію тяжелой
На міръ внимательно глядишь
И подъ улыбкою веселой
Тоску глубокую таишь.

7 — Въ изданіи 1856 г. это стихотвореніе имѣетъ слѣдующую редакцію (стр. 70—71):

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебѣ меня любить.
Я не хочу безжалостно сгубить
Спокойствіе твоей невинной жизни.
Я все готовъ тебѣ, мой другъ, отдать
И счастье твое купить моимъ страданьемъ,—
Но выше силъ моихъ соединять
Твою судьбу съ моимъ существованьемъ!
Чѣмъ заплачу, что дамъ тебѣ взамѣнъ,
За міръ души и дѣйствительныя грезы?
Безплодный рядъ, быть можетъ, грустныхъ сценъ
И никому невидимыя слезы...
Ты знаешь-ли всю жизнь мою вполнѣ,
Все зло дѣйствительности грязной,
И горечь нуждъ, знакомыхъ съ дѣтства мнѣ,
И скорбь моей тоски однообразной?
Такою-ли дорогой проходить
Тебѣ, мой другъ, не знавшій огорченій,
И цѣлый вѣкъ мнѣ въ жертву приносить
Безпечный міръ забавъ и наслажденій?
И что въ тотъ день, измученный тоской,
Въ свое тебѣ скажу я оправданье,
Когда ты мнѣ упрекомъ и слезой
Отвѣтишь вдругъ на ласки и лобзанье?
Нѣтъ, этихъ жертвъ я не хочу принять!
Но кто-жъ меня безчувствію научить
И, наконецъ, заставить позабыть
Все, что меня и радуетъ и мучить,
Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ, и горя, и лишеній,
Единая отрада и оплотъ,—
Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?

8 — Въ изданіи 1856 г. (стр. 85—86) первый куплетъ этого стихотворенія читался такъ:

Молись, дитя: въ устахъ младенца
Молитва, чуждая страстей,
Какъ голосъ родственнаго сердца,
И чище вѣрой и святѣй.

Послѣдніе-же четыре такъ:

О, еслибъ послѣ многихъ лѣтъ,
Въ часы молитвы, со слезами,
Взглянула ты на Божій свѣтъ
Таковыми-жъ свѣтлыми очами.

Но если дѣтства чистота
Когда-нибудь тебя оставитъ,
И горькой жизни нагота
Тебя на жизнь роцтатъ заставитъ,—

Въ тѣ дни къ подножію креста
Приникни съ дѣтскою любовью,
И твердой вѣры чистота
Здѣсь примиритъ тебя съ собою.

Здѣсь ангелъ дѣтства твоего
Къ тебѣ опять слетитъ незримо
И о тебѣ Творцу всего
Молиться станетъ невидимо.

9 — Въ Толстовскомъ изданіи стихотвореніе это, вызванное мѣстною критикою, напечатано (стр. 91—93) въ слѣдующемъ видѣ:

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ
И пѣсня грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоценный кладъ, таилъ и берегалъ.

Быть-можетъ, силой чувствъ и мыслию глубокой
Я струнъ одушевить не могъ и не успѣлъ:
Никѣмъ незнаемый, съ лѣтъ раннихъ одинокій,
Какъ птица вольная, я безъ искусства пѣлъ.

И пѣснь слагалася легко и беззаботно,
Какъ ни былъ тѣсенъ міръ, гдѣ возмужалъ мой умъ,
Со мною говорилъ и вѣтеръ перелетный,
Я понималъ лѣсовъ, и волнъ, и вьюги шумъ.

И все, что грязного есть въ жизни самой бѣдной, —
И горе, и разгуль, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачь нужды оборванной и блѣдной, —
Я видѣлъ вокругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливаль!
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталь.

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я Бога,
Казался раемъ мнѣ мой темный уголокъ,
Тогда-такъ за стѣной и пьяная тревога
Была подлѣ меня, и шель о рынкѣ толкъ...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновенный,
Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши,
И чувства лучшія, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной!

И больно слышать мнѣ, когда мой скромный стихъ,
Проникнутый огнемъ и мыслью благородной,
Перетолкованный, звучить въ устахъ чужихъ,
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный, холодный...

10 — Въ Толстовскомъ изданіи это стихотвореніе имѣло
слѣдующую редакцію (стр. 94—96):

Не говори, что жизнь ничтожна,
Сперва въ глубокой тишинѣ
Не изучивши осторожно
Ея значенія вполнѣ.

Оставь печальное сомнѣнье:
Ума неопытнаго плодъ,
Оно въ минуту вдохновенья
Твои восторги осмѣетъ.

Повѣрь, на праздникъ жизни шумной,
Наслѣдникъ будущій небесъ,
Не даромъ ты, какъ гость разумный,
Дары высокіе принесть;

Не даромъ въ звуки пѣснопѣній
Ты чувства сердца перелилъ
И фантастическихъ видѣній
Край заколдованный открылъ;

Взгляни кругомъ: не для тебя-ли
Художникъ, полный юныхъ силъ,
Дятя сомнѣнья и печали,
Весь мѣръ сокровища раскрылъ?

Не для тебя-ли небо блещетъ
И звѣзды радужно горятъ,
И музыкально море плещетъ,
Лѣса дремучіе шумятъ,

И разноцвѣтными коврами
Лежатъ широкія поля
И съ голубыми небесами
Степей сливаются края,

Въ туманѣ бѣломъ тонуть горы,
И очаровываютъ взоръ
Долинъ роскошные узоры,
Луговъ раздолье и просторъ?

Пойми, что шепчетъ спѣлый колось
И вѣтерокъ о чемъ шумить,
И не тебѣ-ль ихъ чудный голосъ
О тайнахъ жизни говорить?

Нѣтъ, не суди о жизни строго!
Повѣрь, прекрасное любя,
Ты въ ней всегда отыщешь много
Отрады новой для себя.

Умѣй изъ груди безобразной
Картину стройную создать
И положить на слѣпокъ грязный
Живаго творчества печать:—

И ты поймешь свое признанье
Въ минуты свѣтлые труда,
И выше своего страданья
Себя поставишь навсегда,

И бесполезныя сомнѣнья
Въ тебѣ въ ту пору замолчать,
И слезы, слезы вдохновенья,
Тебя за трудъ вознаграждать!..

11 —5—16 строки этого стихотворения принадлежат позднейшей редакции и замѣняютъ слѣдующіе стихи первой редакціи, напечатанные въ изд. 1856 г. (стр. 102—104):

Судить добрыхъ людей, малыхъ пасынковъ бьетъ,
Да съ сосѣдями ссоры заводитъ;
Кто что ѣсть, кто что пьетъ и какъ дома живетъ,
Все наружу съ насмѣшкой выводитъ;
Ходитъ изъ дому въ домъ, переноситъ слова,
Выдаетъ небылицы за были;
У себя-же въ дому не рости хоть трава,—
И съ иконъ не смететъ густой пыли.
По недѣлямъ въ избѣ соръ на лавкахъ лежитъ,
Въ стекла тускляя свѣтъ не проходитъ,
По угламъ на стѣнахъ паутина виситъ,
Плѣсень съ мокраго пола не сходитъ;
На холодной печи ребятишки кричатъ,
Инда сердце въ тоскѣ замираетъ,—
Дѣла мачихѣ нѣтъ, хоть ложись умирать,—
Ни заботы, ни горя не знаетъ;
Отъ двора моего отучила родныхъ,
Отказала знакомымъ съ порога,
Знать не хочетъ молвы, пересудовъ худыхъ,
Ни людей не боится, ни Бога...
Тяжкимъ долгимъ трудомъ я добро собиралъ,
Много нуждъ перенесъ и заботы.
Худо ѣлъ, мало пилъ, рѣдко спалъ-отдыхалъ,
Не покладывалъ рукъ за работой:
То на пашнѣ съ зорей, съ бороной и сохой,
То съ цѣпомъ на гумнѣ заваленномъ,
То въ лѣсу съ топоромъ, то съ широкой косой
На степи, иль въ лугу отведенномъ.
Вездѣ былъ, успѣвалъ, силу-матушку клалъ,
Свою бѣдность хотѣлъ я поправить,—
И спорилось въ рукахъ: не чужимъ собиралъ,
Думалъ счастье дѣтишкамъ оставить,
Чтобъ они въ сиротствѣ на отцовскую лѣнь,
Послѣ смерти моей, не пеняли
И меня, старика, при нуждѣ, въ черный день
Добрымъ словомъ всегда поминали...
Да на старости лѣтъ умъ за разумъ зашелъ
У меня въ головѣ посѣдѣлой:
Въ тихій домъ свой жену молодую я ввелъ,
И жена принялася за дѣло.
И пошло все вверхъ дномъ: потекло серебро,
Какъ вода между рукъ, на обновки;
Началася гульба, и погубло добро
Въ одинъ годъ отъ безстыдной мотовки.

12 — Стихотвореніе это, въ изданіи 1856 г. начиналось такъ (стр. 105—108):

Жгучь морозъ трескучій,
Ночь, какъ день, ясна;
Смотритъ изъ-за тучи
Яркая луна.

Вторая строфа выпущена.

Между четвертою и пятою строфами помѣщены слѣдующіе четыре стиха:

Не кипятъ работа
На дворахъ большихъ,
Не скрипятъ ворота,
Въ избахъ шумъ затихъ.

Въ шестой строфѣ два послѣдніе стиха читаются такъ:

Бѣдная старушка
Тамъ еще не спитъ.

8—11 строфы совершенно передѣланы, и вотъ соотвѣтствующія имъ строфы въ изданіи 1856 г.

Будетъ имъ надеждой.
Хлѣба дастъ кусокъ,
Обувь и одежду,
Теплый уголокъ...

Пресвятая Дѣва!
Сохрани сиротъ
Отъ людскаго гнѣва,
Отъ кручинъ, заботъ,

И въ тоскѣ безмолвной,
Тяжкихъ думъ полна,
Стала предъ иконою
Съ трепетомъ она,

„Въ безпріютной долѣ
Щедро помощи;
Отъ порока въ горѣ
Мудро береги;

И, склонивъ колѣни,
Сдерживая духъ,
Въ грустномъ умиленіи
Повторяла въ слухъ:

„Награди ихъ силой,
Разумомъ-умомъ,
И за грѣхъ помилуй
На Судѣ святомъ!..

13 — Это стихотвореніе было напечатано въ первый разъ въ «Рус. Архивѣ» 1865 г., стр. 805—810. Приводимъ вариантъ его изъ Михайловскаго изданія (стр. 267—274):

День ясный тихо догораетъ;
Чистъ неба куполь голубой;
Весь западъ въ золотѣ сіяетъ

Надъ Іудейскою землею;
Спокойно высясь надъ полями.
Закатомъ солнца освѣщенъ,
Стоитъ высокій Елеонъ
Съ благоуханными садами
И, полный блеска, передъ нимъ,
Народа шумомъ оживленный,
Лежитъ святой Ерусалимъ,
Стѣною твердой окруженный
Вдали Геваль и Гаразимъ ¹⁾,
Къ востоку воды Іордана
Съ роскошной зеленью долинъ
Рисуются въ волнахъ тумана,
И моря Мертваго краса
Сквозь сонъ глядитъ на небеса ²⁾.
А тамъ, на западѣ, далеко,
Лазурныхъ Средиземныхъ волнъ
Разливъ могучій огражденъ
Песчанымъ берегомъ широко... ³⁾
Темнѣть... всюду тишина...
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила,—
И ярко полная луна
Садъ Геосиманскій озарила.
Въ травѣ, подъ вѣтвями оливъ,
Сыны Божественнаго Слова,
Ерусалима шумъ забывъ,
Спятъ три Апостола Христовы.
Ихъ сонъ спокоенъ и глубокъ;
Но тяжело спалъ мѣръ суровый:
Вѣковъ наслѣдственный порокъ
Его замкнулъ въ свои оковы,
Проклятье праотцевъ на немъ
Пятномъ безславія лежало
И, съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
Его, какъ язва, поражало...
Но часъ свободы наступалъ—
И, чуждый общему позору,
Посланникъ Бога, въ эту пору,

¹⁾ Геваль (нынѣ Емадель-динъ) и Гаразимъ (нынѣ Шехъ-Гаденъ) близъ Сихема въ колѣнѣ Ефремовомъ на сѣверъ отъ Іерусалима, въ 52 вер. Шесть колѣнъ Израилевыхъ на первой произносили проклятія, а другіе шесть на второй—благословенія, заповѣданныя Моисеемъ. *Свящ.-церк. Географія Я. П. П. изд. 2 е 1848.*

²⁾ Вода Мертваго моря свѣтла и прозрачна, но чрезвычайно горька, какъ въ нашихъ солончакахъ. Самая большая длина его простирается на 91 версту, ширина 25. *Тамъ-же.*

³⁾ Средиземное море находится въ разстояніи 50 верстъ отъ Іерусалима. *Тамъ-же.*

Судьбу всемірную рѣшалъ.
За слово истины высокой
Голгоѣскій крестъ предвидѣлъ Онъ,
И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко:
„Ты знаешь, Отче, скорбь Мою
И видишь, какъ Твой сынъ страдаетъ,—
О, поддержи Меня, молю,
Моя душа изнемогаетъ!
День казни близокъ: онъ придетъ —
На жертву отданный народу,
Твой Сынъ безропотно умретъ,
Умереть за общую свободу... *)
Проклятыя черни пораженъ,
Измученный и обнаженный,
Передъ толпой поникнетъ Онъ
Своей главой окровавленной.
И тѣ, которымъ со креста,
Пошлетъ Онъ даръ благословенья,
Съ улыбкой гордаго презрѣнья
Поднимутъ руку на Христа...
О, да минуетъ чаша эта,
Мой Отче, Сына Твоего!
Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
За искупленіе его!
Но не Моя да будетъ воля,
Да будетъ такъ, какъ хочешь Ты!
Тобой назначенная доля
Есть дѣло вѣчной правоты
И если Твоему народу
Позоръ Мой благо принесетъ,
Пускай за общую свободу
Сынъ человѣческій умретъ!“
Молитву кончивъ, скорби полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „встаньте, часъ пришелъ!
Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушеніе вамъ не впасть,
Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
И съ вѣрой встрѣтите напасть“.
Сказалъ,—и тихо удалился
Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И, той же скорбью возмущенъ,
На землю палъ Онъ и молился:

*) Посл. св. Апост. Павла къ Римл., гл. VIII, ст. 21. Его-же къ Галат.
гл. V, ст. 1 и 13.

„Ты, Отче, въ міръ Меня послалъ,
Но Сына міръ Твой не пріемлетъ:
Ему любовь Я завѣщалъ,—
Мои́мъ глаголамъ онъ не внимлетъ;
Я былъ врачомъ его больныхъ,
Я за враговъ моихъ молился,—
И надо Мною Ерусалимъ
Какъ надъ обманщикомъ глумился!
Народу миръ Я завѣщалъ,—
Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ,
Я въ міръ мертвыхъ воскрешалъ,—
И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!..
О, если можно, отъ Меня
Да мимо идетъ чаша эта!
Ты Богъ любви, начало Свѣта,
И все возможно для Тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтобъ землю съ небомъ примирить,—
Твой вѣчный судъ благословляя,
На крестъ готовъ Я восходить!“
И взоръ въ тоску невыразимой
Съ небесъ на землю Онъ низвелъ
И снова, скорбію томимый,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ.
Но ихъ смежившіяся очи
Невольный сонъ отягощаль;
Великой тайны этой ночи
Ихъ бѣдный умъ не постигалъ.
И сталъ Онъ молча, полный муки,
Чело высокое склонилъ
И на груди святыхъ руки
Въ изнеможеніи сложилъ.
Что думалъ Онъ въ минуты эти,
Какъ человѣкъ и Божій Сынъ,
Подъявшій грѣхъ тысящелѣтій,—
То зналъ Отецъ Его одинъ.
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
Въ Его груди была тогда
И люди вѣрно бъ не поняли,
Весь грѣшный міръ нашъ не постигъ
Тѣхъ слезъ, которыя сіяли
Въ очахъ Спасителя въ тотъ мигъ.
И вотъ опять Онъ удалился
Подъ сѣнь смоковницъ и оливъ
И, тамъ колѣно преклонивъ,
Опять Онъ плакалъ и молился:

„О, Боже мой! Мнѣ тяжело!
Мой умъ колеблется, темнѣетъ;
Все человѣческое зло
На Мнѣ единомъ тяготѣетъ.
Позоръ людской, — позоръ вѣковъ, —
Все на Себя Я принимаю.
Но самъ подъ тяжестью оковъ,
Какъ человѣкъ, изнемогаю...
О, не оставь Меня въ борьбѣ
Съ Моею плотію земною, —
И все угодное Тебѣ
Тогда да будетъ надо Мною.
Молюсь, да снидетъ на Меня
Святая сила подкрѣпленья,
Да совершу съ любовью Я
Великій подвигъ примиренья!“
И руки къ небу Онъ подъялъ,
И весь въ молитву превратился;
Огонь лице Его сжигалъ,
Кротовый потъ по Немъ струился.

И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
Лучами свѣта окруженный,
Явился въ садъ уединенный
Глашатай Божіихъ чудесъ *).
Былъ чудень взоръ его прекрасный
И безмятежно и свѣтло
Одушевленное чело,
И ликъ сіялъ, какъ полдень ясный;
И близъ Спасителя Онъ сталъ
И рѣчью свыше вдохновенной
Освободителя вселенной
На славный подвигъ укрѣплялъ;
И самъ, подобный легкой тѣни,
Но полный благодатныхъ силъ,
Свои воздушныя колѣни
Съ молитвой пламенной склонялъ.

Вокругъ молчало все глубоко;
Была на небѣ тишина, —
Лишь въ царствѣ мрака одиноко
Страдалъ безплодно сатана.
Онъ зналъ, что въ мірѣ колебался
Его владычества кумиръ,
И что безславно падшій міръ

*) Лук., гл. XXII, ст. 43.

Къ свободѣ новой приближался.
Винникъ зла, онъ понималъ,
Кто былъ Мессія воплощенный *),
О чемъ Отца Онъ умолялъ,
И, страшной мукой подавленный,
Духъ гордый молча изнывалъ,
Безсильной злобой сокрушенный...

Спокойно въ выси голубой
Свѣтилъ блистали мириады,
И полонъ сладостной прохлады
Былъ чистый воздухъ. Надъ землей,
Поднявшись тихо, небожитель
Летѣлъ къ надзвѣзднымъ высотамъ, —
Межъ тѣмъ всемірный Искупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ.
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ Онъ истинно великъ
Какимъ огнемъ одушевленъ
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ радостно свѣтила ночи
Съ высотъ глядѣли на Него!

Ученики, какъ прежде, спали,
И вновь Спаситель имъ сказалъ:
„Вставайте, близокъ день печали
И часъ предательства насталъ...“
И звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Геосиманскій пробудилъ,
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лицо Іуды освѣтилъ.

14 — Первоначальный набросокъ этого стихотворенія, приведенный въ Михайловскомъ изданіи (см. Т. I, стр. 531—533), былъ слѣдующій:

Широко лежатъ	Надъ селомъ плыветъ
Поля бѣлыя;	Бѣлымъ лебедемъ.
Высоко горятъ	
Звѣзды яркія;	Со смолой обозъ,
	Съ горы на гору,
Мѣсяцъ въ дальній путь,	Не спѣша, къ селу
Вслѣдъ за тучами,	Подвигается.

*) Матѣ. гл. VIII, ст. 29; Марк. V, 7; Лук. VI, 34.

Воскресное чтеніе 1840 г. № 45 „Искушеніе Іисуса Христа отъ діавола“.

Рѣзко снѣгъ скрипитъ
Подъ полозьями,
На уздахъ звенять
Кольца мѣдныя.

Идутъ лошади
Съ ноги на ногу;
Мужички крехтятъ,
Пожимаются.

Отъ мороза ихъ
Брови, бороды
Поросли густымъ,
Бѣлымъ инеемъ.

Вотъ въ село они
Дружно вѣхали,
Подошли къ двору
Постоялому.

И на встрѣчу къ нимъ
Дворникъ ласковый
Подошелъ и снялъ
Шапку старую.

Поклонился всѣмъ,
Поздоровался;
Сталъ ихъ звать къ себѣ,
Приговаривать:

„Что на дворъ что-ль вамъ?
Просимъ милости:
У меня овесъ —
То же золото:

Я не то, что вонъ
Сосѣдъ-выжига,—
Люди добрые
Со мной знаютъся,

Я вѣдь, самъ въ извозъ,
Братцы, хаживалъ,
Нужды, голода,
Много видывалъ,

Угощу, небось,
По-пріятельски,

Провожу съ двора
Хлѣбомъ, солию,

Поѣзжайте-ка,
Просимъ милости;
У меня изба
Баня банею“.

Мужики его
Словъ послушались,—
На широкій дворъ
Къ нему вѣхали;

Отпрягли коней
Подъ сараями,
Въ хрептуги овса
Понасыпали.

Со двора пошли
Въ избу теплую,
Образамъ святымъ
Помолились,

Распоясались,
Шубы скинули,
На палатахъ ихъ
Поразвѣшали.

Водой чистою
Руки вымыли
И за длинный столъ
Посажались.

Подала имъ хлѣбъ
Жена дворника,
Въ мискѣ крашеной
Щи поставила.

Мужички ѣдятъ,
Согрѣваются,
Сами рѣчь ведутъ
О Саратовѣ.

Прислонясь къ стѣнѣ,
Подлѣ притолки,
Ихъ разскажъ, сквозь сонъ,
Дворникъ слушаетъ.

Про себя-жъ одинъ,
Молча, думаетъ:
Вишь, сидятъ они,
Прохлаждаются.

А овса, такъ вотъ
Почти не брали;
Угощу-жъ я васъ
По-пріятельски!

15 — Въ изд. 1856 г. это стихотвореніе напечатано со многими вариантами (125—130 стр.); отмѣчаемъ главнѣйшіе: Послѣ 18-го стиха были помѣщены шесть слѣдующихъ:

Только видно его я ничѣмъ не залью,
Лишь одну свою жизнь скоротаю.
Ты не знаешь, небось, какъ я прежде живаль,
Все умѣя про нужду готовить,
Пока замужъ тебя, бѣлоручку, не взялъ,
Не посмѣвши отцу прекословить.

Стихи 29—33 соотвѣтствуютъ слѣдующимъ стихамъ изданія 1856 г.:

Самъ работаешь до ночи, устали нѣтъ.
Противъ вѣтру вся грудь на распашку,
Лишь коса зазвенить, какъ рука размахнетъ,
И отъ поту хотъ выжми рубашку.
Придетъ праздникъ,—одѣвшись, глядишь молодцомъ,
Сходишь въ церковь, помолишься Богу,
И идешь по селу, выются кудри кольцомъ,
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь,—знать, за грѣхъ меня Богъ наказалъ, —
Надо мною смѣяться всѣ стали..
И, вздохнувъ глубоко, онъ опять продолжалъ,
И глаза его вдругъ засверкали:
Одного я маленько вотъ въ толкѣ не возьму:

Между 56 и 57 стихами выкинуты слѣдующіе четыре стиха:

Аль досада беретъ, что сталь голъ, какъ соколъ,
Что ужъ нечѣмъ пришло охмѣляться?
Та бѣда — не бѣда, онъ другую нашель,
Захотѣлъ надъ женой издѣваться.

Послѣ 88 стиха выпущены четыре:

Да, вѣдь, я, братъ, видалъ и почище тебя
И умѣлъ въ ихъ бокахъ ломать кости;
Ты ступай, куда шель, вонъ дорога твоя,
А я знаю, къ кому иду въ гости.

Стихи 90—92:

Закричалъ Пантелей, размахнувшись, —
И онъ такъ хватилъ мѣтко сосѣда въ високъ,
Инда съ часъ тотъ лежалъ, растянувшись...

16 — Въ Толстовскомъ изданіи это стихотвореніе было напечатано (стр. 5—6) въ слѣдующей редакціи:

Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ:
Зимы-матушки кончился срокъ;
Съ юга гости летятъ караваномъ,
Настаетъ весны теплый денекъ.

Уберись, какъ невѣста, цвѣтами
И умой лицо первымъ дождемъ,
Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугомъ.

Посмотри: небеса надъ тобою
Развернулись шатромъ голубымъ,
Вьются бѣлыя тучки толпою,
Блещетъ солнце огнемъ золотымъ.

Вѣтерокъ тебя нѣжить, ласкаетъ
Вѣетъ юною жизнію день,
И отъ тучекъ слегка пробѣгаетъ
По груди твоей длинная тѣнь.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Гнѣзда дѣтямъ своимъ будутъ вить,
Съ утра до ночи пѣсни полюбятся,
Станутъ гости до осени жить

И растительной жизни избыткомъ,
Какъ младенца любимого мать,
Свѣжихъ соковъ здоровымъ напиткомъ
Ты начнешь траву щедро питать.

И трава на привольномъ просторѣ
Шелкъ зеленыхъ кудрей разовьетъ,
По зарямъ сквозь дремоту, что море,
Съ вѣтромъ шопотъ и шумъ заведетъ.

Косари, помолясь предъ иконою,
Изъ далекихъ придутъ хуторовъ,
Огласятъ тебя пѣснью знакомой
И намечутъ душистыхъ стоговъ.

И тогда отдыхай беззаботно,
Погружайся въ глубокій свой сонъ;
Про тебя сложу пѣснь я охотно
И отдамъ тебѣ низкій поклонъ.

17 —Первымъ десяти стихамъ соотвѣтствуютъ, по изданію 1856 года, слѣдующіе (стр. 149—150):

Буря утихла. Грядой облака потянулись къ востоку;
Грома глухіе раскаты вдали замирать начинаютъ;
Вотъ они смолкли, и огненный ликъ заходящаго солнца
Снова блеснулъ изъ-за тучи — и вмигъ загорѣлся весь западъ,
Нѣжнымъ румянцемъ покрылась опушка кудряваго лѣса,
Капли дождя засіяли на немъ будто чудные камни.
Слышу, о чемъ-то таинственно шепчется вѣтеръ съ листьями;
Рѣчи его непонятны для нашего грубаго слуха,
Но понимаютъ ихъ, вѣрно, листья, отвѣчая имъ дружно.
Около лѣса желтѣется ржи неоглядное море,
Искрами блещетъ небесная влага на иглахъ колосьевъ;
Жадно они напились ея послѣ долгой засухи;
Сладко дремать имъ теперь, наклонясь надъ сырою землею,
Воздухъ прохладный вдыхая, подъ кротко-сіяющимъ небомъ.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный,
Какъ ощутительно вѣетъ онъ новою силой и жизнью!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темносиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной:
Вѣрно, увялъ бы онъ, если бы на день продлилась засуха.
Что-же теперь? Окропленный дождемъ, оживленный прохладой,
Снова онъ весь развернуло и держится прямо на стеблѣ.

18 —Въ изданіи 1856 г. (стр. 153—162) это стихотвореніе напечатано съ значительными вариантами. Вотъ главнѣйшіе:
Стихотвореніе начинается слѣдующимъ куплетомъ:

Скоро будетъ полночь...
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ,

Строфы 3, 5 и 6 читаются такъ:

Въ старомъ зипунишкѣ,	И, лаская сына,
Прислонясь къ стѣнѣ,	Кротко говорить:
Дремлетъ подлѣ печки	
Мальчикъ на скамьѣ.	„Ты-бы легъ, касатикъ,
	Вѣдь, ужъ ночь давно;
Съ дремлющимъ малюткой	На-ка вотъ шубенку,
Рядомъ мать сидитъ	Вишь, какъ холодно“.

Строфы 7—11 представляютъ слѣдующую редакцію:

— „А зачѣмъ-же, мама,	И вечеръ все прятла
Ты сама сидишь,	И теперь не спишь?“

„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

„Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

„Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.

„Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?

15-й строфѣ Кокоревского изданія соотвѣтствуютъ слѣдующіе 8-мъ стиховъ:

„Полно плакать, мама!“—
Грустно сынъ сказалъ
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,

И къ щекъ родимой
Онъ прильнулъ щекой
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

19-я строфа читается такъ:

И дитя забылось...
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Строфы 22 и 23-я также измѣнены:

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:
„Тошно сиротою
Мнѣ тебя кидаты!“

26-й строфѣ соотвѣтствуютъ слѣдующіе 8-мъ стиховъ:

„И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то какъ стануть
Въ полѣ работать, —

„Хоть жара, хоть вѣтеръ —
Все равно для нихъ:
Отъ того и замужъ
Скоро взяли ихъ.

Послѣ 27-й строфы выпущены слѣдующіе 12 стиховъ:

„Все ты шить умѣешь
И въ избѣ прибрать,
Ребятишекъ братьевъ
Любишь обмывать.

Да въ быту крестьянскомъ,
Знаешь ты сама,

Сила то дороже
Разума-ума“...

Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ,
Какъ его покойный
Тестъ любилъ, старикъ.

Строфамъ 28 и 29 соотвѣтствуютъ, по изданію 1856 г., слѣдующіе четыре стиха:

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
„Ахъ, отецы!“ проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.

Строфа 32-я читается такъ:

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ,

36—38 строфы напечатаны въ изд. 1856 г. слѣдующимъ образомъ:

„На дворѣ съ нимъ выѣстъ Мнѣ пришлось стоять, И меня лошадокъ Упросилъ онъ взять“.	Выслушавъ сосѣда Первыя слова. Опустивъ ручки, Сынъ ея стоялъ Блѣдный, и всѣмъ тѣломъ Въ ужасѣ дрожалъ.
Горько зарыдала Бѣдная вдова,	

Строфа 42-я читается такъ:

„Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди, возьми ихъ;
Мнѣ домой пора“...

19 — Вотъ какъ было напечатано это стихотвореніе въ первомъ изданіи, 1856 г., сочиненій Никитина:

Ударъ за ударомъ, Полуночный громъ... То вспыхнетъ пожаромъ Все небо кругомъ,	Горитъ одиноко Въ избушкѣ ночникъ; На лавкѣ широкой Кудесникъ старикъ,
Освѣтитъ картину Села надъ рѣкой, И лѣса вершину, И берегъ крутой;	Съ сѣдой борою, Съ угрюмымъ лицомъ, Надъ чашей съ водою Сидитъ за столомъ.
То снова все темно... Лишь вѣтеръ шумитъ, Да ливень холодный Въ оконцо стучитъ.	На лбу бороздами Морщины лежатъ, Глаза подъ бровями, Какъ угли, горятъ.

У притолки парень
Въ халатъ стоитъ:
Онъ, бѣдный, печаленъ
И въ землю глядитъ;

Лицо не красиво,
На видъ простоватъ,
Но сложенъ на-диво
Отъ плечъ и до пятъ.

„Ну слушай: готово!
Хоть трудъ мой великъ,—
Промолвить сурово
Кудесникъ-старикъ:

„Я слѣлаю дѣло:
Красотка твоя
И душу и тѣло
Отдасть за тебя!“

И тихо онъ началъ
Шептать наговоръ:
„На моръ на Окіанъ
„Бѣлый камень Алатырь:
„На немъ баня огнемъ пышетъ
„Съ раскаленной доской.

Трицать три тоски оттуда
мчатся: на югъ,
и перепутья,
съверъ и востокъ.

Съ вы, тоски, къ дѣ-
вицѣ

въ разумъ, въ сердце, въ очи,
въ ликъ,

„Всѣ ж илы, кости и суставы,
„Въ тѣло бѣлое и кровь!
„Что въ о немъ она крушилась,
„Тоска совала день и ночь,
„Что въ для ней онъ былъ утѣхой,
„Милъ въ солнышка и сна,
„Светъ та бѣлаго дороже,
„Лучше матери, отца!
„Будетъ въ слово мое крѣпко,
„И не снимется тоска
„Тѣмъ, кто въ моръ выпьетъ

воду,
„Траву выщиплетъ въ поляхъ!“

„Иди! до свиданія!
И помни мой трудъ:
Мои заклинанья
Не даромъ пойдутъ“.

— „Спасибо, кормилецъ!
За все заплачу;
Поможешь.—гостинецъ
Съ поклономъ вручу.

„Крупы, коли скажешь,—
Мѣшокъ ни-почемъ,
А денегъ прикажешь—
И деньги найдемъ“.

И съ радости дома
Такъ парень мой спалъ,
Что бури и грома
Всю ночь не слышалъ.

Во снѣ ему снилось,
Что онъ ужъ женатъ,
Что, Богъ далъ, родилось
Ужъ двое ребятъ.

Пять дней пролетѣло...
Вотъ разъ, вечеркомъ,
На лавкѣ, безъ дѣла,
Лежитъ онъ ничкомъ.

На крѣпкія руки
Припавъ головой,
Колотить отъ скуки
Объ лавку ногой.

Лучина горѣла
Въ свѣтцѣ на полу,
Старушка сидѣла
За пряткой въ углу,—

И вдругъ повернулся,
Плечо почесалъ,
Зѣвнулъ, потянулся
И громко сказалъ:

„Слышь, матушка! ба-
ють,
У насъ въ деревняхъ,

Вишь, доки бываютъ,—
И вѣрить-то страхъ!

„Кого, вишь, присушатъ,
Не миль станеть свѣтъ:
Тоска такъ и душитъ!...
Что правда, аль нѣтъ?“

— „Охота, родимый,
Про дрянъ вспоминать!
Бываютъ, вѣстимо...“
Отвѣтила мать.

„Ну, правда, такъ лад-
но!“
Сынъ думалъ „дождусь!...
Эхъ, жить буду славно,
Коли я женюсь!...“

Но, видно, напрасно
Кудесникъ шепталъ
И дѣвицъ красной
Тоской угрожалъ,—

Тоска не являлась...
А жаль: вѣдь, плуту
Навѣрно бѣ досталось
Взять съ парня крупу.

Другаго красотка
Любила тайкомъ
За пѣсни, походку
И кудри кольцомъ.

А парень гуляетъ:
Какъ праздникъ придетъ,
Лицо умываетъ
И гребень беретъ,

И кудри направо,
Налѣво завьетъ,
Подумаетъ: „браво!“
И пальцемъ щелкнетъ.

Какъ снѣгъ въ чистомъ полѣ,
Рубашка на немъ,
Кумачъ на подолѣ
Сверкаетъ огнемъ.

На шляпѣ высокой
Межъ черныхъ двухъ лентъ,
Блестить одиноко
Витой позументъ.

Онучи обвиты
Кругомъ бичевой,
И лапти обшиты
Суровой пенькой.

Тряхнеть волосами,
Идетъ въ хороводъ.
„Ну, вотъ, дескать, нами
Любуясь народъ!“

И свиснетъ, и станеть
Плясать молодцомъ,
Отъ ногъ инда встанеть
Пыль темнымъ столбомъ.

Но какъ-то, случайно,
Узналъ наконецъ
Про дѣвчину тайну,
На грѣхъ, молодець.

Вся кровь закипѣла
Въ бѣднягѣ... „Такъ вотъ!
Онъ думалъ: въ чемъ дѣло,
Кудесникъ-то вретъ.“

„Дождется-жъ онъ пла-
ты!
Ну, я съ нимъ того...
Обманщикъ проклятый,
Я вспомню его!“

И два дни угрюмый,
Убитый тоской,
Все думалъ онъ думу
Въ избушкѣ своей.

На третій—лишь только
Отправилась мать
На рѣчку въ ведерко
Волицы набрать,

И день загорѣлся,—
Съ постели онъ всталъ,

Обулся, одѣлся,
Котомку съискалъ,

Въ тряпицѣ рубашку
Въ нее положилъ,
И съ ложкою чашку
Туда-жъ опустилъ,

Халать для дороги
Про непогодъ взялъ...
Мать входитъ; онъ въ ноги
Ей палъ и сказалъ:

„Ну, матушка! горько,
Признаться, идти
Съ родимой сторонки..
А, видно, прости!“

Мать такъ и завывала:
— „Касатикъ ты мой!
Ахъ, крестная сила!
Что-жъ это съ тобой?“—

„Эхъ, тошно, родная!
И днемъ, и во снѣ
Сторонка чужая
Все грезится мнѣ.

„Нуждѣ не учиться,
Косить не боюсь,
Пойду потрудиться:
Съ казной ворочусь“.

Какъ мѣлъ, поблѣднѣла
Отъ словъ его мать;
На лавку присѣла
И что-то сказать

Хотѣла, какъ видно,
Раскрыла ужъ ротъ,—
Но очи недвижно
Смотрѣли впередъ

Безъ мысли, безъ цѣли,
И, словно свинецъ,
Уста посинѣли...
Ну, словно мертвецъ!

„Эхъ-ма! я старуху
Никакъ испугалъ!
Не слышно и духу...“
Сыночекъ рассуждалъ

„Вотъ горе, ей-Богу!
Жаль поль-то мочить:
Водой бы немного
Ее окатить“.

Межъ-тѣмъ встрепену-
лась
Старушка, отъ сна
Какъ будто проснулась
Въ тревогѣ она;

Вздохнула, привстала,
Припомнила все,
И вдругъ зарыдала:
— „Дитя ты мое!

„Да какъ же подь ста-
рость,
Мнѣ жить-то одной?
Вѣдь, ты моя радость,—
Кормилецъ родной!“

И къ сыну припала
На грудь головой
И все повторяла:
— „Кормилецъ родной!“

Сынъ крѣпко рукою
Хватилъ себя въ лобъ,
И думалъ съ собою:
„Прямой остолопъ!

„Ну, вотъ тебѣ — здрав-
ствуй!..
Наладилось мнѣ:
Или, малый! царствуй
Въ чужой сторонѣ!

„А, стало, старушкѣ
Одной пропадать!
Казны-то полушки,
Вѣдь, негдѣ ей взять“.

И парень укралкой
Лицо отвернулъ,
Заплакалъ, и шапку
На лавку швырнулъ.

„Ну, полно родная!
Я такъ... пошутить...
Эхъ, доля худая!
Живи, знать, какъ жилъ!“

Черезъ часъ взялъ онъ хлѣба
Ломоть, закусилъ.
И такъ до обѣда
Овесъ молотилъ,

Что парень сосѣдскій
Взглянулъ и сказалъ:
— „Охъ, взмахъ молодецкій!
Вотъ силу Богъ далъ!“

Старушкѣ, ужъ долго
Спусти сынъ сказалъ,
Зачѣмъ въ путь-дорогу
Онъ вдругъ загадалъ.

Но самъ посчитался
Съ плутомъ старикомъ:
Морочить заклался
Старикъ колдовствомъ.

20—Это стихотвореніе въ первый разъ было напечатано въ Михайловскомъ изданіи (см. т. I, стр. 347—349). Оставивъ его въ рукописи, Никитинъ потомъ совершенно передѣлалъ его для Кокоревскаго изданія, гдѣ оно и напечатано подъ названіемъ «Пѣсни Бобыля» (см. стр. 123, и тоже въ нашемъ изданіи, т. II, стр. 33—34).

21—Это стихотвореніе, одно изъ любимыхъ поэтомъ имѣетъ три редакціи. Печатаемая въ текстѣ по Кокоревскому изданію, 3-му (стр. 13—14), приводимъ и двѣ первыя, такъ какъ онѣ, кромѣ интересныхъ варіантовъ, имѣютъ свои достоинства.

УТРО (1-я редакція).

Пышетъ въ небѣ заря, словно села горятъ.
Спятъ поля и луга подъ туманами.
Какъ толпа силачей, сосны въ думѣ стоятъ
На крутомъ берегу великанами.
Что дитя въ пеленахъ, чутко дремлетъ рѣка,
Лишь камышъ шелеститъ и колышется,
Пробѣжитъ по водѣ полоса вѣтерка,
Или крикъ пѣтуховъ въ селахъ слышится.
Отдохнулъ Божій міръ, осыѣжилась земля
И росой небесной умылась;
Сквозь дремотную лѣнь ждуть луга и поля,
Чтобы солнышко вновь появилось.
Вѣетъ влажной прохладой въ лицо вѣтерокъ,
И туманъ въ облака собирается,
Засинѣлася даль, загорѣлся востокъ,
И все выше огонь подымается.

Вотъ кричить коростель, тамъ-и-сямъ поднялись
Чибиса надъ болотами топкими,
И проснувшихся птицъ въ одну пѣсню слились
Голоса переливами звонкими.
Вотъ и солнце взошло. Пробудилась земля.
Деревя и кусты тѣнь откинули,
И, какъ волны, потоки лучей на поля,
На луга и лѣса разомъ хлынули.
Засіяла рѣка, заблестѣла роса.
Смотрить весело травка душистая,
Разноцвѣтнымъ огнемъ освѣтились лѣса,
Тонетъ въ золотѣ рожь колосистая.
Всюду радость и жизнь, всюду пѣсни звучать...
Тамъ дымокъ надъ селомъ подымается;
Тутъ шумятъ рыбаки, въ полѣ косы звенятъ,
Вотъ на тройкѣ ящикъ заливадается...
Только я какъ чужой среди бѣлаго дня,
И не въ радость мнѣ утро веселое:
Безъ разсвѣта лежитъ на душѣ у меня
Ночью темною горе тяжелое.

УТРО (2-я редакція).

Звѣзды гаснутъ. Поля и дороги молчатъ
Полоса ранней зорьки алѣется.
Надъ заливами ивы въ дремотѣ стоятъ;
За рѣкою лѣсъ темный чернѣется.
Что дитя въ пеленахъ, спитъ спокойно рѣка,
Лишь камышъ шелеститъ и колышется,
Иль порою зашепчутъ листья лозняка,
Или крикъ дикой цапли послышится.
Воздухъ влаженъ; отъ сочныхъ, зеленыхъ луговъ.
Окропленныхъ росой серебристою
И задернутыхъ бѣлою тканью паровъ,
Тихо вѣетъ прохладой душистою.
Тронешь вѣтки куста, — словно крупный жемчугъ,
Капли съ сонныхъ листовъ осыпаются...
И, куда ни посмотришь, — безлюдье вокругъ,
Но луга и поля просыпаются.
Гдѣ-то свистнулъ куликъ, пронеслись надъ рѣкой
Утки съ шумомъ и Богъ-вѣсть гдѣ сокрылись..
Въ полѣ перепелъ крикнулъ, за нимъ и другой...
Вотъ стада чибисовъ закружились...
Ужъ заря поблѣднѣла. Окрѣпъ вѣтерокъ,
И, рѣдѣя, туманъ подымается.
Показалась даль; загорѣлся востокъ,
Яркимъ пурпуромъ лѣсъ покрывается...
Дождалася румянаго утра земля,

Птицы теплая гнѣзда покинули
И запѣли; и солнца лучи на поля
Золотыми потоками хлынули.
Вонь вдали тамъ, какъ стекла, озера блестятъ,
Весь, какъ шелковый, лугъ зеленѣется;
И привѣтливо какъ-то деревья глядятъ,
И, что холстъ, въ полѣ греча бѣлѣется;
Чуть примѣтно волнуется желтый ячмень,
Рожь высокая медленно движется.
Всюду свѣтъ... Лишь отъ тучекъ подвижная тѣнь
Тамъ-и-сямъ полосами раскинется.
Пѣсня птицъ все звучить... вонь мелькаетъ челнокъ.
И рыбаки ловить рыбу собираются;
Тамъ надъ дальнимъ селомъ за клубился дымокъ,
Тутъ на тройкѣ ящикъ заливается;
Подъ дугой колокольчикъ звенить и гудить...
Прочь заботы и горе тяжелое!
Въ этотъ мигъ и во мнѣ сила жизни кипитъ. —
Здравствуй, солнце и утро веселое!

22—Это стихотвореніе явилось въ первый разъ въ «Народномъ Читеніи» 1859 г., № 3, въ такомъ видѣ:

П И Л Ь.

Безъ умолку вѣтеръ
Поетъ и свиститъ,
Постылая гостя,
Пыль въ окна летитъ.

Садится на стѣны,
На платье и полъ,
Святыя иконы,
Постелю и столъ.

Все пачкаетъ сряду...
Совсѣмъ-бы бѣда,
Да благо есть тряпки
И въ чашкѣ вода.

Но ты, наше горе,
Ты, ѣдкая пыль,
Домашняя сплетня,
Невѣрная быль.

Съ тобой не покончишь
Горячей водой,
Ни чистою тряпкой,
Ни щеткой густой!

Ты стѣну проточишь,
Сквозь камень пройдешь,
Ты огненной искрой
На грудь упадешь;

Ты ядомъ весь воздухъ
Кругомъ напоишь,
Всю кровь перепортишь,
Всю жизнь отравишь;

Влетишь незамѣтно
Ты пылью сухой,
И жертву зарѣжешь
Тупою пилой.

23—Это стихотвореніе было напечатано въ первый разъ въ «Отечеств. Запискахъ» 1856 г., № 12, откуда перешло потомъ въ Кокоревское изданіе (стр. 58—59) съ такими измѣненіями:

1-й куплетъ въ «Отечеств. Запискахъ» читался такъ:

Ясный прудъ задремалъ. Садъ окутала тѣнь,
Въ снѣгъ небѣ заря догораетъ.
Не смолкалъ соловей въ темной чашѣ весь день
И теперь онъ поетъ — не смолкаетъ.

4-й 5-й куплеты Кокоревского изданія соответствуютъ тремъ слѣдующимъ:

Ужъ и такъ моя жизнь не весельемъ была...
Все я вынесъ! Я скрылъ свои муки..
Ты безъ умысла мнѣ сладкій ядъ поднесла —
Ты сковала мнѣ ноги и руки...

Воли нѣтъ у меня, помутился мой умъ,
Источилось по каплѣ здоровье,
Каково мнѣ легко отъ заботъ и отъ думъ,—
Знаетъ Богъ, да мое изголовье!

Нѣтъ, нейти намъ съ тобой по дорогѣ одной,
И не жить намъ подъ крышей одною...
Научи-же меня, какъ разстаться съ тобой, —
На вѣкъ тѣлу разстаться съ душою!...

24—Въ «Отечеств. Запискахъ» 1856 г., № 12, безъ измѣненія напечатаны только первые десять стиховъ, а далѣе стихотвореніе идетъ такъ:

Самъ мельникъ-то и сѣдъ, и крутъ,
Ворчитъ онъ сплошь на бѣдный людъ...

А ласточкѣ и нужды нѣтъ:
Пріютъ она нашла,
Свила гнѣздо подъ крышею
И дѣтокъ нажила.

Поди тамъ, вѣйся по свѣту,
Да мѣсто выбирай,
Съ привычкою и мельница
Покажется за рай...

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Н о в а я б о р ь б а.

пять призывъ къ войнѣ! Еще на Русь святую
 Двѣ тучи новыя грозу свою несутъ
 И снова нашу Русь на битву роковую,
 На битву страшную, помѣяться зовутъ!
 И не забыли мы своей недавней славы, —
 Еще не прожилъ силъ великій нашъ народъ,
 И такъ же грозный онъ, и такъ же величавый,
 Какъ буря зашумитъ и двинется впередъ.
 Впередъ за христіанъ, позорно умерщвленныхъ!
 Впередъ за нашу честь и за права отцовъ,
 За славу мѣсть, нечестьемъ оскорбленныхъ,
 За вѣру русскую, —наслѣдіе вѣковъ!
 Пришла теперь пора для нашего народа
 Рѣшить своимъ мечемъ современный вопросъ,
 Свята-ли христіанъ поруганныхъ свобода
 И крѣпокъ-ли досель нашъ сѣверный колоссъ?..
 Понятно Англіи кичливое волненье:
 Народный русскій духъ не много ей знакомъ;
 Она не видѣла Полтавскаго сраженья,
 И чужды ей нашъ снѣгъ и Бородинскій громъ.
 И, можетъ быть, она узнаетъ слишкомъ поздно
 Своей политики запятнанную честь,
 И начатой войны расчетъ неосторожный,
 И нашу правую воинственную месть.
 Но этотъ-ли Парижъ, ужъ дважды пощаженный
 Благословеннаго державною рукой,

Опять подьѣмлетъ мечъ безчестно обнаженный,
Заранѣ хвастаясь безславною борьбой!
Вы-ль это, жаркіе поклонники свободы,
Объ общемъ равенствѣ твердившіе всегда,
На брань позорную сзываете народы
И защищаете насилье безъ стыда!
Вы-ль, представители слѣпые просвѣщенья,
Сыны Британіи и Франціи сыны,
Забыли все свое народное значенье
И стали съ гордостью подъ знаменемъ Луны!...
Съ какимъ презрѣніемъ потомокъ оскорбленный,
Краснѣя, вашъ позоръ въ исторію внесетъ
И, гнѣвомъ праведнымъ невольно увлеченный,
Постыдный вашъ союзъ, быть можетъ, проклянетъ!
Но славу Сѣвера, наслѣдіе столѣтій,
Но честь своей страны Россія сохранить!
Возстанетъ старъ и младъ, и женщины, и дѣти,
И благородный гнѣвъ въ сердцахъ ихъ закипитъ!
И далеко нашъ кличъ призывный пронесется,
И пробудитъ онъ всѣхъ униженныхъ Славянъ,
И грозно племя ихъ въ одинъ народъ сольется
И страшною карой падетъ на Мусульманъ!
И вновь увидитъ міръ, какъ мы въ борьбѣ кровавой
Напомнимъ скопищамъ забывшихся враговъ
Свой богатырскій мечъ, запечатлѣнный славой,
И силу Русскую, и доблести отцовъ!

1854 года.

II.

Воздадимъ хвалу Русской землѣ.

(Сказаніе о Мамлаевомъ побойцѣ).

Ужъ какъ былъ молодецъ—
Илья Муромецъ,
Сидѣлъ сиднемъ Илья
Ровно тридцать лѣтъ,—

На тугой лукъ стрѣлы
Не накладываль,
Богатырской руки
Не показываль.

Какъ провѣдалъ онъ тутъ,
Долго сидючи,
О лихомъ Соловьѣ
О разбойникѣ,—

Снарядилъ въ путь коня:
Его первый скокъ—
Былъ пять верстъ, а другой —
Пропалъ изъ виду.

По коню былъ сѣдокъ,—
Къ князю въ Кіевъ-градъ
Онъ привезъ Соловья
Въ торокахъ живьемъ.

Вотъ таковъ-то народъ
Руси-Матушки!
Онъ, безъ нужды, не вдругъ
Съ мѣста тронется;

Не привыкъ богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удалствомъ,
Умомъ-разумомъ;

Ужъ зато кто на брань
Самъ напросится,
За живое его
Тронетъ не въ пору, —

Прочь раздумье и лѣнь!
Послѣ отдыха
Онъ, какъ буря, встаетъ
Противъ недруга!

И поднимается кличъ
Съ отголосками,
Словно громъ загремитъ
Съ перекатами.

И за тысячи верстъ
Людь откликнется,
И поидетъ по Руси
Гуль безъ умолку.

Тогда все трынъ-трава
Бойцу смѣлому:
На куски его рѣжь, —
Не поморщится.

Эхъ, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебѣ знать
Нѣги-роскоши!

Подъ грозой ты росла,
Да подъ вьюгами,
Буйный вѣтеръ тебя
Убаюкивалъ;

Умывалъ бѣлый снѣгъ
Лицо полное,
Холодъ щеки твои
Подрумянивалъ.

Много видѣла ты
Нужды смолоду,
Часто съ злыми людьми
На смерть билася.

То не служба была,
Только службишка;
Вотъ теперь сослужи
Службу крѣпкую.

Видишь: тучи несутъ
Громъ и молнію,
При моряхъ города
Загораются,

Всѣ друзья твои врозь
Поразсыпались,
Ты одна подъ грозой...
Стой, Русь-Матушка!

Не дадутъ тебѣ пастъ
Дѣти-соколы.
Встань, послушай ихъ кликъ,
Да порадуйся...

„Для тебя—все добро,
Платье цѣнное,
Нашихъ женъ кровь и жизнь,
Все для матери.“

Пронесетъ Богъ грозу,
Взглянетъ солнышко,
Шире прежняго, Русь,
Ты раздвинешься!

Будетъ имя твое
Людямъ памятно,
Пока міру стоять
Богомъ сужено.

И ужъ много могилъ
Нашихъ недруговъ
Поростетъ на Руси
Травой дикою!

1854 года

III.

Уличная встрѣча.

Словно безлюдный стоитъ весь городъ.
Чуть видно солнце сквозь сѣть облаковъ.
Пусто на улицѣ. Утренній холодъ
Вывелъ узоры на стеклахъ домовъ.
Крыши повсюду покрыты коврами
Мягкаго снѣга; изъ трубъ тамъ и сямъ
Дымъ поднимается кверху столбами,

Вьется, рѣдѣтъ, подобно клочкамъ
Тучекъ прозрачныхъ,—и вдаль улетаетъ...
Скучная улица! Вѣрно, народъ
Здѣсь не охотно дворы покидаетъ...
Вотъ только баба, согнувшись, несетъ
Гробикъ подъ мышкою... вотъ и другая
Встрѣтилась съ нею, поклонъ отдала,
Кланаясь, молвила: „здравствуй, родная!“
Остановилась и рѣчь повела:

„Кому-же этотъ гробикъ-то
Ты, мать моя, взяла,
Сыночекъ что ли, кончился,
Иль дочка умерла?“

— „Сынка, моя голубушка,
Сбираюсь хоронить:
Да вотъ насилу сбилася
И гробикъ-то купить.

А ужъ свѣчей и ладону
Не знаю, гдѣ и взять...
Есть старый самоваришка,
Хочу въ закладъ отдать.

Мужъ боленъ. Вотъ три мѣсяца
Лежить все на печи,
Просить на бѣдность—совѣстно,
Хоть голосомъ кричи“.—

„И, мать! и я стыдилася
Просить въ твои года;
Глупа была, ужъ что таить,
Глупа да и горда.

Теперь привыкла, горя нѣтъ:
Придешь въ знакомый домъ,
Поплачешь, да поклонись,
Разскажешь обо всемъ.

Вдова, молъ, я несчастная...
Глядишь,—присѣсть велятъ,
Дадутъ какое платишко
И къ чаю пригласять.

Другое дѣло, мать моя,
Подъ окнами ходить,—
Вѣстимо, это совѣстно,
Ужъ надо нишей быть.

А примутъ тебя въ комнатѣ,—
Какой же тутъ порокъ?..
Ты, кажется, кручинишься,
Что померъ твой сынокъ?«

— „Охъ, я, вѣдь, съ нимъ заботушки
Не мало приняла!..
Кормить его, по немочи,
Я грудью не могла.

По утру жидкой кашицы
Вольешь ему въ рожокъ,
Сосетъ ее онъ, бѣдненькій,
Да тѣмъ и сытъ денекъ.

Тутъ, знаешь, у насъ горенка,
Зимой-то, что ледникъ,—
Чуть сонный онъ размечется,
Ну, и подыметъ крикъ...

И весь дрожить отъ холода...
Начнешь ему дышать
На красныя рученьки-то,
Ну, и заснетъ опять".—

„И плакать тебѣ нечего,
Что Богъ его прибралъ...
Онъ, мать моя, я думаю,
Не долго прохворалъ?"—

— „Съ недѣлю, другъ мой, маялся
И не бралъ въ ротъ рожка;
Бывало, только капельку
Проглотить молока.

Вчера, моя голубушка,
Ласкаю я его,
Глядь, — слезки навернулися
На глазахъ у него.

Какъ-будто жизнь безгрѣшную
Онъ кинуть не хотѣлъ...
А умеръ тихо, бѣдненькій,
Какъ свѣчка, догорѣлъ!"—

„О чемъ-же ты заплакала?
Тутъ воля не твоя.
И дѣти-то при бѣдности—
Желѣзы, мать моя!

Вотъ у меня Аринушка
И умница была,
По бархату, душа моя,
Шить золотомъ могла;

Бывало, за работою
До пѣтуховъ сидить;
А мнѣ съ поклономъ по людямъ
И выйти не велить:

„Сама ужъ, дескать, маменька,
Я пропитаю васъ“.
Работала, работала,—
Да и лишилась глазъ.

Связала мои рученьки:
Вѣдь, чахнетъ отъ тоски;
Слѣпа, а вяжетъ кое-какъ
Носчишки да чулки.

Чужаго калача не съѣсть;
А если и возьметъ
Кусокъ какой отъ голода,
Все сердце надорветъ:

И ѣсть, и плачетъ, глупая,
Журишь,—отвѣта нѣтъ...
Вотъ каково, при бѣдности,
Съ дѣтьми-то жить, мой свѣтъ!“

— „Охъ, горько, моя милая!
Ростеть дитя—печаль,
Умереть оно—своя, вѣдь, кровь,
Жаль, другъ мой, крѣпко жаль!“—

„Молися Богу, мать моя,—
Не надобно тужить.
Прости-же, я зайду къ тебѣ
Блиновъ-то закусить“.

Бабы разстались. На улицѣ снова
Пусто. Заборы и стѣны домовъ
Смотрятъ печально и какъ-то сурово.
Солнце за длинной грядой облаковъ
Спряталась. Небо такъ блѣдно, безцвѣтно,
Точно какъ мертвое... и облака
Такъ безотрадно глядятъ, безпривѣтно,
Что по-неволѣ находить тоска.

1855 года.

IV.

На взятіе Карса.

Во храмы, братья! на колѣни!
Возсталъ нашъ Богъ и грянулъ громъ!
На память позднихъ поколѣній
Судъ начать кровью и огнемъ...

Таковъ удѣлъ твой, Русь святая,—
Величье кровью покупать;
На грудяхъ пепла, выростая,
Не въ первый разъ тебѣ стоять.

Въ борьбѣ съ чужими племенами
Ты возмужала, развилась,
И надъ мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растутъ могилы...
Опять стоишь ты подъ грозой!
Но чую я, какъ крѣпнуть наши силы,
И вижу я, какъ дѣти рвутся въ бой...

За Русь! гремитъ народный голосъ.
За Русь! по ратямъ кликъ идетъ
И дыбомъ подымается мой волосъ,—
За Русь! душа и тѣло вопіетъ.

Все во гнѣвѣ проснулось и все закипѣло;
Великою мыслью все царство живетъ;
На страшныя битвы за правое дѣло
Народъ оскорбленный, какъ буря, идетъ.

Задвигались рати, какъ тучи съ громами,
Откликнулись степи, вздрогнули лѣса,
Мелькаютъ знамена съ святыми крестами,
И меркнутъ отъ пыли густой небеса.

За нашихъ героевъ отмщенье настало:
По сушѣ, по морю гуль битвы пошелъ,—
И знамя Ислама позорно упало,
Надъ Карсомъ поднялся двуглавый орелъ.

Да царствуетъ наша родная держава,
Сыновъ-испоиновъ безсмертная матъ!
Да будетъ тебѣ вѣковѣчная слава,
Облитая кровью могучая рать!

Пусть огнедышащихъ орудій
Намъ зѣвы мѣдныя грозятъ,—
Мы не закроемъ нашей груди
Гранитомъ стѣнъ и сталью латъ.

Любовь къ отчизнѣ закалила
Въ неравныхъ спорахъ нашъ народъ,—
Вотъ сверхъестественная сила
И чудотворный нашъ оплотъ!

Твердыня Руси — плоть живая,
Несокрушимая стѣна,
Надежда, слава вѣковая,
И честь, и гордость — все она!

За насъ Господы! Онъ Русью править;
Онъ Моисеевъ жезлъ пошлетъ,
Царь по волнамъ жезломъ ударить, —
И рати двинутся впередъ.

И грянуть новые удары...
И вамъ, защитникамъ Луны,
За грабежи и за пожары
Отплатятъ Сѣвера сыны.

1855 года.

